

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Север – Юг – Россия 2012

ЕЖЕГОДНИК

**Москва
ИМЭМО РАН
2013**

УДК 339
ББК 65.5
Се 28

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ.
Проект № 11-03-00193а «Взаимозависимый мир и модернизация России»**

Ответственные редакторы – д.и.н. В.Г. Хорос, д.полит.н. Д.Б. Малышева

Редакционная коллегия:
д.и.н. А.Г. Володин, д.полит.н. Д.Б. Малышева,
к.э.н. А.А. Рогожин, д.и.н. В.Г. Хорос

Се 28

Север – Юг – Россия 2012. Ежегодник / Отв. ред. В.Г. Хорос.,
Д.Б. Малышева – М.: ИМЭМО РАН, 2013, 213 с.
ISBN 978-5-9535-0366-2

В предлагаемом ежегоднике, как и прежде, представлены наиболее значимые события, процессы и тенденции во взаимоотношениях стран развитого Центра и развивающейся Периферии и Полупериферии с учетом позиций и интересов России в этом взаимодействии. Особое внимание уделено продолжающемуся долговому кризису в Европе, российско-американским отношениям, конфликту вокруг Сирии, экономическим и политическим сдвигам в Китае и др. Различные проблемы рассматриваются как в глобальном измерении, так и по отдельным регионам (Восточная и Юго-Восточная Азия, Африка, Латинская Америка, СНГ и т.д.). Как всегда, помещена информация о научной жизни и вышедших книгах по соответствующей тематике.

“North – South – Russia 2012 Yearbook”

As before, the latest issue of the “North – South – Russia” Yearbook covers major events and trends of 2012 related to interactions between the developed Center and developing countries of Periphery and Semi-Periphery. Russia’s interests and positions in this context is important theme. Special attention is given to continuing debt crisis in Europe, Russia-American relations, conflict around Syria, economic and political changes in China and so on. Different problems are examined both at global and regional levels (including East Asia, South-East Asia, Asia, Latin America, CIS etc.). As usual, there is some information on academic activities and recently published books.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0366-2

© ИМЭМО РАН, 2013
© В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

В.Г. Хорос ПРЕДИСЛОВИЕ	5
«В ГЛОБАЛЬНОМ ‘ТЕАТРЕ КАБУКИ’ РОЛИ БУДУТ МЕНЯТЬСЯ, АКТЕРЫ ТОЖЕ» Беседа с членом-корреспондентом РАН, директором Института востоковедения РАН В. В. Наумкиным	8
КРИЗИС	
Е.А. Брагина «Новая нормальность» – отражение мировой экономической неустойчивости?	15
А.В. Авилова «Перезагрузка» евро.	18
ЭКОНОМИКА	
А.А. Рогожин Тренды мировой энергетики.	27
А.В. Акимов Продовольственная ситуация в мире и в России.	30
А.И. Салицкий, В.В. Таций Стабилизация в Китае.	35
Н.П. Скороходова Россия в ВТО: перспективы и риски.	41
А.Б. Крылов Газопровод TANAP: три варианта реализации.	45
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
М.В. Братерский, Д.В. Суслов Российско-американские отношения в 2012 г.: нелогичный «мини-кризис».	49
Ю.И. Рубинский Новый политический цикл во Франции.	57
В.Ф. Урляпов США – Юго-Восточная Азия: перебалансировка вовлеченности. .	59
Е.А. Канаев Саммит АТЭС во Владивостоке.	63
А.А. Рогожин Арктическая дипломатия Запада и Востока.	66
РОССИЯ И МИР	
С.И. Лунев Политическая модернизация в Азии: опыт для России.	71
БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК	
Г.И. Мирский Национальная катастрофа в Сирии.	77
С.Ф. Филатов Внешние факторы сирийского конфликта.	83
И.Н. Куклина Сирийский кризис и ООН.	87
М.А. Володина «Братья-мусульмане» у власти в Египте.	92
Г.И. Мирский Палестинский тупик.	94
Д.Б. Малышева Несостоявшееся региональное лидерство Турции.	99
А.Ю. Умнов Иран в современной мировой политике.	103
ЮЖНАЯ АЗИЯ	
Е.А. Брагина 12-й пятилетний план Индии.	108
Д.Б. Абрамов, А.Г. Володин Новый президент Индии.	112
А.Г. Володин Перенесенный визит.	120
А.Г. Володин Феномен терроризма в Пакистане.	122
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	
А.С. Прозоровский Индонезия претендует на лидерство в исламском мире. ..	127
В.Ф. Урляпов Исламская оппозиция в Малайзии.	130

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

- А.В. Виноградов** 18-й съезд КПК – новые рубежи. 135
А.Н. Федоровский Вызов стабильности и развитию Северо-Восточной Азии. .. 138

АФРИКА

- Э. Е. Лебедева** Кризис в Мали. 141

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

- Л.Н. Симонова** Замедление роста. 147
Э.С. Дабагян Венесуэла: горький привкус победы. 152

СНГ

- Г.И. Чуфрин** Евразийская интеграция в глобальном контексте. 155
Э.А. Попов Выборы на Украине и проблемы российско-украинских отношений. 164
Д.Б. Малышева Центральная Азия боится от исламистской угрозы. 168
А.Б. Крылов Парламентские выборы в Грузии. 171
И.Н. Куклина Приднестровский конфликт и проблемы его «размораживания». . 175

ЭКОЛОГИЯ

- Н.Г. Рогожина** 2011 год – международный год лесов. 180
Е.И. Глушенкова Киотский процесс – начало нового этапа? 184

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А.Б. Крылов** Международная конференция в Армении. 188

НОВЫЕ КНИГИ

В.Г. Хорос

- А.В. Акимов, А.И. Яковлев.** Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М.: Издательство Московского университета, 2012, 248 с. 192

Д.Б. Малышева

- Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей/ Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Факультет мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с. 194

В.Г. Хорос

- John Rapley. Understanding Development. Theory and Practice in the Third World. Boulder (Col.) a. London: Lynne Rienner Publishers, 2007, 263 p. 196

Е.А. Брагина

- Sugata Marjit, Saibal Kar. The Outsiders. Economic Reform and Informal Labour in a Developing Economy. Oxford University Press. New Delhi, 2011. – 218 pp. 200

В.Г. Хорос

- Oswaldo de Rivero. The Myth of Development. Non-viable economies and the crisis of civilization. L. a. N.Y.: Zed books, 2010, 163 p. 203

Е.И. Глушенкова

- Экологические проблемы стран Азии и Африки. Под ред. Д. В. Стрельцова и Р. А. Алиева. М., Издательство МГИМО, 2012. 205

- БИБЛИОГРАФИЯ.** 207

- ХРОНОЛОГИЯ 2011. ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ГОДА.** 210

- НАШИ АВТОРЫ.** 213

ПРЕДИСЛОВИЕ

В.Г. Хорос

Аналитики – вот уже по крайней мере года два – продолжают спорить, закончился ли мировой кризис или продолжается, так сказать, в вялотекущем режиме и что нас может ожидать в ближайшем будущем. На помощь пришел термин «новая нормальность», возникший в академических кругах США. Термин, где-то успокаивающий: мол, рыночная экономика без кризисов не обходится, кризисы для нее – явление нормальное. А.В. Улюкаев, первый заместитель Центробанка РФ, расшифровал его как наблюдаемые сейчас нами последствия мирового кризиса – снижение темпов мирохозяйственного роста, высокая волатильность рынков и снижение возможностей государства влиять на ситуацию посредством фискальных или монетарных мер. «Новая нормальность», по мысли высокого экономического чиновника, означает, что глобальная экономика в результате серьезного всеобщего кризиса вошла в «принципиально иную фазу», и еще, возможно, лет десять будут продолжаться поиски выхода из кризиса¹. Об этом идет речь в нашем ежегоднике.

Есть прогнозы и более тревожные. Например, известный экономист Нуриэль Рубини, предсказывавший кризис 2008 г., в интервью агентству Блумберг, прогнозировал «шторм» для мировой экономики уже в 2013 г.² Как бы попытаюсь упредить это, с разных сторон высказываются предложения навести порядок в мировых финансах – сфере, которая во многом способствовала возникновению кризисной ситуации. Так, на годичной сессии МВФ – можно сказать, оплоте экономического неолиберализма – был провозглашен окончательный отказ от постулатов так называемого Вашингтонского консенсуса и высказано пожелание о необходимости регулирования финансового сектора со стороны государства, распределения доходов и благ по принципам социальной справедливости. Новый президент Франции Ф. Олланд потребовал ввести специальный налог на финансовые транзакции³.

Однако, пока принципиальных изменений в мировой «финансомике» не заметно. Если непосредственно перед кризисом объем деривативов пяти крупнейших банков США превышал объем других их (относительно реальных) активов в 33,6 раза, то к 2012 г., через несколько лет после кризиса – уже более чем в 50 раз⁴. Для тех же США все более набирающая обороты эмиссия доллара и дальнейшее накручивание государственного долга является пока по сути единственным способом поддержания на плаву национальной (а косвенно – и мировой) экономики.

Продолжается финансовый (долговой) кризис в Европе. Предпринятые меры (внешняя помощь проблемным странам с одновременным ужесточением кредитной и бюджетной политики, частичное списание долгов и пр.) дали определенные результаты. Но следствием стало обострение политической ситуации в ряде стран (в частности, в Греции и Италии), массовые акции социального протеста со стороны населения, пострадавшего от снижения уровня жизни. Теперь, как говорится в анализе нынешней евроситуации, помещенном в ежегоднике, задача заключается в нахождении разумного компромисса между целями финансовой стабилизации и обеспечения экономического роста. И эта задача пока далеко не решена.

¹ «Экономическая политика». М., 2012, №2, с. 27.

² «Новая газета», 26.11.2012.

³ «Мир и политика». М., февраль, 2012, №2 (65), с. 14.

⁴ «Россия в глобальной политике». М., 2012, №5, с. 109.

Проявления «финансономики» налицо и в России. Чистый отток капитала из РФ растет (в 2012 г., по некоторым оценкам, до 90 млрд. долларов), оседая в зарубежных банках и избегая инвестиций в национальное производство. А обратный приток денег из-за рубежа приходит в форме внешней задолженности – корпоративный внешний долг достиг 545 млрд. долларов плюс к государственному долгу, превышающему сегодня 50 млрд. долларов⁵.

В 2012 году Россия наконец-то вступила в ВТО. Этому шагу предшествовала длительная дискуссия среди отечественных экономистов и предпринимателей, которая продолжается и сегодня. Ряд мнений – как «за», так и «против» - нашли отражение на страницах ежегодника. Иногда опасения оказываются преувеличенными. Например, как отмечает В.Л. Иноземцев, по условиям вступления в ВТО объем дотаций сельскохозяйственным производителям на ближайшие пять лет не должен превышать 9,1 млрд. долларов, но на деле до сих пор эти дотации реально составляли вдвое меньшую сумму⁶.

Тем не менее потери, по-видимому, также могут быть значительными. Например, не исключено понижение стандартов здравоохранения, поскольку страны-члены – под угрозой применения санкций со стороны суда ВТО – обязаны покупать генетически модифицированные продукты⁷. Вероятен урон и для некоторых отраслей машиностроения, в связи с чем необходимо уже сейчас продумать меры по защите интересов отечественных производителей (как в свое время это делал Китай и некоторые другие страны, оговорив таким образом вступление в ВТО).

Большая подборка материалов в ежегоднике рассматривает неугасающие конфликты в регионе Ближнего Востока. Особое внимание уделено событиям в Сирии – эта небольшая страна переживает сейчас настоящую трагедию. Немалая роль в этой трагедии принадлежит внешним факторам – не только агрессивной экспансии со стороны арабских монархий (Саудовской Аравии и Катара), но и политике западных держав, прежде всего США, которые оказывают активную поддержку так называемым «повстанцам», среди которых задают тон исламисты и террористы (включая «Аль-Каиду»), а собственно сирийская оппозиция занимает второстепенное место. Похожий сценарий (только еще более жесткий со стороны западной коалиции) мы видели в Ливии. Стоит ли за этим какая-то новая стратегия США и их партнеров в арабском регионе? В статье С.В. Филатова, помещенной в ежегоднике, дается ссылка на некий план «переформатирования Ближнего Востока», о котором говорил бывший командующий войсками НАТО американский генерал Уэсли Кларк. Он даже называл порядок смены режимов в арабском мире: Ирак, Сирия, Ливан, Ливия, Сомали, Судан, Иран. Ну что же, три пункта этого плана (если он действительно существует) уже реализованы или реализуются...

Ясно пока, что политика западных держав объективно способствует хаотизации ближневосточного региона, и так взрывоопасного в силу собственных внутренних проблем. А хаотизация, попытки подыграть исламистам и международным террористам, которых выдают за «повстанцев», может вести только к негативным результатам, в том числе и для самих стран Запада. Достаточно указать на убийство американского посла в Ливии после свержения Каддафи и полный политический сумбур в этой стране, бывшей ранее относительно стабильной и предсказуемой.

Как и в прошлых выпусках, в предлагаемом ежегоднике предметом анализа является эволюция российско-американских отношений. Несмотря на переизбрание

⁵ Там же.

⁶ «МК», 27.11.2012, с. 3.

⁷ «ЛГ», 6-12 марта 2013 г., с. 3.

Б. Обама на второй президентский срок и некоторые намечавшиеся подвижки в американо-российском диалоге, в конце 2012 г. произошло ухудшение американо-российских отношений, которое российское руководство даже расценило как «миникризис» (принятие Конгрессом и затем подписание президентом США акта Магнитского, принятие в ответ Государственной Думой РФ так называемого «Закона Димы Яковлева», ужесточившаяся политическая риторика с обеих сторон). Рассматривая данный сюжет, М.В. Братерский и Д.В. Суслов расценивают такой поворот событий как «нелогичный», не имеющий серьезных объективных причин, и потому скорее всего временный. Ибо и Москва, и Вашингтон в принципе заинтересованы в сотрудничестве по ряду вопросов и общих интересов (в Афганистане, Центральной Азии, АТР и др.). Но в таком случае необходимо обновление совместной повестки дня, что, надо надеяться, и произойдет в ближайшем будущем.

Значительным событием года явился 18-й съезд Коммунистической партии Китая, который сформировал новое поколение руководителей во главе с Си Цзиньпином и Ли Кэцзяном. Поднебесная в очередной раз продемонстрировала регулярность смены руководящих кадров и вместе с тем преемственность однажды принятого курса реформ. Тем не менее новое руководство столкнулось с рядом проблем – как внешних, так и внутренних (последствия мирового кризиса, рост массовых социальных протестов в стране, ухудшение экологической ситуации). Новые китайские власти, надо отдать им должное, осознают эти проблемы, открыто говорят о них и намечают меры их решения или смягчения. От того, насколько эти меры окажутся действенными, зависит будущее китайского «экономического суда».

Постоянным в ежегоднике стал раздел по странам СНГ. Мы продолжаем следить за процессами евразийской интеграции, начавшейся еще два года назад с создания Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана и принятого совместного решения о формировании Единого экономического пространства. Автор материала на эту тему член-корр. РАН Г.И. Чуфрин отмечает важную подвижку интеграционных процессов – переговоры стран-членов Таможенного союза с Европейской ассоциацией свободной торговли, Евросоюзом, Вьетнамом и другими субъектами мировой экономики, что означает признание состоятельности Таможенного союза на международной арене и создает предпосылки для его полноценного включения в мировую торгово-экономическую среду. Таким образом, евразийская интеграция приобретает не только региональный, но и глобальный характер.

Читатель найдет в очередном выпуске ежегодника и другие интересные материалы – о соперничестве стран Запада и Востока в Арктике, о саммите АТЭС во Владивостоке под председательством России, о новом пятилетнем плане в Индии и выборах там президента, об активности ислама в Юго-Восточной Азии, о новых тенденциях в экономике Латинской Америки и пр. Как всегда, в специальном разделе представлена экологическая проблематика. Наконец, есть сообщения о событиях в международной научной жизни, а также рецензии на новые книги и библиография новых книг по проблематике, отражаемой ежегодником «Север – Юг – Россия».

«В ГЛОБАЛЬНОМ ‘ТЕАТРЕ КАБУКИ’ РОЛИ БУДУТ МЕНЯТЬСЯ, АКТЕРЫ ТОЖЕ»

Беседа с членом-корреспондентом РАН, директором Института
востоковедения РАН В.В. Наумкиным

Д.Б. Малышева: Виталий Вячеславович, многие эксперты, как у нас, так и на Западе, предрекают перемещение в ближайшее десятилетие центров глобальной динамики из Европы и Атлантического региона в страны Азии и Тихоокеанского бассейна, где Китай и Индия продолжат свое успешное развитие, при том что Соединенные Штаты сохраняют свою роль мировой державы, способной вмешиваться в события в любой точке мира. Какое место в таком геополитическом раскладе займет Россия и каковы будут ее перспективы в быстро меняющемся мире?

В.В. Наумкин: Трудно не согласиться с этими прогнозами, принимая во внимание ту динамику, которую мы сегодня уже наблюдаем, и те оценки, которые даются экспертами. Однако кризисные явления в финансово-экономическом развитии Запада, как Евросоюза, так и США, как я думаю, хотя и не являюсь экономистом, имеют глобальный характер. Одни государства страдают от них меньше, другие больше, но сама глобальная система остается той же, что и была. Скажем, бросить вызов доллару пока никто еще не готов. Даже экс-премьер Малайзии, творец «малазийского чуда» Махатхир бин Мохаммад, с которым я недавно встречался в Куала-Лумпуре, сказал мне, что никакая страна в ближайшей перспективе «не осмелится пренебречь американским долларом, так как ее будет сдерживать боязнь краха американской экономики, что грозит катастрофой для всех экономик мира». А ведь именно Махатхир пытался когда-то ввести золотой динар как единицу расчетов по внешнеторговым сделкам. Волна инновационного технологического обновления по-прежнему идет с Запада. Высокая производительность труда, низкая энергоемкость производства, высокие требования к экологии – это и многое другое правомерно связывается в нашем сознании с Западом. В конце концов, именно поэтому мы стремимся модернизироваться путем интеграции в это сообщество, несмотря на все серьезные политические противоречия между нами и наше оправданное недовольство по поводу неучета партнерами наших интересов.

Помимо того, что динамично развивающимся странам Азии свойственны те же беды, что и Западу (болезнь «финансовых пузырей» носит явно хронический характер), у них есть и свои, присущие им в большей мере, чем другим, проблемы. К примеру, для Китая это старение населения, вызванное многолетним претворением в жизнь политики «одного ребенка». Ресурс дешевой рабочей силы обезземеленного крестьянства не бесконечен. Да и неизбежный рост издержек производства за счет увеличения потребностей населения тоже изменит благоприятную для роста ситуацию. Конечно, уникальная трудовая этика китайского народа, его исключительная организованность и трудолюбие – то неисчерпаемое богатство, которое и далее будет толкать страну вперед. А в бурно развивающейся Индии меня всегда поражает сохраняющийся ужасающий разрыв между высокообразованной динамичной элитой и увязшей в нищете огромной массой населения.

Что касается США, то да, в силу своего огромного военного превосходства и неодолимого мессианства, недалекого стремления повсюду насаждать свои

ценности, они, вероятно, будут не только сохранять упомянутую Вами способность к вмешательству, но и вмешиваться в события в различных регионах мира, в том числе военным путем. В то же время надо посмотреть, насколько последовательным будет декларируемый Обамой отход от оголтелого интервенционизма «неоконов». Уроки Ирака и Афганистана, я думаю, не прошли впустую. Замечу при этом, что сегодня другие страны – прежде всего Франция казавшегося поначалу застенчивым социалиста Ф. Олланда – стремятся перещеголять американцев в стремлении выполнять роль мирового жандарма. Да, операция в Мали была санкционирована Советом Безопасности ООН, но оттуда Парижу надо будет еще вовремя уйти. Суть моих рассуждений в том, что роль в наведении порядка в сошедшем с катушек мире могут неожиданно начать играть и иные акторы. Хорошо то, что все игроки сегодня, похоже, проявляют готовность легитимировать свои действия международным мандатом. В новом, пусть и разбалансированном мире, «бушещина» уже не проходит.

Поэтому в предлагаемый несколько упрощенный вариант геополитического расклада с жестко зафиксированными ролями нужно внести коррективы, предопределенные высокой непредсказуемостью будущего нашего мира. В глобальном «театре Кабуки» роли будут меняться, актеры тоже. Думаю, что нашей стране уже в ближайшей перспективе суждено сыграть такие партии, о которых мы, возможно, еще не догадываемся. Главное – чтобы чума коррупции, произвола чиновников, некоторой ленности и застоя не погасила присущий нашему великому народу могучий импульс к самообновлению и движению вперед.

Д.Б. Малышева: 15 декабря 2012 года в Египте прошел первый этап референдума по новой редакции конституции, которая наделяет президента Мухаммеда Мурси неограниченными полномочиями, что вызвало массовые протесты в Каире. Можно ли квалифицировать эти события как предвестник новых революционных потрясений в Египте и на Ближнем Востоке? И в каких других странах региона можно ожидать продолжения «арабской весны»?

В.В. Наумкин: Референдум показал, что большинство населения страны продолжает поддерживать «Братьев-мусульман» и Мурси, который, на первый взгляд, поторопился с инициативой наделения себя дополнительными полномочиями. Но по-моему, его ход был неплохо просчитан: он решил, во-первых, продемонстрировать свою силу (после того, как в раздуливании очередного кризиса вокруг Газы набрал новые политические очки), во-вторых, «прощупать» своих противников и, в-третьих, максимально быстро осуществить капитализацию того огромного кредита доверия общества к ведомому им эшелону исламистов-прагматиков, который в дальнейшем может и снизиться из-за невыполнения ими данных населению обещаний.

Преувеличивать силу улично-протестного сопротивления новым лидерам со стороны светских, либеральных и левых сил не следует, новых серьезных революционных потрясений на краткосрочную перспективу не просматривается. Однако среднесрочная перспектива иная. Вслед за многими другими аналитиками я сомневаюсь в способности «братьев» успешно решить сложные социально-экономические проблемы страны. Дело не только в их неопытности или отсутствии таких мощных источников внешней помощи, которые бы помогли снять напряженность и хотя бы на время удовлетворить повседневные нужды 85-миллионного населения. Гораздо более серьезным противовесом Мурси и «братьям» являются военная и судебная корпорации. Сумеют ли «братья» если не поставить их под свой контроль, то хотя бы нейтрализовать?

Дело и в том, что «братья» – довольно косная, неповоротливая, забюрократизированная организация. Это убивает в ней инициативу и лишает ее необходимой динамики. Как сказал мне один из молодых «братьев», их лидеры правят «сталинистскими методами». Как контраст этому меня все больше удивляет салафитская партия «Ан-Нур», которой в силу ее религиозно-идеологического консерватизма, казалось бы, в большей мере уготована роль крокодила, барахтающегося в болоте. Однако я нахожу в ней массу динамичных, энергичных молодых людей, инициатива которых не скована многолетней корпоративностью и удаленностью от реалий повседневной жизни, как у «братьев». Мне кажется, что эта партия еще может удивить всех. Вопрос в том, удастся ли ей в результате естественной эволюции и обновления избавиться от салафитских догматов, вызывающих отторжение у огромной массы людей. И какую цену за оказываемую поддержку этому эшелону исламистов придется платить Саудовской Аравии. Можно ли вообще говорить о салафитах-реформистах?

Кстати, совсем неясен вопрос, согласятся ли египетские и любые другие исламисты, пришедшие к власти путем выборов, на мирную передачу в случае проигрыша будущих выборов. Ведь, по убеждению их идеологов, власть им дана от Бога, а не по волеизъявлению народа.

Теперь насчет продолжения «арабской весны», или Арабского пробуждения, как я предпочитаю его называть. Кстати, в регионе уже вошел в политологический лексикон термин «пост-Арабское пробуждение». В своих последних работах я пытался показать, что на Арабском Востоке на самом деле мы давно уже наблюдаем «вечную весну». В том смысле, что регион в течение нескольких десятилетий еще со времен колониального господства регулярно вступал в периоды революций, переворотов, мятежей, войн, массовых протестных движений, бунтов и т. п. После второй мировой войны в качестве лидеров борьбы за умы выдвинулись три основные соперничающие между собой силы – светские националисты, исламисты и марксисты. Борьба шла с переменным успехом, по проигравшим наносились жестокие удары, они несли большие потери. Сегодня счастье улыбнулось исламистам. Надолго ли? Не знаю. Однако религиозность населения в этом регионе является тем якорем, на котором в значительной мере держится его цивилизационная идентичность, способность не допустить попадания новой зависимости от более мощной и, как ему видится, по-прежнему хищной глобальной силы. Не случайно в ходе одного из мозговых штурмов с моим участием в Турции – стране, которая стремится в Евросоюз, один из ближайших советников главы правительства Партии справедливости и развития Эрдогана, поясняя, почему европейская модель не подходит исламскому миру (стало быть, и Турции), сослался на не ушедшее из памяти народов колониальное прошлое и «сверхсекуляризм» современной европейской цивилизации.

Д.Б. Малышева: *Последние события в Египте обозначили водораздел между исламистами и сторонниками светской ориентации. Одновременно на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Персидском заливе разгорается религиозное соперничество, трактуемое некоторыми экспертами как шиитско-суннитское противостояние, поддерживаемое, с одной стороны, Ираном, а, с другой – Саудовской Аравией. Есть еще расслоение между радикальными и умеренными исламистами. В чем причины этих растущих расколов в мусульманском мире?*

В.В. Наумкин: Я бы сказал, что в регионе Большого Ближнего Востока мы являемся свидетелями обострения межконфессиональной и

внутриконфессиональной борьбы. К примеру, произошел массовый исход христиан из Ирака в результате преследований со стороны радикал-исламистов. Есть признаки дискриминации христиан и в других странах. Подсознательно люди, совершающие акты агрессии против христианского меньшинства, мстят за дискриминацию, которой, по широко распространенному в регионе убеждению, подвергаются мусульмане в Европе. В какой-то мере христиане Ближнего Востока (конечно, не все, скрепленный веками мирного сожительства потенциал конструктивного сосуществования пока еще велик) стали жертвой риторики Дж. Буша, одно время называвшего «глобальную войну против террора» крестовым походом.

Теперь о внутриисламском, или межсектантском соперничестве. Шиитам соперничать с суннитами трудно, их всего 10% среди мусульман, да и стран с преобладанием среди мусульманского населения шиитов совсем немного. Как правило, элиты, государства, партии, ведущие политическую борьбу, лишь используют религиозную идентичность для политической мобилизации. Противостояние Ирана и Саудовской Аравии носит не религиозный, а геополитический характер. Это борьба за влияние, за лидирующие позиции в регионе. Огромную роль играет и внешнее влияние, интересы глобальных акторов и их взаимоотношения с каждой из этих двух региональных держав. А контроль над энергоресурсами принадлежит особое место среди конфликтогенных факторов в регионе.

К сожалению, чрезвычайно тонкий, требующий высочайшего профессионализма для адекватного анализа вопрос о взаимоотношениях различных направлений и сект в исламе заболтан охотно комментирующими развитие ситуации на Ближнем Востоке невеждами, часто забивающими специалистов. Да и последние не всегда удосуживаются разобраться в сути вопроса. Например, часто приходится слышать рассуждения о «шиитском правлении» в Сирии, о сирийско-иранском шиитском альянсе. К моему удивлению, на последней Ассамблее СВОП под Москвой в таком ключе говорил о сирийском кризисе и такой широко известный европейский эксперт по проблемам безопасности, как Франсуа Эсбур. Между тем, сирийские алавиты – не шииты, их, естественно, не считают таковыми иранцы, упрекающие алавитов, в частности, за обожествление зятя пророка Мухаммада – Али и даже отказывающие им в праве быть похороненными на кладбище рядом с собой. Однако национальные, политические интересы, интересы безопасности, противодействия общему противнику здесь преобладают над сектантскими. Именно в этом контексте следовало рассматривать и поддержку, которую в течение длительного времени оказывал Иран движению ХАМАС – по сути, ответвлению «Братьев-мусульман», организации консервативных суннитов.

Всякого же рода размежевание между радикалами и умеренными, прагматиками и консерваторами, правыми и левыми характерно для любой религии и вообще для любой идеологии. В эпоху, когда мусульманский мир стоит перед серьезными вызовами, как всегда бывает в подобных случаях, разломы углубляются. Впрочем, это предмет отдельного, весьма детального разговора.

Д.Б. Малышева: *Уже два года длится драма Сирии, инспирированная как внутренними, так и внешними силами. При этом страны Запада проявляют здесь не вполне объяснимую настойчивость, которая бросалась в глаза еще в событиях в Ливии. Есть ли между этими двумя событиями некая стратегическая преемственность и какая?*

В.В. Наумкин: Драма Сирии ужасает. На наших глазах разрушается прекрасная страна, населенная добрыми, благожелательными, образованными людьми, веками жившими в мире и согласии, с исключительно важными для мировой цивилизации древними памятниками. В этой стране около 40% населения принадлежит к различным этническим и конфессиональным деноминациям наряду с арабско-суннитским большинством. Среди них наши единоверцы – православные арабы, находящиеся под юрисдикцией одного из древнейших православных патриархатов – Антиохийского, близкие нашим кавказским народам черкесы (их едва ли не сто тысяч), также близкие нам армяне (около 150 тысяч). В Сирии большое число смешанных семей, образованных браками сирийцев с русскими женщинами. Жены и дети из этих семей сегодня кое-где оказались по разные стороны баррикад. Потрясает трагедия огромной массы беженцев, спасающихся от бедствий, которые несет с собой фактически идущая в стране гражданская война. Но нельзя винить в них, как это делают многие наши коллеги на Западе и в регионе, лишь правящий режим, который сегодня ведет позиционную оборонительную войну, в которой, я боюсь, не будет победителей. Демонизируя режим и заиклившись на идее свержения Башара Асада, они все в большей мере руководствуются двойными стандартами. Скажем, говоря о заслуживающих сочувствия сирийских беженцах, переживающих гуманитарную катастрофу, они забывают о том, что еще недавно Сирия дала убежище около 1 млн. беженцев из Ирака, которым после американского вторжения в эту страну в 2003 г. войска коалиции не смогли обеспечить нормального существования. Примерно столько же иракцев спаслось в Иордании, многие уехали еще дальше. Ужасно, что за два года конфликта в Сирии погибло около 80 тыс. человек с обеих сторон и среди мирных жителей (хотя эти цифры многим кажутся преувеличенными). Но не будем забывать, что за 10 лет, истекших с 2003 г., в Ираке погибло около 120 тыс. человек. Силы коалиции не смогли помешать этому. Мы видим в Сирии трагедию разделенного народа, который толкает к национальной катастрофе усиливающееся внешнее вмешательство, в том числе прямая военная поддержка воюющих против режима отрядов боевиков, среди которых ведущие позиции занимают религиозные радикалы. О сирийском кризисе много написано, в том числе учеными из Института востоковедения. Рекомендую почитать не так давно увидевший свет сборник «Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше?» с вводной статьей академика Е.М. Примакова, а также доклад РСМД, подготовленный коллективом авторов под моим руководством.

К сожалению, наша взвешенная, разумная позиция по Сирии, направленная на прекращение насилия и побуждение конфликтующих сторон к диалогу пока не нашла поддержки за рубежом, хотя подвижки есть. Недавно мне пришлось выступать перед большой аудиторией по сирийской проблеме на состоявшемся в г. Доха форуме «Аль-Джазире» – телеканала государства, играющего особо активную роль в поддержке отрядов «Сирийской свободной армии». Я спрашивал жестко споривших со мной ораторов из числа лидеров оппозиции о том, почему они отказывают в праве считаться частью сирийского народа той весьма значительной его прослойке, которая выступает на стороне режима (а ведь одна только пока проявляющая удивительную солидарность сирийская армия насчитывает 320 тыс. человек)? Почему они распространяют миф о массовой поддержке оппозиции, лидеры которой никак не поладят друг с другом? Почему они отказываются от диалога с другой стороной конфликта и с такой яростью требуют расправы не только над президентом Асадом, но и над его сторонниками, вместо того чтобы предложить, скажем, идею всеобщей амнистии как составной части пока еще возможного, хотя и исключительно трудного национального примирения? Я

приводил в пример Камбоджу, где лидеры смогли во имя сохранения мира и выживания страны подняться выше стремления к мести «красным кхмерам», без всякого повода уничтоживших едва ли ни четверть взрослого населения страны – до 2 млн. человек. Многие из них и сегодня мирно доживают свои дни, лишь один находится в тюрьме, да два старика недавно предстали перед судом (еще один – бывший министр иностранных дел 86-летний Иенг Сари недавно скончался).

Замечу, что сегодня наши западные партнеры вводят в оборот некоторые новые понятия, под которые создаются исследовательские структуры и НПО. Это, в частности, понятие так называемого «правосудия переходного периода» (transitional justice), которое пока еще не получило необходимого осмысления со стороны нашего политологического сообщества, несмотря на проводимые по инициативе западных центров конференции по этой тематике. Создаются механизмы для продвижения этого «правосудия переходного периода» в пост-конфликтных обществах с целью поддержки прав человека и формирования ответственного, подотчетного правления. Но выскажу мнение, что в целом ряде случаев данные механизмы могут использоваться и для легитимации сведения счетов с «нарушителями спокойствия».

Некоторые наши зарубежные партнеры готовы повторить ливийский сценарий в Сирии, все еще не понимая, что это другая страна. Впрочем, ей, как это ни печально, уже никогда не быть такой, как раньше. При всей справедливости нашей критики в адрес оппозиции, особенно ее непримиримой части, следует признать, что режим упустил возможность своевременного проведения давно назревших реформ.

Д.Б. Малышева: *Как бы вы охарактеризовали ситуацию вокруг Ирана? Как будут развиваться события в связи с его ядерной программой? Какую позицию займут США и Израиль по отношению к Ирану и допускаете ли вы возможность нанесения ракетного удара по Ирану? Что может сделать Россия для предотвращения такого негативного сценария?*

В.В. Наумкин: Ситуация вокруг Ирана крайне напряжена. Очередной раунд переговоров «шестерки» с представителями этой страны по ядерной программе в Казахстане закончился безрезультатно. Но переговорный процесс будет продолжен. Существует ли возможность прямых двусторонних переговоров по этому вопросу между США и Ираном? По-моему, это не исключено, хотя Иран, как известно, обставляет их рядом предварительных условий. Не буду вдаваться в детали дебатов вокруг самой ядерной программы, в том числе и в формате Иран – МАГАТЭ, об этом много пишут. А вот насчет Израиля я бы ничего не исключал. Многие мои коллеги считают угрозу нанесения Израилем ракетно-бомбового удара по Ирану пустой риторикой. В этом есть своя логика. Во-первых, когда Израиль хочет нанести превентивный удар, он об этом не говорит заранее, а делает, как это было в случае с «шестидневной войной» 1967 года или бомбардировкой ядерного реактора в иракском Озире. Во-вторых, Иран – мощная держава, и такой удар может иметь непредсказуемые последствия, особенно с учетом возможности «нетрадиционных» видов возмездия. В-третьих, вместо усиления изоляции Ирана он может вызвать прилив симпатий к нему в исламском мире. В-четвертых, неизвестно, насколько удастся отбросить Иран назад в осуществлении им военной ядерной программы (если она есть). Тегеран оправится от удара и уж тогда точно будет создавать ядерное оружие.

В то же время Израилю действительно трудно скрыть ведущиеся в правительстве по поводу нападения на Иран дебаты. Как отметил один наблюдательный человек, «Израиль часто предстает в виде неуправляемого и даже анархического конгломерата враждующих между собой фракций, а не единого

государственного актора. Этому есть три причины: слабость формальной власти и прерогатив премьера, дисфункциональность кабинета как органа принятия решений и бесконечные утечки информации». Думаете, это сказал я или какой-нибудь арабский аналитик? Нет, это оценка бывшего заместителя советника по национальной безопасности Израиля, а ныне научного сотрудника Гарвардской Школы Кеннеди Чарлза Фрейлиха. Дебаты серьезные. Значительная часть израильской политической элиты убеждена в том, что если Иран слишком близко подойдет к созданию ядерного оружия, что можно будет доказать, то никакие риски, связанные с последствиями нанесения Израилем удара по целям в этой стране, включая объекты ядерной программы, военную и даже гражданскую инфраструктуру, не перевесят риски, исходящие от ядерного Ирана.

Но есть и другая часть израильского истеблишмента (не буду называть имена, но среди них есть и бывшие руководители спецслужб), которые считают, что «иранская угроза» для Израиля не носит экзистенциального характера, и уж лучше сдерживать ядерный Иран, чем воевать с ним. Упомяну в этой связи не так давно увидевшую свет нашумевшую статью известного американского политолога, доцента Колумбийского университета Кеннета Уолтца. Он призывает США не тратить время на то, чтобы помешать Ирану создать ядерное оружие, и высказывает парадоксальное утверждение, что появление у Тегерана такого оружия – лучший способ восстановить стабильность на Ближнем Востоке. В этом случае в регионе, по мнению Уолтца, установится своего рода ядерный паритет Ирана и Израиля, которые будут сдерживать друг друга, как это всегда делают дихотомические пары ядерных держав, при этом никакого расползания ядерного оружия не будет. Конечно, сторонников такой точки зрения на Западе и, тем более, в Израиле совсем не много.

Ну, а Ваш вопрос по поводу того, что может сделать Россия для предотвращения подобного сценария, как мне кажется, носит риторический характер. По крайней мере, в одиночку точно ничего. Тогда главным вопросом будет «с кем». Не хочу разбрасываться похвалами в адрес нашей внешней политики, но считаю периодическое выдвижение нами инициатив по выходу из тупика в этом вопросе разумной стратегией, равно как и сохранение нами отношений сотрудничества с Тегераном наряду с поддержанием постоянного диалога с Вашингтоном по данному вопросу.

Д.Б. Малышева: *Как вы оцениваете состояние нынешних российско-турецких отношений в свете разногласий по сирийской проблеме и отказа Турции участвовать в прокладке инициированного Россией газопровода «Южный поток»?*

В.В. Наумкин: Российско-турецкие отношения по прежнему находятся на подъеме, несмотря на все имеющиеся сегодня между нами разногласия. Ни один из двух упомянутых Вами «узлов раздора» не снижает заинтересованности каждой из сторон в сохранении беспрецедентно активного сотрудничества во всех сферах, породившего глубокую взаимозависимость. Разногласия по целому ряду вопросов, взаимные подозрения и темные пятна в нашей исторической памяти были всегда, но одни гуманитарные и экономические связи – миллионы туристов, тысячи смешанных браков, сотни контрактов и проектов, поставки и транзит энергоресурсов и многое другое – способны перевесить любые разногласия, тем более когда действия одной из сторон не создают непосредственной угрозы интересам национальной безопасности другой. Выведению отношений России и Турции на столь высокий уровень не помешало даже ее членство в НАТО. А все существующие проблемы можно решать через политический диалог.

КРИЗИС

Е.А. Брагина

«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» – ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ?

Категория «новая нормальность» (New Normal) возникла на волне мирового финансового кризиса, обозначившегося в начале 2008 г. Несмотря на регулярно повторявшиеся его предсказания (в частности, Нуриэль Рубини был одним из тех, кто обещал это чаще других), кризис, как всегда, оказался неожиданным на фоне предшествующих лет экономического подъёма. Авторство «новой нормальности», как термина, его развернутое содержание до сих пор четко не обозначены. В конце 2010 г. К.Юдаева, тогда директор Центра макроэкономических исследований Сбербанка России, отметила, что в США широко обсуждается New Normal – то есть, сочетание низких темпов экономического роста и высокой безработицы. По её мнению, признаки этой новой экономической модели наблюдаются и в России⁸. А.Улюкаев, первый заместитель Председателя Центрального Банка РФ (ныне один из основных претендентов на пост председателя), в начале 2012г. заметил: «Мне очень нравится термин (не могу сказать, кому принадлежит его авторство) «новая нормальность». Действительно, начиная с 2008 года, глобальная экономика вошла в принципиально иную фазу»⁹.

А.Улюкаев суммировал своё понимание явления, которое принято называть новой нормальностью, в трех основных позициях. Это снижение темпов мирового экономического роста, высокая волатильность на всех товарных и денежных рынках и снижение эффективности традиционной государственной политики, имея ввиду фискальные, монетарные инструменты и стимулы. По сути, государство в трудный период теряет рычаги воздействия на экономическое состояние страны, хотя ещё на ранней стадии нынешнего кризиса таким рычагом были мощные финансовые вливания в экономику. Заслуживает внимания его ответ на вопрос, происходит ли в России вторая волна кризиса: "Второй волны кризиса не бывает. То, что мы видим сейчас, это новая нормальность. Мы находимся в ситуации выхода из кризиса, только он будет долгим и сложным". По его оценке, возможен десятилетний период, в ходе которого будут искать решения проблемы рисков и суверенных долгов. Не совсем понятно: насколько такой период будет отличаться от рецессии?

Термин «новая нормальность» получил распространение, поскольку под него можно подверстать все изменения, происходящие в мировой экономике и связать их с текущим положением, самой частой характеристикой которого стало его определение как кризисного. Проще говоря, «новая нормальность» претендует на новизну, но не предлагая новых решений или хотя бы попыток объяснить, что происходит в мировом экономическом организме. Болезнь есть, диагноза нет.

Надо признать, что нечеткое содержание данного термина слабо помогает понять происходящие процессы, как и все остальные теоретические попытки. В публикуемых анализах, так или иначе связанных с современным этапом мирового экономического роста/спада, многократно повторяется тезис о перемещении хозяйственной активности в развивающиеся страны, прежде всего в крупнейшие государства Азии. Это действительно качественное изменение в мировой хозяйственной структуре, но его можно скорее считать состоявшимся, а не новым.

⁸ Экономическая политика. 2010. № 6, С.195.

⁹ Экономическая политика. 2012. № 2, С.27.

Фарид Закариа с присущей ему саркастичностью и одновременно неприязнью к Западу так определил сложившуюся ситуацию: «Рост «остальных», как когда-то это было названо, изменяет богатый мир, нравится ему это или нет»¹⁰. В данном случае Ф.Закариа использовал определение построения мирового хозяйства по принципу «Запад и остальные» (The West and the Rest), мелькавшее в публикациях ОЭСР лет десять назад.

В Интернете в 2012г. появилась заметка без ссылки на конкретного автора, что термин был предложен экспертами PIMCO (Public Investment Management Company, Калифорния, США), управляющей крупнейшим в мире паевым инвестиционным фондом. Определение, что понимать под «новой нормальностью», подкупает своей простотой: «Экономика не восстанавливается после кризиса в привычной (нормальной) циклической последовательности». Действительно, четырехфазная схема стадий цикла, хотя прошло несколько лет после «официального» начала текущего кризиса, не обнаруживает признаков устойчивого перехода к его преодолению. Самым распространенным обозначением того, что происходит с мировой экономикой, стал термин «рецессия». Все влиятельные рейтинговые и консалтинговые агентства с трепетом следят за движением биржевых индексов, отмечая их колебания, переходы из красной зоны в зеленую и обратно, но принципиальных сдвигов не обнаруживают. Подавляющее большинство участников обсуждений этих проблем сходятся в том, что сложилась ситуация неопределенности и высокой волатильности.

Выделить на этом фоне определенный тренд не получается. Например, такие страны как Монголия, Ливан, Мозамбик, Бутан показывают темпы роста до 8-9%. Можно сослаться в данном случае на эффект низкой исходной базы, но почему именно ныне, в условиях глобального кризиса? Все перечисленные страны невелики, с ограниченным доходом на душу населения, что сужает возможности роста с опорой на внутренний рынок. Почему, скажем, Бельгия сохраняет темпы роста, а мощная Германия теряет? Экономических показателей, характеризующих одновременно действующие и при этом разнонаправленные, подчас противоречивые явления, накопилось много, но тенденция не ясна, а тенденция едва ли не важнее факта. Для сравнения полезно упомянуть замечание автора понятия «Economics» Алфреда Маршалла в связи с европейским экономическим кризисом 1879 г.: «Когда кризис утихает, наступает спокойствие, но это тяжелое, мрачное спокойствие»¹¹. (Кстати, тот кризис был с большим одобрением встречен К.Марксом, как признак конца капитализма). На нынешнем этапе развития никакого спокойствия не видно, хотя формально рецессию можно считать показателем того, что острая фаза кризиса сглажена.

Трудности в понимании современных экономических процессов очевидны и в позиции Пола Кругмана. В сентябре 2011 г. он подчеркнул, что никакого восстановления после кризиса 2008 г. на самом деле нет, в мире не осталось каких-либо по-настоящему тихих гаваней. Вместе с тем, по его мнению, «развивающиеся страны сейчас будут играть роль локомотива мировой экономики, но насколько устойчив их рост – большой вопрос»¹². Очередной раз развитие поставлено на первое место, причем в связи с особой ролью стран Юга, но в этой констатации звучит явная неопределенность.

Правда, если исходить из расчетов McKinsey Global Institute, расходы на инфраструктуру в таких странах как КНР и Индия (8.5% и 4.7% ВВП, соответственно), могут поддержать мировой рост своим спросом на импортный

¹⁰ The Economist. 05.01.2013. P. 48.

¹¹ Цит. по: The Economist. 03.10.2009. P.28.

¹² Коммерсантъ.09.09.2011.

компонент. Но есть две реальные угрозы. Инфраструктура – чрезвычайно коррупционная отрасль, например, при строительстве железных дорог смета завышается на 44,7%, а обе страны известны как весьма коррупционные. Неясно также, насколько их правительства способны обеспечить финансирование за счет национальных ресурсов. Едва ли они могут рассчитывать на заёмные средства, особенно с учетом дорожающих мировых денег¹³.

П.Кругман в эксклюзивной публикации в российской печати высказал мнение, с которым трудно согласиться: «Экономика времен Джона Мейнарда Кейнса (и Франклина Рузвельта), как выясняется, была в достаточной степени похожа на нашу, чтобы можно было применять те же модели»¹⁴. Жаль, но не сказано, какие модели имеет в виду нобелевский лауреат. Это было бы важно, поскольку, известно, что встреча Ф.Рузвельта с Дж. Кейнсом в ходе Великой депрессии закончилась их обоюдным разочарованием. К тому же выход США из кризиса затянулся, как считают многие экономисты, почти до конца 30-х годов XX века.

Представляется, что основной вопрос в другом – насколько применимы в современных реалиях мирового хозяйства модели, разработанные в прошлом веке? Как быть с глобализацией, которая существенно повлияла на развивающиеся страны, способствуя их индустриализации и частично модернизации (хотя и не всех). Эти процессы и сопровождающий их демонстрационный эффект усилили взаимодействие не только по схеме Север-Юг, но в ещё большей степени Юг- Юг. Существенно выросла роль экспорта, который в основном способствовал подъему экономики Китая. В его вывозе иностранный компонент составляет 29%, (Южной Кореи 40%, Мексики 31.5%. Для сравнения - США 11%, Япония 15%)¹⁵. По количеству зарегистрированных патентов на миллион населения, а это важный показатель инновационного потенциала страны, сохраняется безусловный приоритет развитых экономик: Швеция 115, Швейцария 100, Германия 72, Израиль 49, США 46, Южная Корея 40. Страны Юга в перечне не фигурируют.

Видимо, самые существенные и долгосрочные сдвиги ожидаются в сфере мирового энергообеспечения в связи с быстрым увеличением добычи сланцевой нефти в США, распространением опыта разработки месторождений сланцевого газа. (Показательно в этом отношении соглашение Украины с голландской «Шелл» в начале 2013 г. о разработке сланцевых залегающих в Украине). Согласно заявлению американской Energy Information Administration, импорт нефти в США в 2014 г. сокращается до самого низкого показателя с 1987 г.

Одним из явных признаков усиливающейся нестабильности стало понижение рейтинга США в 2011г. со «стабильного» до «негативного» вследствие постоянного роста государственного долга и дефицита бюджета - 11% ВВП. Давлением на мировую финансовую систему стали повторяющиеся финансовые обрывы в США (fiscal cliff). Хотя очевидно, что в последнюю минуту достигается договоренность о недопущении дефолта, но сама эта повторяемость придает процедуре характер китча, повышая тем самым неустойчивость мировых финансов. Меняется традиционное отношение к аутсорсингу, как экономически выгодному для передовых экономик перемещению некоторых производств. Это вызвано ростом (по оценке МОТ, на 7-7,8% в год) заработной платы в Азии. На крупных предприятиях КНР и Индии этот показатель достигает 10% в год. В результате снижается одно из основных конкурентных преимуществ развивающихся стран. Транспортные издержки на поставки компонентов и вывоз продукции, а также не всегда достаточно квалифицированная рабочая сила в свою очередь ограничивают выгоды

¹³ Ведомости. 18.01.2013.

¹⁴ Независимая газета. 15.10.2012.

¹⁵ The Economist. 19.01.13. P.85.

аутсорсинга. Получает распространение так называемый near-shoring – размещение производства в близких регионах (например, из Франции в Марокко).

Термин «новая нормальность», хотя пока ещё мало что объясняет, всё же обещает некое прояснение в понимании нынешнего экономического положения. Уже упоминавшийся Н.Рубини после своего успеха в качестве предсказателя высказывается осторожно. В отличие от Кругмана, он считает настораживающим фактором замедление роста китайской экономики, особенно после 2013г., что может повлечь за собой вторую волну депрессии. Надо заметить, что китайская экономика не играла сколько-нибудь заметной роли в годы мирового экономического кризиса 30-х годов. Это существенно отличает реальность XXI века (и видимо, ограничивает использование классических моделей), которые, как полагает Кругман, возможно применить сегодня.

Мировой экономический форум в Давосе, собравшийся традиционно в январе 2013 г., предпослал этой формально неформальной встрече девиз «Гибкий динамизм», чтобы, видимо, не «травмировать» собравшихся категориями, ставшими в последние годы столь употребительными – кризис, рецессия, спад и т.д. Но такой девиз объективно подразумевает, что в мире происходят быстрые сдвиги, кардинальные изменения, в которых надо искать решение насущных экономических и связанных с ними политических проблем. Остается только выяснить – какие сдвиги и какие решения.

А.В. Авилова

«ПЕРЕЗАГРУЗКА» ЕВРО

Для Европы 2012 год стал годом роста протестных настроений, вызванных антикризисной политикой и мерами защиты евро. Обострение ситуации на юге ЕС заставило сделать первые шаги к реализации «дорожной карты», означающей переход к новому этапу европейской интеграции. Начался поиск компромиссного курса, открывающего возможность сочетать бюджетную дисциплину с расширением возможностей маневра и мерами содействия экономическому росту.

Экстренная ситуация. В первой половине года руководству Еврозоны пришлось столкнуться с дестабилизацией положения на южной периферии. В Греции развивался острый политический кризис¹⁶. Временное правительство Л. Пападимоса провело через парламент очередной (пятый) пакет мер по ужесточению бюджетной политики, в который входили – наряду с сокращением минимума заработной платы, отменой 13-й и 14-й зарплат, уменьшением пенсий и т.д. - приватизация ряда государственных предприятий и увольнение, в течение трех лет, 150 тыс. служащих. Посягательство на государственный сектор, своего рода «священную корову» в Греции, вызвало раскол в правительстве и массовые уличные протесты в столице. Принятые меры позволили заключить соглашение с «тройкой» (ЕС, МВФ и ЕЦБ) о второй программе финансовой помощи (на 120 млрд. евро), а также достичь договоренности с кредиторами о списании половины накопившегося долга. Но это все равно обернулось стремительным падением электоральной поддержки правительства. На внеочередных парламентских выборах 6-го июня двухпартийная система, просуществовавшая в течение 30 лет, обрушилась: обе ведущие партии получили менее чем по 20% голосов, а

¹⁶ См. подробнее: Квашнин Ю.Д. Греция: от экономического кризиса к политическому. / Год планеты, ИМЭМО РАН, 2012.

триумфатором стала леворадикальная коалиция СИРИЗА, требовавшая пересмотреть условия финансового соглашения с «тройкой».

Политический кризис достиг апогея, когда выяснилось, что ни одна из партий не может сформировать правительство. Перевыборы, назначенные на 17-е июня, проходили в обстановке беспрецедентной напряженности. Европейские партнеры Греции заявили, что в случае отказа выполнять финансовые соглашения помощь прекратится и встанет вопрос о выходе страны из Еврозоны. По итогам новых выборов удалось сформировать формально коалиционный, а фактически правоцентристский кабинет А. Самараса, опирающийся на условную поддержку нескольких политических сил, включая СИРИЗА, которая продолжала требовать пересмотра соглашений. Новое правительство, находясь под двойным давлением – извне и со стороны оппозиции, пыталось растянуть сроки выполнения этих соглашений. Состояние экономики между тем ухудшалось, проведение реформ отставало от намеченного графика.

К середине года обострилась ситуация в Испании. После 12 лет предкризисного бума, развернувшегося в сфере туризма и строительного бизнеса, испанская экономика превратилась в «долговую»: темпы роста расходов, значительная часть которых приходилась на необеспеченные потребительские и ипотечные кредиты, далеко опережали рост бюджетных поступлений и производственной деятельности. К началу кризиса накопленная задолженность банков, семей, предприятий и государства в 3,5 раза превосходила величину ВВП. В особенно тяжелом состоянии оказалась банковская система, в том числе сеть региональных сберегательных касс, глубоко вовлеченных в строительную сферу, а с ними – и вся система автономных региональных бюджетов.

Банковский кризис повлек за собой резкий спад в реальном секторе экономики и рост безработицы, достигшей 25% активного населения (самый высокий уровень в ЕС). Началась массовая утечка из страны капитала и банковских депозитов. Для начавшейся реорганизации системы требовалось, по разным оценкам, от 300 до 500 млрд. евро. Летом 2012 года испанская экономика стояла на грани дефолта: величина «спрэда»¹⁷ по ее долгосрочным облигациям превысила считающийся критическим уровень 7%. Испания практически утратила доступ к внешним источникам рефинансирования своих долгов, и правительству пришлось обратиться к ЕЦБ с просьбой о займе до 100 млрд. евро для реорганизации банковской системы.

Как и в Греции, кризис здесь перерос в политический протест, нашедший выражение в массовых уличных манифестациях и забастовках¹⁸. Неолиберальный поворот экономического курса произошел еще в 2010 г. при левоцентристском правительстве Х.-Л. Сапатеро, которое после безуспешных попыток овладеть ситуацией потерпело сокрушительное поражение на внеочередных выборах в ноябре 2011 года. Пришедший ему на смену правоцентристский кабинет, руководимый М. Рахоем, полностью подчинил свою политику требованиям «тройки», хотя из соображений престижа воздерживался от обращения за полномасштабной финансовой помощью. Кризис резко усилил сепаратистские настроения в Каталонии, автономное правительство которой ввиду несогласия с «несправедливой» налоговой политикой центральных властей поставило вопрос об отделении и потребовало проведения референдума.

¹⁷ Т.е. разрыва с курсом государственных облигаций Германии, считающимся эталоном в Еврозоне, что отражает величину инвестиционного риска и свидетельствует о падении доверия международных рынков к экономике страны.

¹⁸ О движении «возмущенных» подробнее: Хенкин С.М. Испания в полосе турбулентности. // Мировая экономика и международные отношения, N 4, 2012.

Собравшийся на фоне этих событий саммит «большой двадцатки» (май 2012 г.) констатировал, что Европа, как никогда раньше, превращается в средоточие мировых рисков. Глава МВФ К. Лагард заявила, что углубление кризиса в Европе может обернуться рецессией в мировой экономике¹⁹. Еврокомиссар О.Рен оценивал сложившуюся ситуацию как реальную угрозу распада Еврозоны. Наиболее опасным казалось развитие событий в Греции, поскольку ее отделение от евросистемы могло вызвать цепную реакцию, не говоря уже об огромных материальных издержках такого шага²⁰. Очередной саммит «большой восьмерки» высказался за сохранение членства Греции в Еврозоне, хотя одновременно обсуждался и вариант ее «упорядоченного» выхода.

Институциональные преобразования. В свете этих событий становилась неотложной намеченная ранее корректировка базового экономического законодательства Еврозоны/ЕС. Главная задача заключалась в том, чтобы остановить финансовую дестабилизацию, усиливавшую дисбаланс между центром и периферией Еврозоны. Проблему было решено урегулировать с двух сторон: путем создания механизма финансовой поддержки проблемных стран при одновременном ужесточении общей для всех бюджетной дисциплины.

Временная структура финансовой поддержки в виде стабилизационного фонда EFSF (440 млрд. евро с последующим увеличением этой суммы) была экстренно создана на долевых началах еще в мае 2010 года. Фонд предоставил первые займы Греции, Ирландии и Португалии, обусловив их проведением структурных антикризисных реформ. На саммите ЕС 8-9 декабря 2011 г. было принято чрезвычайно жесткое Соглашение о бюджетных правилах (Fiscal Compact), обязывающее участников поддерживать ограниченные размеры бюджетного дефицита (0,5 – 1,0% национального ВВП, в зависимости от размеров государственного долга), а страны с чрезмерным (более 60% ВВП) государственным долгом – ежегодно сокращать его на 5%. Под это соглашение была разработана детальная схема мониторинга, превентивных мер и корректировки возникающих дисбалансов. Новые правила, с которыми согласились 25 из 27 стран ЕС (отказались Великобритания и Чехия), предполагалось ввести в действие с 2013 года и включить в национальные законодательства с 2014 года.

Нараставшая на южном фланге кризисная ситуация заставила ускорить создание постоянно действующего стабилизационного института – Европейского стабилизационного механизма (ESM, в размере 500 млрд. евро), которому, в отличие от EFSF, было предоставлено право выпуска собственных облигаций. Это превращало ESM в промежуточную оперативную структуру между финансовым рынком и ЕЦБ, который по уставу не может выступать в роли «кредитора последней инстанции» для национальных банковских систем, беря на себя суверенные риски²¹. Придание ESM функций эмитента разграничило сферы ответственности банков, с одной стороны, и государств – с другой. В результате открывалась возможность прямой, через финансовый рынок, рекапитализации национальных банковских систем без параллельного роста государственного долга. Благодаря этому и ЕЦБ, со

¹⁹ II Sole 24 Ore, 13.06.2012.

²⁰ Потери Греции в случае ее выхода из Еврозоны, по оценке британских экспертов, могли бы составить 2-5% ее ВВП, а потери ее крупнейшего инвестора Франции – порядка 50 млрд. евро. – II Sole 24 Ore, 2.06.2012.

²¹ Ограниченные операции по покупке долговых обязательств проблемных стран (порядка 200 млрд. евро) ЕЦБ был вынужден все же осуществить после мая 2010 г.

своей стороны, получал возможность проводить операции по выкупу долговых обязательств проблемных стран на вторичном рынке²².

Поскольку главной целью этого нововведения было поставить заслон финансовым спекуляциям с облигациями проблемных стран, оно получило в прессе наименование «банковского щита». В конце июля 2012 г. глава ЕЦБ М.Драги четко обозначил совершившийся сдвиг, выступив с заявлением о предстоящем «неограниченном» (хотя и обусловленном) выкупе краткосрочных (1-3 года) долговых обязательств стран, готовых обратиться к ЕЦБ с соответствующим запросом. Это выступление, поддержанное аналогичным заявлением Европейского Совета в начале августа, произвело желаемый и быстрый эффект. Ажиотаж, начавшийся вокруг долговых обязательств Испании, улегся, и в ее экономике начались обратные процессы – оживление биржи, приток банковских депозитов, улучшение платежного баланса. Испания вернулась на международный финансовый рынок, успешно разместив очередные выпуски государственных облигаций. Нормализации положения способствовало и предоставление этой стране 40 млрд. евро для реструктуризации банковской системы.

Поддержку получила и Греция: ей был выделен очередной транш финансовой помощи в размере 43,7 млрд. евро (в том числе 23,8 млрд. – на рекапитализацию банков) и продлены сроки приведения бюджетного дефицита к «приемлемому» уровню. Волатильность курсов европейских ценных бумаг стала сокращаться и к концу 2012 года упала до самого низкого уровня за последние 5 лет²³.

Создание «банковского щита» стало первым шагом в выработке компромиссного решения вопроса о дальнейшем экономическом курсе Еврозоны/ЕС. Здесь существенно разошлись позиции двух ведущих стран – Германии и Франции. Неолиберальный курс, проводимый Еврозоной с момента ее создания, исходит от Германии, ее фактического лидера и крупнейшего донора ESM, чьими усилиями удастся поддерживать финансовое равновесие в условиях долгового кризиса. Но «ресурсы Германии не безграничны» (А. Меркель). Немецкое правительство считает причиной европейского долгового кризиса недостаточную в современных условиях конкурентоспособность ряда стран-членов (в том числе Франции), а средством выхода из него – проведение структурных реформ, подобных тем, которые осуществила сама Германия в предкризисный период. Речь идет, прежде всего, о реформе рынка труда, направленной на снижение удельных трудовых издержек как основы повышения конкурентоспособности.

«Одержимость структурной политикой» (по характеристике французской газеты «Фигаро») для Германии традиционна, наряду с принципами независимости Центрального банка и бюджетной децентрализации (федерализма), требующими от местных властей высокой степени ответственности за их бюджетную политику²⁴. Экономическая политика Франции, напротив, тяготеет к централизации и традиционно окрашена в кейнсианские тона, признавая за государством как высшей и последней инстанцией роль эффективного участника экономического процесса. Во дискуссиях по вопросам европейской интеграции Франция ревниво охраняет свой суверенитет; в то же время в условиях нынешнего кризиса она неоднократно высказывалась за большую «солидарность» стран-партнеров, защищая, в

²² Порядок действий таков: страна, проводящая структурные реформы, в случае спекулятивного роста «спрэда» по своим облигациям обращается к ESM с просьбой об открытии кредитной линии (которую впоследствии можно и не использовать). Стороны готовят и подписывают меморандум о намерениях. Если страна использует кредитную линию, ESM покупает ее облигации на первичном рынке (аукционе). Запрос к ESM активизирует действия ЕЦБ, который начинает аналогичные операции на вторичном рынке.

²³ Financial Times, 14.12.2012.

²⁴ Le Figaro, 11.06.2012.

частности, идею выпуска еврооблигаций (фактически – обобществления государственного долга). Германия отвергает такую меру, считая ее инфляционной.

Переживая и сама серьезные трудности, Франция оказалась неформальным лидером проблемных стран Южной Европы, добивающихся от руководства Еврозоны/ЕС (главным образом Германии) смягчения неолиберального курса и более щадящей бюджетной политики – разжатия «тисков» бюджетных ограничений ради возобновления экономического роста.

Поиск сближения позиций стран-членов выразился в решениях саммита ЕС 28-29 июня, который завершился опубликованием «дорожной карты» европейской интеграции на среднесрочный период. В ней впервые за время финансового кризиса акцент был перенесен (пока вербально) на меры содействия экономическому росту. Предполагается, в частности, мобилизовать 120 млрд. евро (1% совокупного ВВП ЕС) на цели инфраструктурного строительства, развитие «зеленой» энергетики, поддержку малого и среднего бизнеса и подготовку кадров, а также 80 млрд. – на развитие НИОКР. Но главное, «дорожная карта» обрисовывает перспективу упрочения основ Еврозоны/ЕС как постепенно формируемой системы «четырех союзов»: банковского, бюджетного, экономического и политического.

В вопросе о создании «банковского щита» Германия пошла навстречу Франции, на стороне которой выступали страны Южной Европы, руководство МВФ, ЕЦБ и Европейской комиссии. К их позиции присоединились и США, убеждавшие европейских партнеров разорвать усиливающую кризис связь между государственной и банковской задолженностью. В свою очередь, Германия потребовала усиления контроля ЕЦБ над всей совокупностью европейских банков, поскольку в настоящее время контроль и управление банковскими системами ведутся на национальном уровне и только координируются на наднациональном.

Следующим шагом к реализации «дорожной карты» стало подписание на саммите 13-14 декабря 2012 года соглашения о предстоящем создании банковского союза. В ближайшие полгода предполагается выработать обязательный для европейских банков свод правил – «single-rule book», должным образом согласовав его с интересами кредиторов, системой гарантий банковских вкладов и режимом поддержки отдельных стран в условиях кризиса.

Для начала под прямое наблюдение ЕЦБ будет передано 150-200 банков с активами более 30 млрд. евро каждый (или с капиталом более 20% ВВП страны происхождения). Надо отметить, что такое ограничение в наибольшей степени отвечает интересам Германии, некрупные региональные банки которой тесно связаны с правительствами земель. Но уже в 2013 г. ЕЦБ сможет контролировать все банки стран, которым оказывается внешняя помощь, и в случае необходимости будет иметь право вмешиваться в деятельность любых банков «второго ряда». На практике это означает, например, что решение о слиянии двух французских банков, оказавшихся в трудном финансовом положении, будет приниматься уже не в Париже, а во Франкфурте – в штаб-квартире ЕЦБ. Ликвидация или реформирование банков-банкротов перейдет на наднациональный уровень. «Здоровым» же банкам новая система, как ожидается, принесет облегчение административного бремени, что станет дополнительным стимулом для развития международного кредита.

Структуру ЕЦБ предполагается перестроить. Согласно предварительной схеме, в нем будет создан Наблюдательный совет из представителей 17 (национальных) контролирующих инстанций, четырех членов ЕЦБ, его президента и вице-президента. Оперативные решения будет принимать комитет «лоцманов», формируемый по ротации, что лишит крупные страны постоянного лидерства. Все главные решения Наблюдательного совета будут подлежать утверждению Совета управляющих, ответственного за общую денежно-финансовую политику.

Решение о предстоящем создании банковского союза получило высокую оценку европейских СМИ. «Этот шаг был практически немыслим в начале года, - писала «Файнэншл Таймс». – Когда в 4 часа утра европейские министры финансов согласились, наконец, передать наблюдение над сферой национального кредита Европейскому центральному банку, родилась самая амбициозная интеграционная схема с момента создания единой валюты»²⁵. Аналогично высказалась французская «Монд»: «если создание в 1950 г. Европейского объединения угля и стали сделало материально невозможной войну между Францией и Германией, то данное решение делает невозможной смерть евро»²⁶. Со своей стороны, глава ЕЦБ М.Драги в выступлении на Давосском форуме охарактеризовал 2012 год как «год перезапуска евро»²⁷.

Соглашение о банковском союзе ощутимо повышает роль ЕЦБ и его главы в системе европейских институтов. М.Драги известен как успешный в недавнем прошлом руководитель Банка Италии и один из инициаторов структурных реформ 1990-х годов в итальянской экономике. Характерно, что его первым шагом на посту руководителя ЕЦБ было проведение на рубеже 2011-2012 гг. двух операций по вливанию денежной наличности в европейскую банковскую систему (1 трлн. евро на трехлетний срок под 1%), что отодвинуло надвигавшийся «кредитный голод».

Институциональная перестройка европейской банковской системы не обещает быть простой и быстрой. Для стран ЕС, не участвующих в соглашении о банковском союзе (Великобритания, Чехия, Швеция), с его созданием встанет проблема защиты своих интересов в противовес возникающему мажоритарному блоку, который сможет квалифицированным большинством голосов устанавливать правила и утверждать решения по каждому обсуждаемому вопросу. Очевидно, что в схему придется встраивать принцип «двойного большинства». Кроме того, у многих банков, действующих в границах Еврозоны/ЕС, имеются филиалы в третьих странах, на которые полномочия ЕЦБ не распространяются. Еще более существенно, что создание системы гарантий вкладов и порядок принятия решений о судьбе банков-банкротов могут оказаться дорогостоящими. По подсчетам экспертов банка «Barclays», взносы в финансовую корпорацию, которая будет проводить ликвидацию таких банков, обойдутся европейской промышленности в 40 млрд. евро в ближайшие 10 лет. Примерно столько же будет стоить и система гарантий банковских вкладов, причем (по мнению опрошенных экспертов из банковской среды) чем дольше затянется политическое обсуждение этих вопросов, тем большими будут издержки²⁸.

Первые результаты реформ. Опубликованное недавно исследование ОЭСР об успехах отдельных стран в деле реформирования структуры национальных экономик («Going for Growth»)²⁹ констатирует, что коэффициент восприимчивости³⁰ к рекомендациям международных экспертов был в целом выше у стран, находившихся под давлением внешних финансовых рынков – Греции, Ирландии, Италии, Португалии, Испании и ряда других (0,59), при общем для ОЭСР индексе 0,48. Проблемные страны ввели у себя обширные программы бюджетной консолидации. У Греции и Ирландии они эквивалентны, соответственно, 22% и 17% национальных ВВП, у Португалии и Испании – 6% и 7%. Италия приняла пакет мер

²⁵ Financial Times, 14.12.2012.

²⁶ Le Monde, 14.12.2012.

²⁷ El Pais, 25.01.2013.

²⁸ Financial Times, 14.12.2012.

²⁹ Economic Policy Reforms.Going for Growth. OECD, 2012.

³⁰ Коэффициент измеряется как соотношение принимаемых мер и списка рекомендаций ОЭСР, с учетом значимости каждой конкретной реформы.

объемом 25 млрд. евро на 2011-2012 гг., урезав региональные бюджеты ближайших двух лет на 8,5 млрд. евро. Аналогичное сжатие трансфертов из центрального бюджета запланировано в Испании (на 1,2 млрд. евро, в дополнение к сокращению на 6 млрд. капиталовложений в предприятия государственного сектора) и в Португалии – на 100 млн. евро³¹.

За три года кризиса проблемным странам европейской периферии было выделено 360 млрд. евро внешней помощи на сбалансирование бюджета, рекапитализацию банковских систем и рефинансирование государственного долга³². Политика жесткой экономии, которой была обусловлена эта поддержка, имела следствием спад производства, сжатие потребления семей и сокращение инвестиций в основной капитал, а также огромный рост безработицы (см. таблицу). Неудивительно, что 2012 год стал в этих странах годом беспрецедентно массовых проявлений социального протеста. Сотни тысяч демонстрантов требовали от своих правительств прекращения этой политики и обвиняли Брюссель (а еще больше – Германию) в попрании интересов широких слоев европейского населения.

В проблемных странах достигла критического уровня безработица молодежи. В Испании она охватывает половину молодежного контингента, в Италии – 40%, в Греции – 60%, в Ирландии – около 30%. Значительная часть молодежи не работает и не учится. Дипломированная молодежь часто вынуждена работать не по специальности, соглашаться на временную занятость, эмигрировать в поисках работы или карьеры. Затяжная безработица выросла, по сравнению с докризисным периодом, почти во всех странах Европы³³.

Таблица

	годы	ВВП рост в рыноч- ных ценах	Вложе- ния в основ- ной ка- питал	Экспорт товаров и услуг	Импорт товаров и услуг	Дефи- цит бюд- жета	Госу- дарст- венный долг, % к ВВП	Баланс текущих плате- жей, % к ВВП	Безрабо- тица, % к актив- ному на- селению
Италия	2011	0,4	-1,9	5,6	0,4	-3,8	120,6	-3,2	8,4
	2012	-2,2	-8,2	0,9	-7,3	-3,0	127,8	-0,9	10,6
	2013	-1,0	-5,1	2,6	-0,2	-2,9	130,4	0,3	11,4
Испания	2011	0,4	-5,3	7,6	-0,9	-9,4	69,3	-3,5	21,6
	2012	-1,3	-9,1	4,0	-4,5	-8,1	86,1	-2,0	25,0
	2013	-1,4	-9,0	6,4	-1,3	-6,3	92,6	0,5	26,9
Португалия	2011	-1,7	-11,3	7,5	-5,3	-4,4	108,1	-6,5	12,7
	2012	-3,1	-14,5	4,2	-6,9	-5,2	115,5	-2,9	15,5
	2013	-1,8	-6,5	3,6	-2,8	-4,9	123,1	-1,5	16,9
Греция	2011	-7,1	-19,6	0,3	-7,3	-9,5	170,5	-9,9	17,7
	2012	-6,3	-18,0	-2,9	-11,6	-6,9	176,7	-5,5	23,6
	2013	-4,5	-9,5	3,0	-4,3	-5,6	188,6	-4,6	26,7
Ирландия	2011	-1,4	-12,7	5,0	-0,3	-13,3	106,4	1,1	14,5
	2012	0,5	-7,7	3,3	-0,3	-8,1	117,3	4,0	14,8
	2013	1,3	-8,1	3,3	0,9	-7,5	121,9	5,2	14,7

2013 г. – прогноз. Источники: OECD Economic Outlook, Vol 2012, Issue 2; Banca d'Italia, Annual Report 2011.

³¹ Going for Growth, p.48,55,57.

³² Греции было предоставлено 173 млрд., Португалии – 79,5 млрд., Ирландии – 67,5 млрд., Испании – 40 млрд. евро. Кроме того, с мая 2010 г. по декабрь 2011 г. ЕЦБ выкупил долговые обязательства на сумму около 200 млрд. евро, в том числе на 100 млрд. – итальянских облигаций. – Le Monde, 1.12.2011.

³³ Going for Growth, p. 31.

Динамика основных экономических показателей «проблемных» стран.

Официальная статистика и прогнозы на 2013 год свидетельствуют о снижении темпов роста европейских экономик, включая и Германию. Регион вползает в депрессию, расплачиваясь этим за стремление подтянуть показатели бюджетного дефицита к маастрихтскому нормативу (не выше 3% ВВП). Жесткая экономия «убивает» экономический рост. Требования смягчить бюджетную политику раздаются даже в относительно благополучных странах – например, Нидерландах, где профсоюзы заняли протестную позицию по отношению к правительству. «Мы должны найти правильный баланс между бюджетной консолидацией и коллективной поддержкой экономического роста.., чтобы не погубить перспективы развития», - говорил на заседании Еврогруппы министр финансов Франции П.Московичи³⁴.

Под давлением обстоятельств в Еврозоне/ЕС появилась тенденция к растягиванию сроков нормализации финансового положения, установленных в Соглашении о бюджетных правилах 2011 года. Для Франции, Нидерландов и Испании они были отодвинуты на 2014 год, Португалия и Ирландия просят об аналогичной отсрочке. Для Греции, переживающей уже шестой год кризиса, нормализация мыслится как сокращение объема государственного долга (достигшего 175,6% ВВП) до «приемлемого уровня» к 2020 году³⁵.

В документах саммита ЕС 13-14 декабря говорится о необходимости проявлять гибкость - «проводить дифференцированную и обоснованную бюджетную политику, благоприятствующую росту»³⁶. Обсуждается предложение не учитывать при исчислении бюджетного дефицита осуществляемые государством производительные инвестиции, а также принимать в расчет «качественный аспект» расходов, направленных на изменение динамики экономического цикла³⁷. В то же время доминирующее стремление к экономии ресурсов возобладало, под влиянием Германии и Великобритании, при разработке очередной программы регионального развития ЕС на 2014-2020 гг. Впервые за весь период разработки таких программ, считающихся основным инструментом политики конвергенции («сплочения») экономик стран-членов, объем ассигнований был сокращен (на 3,5%).

На рубеже 2012-2013 годов кульминацией протестных настроений в Еврозоне/ЕС стала предвыборная кампания в Италии – стране, дальше других продвинувшейся по пути структурных преобразований. «Техническое» правительство М.Монти, пришедшее к власти в ноябре 2011 г. с мандатом на немедленное проведение реформ, неукоснительно следовало намеченным курсом. Реформы (рынка труда, пенсионная, бюджетная, административная) были рассчитаны на среднесрочную отдачу, о чем Монти говорил неоднократно. Но углубляющаяся рецессия в экономике и обострение политической борьбы привели к правительственному кризису – отставке кабинета и назначению досрочных выборов на 24-25 февраля 2013 года. Предвыборная кампания открыла выход массовым популистски окрашенным настроениям, выразившим неприятие «европейской политики» в ее нынешнем варианте. Прозвучало и требование выхода Италии из Еврозоны, используемое, правда, скорее как эмоциональный лозунг, способный зажечь толпу на предвыборном митинге³⁸.

³⁴ Il Sole 24 Ore, 5.03.2013.

³⁵ Il Sole 24 Ore, 6.03.2013.

³⁶ Цит. по Il Sole 24 Ore, 4.03.2013.

³⁷ Там же.

³⁸ Убежденные сторонники такого шага – небольшие партии «Лига Севера» и «Гражданская революция» – повели за собой не более 5% электората. По подсчетам итальянских экспертов, выход из Еврозоны обошелся бы Италии в 45% ее годового ВВП и вызвал бы волну длительных негативных последствий. – См. подробно: Garnero A., Marcolin L. Cosa succederebbe se l'Italia tornasse alla lira? //Limes, N6, 2011.

Взрыв протестных настроений оказался настолько мощным, что личный престиж премьер-министра, поддержанного умеренными политическими силами, не смог противостоять триумфальному успеху популистского «Движения 5 звезд» во главе с самодельным политиком-блогером Б.Грилло. По итогам февральских выборов 2013 года эта политическая сила собрала 25,5% голосов, уступив только коалициям лево- (29,5%) и правоцентристов (29,2%). Умеренная группировка во главе с Монти получила всего 10,6% голосов.

Значение политического кризиса, завершившего 2012 год в Италии, выходит далеко за пределы этой страны – третьей по величине экономики Еврозоны. В нем наиболее полно отразилась не только кризисная ситуация южной половины европейского региона, но и необходимость переосмысления общего экономического курса в свете социально-политических реалий сегодняшнего дня. Задача заключается в том, чтобы найти приемлемый для всех компромисс, сочетающий цели финансовой стабилизации и стимулирования экономического роста – своего рода квадратуру круга - в условиях неустойчивого мирохозяйственного равновесия. Решению этой задачи будут, по-видимому, посвящены основные усилия правительств и общественности стран Европы в предстоящий период.

ЭКОНОМИКА

А.А. Рогожин

ТРЕНДЫ МИРОВОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Изменения в мировой энергетической отрасли создают далеко идущие потенциальные последствия для энергетических рынков и торговли. В настоящее время она претерпевает изменения в связи с возрождением добычи нефти и газа в США, и в дальнейшем могут произойти дополнительные изменения по причине отказа некоторых стран от развития ядерной энергетики, продолжающегося быстрого развития технологий ветряной и солнечной энергетики и распространения добычи нетрадиционного газа в мире. Перспективы международных нефтяных рынков зависят также от успеха Ирака в восстановлении своего нефтяного сектора. Если новые инициативы в области политики получают дальнейшее развитие и будут реализованы в рамках согласованных усилий по совершенствованию эффективности использования энергоносителей в мире, это может также привести к изменению баланса сил в отрасли.

По оценке экспертов МЭА, мировой спрос на энергоносители скорее всего вырастет более чем на одну треть в период до 2035 г., при этом на Китай, Индию и Ближний Восток придётся 60% прироста. Потребность в энергоносителях в странах ОЭСР увеличится не намного, хотя наблюдается чётко выраженный переход от нефти, угля (и, в некоторых странах, ядерной энергетики) к использованию природного газа и альтернативных энергоносителей. Несмотря на рост добычи энергоносителей с низким уровнем выбросов углекислого газа, ископаемые виды топлива продолжают доминировать в мировом энергетическом балансе. Этому способствуют субсидии, которые составили 523 млрд. долл. в 2011 г., что почти на 30% выше по сравнению с 2010 г. и в шесть раз больше субсидий, выделяемых на производство альтернативных энергоносителей.

В энергетической отрасли США происходят глубокие изменения, и их влияние будет ощущаться далеко за пределами Северной Америки и энергетического сектора. Недавний подъём добычи нефти и газа в США, обусловленный развитием технологий разработки месторождений и добычи сырья, которые способствовали развитию добычи нефти и газа сланцевых пород, стимулирует экономическую активность – снижение цен на газ и электроэнергию предоставило промышленности конкурентное преимущество, – и неуклонно меняет роль Северной Америки в мировой торговле энергоносителями.

К 2020 г. США, по прогнозам, станут крупнейшей страной в мире по добыче нефти (опередив Саудовскую Аравию с середины 2020-х годов) и начнёт рассматривать вопрос о влиянии новых мер по экономии топлива в области транспорта. Результатом станет дальнейшее сокращение импорта нефти США, до такой степени, что Северная Америка станет нетто-экспортёром нефти уже к 2030 г. Это ускорит процесс перемещения международной торговли нефтью в направлении Азии, при этом особое внимание будет уделено безопасности стратегических путей, по которым ближневосточная нефть поставляется на азиатские рынки. США, которые в настоящее время импортируют около 20% от общего количества потребляемых энергоносителей, будут, в конечном итоге, полностью обеспечивать себя.

Ни одна страна не является энергетическим "островом" и процесс взаимодействия между различными видами топлива, рынками и ценами усиливается. Большинство потребителей нефти ранее испытывали последствия

колебаний цен во всём мире (сокращение импорта нефти не оградит и США от воздействия изменений на международных рынках), но потребители могут ожидать, что связи в других областях будут расти. Свежим примером является то, как использование недорогого природного газа привело к сокращению использования угля в США, увеличив экспорт угля в Европу (где, в свою очередь, он заменил дорогой газ). Будучи на самом низком уровне в 2012 г., цены на природный газ в США составили одну пятую от импортных цен в Европе и одну восьмую в Японии.

В дальнейшем взаимодействие цен на региональных рынках газа будет усиливаться, так как торговля СПГ становится более гибкой и условия договоров изменяются, а это означает, что изменения в одной части мира быстро отразятся на другой. В рамках отдельных стран и регионов на конкурирующих рынках энергоносителей складываются прочные связи между газовым и угольным рынками. В то время как этим рынкам также необходимо адаптироваться к возрастающей роли альтернативных энергоносителей и, в некоторых случаях, снижению доли ядерной энергетики.

Экономия энергоносителей широко признана в качестве ключевого параметра энергетической политики, но в настоящее время усилия в этой области не соответствуют своему полному экономическому потенциалу. В 2011 г. основные потребляющие энергоносители страны объявили о новых мерах. К 2015 г. Китай планирует на 16% снизить потребление энергоносителей. США приняли новые стандарты экономии энергоносителей. ЕС взял на себя обязательство к 2020 г. сократить их потребление на 20%. Япония намерена к 2030 г. добиться сокращения потребления электроэнергии на 10%. Успешные действия в этой области могут оказать значительное влияние на мировую энергетическую отрасль и тенденции климатических изменений, в частности, рост спроса в мире на первичные энергоносители к 2035 г. может сократиться наполовину.

Спрос на нефть предположительно достигнет своего пика к 2020 г. и будет почти на 647,4 млн. т/год ниже к 2035 г. Рост потребления нефти в странах с высокими темпами роста экономики, в частности, в Китае, Индии и странах Ближнего Востока, постоянно выше и более чем перевешивают снижение спроса в странах ОЭСР. Спрос на нефть достигнет 5 млрд. т/год в 2035 г., по сравнению с 4,3 т/год в 2011 г., а средняя импортная цена на нефть МЭА увеличится до 125 долл. за баррель (в год – 2011 долл.), в 2035 – более 215 долл.

Добыча нефти в странах, не входящих в ОПЕК, увеличилась в текущем десятилетии, но после 2020 г. поставки во всё возрастающей степени будут зависеть от стран ОПЕК. Рост добычи нетрадиционных видов энергоносителей произошёл в основном в результате разработки плотных нефтеносных песков в США и Канаде, производства СПГ и скачка в развитии добычи на глубоководных месторождениях Бразилии. И он привёл к тому, что добыча в не входящих в ОПЕК странах после 2015 г. поднимется до уровня выше 2,6 млрд. т/год по сравнению с 2,4 млрд. т/год в 2011 г. Это положение сохранится до середины 2020-х годов, прежде чем снова снизиться до 2,5 т/год в 2035 г. Добыча в странах ОПЕК будет расти, особенно после 2020 г., в результате чего доля стран ОПЕК в мировой добыче к 2035 г. возрастет с нынешних 42 до 50%. Чистое увеличение мировой добычи нефти происходит исключительно за счёт нетрадиционных видов нефти, в том числе за счёт нефти плотных нефтеносных песков и СПГ.

Ирак на сегодняшний день вносит наибольший вклад в мировой рост поставок нефти. Грандиозные планы Ирака по увеличению добычи нефти после десятилетий конфликтов и нестабильности не ограничиваются размерами его запасов или затратами на их добычу. Но они потребуют скоординированных действий на протяжении всей цепочки поставок, ясного представления о том, как Ирак планирует

получить долгосрочную выгоду от своих запасов нефти и газа и достижения внутреннего консенсуса по нефтяной политике. По прогнозам МЭА, в 2020 г. добыча нефти в Ираке превысит 300 млн. т/год и увеличится более чем 398,4 млн. т/год к 2035 г. К 2030 г. Ирак станет ключевым поставщиком быстрорастущих рынков Азии, главным образом, Китая, и вторым по величине мировым экспортёром, опередив Россию.

Природный газ останется единственным ископаемым топливом, спрос на который растёт при любых сценариях развития событий, что свидетельствует о том, что он высок при различных политических условиях, но перспективы зависят от региона. Рост спроса в Китае, Индии и на Ближнем Востоке высок: активная политическая поддержка и регулирующие реформы приведут, по-видимому, к тому, что потребление в Китае может увеличиться до 545 млрд. куб. м в 2035 г. по сравнению с около 130 млрд. куб. м в 2011 г. В США низкие цены и наличие крупных запасов газа привели к тому, что к 2030 г. газ может опередить нефть в качестве крупнейшего вида топлива в энергетическом балансе. Европе потребуется почти десять лет, чтобы вернуться к уровню спроса на газ 2010 г. Рост Японии аналогичным образом тормозится высокими ценами на газ и политикой, направленной на приоритетное развитие альтернативных энергоносителей и экономии энергии.

Нетрадиционный газ составит почти половину прироста мировой добычи газа к 2035 г., главным образом, за счёт Китая, США и Австралии. Но добыча нетрадиционного газа всё ещё находится в стадии формирования, при этом нет определённости в отношении количества и качества запасов во многих странах. Существуют также опасения по поводу негативного воздействия добычи нетрадиционных видов газа на окружающую среду, которые, если они не будут должным образом учтены, могут остановить революционные изменения в области нетрадиционных видов газа.

На долю угля приходилась почти половина роста мирового спроса на энергоносители в течение последнего десятилетия, который рос ещё быстрее, чем спрос на альтернативные энергоносители в целом. Даже если спрос на уголь продолжит оставаться высоким или изменение курса будет зависеть от политических мер, способствующих снижению выбросов, внедрение более эффективных технологий добычи угля и, особенно, CCS, будет важным в долгосрочной перспективе. Политические решения, имеющие наибольшую значимость для определения доли угля в мировом балансе энергоносителей, будут приняты *Индией* и *Китаем*, на которых приходится почти три четверти прогнозируемого роста спроса на уголь в не входящих в ОЭСР странах (в странах ОЭСР будет наблюдаться снижение использования угля. Торговля углём продолжит расти до 2020 г., в результате чего Индия станет крупнейшим нетто-импортёром угля, но затем доля импорта сократится в результате снижения импорта Китая).

Роль ядерной энергетики предположительно снизится, поскольку страны пересмотрели политику в этой области в связи с аварией 2011 г. на ядерной станции в Фукусима. Япония и Франция недавно присоединились к странам, намеренным сократить долю ядерной энергетики, в то время как в США и Канаде в настоящее время с ней конкурирует относительно дешёвый природный газ. Отказ от ядерной энергетики может иметь значительные последствия для расходов стран по импорту ископаемого топлива, цен на электроэнергию и уровня усилий, необходимых для достижения целей в области климатической политики.

Устойчивый рост гидроэнергетики и быстрое развитие ветряной и солнечной энергетики укрепили позиции альтернативных энергоносителей как неотъемлемой части мировой энергетической отрасли; к 2035 г. альтернативные энергоносители

составят почти одну треть от общего объема производства электроэнергии. Солнечная энергетика развивается более быстрыми темпами, чем любые другие альтернативные технологии. Альтернативные энергоносители станут вторым по величине в мире источником производства электроэнергии к 2015 г. (примерно половина приходится на уголь), а к 2035 г. они догонят уголь в качестве основного источника производства мировой электроэнергии. Потребление биомассы (для выработки электроэнергии) и биотоплива увеличится в четыре раза, при этом возрастут объемы мировых поставок.

Мировые запасы биоэнергоносителей более чем достаточны для удовлетворения мировых прогнозируемых потребностей в биотопливе и биомассе, не конкурируя с производством продуктов питания, хотя необходимо тщательно следить за процессом использования земельных угодий. Быстрое увеличение использования альтернативных энергоносителей сопровождается сокращением технологических расходов, ростом цен на ископаемые виды топлива, но в основном продолжением субсидирования: с 88 млрд. долл. во всем мире в 2011 г. субсидии возрастут почти до 240 млрд. долл. в 2035 г.

А.В. Акимов

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ В МИРЕ И В РОССИИ

В 2012 г., как и в 2007-2008 гг., продовольственные рынки привлекли всеобщее внимание. Это связано с ценовой динамикой, которая по большей части была повышательной. В первой половине года тенденция роста цен была относительно слабой, но с июня в связи с опасениями относительно урожая в северном полушарии цены стали расти, и лишь к декабрю уменьшились по сравнению с максимальными значениями середины года, оставаясь выше уровня начала года примерно на 15%. Существенно подорожало зерно, что сказывается на продовольственном и кормовом сегментах.

В 2012 г. ситуация была менее угрожающей, чем в 2007-08 гг., потому что после кризиса 2007-08 гг. были предприняты меры в области регулирования, которые уменьшили торговые ограничения. Тем не менее, в отдельных секторах и рынках и в конкретных странах и регионах ситуация была и остается острой. Урожай 2012 г. оказался почти на 90 млн. т., или на 4,7% ниже, чем годом ранее, соответственно уменьшился экспорт. Сокращение промышленного и кормового потребления, первое за 14 лет непрерывного роста, способствовало поддержанию баланса, но на 2012/13 г. запасы на конец сезона прогнозируются на очень низком уровне (см. табл. 1).

Ситуация неравномерна по регионам и отдельным культурам. Наиболее тревожное положение сложилось в тех странах, которые зависимы от импорта. Это государства Центральной Америки и Карибского бассейна, Ближнего Востока и Африки. Активные закупки пшеницы Китаем и Ираном, обладающими ресурсами для оплаты повышенных объемов импорта, способствовали росту цен.

Важным поставщиком, балансирующим рынок, выступила Украина. Долгое время эта страна планировала запретить экспорт зерна с 15 ноября 2012 г., но в результате анализа возможностей после сбора урожая было принято решение экспортировать зерно, в частности, в Египет.

Наиболее напряженная ситуация сложилась на рынке кукурузы. В США, ЕС и на Украине урожаи значительно сократились. Впервые за последние 19 лет ожидается сокращение промышленного и продовольственного потребления

кукурузы. В то же время, на 2012/13 г. прогнозируется рекордно высокий урожай риса. Его запасы находятся на удовлетворительном уровне. Предполагается, что Китай сократит его закупки по импорту. Таким образом, ситуация на мировом рынке имеет разнонаправленный характер.

Таблица 1

Положение с ресурсами зерна в мире, млн. т.

	2010/11 г.	2011/12 г.	2012/13 г.
Запасы на начало сезона	401,5	366,4	368,7
Производство	1750,8	1849,8	1762,2
Импорт	242,5	270,4	253,0
Ресурсы	2152,3	2216,2	2130,8
Потребление	1785,9	1847,5	1806,4
Продовольственное	621,3	628,5	633,2
Промышленное	297,6	306,1	296,4
Кормовое	749,2	788,0	758,0
Экспорт	242,5	270,4	253,0
Запасы на конец сезона	366,4	368,7	324,4

Ист.: БИКИ, №1-2, 10 янв. 2013, с. 7.

При сравнении положения в 2012 г. с кризисом 2007-08 гг. наблюдатели выделяют несколько различий. Кризис стимулировал инвестиции в сельское хозяйство, правительства стали активнее поощрять эту сферу экономики. В целом положительное влияние на современную ситуацию оказывает сокращение случаев экспортных ограничений.

В 2011 г. закончилась программа по субсидированию производства этанола в США, что сократило темпы роста потребления зерна для топливных нужд. Рецессия в странах Запада замедлила темпы роста цен на энергоносители, что положительно сказывается на рынке зерна, поскольку производить моторное топливо из растительного сырья уже менее выгодно, и относительно стабильные цены на нефть и нефтепродукты создают благоприятные условия для сельхозпроизводителей, применяющих в своих хозяйствах технику, фермеров в развитых странах и производителей пшеницы и кукурузы в большинстве развивающихся стран и переходных экономиках.

Кроме того, вялая экономическая конъюнктура и спад на финансовых рынках ослабляет роль спекулянтов в росте цен на зерно, являющееся биржевым товаром. В кризис 2007-08 гг. этот фактор имел большое значение, потому что закупки зерна спекулянтами, инвестировавшими в этот хранящийся долгое время и ликвидный товар, вызвали существенный рост цен. По мнению экспертов, вялая экономическая конъюнктура в мировой экономике будет действовать в сторону стабилизации цен на продовольствие. Высокие цены в 2012 г. послужили стимулом для развития производства. Таким образом, дестабилизатором может стать в первую очередь неурожай в разных регионах мира.

Еще одним фактором, влияющим на продовольственную ситуацию в мире, являются перераспределительные процессы в сфере торговли и продовольственной помощи. Если в мировой торговле продовольствием просматривается тенденция к налаживанию прочных механизмов обмена, то в решении продовольственной проблемы для беднейшего населения пока не произошло перелома к лучшему. Число голодающих в мире не уменьшается и держится на уровне 870 млн. чел. (из

них 852 млн. чел. в развивающихся странах)³⁹ Как видно из данных табл. 1, в мире имеется достаточное количество зерна в промышленном и кормовом секторах, которое могло быть хотя бы частично перераспределено в пользу беднейшего голодающего населения. Пока радикального решения вопроса нет.

Россия в 2012 г. собрала почти на 20 млн. т зерна меньше, чем в 2011 г., но урожай покрывает все нужды страны, и кроме того около 14 млн. т может быть экспортировано. Это почти в два раза меньше, чем годом ранее, но более чем в три раза больше, чем в неурожайном 2010 г.

Современную роль России в мировом балансе зерна характеризует табл. 2. Таблица содержит те же показатели, что таблица 1, но в ней показаны доли России в мировых суммарных значениях.

Таблица 2.

Доля России в мировых показателях зернового рынка.

	Россия 2011/12 г., млн. т	доля России в миро- вых показателях, %
Запасы на начало сезона	16,0	4,37
Производство	89,7	4,85
Импорт	0,5	0,18
Ресурсы	106,1	4,79
Потребление	65,7	3,56
Продовольственное	18,6	2,96
Промышленное	2,9	0,95
Кормовое	33,8	4,29
Экспорт	27,2	10,06
Запасы на конец сезона	13,3	3,61

Ист.: рассчитано по данным БИКИ, №1-2, 10 янв. 2013, с. 8.

Очевидно, что Россия выступает крупным мировым экспортером. При хорошем урожае (около 5% мирового) она способна составить очень существенную часть мирового экспорта (10%). В немалой степени это связано с невысоким уровнем промышленного потребления зерна. Сравнительно высокая доля потребления кормового зерна связана с быстрым развитием в последние годы в России промышленного птицеводства и свиноводства, которые основаны на зерновой кормовой базе.

Для РФ важным событием в 2012 г. стало присоединение к Всемирной торговой организации (ВТО). Для российского сельского хозяйства и потребительского рынка оно имело противоречивое значение. Вступление в ВТО повлекло за собой снижение импортных пошлин на многие виды продукции: на готовые продукты из рыбы с 15% до 12,5-12,0%, на рыбное сырье с 10% до 6-8%, на ряд видов продукции до 3-5%, на молоко, сухие и сгущенные сливки, сливочное масло с 25% до 20%.⁴⁰ Снижаются пошлины на корма для животноводства, включая соевые бобы, жмых и шрот, а также овощи, фрукты и орехи, не выращиваемые в России. Таким образом, для потребителей ситуация несколько улучшается.

Вопрос, который более всего волновал российский бизнес при присоединении к ВТО, насколько удастся защитить рынок мяса. Согласно достигнутым договоренностям, Россия сохранит режим тарифного квотирования импорта

³⁹ Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире. Резюме. ФАО, Рим, 2012, с.2. www.fao.org

⁴⁰ 22 августа 2012 г. Российская Федерация стала полноправным членом Всемирной торговой организации http://www.economy.gov.ru/minec/press/news/doc20120823_2

говядины, свинины и мяса птицы. Срок окончания действия тарифного квотирования импорта свинины – конец 2019 г., а по другим сортам мяса он не определен.⁴¹

Это создает для отечественных производителей и властей определенную возможность поддержать животноводство, и необходимость в этом есть. Дело в том, что в соглашении о вступлении России в ВТО есть пункт, предусматривающий снижение пошлины на импорт живых свиней с 40% до 5%. Этот пункт может существенно поменять ситуацию на рынке в целом. Становится выгодно ввозить не свинину, а живых свиней с последующей переработкой в России. Появились сообщения о планах европейских фирм, в первую очередь, датских, построить фермы в Литве для выращивания свиней на экспорт в Россию.

Очевидно, что пункт о снижении тарифов на импорт живых свиней был недоработкой российской стороны. Свиноводство относится к числу отраслей, которые довольно успешно развиваются в нашей стране. Создано несколько крупных современных хозяйств, которые конкурентоспособны на рынке, таможенные тарифы защищали их и часть менее эффективных хозяйств, работавших на импортзамещение.

Министерство промышленности и торговли подготовило проект закона «О мерах по защите российского свиноводства». В нем предусматривается вернуть прежний уровень импортных пошлин на живых свиней, существовавший до вступления в ВТО. Проект получил поддержку всех заинтересованных ведомств, но против него выступили Министерство финансов и Министерство иностранных дел.⁴² Очевидно, что такая «гибкость» позиции российской стороны по только что заключенным международным соглашениям не способствует повышению ее международного авторитета и привлекательности инвестиционного климата. Вместе с тем, возврат к старым уровням пошлин возможен, если этот шаг будет одобрен Европейской экономической комиссией в случае, если она согласится, что импорт свиней наносит ущерб российским производителям.

Для последних ставка высока. По оценке генерального директора Российского союза свиноводов, если закон не будет принят, то 30-40% компаний в этой отрасли обанкротится⁴³. Это связано с тем, что большинство свиноводческих фирм получает субсидии, а также обременено займами. Это относится и к самым современным комплексам, которые были построены недавно на заемные средства, а займы еще не выплачены. Такая финансовая нагрузка подрывает конкурентоспособность российских фирм. В случае же принятия закона, обанкротится не более 10-15% наиболее слабых фирм.

Вместе с тем государственная помощь оказывается на условиях определенного контроля за внутренними ценами на мясо. Эту функцию выполняет Федеральная антимонопольная служба. В этом аспекте животноводы против государственного вмешательства, так как по их мнению оно снизит доходность бизнеса. В целом предстоят сложные договоренности и компромиссы для сохранения отечественного животноводства в новых условиях.

Для России сохраняются возможности регулирования рынка через качественные характеристики импортируемого мяса. Так, в декабре 2012 г. были выдвинуты требования к экспортерам мяса в Россию предоставлять сертификаты, подтверждающие отсутствие в свинине и говядине стимулятора роста рактопина, который препятствует наращиванию жира и стимулирует рост мышечной массы у животных. Этот препарат употребляется в странах Америки, Северной и Южной.

⁴¹ Там же

⁴² О некоторых особенностях текущей ситуации на российском рынке мяса. // БИКИ, № 3, 15 января 2013, с. 6.

⁴³ Там же, с. 7.

Такая мера может быть частью защиты внутреннего рынка, хотя бы временной, и инструментом достижения договоренности с ЕС.

Определенные возможности вступление России в ВТО открывает и перед экспортерами. Вице-президент Российского зернового союза А.Корбут считает, что Россия имеет ежегодный потенциал экспорта мяса птицы и свинины порядка 200 тыс. т ⁴⁴. Поскольку именно птицеводство и свиноводство являются основными потребителями кормового зерна, это дало бы импульс развитию зернового хозяйства.

Есть планы экспортировать в страны Ближнего Востока мясные продукты, приготовленные в соответствии с требованиями исламских обычаев (халяль). Ряд фирм ориентируется на активное участие в западных профессиональных ассоциациях. Например, фирма «Евродон», являющаяся крупнейшим производителем мяса индейки в России, планирует вступить в Национальную федерацию производителей индейки США. ⁴⁵ Эта организация объединяет фирмы по разведению индеек, переработке их мяса, его дистрибуции, а также генетики в этой области. Если «Евродон» выполнит поставленную задачу, то только недавно формирующаяся в России отрасль по производству мяса индейки еще на старте получит возможность быстро приблизиться к наивысшим мировым стандартам.

Еще одной проблемной отраслью помимо свиноводства в российском агропромышленном комплексе является сыроделие. Российские цены на молоко находятся на уровне выше европейского. Кроме того, ощутима конкуренция с белорусскими производителями. В 2012 г. большая часть российских производителей сыра закончили год с убытками. ⁴⁶ Двумя годами ранее уже была разработана программа поддержки отрасли, но ее финансирование не было обеспечено. Новая программа, которая могла бы спасти отрасль, необходима, но она уже будет реализовываться в условиях жестких ограничений, налагаемых ВТО.

Среди мер, которые не противоречат условиям этой организации, возможны инвестиции в поддержание науки, образования, создание инфраструктуры. Безусловно, такого рода помощь необходима российскому аграрно-промышленному комплексу, но его состояние по сравнению с основными конкурентами таково, что этого может оказаться недостаточно для сохранения многих фирм и даже целых отраслей.

В то же время, бесконечное затягивание вступления в ВТО не давало гарантий, что отечественные предприниматели поднимут уровень конкурентоспособности своего бизнеса. Таким образом, этот шаг оказывается стрессовой ситуацией для многих предпринимателей. Часть из них сумеет мобилизоваться, но немало их будут разорены. Для потребителя вступление в ВТО на первом этапе скорее благо, чем проблема, в силу того, что усиливается конкуренция, повышается предложение и могут немного упасть цены. В средней же и долгосрочной перспективе только повышение эффективности отечественного производства может гарантировать продовольственную безопасность страны.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ БИКИ, № 4, 17 января 2013, с. 7.

⁴⁶ Эксперт, №2, 2013, с. 40.

СТАБИЛИЗАЦИЯ В КИТАЕ

Прошедший год – второй в двенадцатой пятилетке (2011-2015). Он застал китайскую экономику на полосе снижения темпов экономического роста, что вызывало повсеместное беспокойство и тревожные прогнозы. Сокращение темпов продолжалось в течение первых трех кварталов года, но к концу периода неблагоприятная тенденция, наконец-то, переломилась. В результате прирост ВВП составил 7.8% – против 9.3% в предыдущем, 2011 году⁴⁷.

Впрочем, уже в середине года появились первые признаки того, что хозяйству Поднебесной удалась очередная «мягкая посадка»⁴⁸. Инфляция по потребительским ценам (в годовом исчислении) с пикового значения 6.5% в июле 2011 года снизилась до 2.2% в июне 2012 года. А по итогам всего минувшего года прирост потребительских цен составил 2.6% – против 5.4% в 2011 году⁴⁹.

Своевременный переход к активному стимулированию хозяйства в середине года и некоторые другие меры были основной причиной стабилизации и последовавшего повышения темпов роста. В результате стабилизация китайской экономики оказалась одним из немногих положительных сигналов в малопривлекательной картине неустойчивого состояния мирового хозяйства.

Хозяйственное положение и внешнеэкономические связи. ВВП КНР в 2012 году составил 51.9 трлн. юаней – почти 8.3 трлн. долл. по официальному валютному курсу⁵⁰. На промышленность пришлось более 45% ВВП (против 47% в предыдущем году), услуги – почти 45%, сельское хозяйство – 10%.

Впервые за долгий срок темпы роста в тяжелой индустрии Китая были ниже, чем в легкой промышленности. Этот факт, как и сближение удельного веса промышленности и сферы услуг, можно трактовать как постепенное продвижение по пути трансформации экономической модели, в том числе в сторону сервисизации, заявленной руководством страны, – в том числе в документах XVIII съезда КПК, состоявшегося осенью 2012 года.

Прибыли крупных промышленных предприятий выросли на 5.3% при их сокращении в госсекторе на 5.1%.

За истекший год почти на 4.8% увеличилось производство электроэнергии, на 11.5% – грузооборот транспорта. На 5-7% вырос выпуск стали, цветных металлов и

⁴⁷ Незадолго до конца 2012 года ГСУ КНР скорректировало показатель прироста ВВП за 2011 год: с 9.2 до 9.3%. Картина экономического роста в 2012 году была следующей: в первом квартале прирост ВВП составил 8.1%, во втором 7.6%, в третьем 7.4%, а в четвертом 7.9%. Прогнозируется, что в 2013 году прирост показателя составит 8.1%.

⁴⁸ Как известно, осенью 2008 года правительство КНР приняло решение о беспрецедентном по масштабу пакете мер стимулирования хозяйства – отчасти в ответ на начавшийся финансовый кризис в странах Запада. Последовавшая за этим «кредитная накачка» со временем вызвала повышение инфляции и переход к «охлаждению» перегрева экономики в начале 2010 года, когда Народный банк Китая (НБК) повысил норму резервирования для коммерческих банков. Осенью 2010 года рестриктивная кредитная политика была распространена и на ставку процента, которая неоднократно повышалась – последний раз в начале июля 2011 года.

⁴⁹ Иными словами, в среднем за два года инфляция осталась в рамках 4%. При этом цены на продовольственные товары в 2012 году повысились на 4.8%. Оптовые цены на промышленные товары снизились на 1.8%. Уточненные сведения были опубликованы 22 февраля 2013 года (http://www.stats.gov.cn/english/pressrelease/t20130222_402874590.htm). Далее данные статистики КНР приводятся без дополнительных ссылок.

⁵⁰ В конце 2012 года курс юаня (жэньминьби) к доллару составил чуть меньше 0.16 (6.29 юаня за доллар), повысившись за год на 0.25%.

цемента. Производство автомобилей за год увеличился на 4.7% (при этом увеличение производства легковых автомобилей составило 6.4%). Почти 12% составил прирост производства в химической промышленности.

Высокие темпы промышленного роста сопровождались увеличением производства топлива и энергии (табл. 1), а также импорта энергоносителей.

Таблица 1.

Отдельные показатели развития энергетики КНР в 2012 г.

	Единица измерения	2012 г.	В % к 2011 г.
Производство энергоносителей	млн. тут	3330.0	4.8
Уголь	млн. т	3650.0	3.8
Сырая нефть	млн. т	207.0	2.3
Природный газ	млрд. куб. м	107.2	4.4
Производство электроэнергии	млрд. кВт/ч	4938.0	4.8
в том числе: - на ТЭС	млрд. кВт/ч	3855.0	14.8
- на ГЭС	млрд. кВт/ч	860.9	23.2
- на АЭС	млрд. кВт/ч	97.4	12.8
Ввод новых мощностей	млн. кВт	80.2	-10.9

Общее потребление энергоресурсов в 2012 году, по предварительным оценкам, составило 3620 млрд. т условного топлива (рост на 3.9%). Потребление энергоресурсов в расчете на единицу ВВП сократилось на 3.6%, что чуть хуже показателя, предусмотренного планом на 12-ю пятилетку (4%), но лучше показателя предыдущего года (2%). Существенная экономия электроэнергии достигнута в промышленности.

Девятый год подряд в Китае наблюдалось увеличение производства зерновых. На этот раз прирост составил 3.2%, а общий урожай подошел к отметке 590 млн. т. Увеличилось производство мяса (на 5.4%), хлопка (на 3.8%) и сахара (на 7.8%).

Продажи потребительских товаров выросли на 14.3%, а с учетом инфляции – на 12.1%. На 7.3% в текущих ценах выросли продажи автомобилей, на 27% – мебели, на 29% – телекоммуникационной техники, на 16% – ювелирных изделий. Число пользователей интернета достигло 564 млн.

Финансовые доходы государства увеличивались в опережающем темпе: в 2012 году они выросли на 12.8% и превысили 11.7 трлн. юаней (более 22% ВВП), налоговые поступления составили более 10 трлн. юаней (рост на 12.1%). Общий объем освоенных инвестиций в основные фонды в 2012 году превысил 37 трлн. юаней, увеличившись на 20.3% (19% в постоянных ценах) по сравнению с предыдущим годом.

Китай продолжал политику выравнивания уровней развития регионов внутри страны. Прирост инвестиций составил 16.5% в восточных и 24.1% в центральных провинциях. Аналогичный показатель достиг 23.1% в западных и 26.3% – в северо-восточных регионах страны⁵¹.

⁵¹ Восточный регион включает Пекин, Тяньцзинь и Шанхай (города центрального подчинения), а также провинции Хэбэй, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Хайнань. К центральному относят провинции Шаньси, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй и Хунань. К Западу относят автономные районы: Внутреннюю Монголию, Синьцзян-Уйгурский, Нинся-Хуэйский, Тибетский, Гуанси-Чжуанский, провинции Сычуань, Ганьсу, Цинхай, Шэньси и Гуйчжоу, а также город центрального подчинения Чунцин. Северо-Восток включает провинции Ляонин, Цзилинь и Хэйлуцзян.

За 2012 год было введено в строй более 5.3 тыс. км новых железнодорожных путей (из них 2.7 тыс. км – скоростных магистралей), электрифицировано 6 тыс. км. железных дорог, построено почти 10 тыс. км автомагистралей. Эти показатели существенно выше, чем в 2011 году.

Из-за внешней конъюнктуры значительно снизились темпы роста внешней торговли. После того как в 2011 году экспорт Китая вырос на 20%, а импорт – почти на 25%, прирост экспорта в 2012 году составил 7.9%, импорта – лишь 4.3% (табл. 2). В результате опережающего роста экспорта увеличилось (до 231 млрд. долл.) активное сальдо торгового баланса КНР. В целом валютные резервы в конце года превысили 3.3 трлн. долл.

Таблица 2.

Внешняя торговля КНР в 2012 г.

Страны и группы стран	Экспорт		Импорт		Сальдо, млрд. долл.
	млрд. долл.	прирост, %	млрд. долл.	прирост, %	
Всего	2048.9	7.9	1817.8	4.3	+231.1
ЕС	334.0	-6.2	212.1	0.4	+121.9
США	351.8	8.4	132.9	8.8	+218.9
Гонконг	323.5	20.7	18.0	15.9	+305.5
АСЕАН	204.3	20.1	195.8	1.5	+8.5
Япония	151.6	2.3	194.6	10.1	-46.3
Республика Корея	87.7	5.7	168.6	3.7	-80.9
Тайвань	36.8	4.8	132.2	5.8	-95.4
Индия	47.7	-5.7	18.8	-19.6	+28.9
Россия	44.1	13.2	44.1	9.2	0

Продолжалось снижение в китайском экспорте доли операций на давальческой (толлинговой) основе, связанных с изготовлением экспортных товаров из импортных полуфабрикатов, узлов и деталей, свидетельствуя об успехах страны в локализации экспортного производства и повышении доли стоимости, добавленной на территории КНР, в том числе по высокотехнологичной продукции.

Сохранился рост экспорта электроники, продукции легкой промышленности, а также мебели. Вывоз мобильных телефонов увеличился на 16% и превысил 1 млрд. шт. На 20% вырос вывоз автомобилей. Экспорт проката из КНР приблизился к отметке 55 млн. т, увеличившись за год на 14%.

Среди крупных и растущих статей сырьевого импорта – нефть (271 млн. т, увеличение физического объема на 6.8% к 2011 году) и железная руда (743 млн. т, прирост 8.4%). Возрос ввоз угля (289 млн. т, прирост 29.8%) и природного газа, сжиженного и трубопроводного (42.5 млрд. куб. м, прирост 29%). Увеличились закупки целлюлозы (16.5 млн. т, прирост 14%) и соевых бобов – до 58 млн. т. (11.8%). Сократился ввоз проката – до 13.7 млн. т (-12.3%).

Внешняя торговля КНР по-прежнему складывалась с крупным активом в торговле с США и ЕС (что продолжало служить предметом острых коллизий), а также Гонконгом. Относительно более высокими темпами росла торговля с Гонконгом, АСЕАН и Россией (табл. 2).

Объем прямых иностранных инвестиций, реализованных в экономике КНР в 2012 году, снизился на 3.7% – до 111.7 млрд. долл. Значительным было сокращение капиталовложений в недвижимость и жилищно-коммунальные услуги, относительно

умеренным (-6.2%) в обрабатывающую промышленность. Весьма значительно (на 28.6%) вырос экспорт капитала из Китая, составивший за год (только прямые инвестиции в нефинансовые отрасли) 77.2 млрд. долл. Годовые доходы Китая от выполнения подрядно-строительных работ за рубежом составили в 2012 году 116.6 млрд. долл., увеличившись на 12.7%. К ним было привлечено 512 тыс. человек – на 13.3% больше, чем в предыдущем году.

Контрастное состояние китайского хозяйства, с одной стороны, и мировой экономики, с другой, хорошо иллюстрируют данные о международном туризме. Число граждан КНР, побывавших за рубежом с частными целями (77 млн. человек), увеличилось на 20.2%, а иностранных туристов в Китае – лишь на 0.3%. Тем не менее доходы от иностранного туризма выросли на 3% и составили 50 млрд. долл.

Стоит заметить, что сохранение высоких темпов роста экономики в Китае наблюдалось и во время преодоления кризиса мировой торговли в 2009 году. Из этого некоторые исследователи сделали вывод о том, что значение внешних факторов для китайской экономики не так уж велико⁵². С такой оценкой, по-видимому, можно согласиться и применительно к 2012 году.

Рынок недвижимости и финансовая сфера. Китайская статистика все более подробно освещает состояние рынка недвижимости в стране. Напомним, что в 2011 году наблюдалось замедление темпов роста продаж жилья: они выросли на 12.1% в стоимостном выражении и лишь на 4.9% – в натуральном измерении.

В первой половине 2012 года ситуация ухудшилась: сокращение продаж недвижимости против сопоставимого периода предыдущего года составило 10.7%, причем в первом квартале года падение было еще более глубоким. Однако спад не перерос в обвал: с августа наметилось улучшение картины – и по продажам, и по ценам, которые начали повышаться (в конце года они выросли в 54 из 70 городов, входящих в статистический мониторинг⁵³). В результате общегодовой показатель все-таки вышел в плюс: в натуральном измерении продажи жилья выросли на 2%. Хотя в целом, ситуация остается достаточно напряженной (табл. 3).

Таблица 3.

Отдельные показатели рынка недвижимости КНР в 2012 г.

	Млн. кв.м	Прирост, %
Продажи недвижимости	1113	1.8
- в том числе жилья	985	2.0
Начато строительство	1773	-7.3
- в том числе жилье	1307	-11.2
Всего в стадии строительства	5734	13.2
- в том числе жилье	4290	10.6

Как и предполагалось⁵⁴, правительство КНР в 2012 году осуществило ряд мер по мягкому стимулированию экономики. В начале года была, в частности, понижена норма резервирования для банков (до 20%), на этой отметке она оставалась в течение всего периода.

⁵² Zhang Wenlang, Dong He. How Dependent is the Chinese Economy of Exports and in What Sense Has Its Growth Been Export Led?// Journal of Asian Economics. 2010. Issue 21.

⁵³ В 2011 году наблюдалась противоположная картина: в конце года цены снижались в 52 городах из 70.

⁵⁴ См.: Салицкий А.И., Тацкий В.В. Китай: рост замедляется, проблемы решаются/ Север – Юг – Россия: 2011. Ежегодник. М.: ИМЭМО РАН, 2012.

По-видимому, именно снижение инфляции в середине года оказалось одним из сигналов летом 2012 года для еще более активного стимулирования с помощью монетарной политики. И оно последовало: в начале июня 2012 года НБК снизил ставку процента по кредитам. Меньше чем через месяц произошло второе снижение – до 6.0% (табл. 4).

Таблица 4.

Изменения процентной ставки по кредитам и депозитам в КНР, %

Дата изменения	Ставка по кредитам сроком на один год	Ставка по депозитам сроком на один год	Ставка по ипотечным кредитам*
07.07.2011	6.56	3.50	4.45
07.06.2012	6.31	3.25	-
04.07.2012	6.00	3.00	-

* Кредиты сроком до 5 лет

Заметим, что проводившееся до этого «мягкое» стимулирование не привело к повышению показателя M2 – в первом полугодии он остался на уровне конца 2011 года. Лишь в июне увеличение составило 0.4 процентных пункта по отношению к маю, а пика в 14.8% в годовом исчислении показатель достиг в сентябре. В конце года M2 увеличился на 13.8% и достиг 97.4 трлн. юаней (187% ВВП).

В 2012 году новых кредитов (в юанях и валюте) было выдано на сумму 9.1 трлн. юаней (в юанях на 8.2 трлн.). Общий объем кредитов на конец года составил 67.3 трлн. юаней, увеличившись на 15.6% к показателю предыдущего года. При этом сбережения населения превысили 41 трлн. юаней (прирост на 16.6%). Накопленный объем потребительских кредитов превысил 9.4 трлн. юаней – за год он увеличился почти на 1.6 трлн. юаней.

Фондовый рынок оставался в 2012 году спокойным, оживившись лишь в конце года. За счет размещения акций и корпоративных облигаций предприятия мобилизовали за год чуть более 2.1 трлн. юаней. Первичные размещения 74 инновационных компаний принесли 35 млрд. юаней.

Стимулирование экономики осуществлялось не только монетарными мерами. Осенью 2012 года было объявлено о возобновлении программы железнодорожного строительства (в том числе скоростных магистралей), замороженной летом 2011 года после ряда аварий. Таким образом, китайская экономика, совершив очередную «мягкую посадку», начала к концу 2012 года восстанавливать темпы роста, в очередной раз опровергнув предположения о возможном прорыве «китайского пузыря».

Некоторое беспокойство, впрочем, вызывают долги провинциальных правительств, связанные главным образом со строительством инфраструктурных объектов. Касаясь этой и некоторых других проблем, премьер КНР Вэнь Цзябао отмечал на мартовской сессии ВСНП 2012 года: «Мы придавали огромное значение предотвращению и устранению потенциальных опасностей в денежно-финансовой сфере, своевременно осуществляя полную ревизию задолженности местных правительств. Этой ревизией установлена суммарная величина многолетней задолженности местных правительств, причины образования долгов, сроки их погашения и региональное размещение. Образовавшиеся долги сыграли позитивную роль в социально-экономическом развитии, из них сформировалась большая группа высококлассных активов. И тем не менее они таят в себе определенную опасность,

особенно локальную, которая касается части регионов со слабой способностью погашения задолженности»⁵⁵.

Социальная сфера, образование, наука. В 2012 году увеличение доходов сельчан в Китае составило в постоянных ценах 10.7%, а горожан 9.6%. Однако более чем трехкратный разрыв в доходах в пользу вторых сохраняется. Число «нунминьгун» – крестьян-мигрантов, работающих в городах, составило 263 млн. человек (рост на 4%), из них 99 млн. работали в родных провинциях. Власти предпринимают различные меры для улучшения их положения. Среднемесячный доход мигрантов составил 2.3 тыс. юаней (около 370 долл.).

Высокий рост цен на продовольствие в последние годы сдерживает понижение доли расходов на продукты питания в бюджетах домохозяйств. В деревне они составляют 39.3%, в городе – 36.2%⁵⁶.

Занятых в городах за год стало больше на 12.7 млн. человек. Зарегистрированная безработица осталась на уровне 2011 года – 4.1%. Однако тревожным показателем оказался уровень трудоустройства выпускников вузов, составивший в конце года лишь 30%.

Темп естественного прироста населения несколько повысился в 2012 году, до отметки 4.9‰, население страны к концу года превысило 1 млрд. 354 млн. человек. Число горожан (712 млн. человек) составило 52.6% населения, увеличившись за год на 1.3 процентных пункта.

Численность участвующих в пенсионных схемах достигла 304 млн. человек, увеличившись за год более чем на 20 млн. Медицинским страхованием было охвачено более 536 млн. горожан, за год их число увеличилось на 62 млн. человек. В программах страхования на случай безработицы участвовало 152.3 млн. человек, на 9 млн. человек больше, чем в предыдущем году.

Расходы на НИОКР составили в 2012 году 1024 млрд. юаней (почти 2% ВВП) и выросли почти на 17.9%. Около 5% этой суммы было направлено на фундаментальные научные исследования. Зарегистрировано 653 тыс. патентов на новые изобретения, из них 523 тыс. – от китайских резидентов. Общая стоимость контрактов на передачу технологий за год составила 643 млрд. юаней – на 35% больше, чем в предыдущем году. За год произведено 19 успешных запусков искусственных спутников.

К несомненным достижениям КНР в минувшем пятилетии в документах состоявшегося осенью 2012 года XVIII съезда КПК справедливо отнесено успешное противостояние мировому финансовому кризису («мы первыми в мире осуществили стабилизацию экономики и восстановили ее рост»). Стоит напомнить, что решающую роль в борьбе с кризисными явлениями сыграла реализация гигантского инвестиционного пакета, скоординированная политика крупнейших банков и последовавшая борьба с инфляцией.

Инфляционные последствия кредитной накачки к середине 2012 года были преодолены. Более того, в дни, когда проходил съезд, статистика сообщила о благоприятных сдвигах в экономической динамике. Учитывая крайне вялую конъюнктуру в развитых странах и сравнительно низкие темпы роста китайского экспорта, это, возможно, знаковое событие, сигнализирующее о продолжении трансформации китайской экономической модели и, в частности, некотором снижении зависимости хозяйства КНР от внешнего спроса.

Заметим, что политика интенсификации экономического роста и активизации внутреннего спроса накладывается в Китае на привычный способ развития за счет

⁵⁵ http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-03/14/content_24896428_3.htm

⁵⁶ Аналогичный показатель в 2008 году составил 43.7% на селе и 37.9% в городе.

высоких показателей накопления. В периоды замедления роста государство и госсектор особенно активны.

К числу сравнительно новых пунктов во внешнем курсе Китая стоит отметить выдвижение страны в число активных сторонников дальнейшей либерализации международного движения товаров и отчасти капитала. «Принимая активное участие в глобальном экономическом управлении, Китай продвигает либерализацию и возражает против всякого рода протекционизма», – отмечалось в докладе Ху Цзиньтао на партийном форуме. Это – вполне объяснимая декларация, учитывая нынешний уровень конкурентоспособности КНР, достигнутый, однако, во многом благодаря десятилетиям протекционистской политики.

Среди очевидных путей решения острых социальных проблем Китая – рост перераспределительной роли государства, возвращение исторического долга деревне со стороны промышленности и городов. Это – долговременный курс, поскольку более равномерное распределение способно повысить внутренний спрос. Проблемы бедности, в том числе в самых отсталых районах страны, при сохранении нынешней динамики и даже ее снижении уже не выглядят непреодолимыми.

Подводя итог, подчеркнем важный момент. Стабилизация хозяйственной динамики в Китае в минувшем году достигнута в ходе улучшения ее структуры, продолжения сервисизации (в том числе развития финансовых услуг), снижения энергоемкости и ускоренного инновационного развития.

Н.П. Скороходова

РОССИЯ В ВТО: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

22 августа 2012 года вступил в силу протокол о присоединении России к Всемирной Торговой Организации. РФ официально стала 156-м членом ВТО. Предварительный переговорный процесс длился практически 18 лет и стал самым продолжительным в истории ВТО. По утверждению российских официальных лиц, в ходе долгого и непростого обсуждения удалось выторговать одни из лучших условий вступления. Однако, в 2012 году, когда страна стала полноправным членом ВТО, она уже представляла собой несколько иную экономику, нежели 18 лет назад.

Полемика вокруг этого решения, в которой участвовали широкие общественные круги, не прекращается и по сей день. В то же время сам факт вступления России в глобальный «торговый клуб» вносит коррективы в дискуссию и выводит её на другой уровень обсуждения. На повестку дня выносятся вопросы о том, как максимально полно и быстро использовать в интересах страны возможности и преимущества членства в мировой торговой организации и суметь противостоять тем рискам и угрозам, с которыми неизбежно придется столкнуться России в ближайшем будущем. Перед российским государством встала задача в короткие сроки выработать и сформировать комплексную, реально действующую программу по защите самых уязвимых сегментов экономики и социальной сферы и снижению степени отрицательных последствий членства России во Всемирной торговой организации, для национального хозяйства.

Старожилы ВТО уже приспособились к существующим правилам игры. Они давно используют косвенные, иногда весьма изощренные методы по защите и поддержке своего товаропроизводителя на внутреннем рынке, продвижению своей товарной продукции на внешние рынки, не нарушая при этом нормы и правила ВТО. Тем не менее, Всемирная торговая организация завалена встречными исками и претензиями стран-участниц. Переговоры, которые начинаются в результате этих

споров, иногда затягиваются на долгие годы. Достаточно вспомнить Дохийский раунд.

Став полноправным участником международной торговой системы, Россия вышла на унифицированное правовое пространство, получила международную правовую защиту, гарантированную нормами ВТО. Теоретически у России теперь есть возможности включиться в процесс формирования правил развития мировых торговых связей и, руководствуясь национальными интересами, получить защиту от несправедливой конкуренции и торговой дискриминации.

Так, например, у России теперь есть право требовать пересмотра 97 применяемых ныне ограничений против товаров отечественного производства. Общий ущерб от применяемых ограничительных мер против России другими странами оценивается Министерством экономического развития РФ примерно в 2 млрд. долл., что эквивалентно 0,5% всего товарного экспорта Российской Федерации в 2010 году⁵⁷.

Одной из отраслей, выигрывающих больше всего, стала металлургия. На российскую металлургическую продукцию приходилось более половины всех потерь от дискриминационных мер на рынках иностранных государств. По мнению отраслевых специалистов, теперь российским металлургам будет проще работать на зарубежных рынках, на которых они уже присутствуют, и отстаивать свои права. Вступление России в ВТО приведет к прекращению квотирования экспорта и снятию заградительных пошлин на российский металлопрокат в странах ЕС. Это сделает также российские товары более конкурентоспособными на рынках США и Китая. Правда, есть опасения, что российский рынок откроется для металлургической продукции Китая и Украины. Однако, как считают отраслевые эксперты, в течение последних 10–15 лет отечественные металлурги и так уже работают в условиях ВТО, и ввозная пошлина в размере 5% на большинство товарных позиций по черным металлам не оказывает серьезного сдерживающего влияния на импорт.

Не исключено, что выгоду от участия России в глобальном «торговом клубе» смогут ощутить на себе еще ряд отраслей народного хозяйства, например, строительство, легкая промышленность, производство удобрений, инновационная сфера.

В то же время напряжение, связанное с появлением новых, возрастающих рисков, уже чувствуется в различных сегментах российской экономики. Об этом говорилось, в частности, на расширенном заседании Совета Безопасности в ноябре 2012 года, где были подведены первые итоги вступления России в ВТО. Президент России В.В.Путин отметил, что власти сделали все необходимое для того, чтобы отечественные компании смогли приспособиться к новым условиям работы. Но есть такие отрасли, где могут возникнуть проблемы. Это некоторые сектора животноводства, сельхозмашиностроения, автомобилестроения, пищевой промышленности, фармацевтики, производства медоборудования, ибо «до того» товары этих отраслей были лучше всего защищены тарифно-таможенным регулированием⁵⁸.

Эти опасения начинают сбываться. Уже к концу 2012 года в сложной ситуации оказалось такая динамично развивавшаяся отрасль, как мясопереработка – крупнейший сегмент пищевого рынка. Годовой оборот его оценивался на этот момент в 18 млрд. долларов. До вступления в ВТО 95 % потребления продуктов мясоперерабатывающей отрасли приходилось на отечественную продукцию. Последние 15 лет эта отрасль была хорошо защищена: пошлина на импорт

⁵⁷ Оболенский В. Россия в ВТО: обязательства, возможности, риски // Мировая экономика и международные отношения. М. 2012. № 6. с. 68-69

⁵⁸ РИА-Новости. Экономика. 21.11.12. http://ria.ru/trend/Russia_member_WTO_22082012/#ixzz2JT92s6PX

составляла 25 % от стоимости продукции. В распространенном в августе 2012 года заявлении в СМИ руководства Мясного союза России сообщалось, что снижение пошлин на ввоз готовых мясных изделий, предусмотренное при вступлении РФ в ВТО, фактически лишает отечественных переработчиков их конкурентного преимущества⁵⁹. Эта сделанная российской стороной неожиданная уступка, которая ранее не обсуждалась с Мясным союзом, приведёт к снижению к 2015 году ввозных пошлин на готовые мясные продукты до минимума. То есть Россия впускает на свой рынок импортеров готовой продукции, а переработчикам будет выгоднее организовать производство в Европе, чем у себя на родине, так как там сырье дешевле отечественного. Для российской мясоперерабатывающей промышленности это может иметь серьезные последствия.

По словам президента «Мясного Дома Бородин» Виталия Геворкяна, для отечественной мясопереработки «наступил момент истины». Российские производители уже начали терять свой рынок. Зато, пользуясь преимуществами Единого экономического пространства, его стали активно осваивать белорусы. Как результат - банкротство Калужского мясокомбината (Калужская область граничит с Белоруссией). «У нас есть небольшой люфт по времени – пока европейцы и белорусы договорятся с нашими сетями. Но потом наша мясопереработка начнет умирать. А значит, и отечественные животноводы лишатся своего покупателя, настанет и их очередь – бить в набат»⁶⁰.

Не лучше ситуация и в других пищевых отраслях. По данным Института конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР), импорт мясных и молочных продуктов в Россию после вступления страны во Всемирную торговую организацию резко вырос. Так, импорт сухого молока в сентябре – ноябре 2012 года вырос по сравнению с прошлым годом на 210%, сухой сыворотки – на 89%, сыров – на 116 % , а сливочного масла – на 136%⁶¹. (Эти аспекты, в частности, проблема защиты отечественного рынка мяса рассматривается также в Ежегоднике в статье А.В. Акимова «Продовольственная ситуация: мир, Россия и ВТО»).

Может усложниться ситуация у российских рисоводов. В последние годы производство риса увеличилось с 300 тысяч тонн риса в год до 1,2 миллиона (урожай 2012 года). Это полностью покрывало внутренние потребности в круглозерновом рисе, часть даже уходила на экспорт. Однако защищающая пошлина, согласно договорённости при вступлении в ВТО, снижена почти в три раза. Теперь в Россию может хлынуть более дешёвый и менее качественный рис, производство риса в стране упадёт, а это, в свою очередь, негативно скажется на социально-экономической ситуации Краснодарского края – главного производителя и поставщика отечественного риса.

Одна из самых обсуждаемых тем в связи с вступлением России в ВТО – автомобильный рынок. Производство отечественных легковых автомобилей, несмотря на постепенное, но значительное снижение таможенных пошлин, окажется все равно защищенным. Пошлины на новые иномарки снизятся с 30 до 25 процентов. Далее, в течение трех лет, они останутся на этом уровне, а потом будут снижаться примерно по 2,5% в год, пока через семь лет не достигнут 15%. Однако в распоряжении государства остаются нетарифные методы регулирования, активно используемые, например, таким членом ВТО, как Китай (имеется в виду увеличение

⁵⁹Firstnews. Российские переработчики мяса признались в низкой конкурентоспособности. 22.08.2012. http://www.firstnews.ru/articles/rossiyskie-pererabotchiki-myasa-priznalis-v-nizkoy-konkurentosposobnosti/?sphrase_id=243098

⁶⁰Виталий Геворкян: Колбаса по правилам и без. 31.01.13

<http://www.mk.ru/social/article/2013/01/31/805482-kolbasa-po-pravilam-i-bez.html>

⁶¹Lenta.ru Вступление в ВТО принесло России тысячи тонн импортных продуктов. 26.12.12
<http://lenta.ru/news/2012/12/26/wto/>

акциза на легковые машины). Что касается подержанных иномарок, то на автомобили старше семи лет пошлина останется неизменной. На автомобили более поздних годов выпуска пошлина снизится всего с 25 до 20 %. Достаточно сильно ужесточены условия промышленной сборки иностранных автомобилей на территории России.

Иначе обстоят дела с грузовыми машинами и автобусами. Пошлины на новые самосвалы (массой от 20 т) сразу после вступления в ВТО должны снизиться с 25 до 10 %, а через три года и вовсе опуститься до 5 %. Существенно понизится пошлина на подержанные самосвалы (с 30 до 15 %, затем через три года - до 10 %). А для самосвалов возрастом от пяти до семи лет прежняя пошлина (4,4 евро за 1 куб.см) будет заменена ставкой в размере 15 %, которая через три года уменьшится до 10%⁶².

Отечественные производители грузовиков, прежде всего, марок КамАЗ, ГАЗ и «Урал», опасаются, что если все договоренности будут реализованы, то вступление в ВТО для российских производителей обернется серьезным ударом: на рынок из-за рубежа хлынут не только новые автомобили от ведущих западных компаний, но и подержанные, в частности из Китая, где активно наращивают выпуск грузовиков.

Наконец, заслуживает внимания судьба еще одной отрасли после вступления в ВТО – отечественной авиационной промышленности. Под угрозой могут оказать масштабные авиастроительные проекты. Благодаря заградительным пошлинам и активной поддержке государства в стране реализуются программы по созданию новых пассажирских авиалайнеров, отвечающих всем мировым стандартам – Sukhoi SuperJet 100 и MC-21. В общей сложности на данные проекты уже истрачено порядка 4 млрд. долларов, что дало результат: Россия получила новые технологии в производстве современных авиадвигателей (СП НПО «Сатурн» и Snecma), а КБ Сухого смогло восстановить утраченные позиции по управлению сложными международными проектами и впервые после распада СССР сыграть роль системного интегратора.

В соответствии с принятыми на себя обязательствами по ВТО, Россия в течение семи лет должна будет резко снизить таможенные пошлины на импортируемые в страну магистральные авиалайнеры. Например, ставки на ввоз широкофюзеляжных дальнемагистральных самолетов будут снижены более чем вдвое, с 20 до 7,5%, а на все остальные воздушные суда — до 12,5%. Пошлина на сверхлегкие самолеты (со взлетной массой от 2 до 15 тонн) уменьшится к 2018 году с нынешних 10 до 8%. Все это позволит снизить цены на импортируемые в Россию самолеты в среднем примерно на 5%, что, конечно, сыграет на руку конкурентам из Европы, США, Канады Бразилии и Китая.

Можно еще привести немало примеров рисков, возникающих вследствие вступления России в ВТО в ближайшем будущем или уже возникших. А вот оценки западных партнеров России по ВТО исполнены оптимизма. Согласно докладу Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции до 2030 года: альтернативные миры», представленному в вашингтонском Национальном клубе печати в декабре 2012 года, вступление России в ВТО дает толчок усилиям по привлечению иностранных инвестиций, расширению экспорта российских промышленных товаров, диверсификации экономики и отхода от сырьевой модели развития. Составители этого доклада утверждают, что присоединение РФ к ВТО может ускорить ее экономический рост в ближайшее время на 3% ВВП, а в долгосрочной перспективе на 11%⁶³.

⁶² Достаточно сильны для ВТО. Эксперт. № 46(779), 21 ноября 2011

⁶³ Итар-Тасс. <http://www.itar-tass.com/c11/596161.html>. 00:33 11/12/2012

Правда, у ряда российских экспертов такой оптимизм отсутствует. По их мнению, США, ратовавшие за вступление России в ВТО, видят в ней, прежде всего, не успешно развивающуюся экономику, а крупнейшего поставщика энергетических и других сырьевых ресурсов, а членство России в ВТО позволит еще больше закрепить за ней этот статус, принудив к выполнению обязательств, открывающих доступ промышленных товаров извне к ёмкому внутреннему рынку⁶⁴.

К сожалению, развивающиеся события подтверждают такие опасения. В начале 2013 года США в жесткой форме потребовали немедленно снять запрет на импорт американской мясной продукции в Россию, наложенный из-за обнаруженного в ней стимулятора роста рактопина (вещество, запрещенное в 160 странах). Российские специалисты обеспокоились содержанием в мясной продукции этого вещества. Оно может быть опасно для здоровья человека, хотя другая сторона заверяет, что эта кормовая добавка вполне допустима, если ее содержание в мясе животных остается в пределах рекомендованного уровня. В ответ на российский запрет американские официальные лица заявляют о том, что такое поведение России противоречит обязательствам, взятым ею в рамках ВТО.

А.Б. Крылов

ГАЗОПРОВОД TANAP: ТРИ ВАРИАНТА РЕАЛИЗАЦИИ

В июне 2012 г. было подписано межправительственное соглашение между Азербайджаном и Турцией о реализации проекта строительства нового Трансанатолийского газопровода (TANAP). Его протяженность с востока на запад Турции составит около 2 тысяч километров. Планируется, что в дальнейшем он будет присоединен к газопроводам, ведущим в Центральную Европу или в Италию. Соглашение предусматривает, что первоначальная мощность TANAP составит 16 миллиардов кубометров в год с перспективой ее дальнейшего наращивания до 25 млрд. кубометров. При этом 6 млрд. куб.м. будут поставляться в Турцию, остальной газ должен поставляться на европейский рынок. Начало работы газопровода запланировано на 2017 г., согласно предварительным подсчетам, стоимость его строительства может составить от 7 до более 10 млрд. евро.

В настоящее время обсуждается три возможных варианта проекта TANAP. Первый из них представляет собой вариант, который уже зафиксирован в соглашениях между Азербайджаном и Турцией. Второй вариант предполагает возможность ввода второй и третьей очереди путем строительства Транскаспийского газопровода и доведения мощности TANAP за счет туркменского газа до 60 млрд. куб. м. в год.

Сторонники третьего варианта намерены подключить к TANAP не только Туркмению и Казахстан, но и Ирак, а также Иран и Сирию (после свержения Б. Асада). В этом случае фактически речь идет о намерении осуществить проект Набукко, который уже не имеет шансов на осуществление.

По мнению сторонников третьего варианта газопроводы TANAP и Баку-Эрзерум представляют собой не самостоятельные начинания, а лишь фрагменты глобального энергетического проекта, направленного на решение целого комплекса экономических и политических задач (ликвидация зависимости ЕС от Газпрома,

⁶⁴ Катасонов В. Россия и ВТО: О субсидировании экономики и банковских «тылах» транснациональных корпораций. Фонд стратегической культуры . www.fondsk.ru. 16.06.2012 .

укрепление единства тюркских государств при лидерстве Турции, ограничение влияния России и Китая путем укрепления связей государств Центральной Азии и Южного Кавказа с Турцией, ЕС и США, наращивание взаимодействия в военной сфере для нейтрализации «российской угрозы», обеспечения безопасности новых трубопроводов и т.п.).

Сторонники первого варианта (преимущественно из Азербайджана) считают принципиально неверным объединять TANAP и Транскаспийский газопровод, так как это совершенно разные проекты. У них вызывает опасения тот факт, что Турция даже после подписания соглашения о TANAP и получения от азербайджанских властей гарантий о наполнении нового трубопровода продолжает поиск новых источников газа в Туркмении, Ираке и Иране. Политизация TANAP может помешать осуществлению проекта.

По мнению сторонников первого варианта, не следует рассчитывать на туркменский газ: переговоры о его поставках в Европу через Азербайджан идут давно, туркмены обещали поставлять 30 млрд. куб. м газа для Европы, но все разговоры оставались только разговорами, в том числе из-за противодействия Ирана и РФ. Как подчеркивают сторонники первого варианта, необходимо реализовать TANAP в максимально короткие сроки, иначе российский газ будет и дальше идти в Европу, а азербайджанский - нет. Вместе с тем, сторонники первого варианта TANAP не отрицают возможности превращения Азербайджана в транзитную страну, однако лишь в отдаленной перспективе, которая сейчас не должна мешать осуществлению TANAP.

Перспектива осуществления проекта TANAP в его первом, зафиксированном соглашениями между Азербайджаном и Турцией варианте, представляется вполне вероятной. Изначально проект получил поддержку на государственном уровне со стороны инициаторов проекта в Азербайджане и Турции, при этом у этих стран имеется возможность самим профинансировать его осуществление.

Сторонниками второго и третьего вариантов TANAP выступают влиятельные политические силы в США, ЕС и Турции, которые выступают с резкой критикой политики России, монопольного положения Газпрома на европейском рынке, за придание проекту Трансатоллийского газопровода глобального характера и за его фактическое преобразование в Набукко.

Турецкие политики делают особый акцент на выгоды от проекта для тюркской солидарности, роли Турции как надежной транзитной страны и проводника интересов США и ЕС на Южном Кавказе и в Центральной Азии, на необходимости вытеснения из этих регионов России, блокирования влияния Китая и т.п. Некоторые из них (турецкий парламентарий Синан Оган и др.) настаивают на том, что Турции необходимо иметь возможность оперативного реагирования на возможные угрозы для стран Южного Кавказа со стороны России всеми методами, включая и военные.

Этот тезис был высказан С. Оганом на международной конференции «Газопровод Транс-Анатолия: Вызовы и перспективы для стран Черноморского Бассейна и Балкан» (Стамбул, 28-29 сентября 2012 г.). Он заслуживает особого внимания, так как в последнее время турецкие политики не раз заявляли, что Грузия представляет собой наиболее уязвимый с точки зрения безопасности TANAP отрезок нового трубопровода. Можно предположить, что гипотетические угрозы безопасности TANAP и других трубопроводов на грузинской территории могут стать предлогом для наращивания турецкого военного присутствия в этой стране и даже силового вмешательства в случае развития в Грузии процессов, которые будут расценены как нежелательные для Турции, США и их союзников.

Одним из наиболее пылких сторонников третьего варианта TANAP выступает известный американский дипломат Мэтью Брайза, постоянно выступающий с резкой

критикой политики Газпрома. В своих публичных выступлениях⁶⁵ М. Брайза стремится продемонстрировать полную уверенность, что уже в скором времени российский газ будет вытеснен с европейского рынка путем массированных поставок сжиженного сланцевого газа из США и Канады (которые, по его мнению, уже в скором времени превысят нынешний объем поставок Газпрома), диверсификацией видов топлива, поставками из новых регионов, в том числе из Центральной Азии по TANAP и т.п.

На международной конференции «Газопровод Транс-Анатолия: Вызовы и перспективы для стран Черноморского Бассейна и Балкан», (Стамбул, 28-29 сентября 2012 г.) Мэтью Брайза и Синан Оган высказались за подключение к TANAP Ирана и Сирии после того, как там произойдет смена власти (при этом Турция уже сейчас ведет переговоры о возможных поставках с нынешним руководством Ирана). Они отвергли возможность внешнего военного вмешательства в Сирии и Иране, однако выразили твердую уверенность, что «арабская весна» победит в Сирии до конца 2012 года, и уже вскоре после этого она приведет к победе оппозиции в Иране.

Большинство азербайджанских политиков и экспертов пока не склонно разделять энтузиазм по поводу будущего глобального характера проекта TANAP. Наоборот, они указывают на негативные последствия попыток превратить TANAP в Набукко и подчеркивают, что строительство Транскаспийского газопровода совершенно не выгодно Азербайджану: помимо осложнения отношений с Россией, Китаем и Ираном оно приведет к поступлению конкурирующего туркменского газа на европейский рынок.

В качестве средства, которое могло бы компенсировать Баку возможные потери от расширения проекта TANAP, азербайджанские политики и эксперты называют получение «твердых» гарантий США, ЕС и Турции в плане обеспечения безопасности Азербайджана «при любом ходе событий», помощь в наращивании военного потенциала (прежде всего системы ПВО и ПРО) и решение Карабахской проблемы путем возврата всех «оккупированных Арменией территорий» под азербайджанский контроль.

В качестве обоснования проекта TANAP наряду с резкой критикой энергетической монополии Газпрома и использования Россией энергетического фактора в политических целях приводятся и крайне неблагоприятные прогнозы будущих перспектив российского газа на европейском рынке. Согласно этим прогнозам, уже в скором времени произойдет замещение российского трубопроводного газа другими видами топлива, прежде всего сланцевым газом и т.п. Подчеркивается «неконкурентоспособность» российского трубопроводного газа на европейском рынке из-за его «непомерно» высокой цены, якобы совершенно произвольной и необоснованной, и его скорой замены газом от других поставщиков.

Распространенность подобных оценок в США и ЕС позволяет предположить, что острая критика российского газовой политики и широкое обсуждение будущих глобальных перспектив проекта TANAP могут быть составными элементами кампании давления на Газпром с целью добиться от него радикального понижения цены на газ для европейских потребителей.

Для турецкого руководства проект TANAP представляет особую ценность, так как дает возможность добиться для Турции низких цен за азербайджанский газ и высоких цен за газовый транзит по своей территории. Одновременно под предлогом

⁶⁵ В том числе во время международной конференции «Газопровод Транс-Анатолия: Вызовы и перспективы для стран Черноморского Бассейна и Балкан», Стамбул, 28-29 сентября 2012 г.

заботы о безопасности новых трубопроводов появляется возможность наращивать военное присутствие Турции на Южном Кавказе, в первую очередь в Грузии.

Занимаемая турецким руководством в течение последних лет крайне жесткая позиция на переговорах с Азербайджаном по энергетическим вопросам вызывают у азербайджанских экспертов большие опасения: будет ли Анкара соблюдать достигнутые договоренности после того, как Азербайджан профинансирует строительство TANAP. Отказ Турции от достигнутых договоренностей по проекту TANAP с целью добиться максимально низких цен на азербайджанский газ признается весьма вероятной.

Наблюдаемая на Южном Кавказе (как в среде политической элиты, так и в обществе) высокая степень разочарования в политике США и ЕС, а также сохраняющиеся противоречия между Азербайджаном и Турцией в энергетической сфере дают российской дипломатии дополнительные возможности в ее диалоге с Баку. В первую очередь в плане противодействия проекту строительства Транскаспийского газопровода, который может быть использован внерегиональными государствами в качестве подходящего предлога для утверждения на Каспии собственного военного присутствия.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

М.В. Братерский, Д.В. Суслов

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2012 ГОДУ: НЕЛОГИЧНЫЙ «МИНИ-КРИЗИС»

В начале 2013 года Соединенные Штаты предложили России обсудить дальнейшие шаги по сокращению стратегических ядерных вооружений, имея своей целью как решение конкретных вопросов национальной безопасности США, так и демонстрацию хоть какой-то динамики и в американо-российском диалоге, и в американской внешней политике в целом. Избранному во второй раз президенту США требуется демонстрировать внешнеполитические успехи, на которые был так беден его первый срок, необходимо остановить и новую мини «холодную войну», развернувшуюся между США и Россией в конце 2012 – начале 2013 г.,

Шаги новой американской администрации, направленные на восстановление диалога с Москвой, можно приветствовать, но ожидать глубоких перемен в американо-российских отношениях пока не приходится. Препятствия к улучшению отношений состоят не только в наличии противоречий между двумя странами – это было бы еще полбеды. Главная проблема взаимоотношений состоит в том, что две стороны не объединены никакими общими интересами, и их диалог по-прежнему строится на негативной основе взаимного сдерживания. Позитивная основа – взаимные интересы в национальной стратегии двух стран – практически отсутствует, Россия и США и через 20 лет после окончания «холодной войны» продолжают находиться в позиции «игры с нулевой суммой» относительно друг друга. Традиционная повестка дня (повестка безопасности) в отношениях между двумя странами практически исчерпана, все, что можно было сделать для улучшения отношений между нами в рамках существующей парадигмы безопасности, уже сделано и не может продолжать заполнять растущий вакуум отношений.

Так, перспективы достижения новых договоренностей по сокращению СЯС, на наш взгляд, сегодня маловероятны. В условиях развертывания ПРО в Европе и ввиду продолжения работ по созданию системы глобального неядерного оружия (Prompt Global Strike (PGS)) Россия от этого процесса не только ничего не приобретает, но, скорее, даже теряет. Следующему, более глубокому этапу американо-российского ядерного разоружения мешает наличие ядерных арсеналов третьих стран. Раньше их наличием на фоне российских и американских ядерных запасов можно было пренебречь, ныне это уже представляется необоснованным. По этим же причинам, исходя из интересов национальной безопасности России, сегодня неуместным представляется диалог по тактическим ядерным вооружениям. А других существенных точек соприкосновения американских и российских интересов, пожалуй, и не видно. У двух стран нет крупных проектов или взаимодополняющих стратегических интересов ни в одной действительно важной области: ни в области развития новых технологий, ни в решении глобальных проблем, ни в реформе мировой финансово-экономической системы, ни в формировании глобальной и региональных систем безопасности, ни в развитии крупных территориальных проектов, ни во взаимной торговле.

Соединенные Штаты и Россия вошли в 2013 год со старой повесткой дня, в которой нет привлекательных планов на будущее. Существующая повестка дня – это инерция взаимного недоверия, подозрительности, соперничества, и, главное, отсутствия взаимной выгоды. Российско – американским отношениям срочно нужны взаимовыгодные проекты – политические, финансовые, технологические,

гуманитарные. Нужна ежедневная совместная работа на уровне и государственных ведомств, и компаний, нужны общие цели и, возможно, общие враги, нужна невоенная взаимозависимость. Пока ничего такого мы не видим, и российско-американские отношения стоят на месте, иногда откатываясь назад, что мы и наблюдали на протяжении 2012 г.

Признаки охлаждения в российско-американских отношениях. Новые акценты в российско-американские отношения начали выстраиваться после завершения президентской выборной компании в России. В мае В.В. Путин вступил в должность Президента России, в связи с чем стилистика, атмосфера и в определенной степени содержание российско-американских отношений изменились. Произошло их заметное охлаждение, и взаимодействие двух стран, особенно с российской стороны, приобрело подчеркнутый инструментальный и прагматический характер. Политическая воля Москвы к улучшению отношений и выстраиванию устойчивого партнерства с США в качестве самостоятельной цели заметно сократилась, в то время как жесткость в отстаивании собственной позиции по вопросам, где интересы и подходы РФ и США не совпадают, выросла.

Показательными событиями в этой связи стали, во-первых, подписание В.В. Путиным Указа «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», в котором, за исключением развития экономического сотрудничества и визовой либерализации, почти полностью отсутствует нацеленность на новую позитивную повестку дня отношений РФ-США, отсутствует сама цель выстраивания с США партнерских или хотя бы дружественных отношений и делается акцент на минимизацию тех угроз и вызовов, которые политика США создает для России. Во-вторых, это демонстративный отказ В.В. Путина приехать на саммит «Большой Восьмерки» в Кэмп-Дэвид, который последовал буквально за несколько дней до саммита, - при том, что Белый дом предпринял большие усилия для того, чтобы этот саммит состоялся с участием российского президента (например, его перенос из Чикаго в Кэмп-Дэвид). Но в то же время РФ четко дала понять, что будет продолжать сотрудничать с Америкой там, где это совпадает с национальными интересами России. Главным примером данного сотрудничества является – уже при Путине – интенсификация взаимодействия РФ-США по транзиту из Афганистана через запуск наземного и воздушного транзита туда и обратно с использованием транзитного центра в Ульяновске. Также был сохранен институциональный формат российско-американского взаимодействия, основой которого является Двусторонняя Президентская комиссия РФ-США.

Причинами изменения стиля и, в меньшей степени, содержания политики РФ в отношении США стали, во-первых, определенное разочарование российского руководства и лично В.В. Путина действиями администрации Обамы за последние полтора-два года (политика США и характер их диалога с Россией по ПРО, Ливии, Сирии и российской внутренней политике). Во-вторых, это возможное личное отношение Президента РФ к руководству нынешней американской администрации в связи с тем, что она, по имеющейся информации, не рекомендовала В.В. Путину возвращаться на президентский пост (визит вице-президента США Дж.Байдена в Москву в марте 2012 г.). В-третьих, до президентских выборов в США в ноябре 2012 года. РФ не хотела связывать себя обязательствами с американской стороной без ясности, кто будет во главе руководства США на ближайшие четыре года.

Администрация же Обамы, напротив, в первой половине 2012 г. стремилась создать впечатление, что никаких существенных изменений в российско-американских отношениях с возвращением В.В. Путина на пост Президента не произошло и что «перезагрузка» отношений РФ-США продолжается. (Данный

термин полностью исчез за последнее время из российской внешнеполитической риторики). Поведение Белого дома связано, прежде всего, с возможностями взаимодействия США и России по ряду очень немаловажных направлений (Афганистан и Иран, а также Сирия). Кроме того, понятно нежелание администрации Обамы признавать в преддверии выборов провал своей политики в отношении РФ. Это означало бы, что республиканцы были изначально правы в своей критике политики Белого дома, что ослабило бы его позиции на выборах.

В первой половине 2012 г, в повестке дня российско-американских отношений существенно выросла доля проблем и противоречий, в то время как позитивная составляющая несколько ослабла. Главными противоречиями были и остаются проблемы Сирии, ПРО и американская активность по делу «Магнитского». Кроме того, по мере приближения 2014 г., к концу которого США и НАТО собираются вывести подавляющую часть военного контингента из Афганистана и передать ответственность за безопасность в стране афганским силам безопасности, могут возникнуть разногласия между РФ и США и по этому вопросу. Хотя именно Афганистан пока составляет основу позитивной повестки дня российско-американских отношений. Положение может измениться к началу 2015 г., когда зависимость США от российского транзита в Афганистан и обратно пропадет.

Важным событием российско-американских отношений в июне с.г. стала первая встреча В.В. Путина и Б. Обамы в качестве президентов России и США, состоявшаяся 18 июня в мексиканском Лос-Кабосе «на полях» саммита «Большой Двдцатки». Эта встреча стала наглядной демонстрацией изменения стилистики отношений двух стран, В.В. Путину и Б. Обаме не удалось установить друг с другом дружественные отношения. Вместе с тем ее положительный итог заключался в том, что и обвала отношений не произошло. Напротив, официально стороны заявили о преемственности отношений и намерении продолжить работу по «дальнейшему расширению двустороннего взаимодействия по целому ряду направлений», проводившуюся на протяжении последних трех лет. И Россия и США однозначно признали необходимость «укрепления отношений тесного сотрудничества». Правда, термин «партнерство» отсутствовал как в итоговом документе – Совместном заявлении В.В. Путина и Б. Обамы, так и в заключительных выступлениях президентов.

В конце лета – начале осени 2012 г. в российско-американских отношениях заметно обострилась проблема демократии и прав человека, что было связано с внутривполитическими ситуациями в обеих странах (дело и приговор Pussy Riot, лишение депутатского мандата Г. Гудкова). В условиях предвыборной кампании в США администрация Обамы не могла себе позволить воздерживаться от критики РФ по вопросам прав человека в той мере, как воздерживалась в предшествующий период. Главным же объектом критики в этой области стало решение российского руководства прекратить в стране деятельность USAID с 1 октября сего года. Данное решение, очевидно, нацелено не против США как таковых, а против оппозиционно настроенных российских НКО и призвано еще больше осложнить их существование, являясь как бы логическим продолжением принятия новых поправок в закон об НКО (про «иностранных агентов»). В этом смысле данный шаг можно трактовать скорее как часть внутренней российской политики, нежели внешней. Однако, он тем не менее негативно сказался на отношениях двух стран по нескольким причинам.

Во-первых, это запрещение унизительно для США. USAID – это государственное агентство, тесно породненное с госдепартаментом и рассматриваемое в США как мощный инструмент их «мягкой силы». То есть, Москва не только демонстративно выставила видную государственную структуру США, но еще и открыто показала, что рассматривает «мягкую силу» как негативный фактор.

Во-вторых, выталкивая USAID, Москва демонстративно обозначила Вашингтону приемлемые для себя правила игры: сотрудничество по общим интересам там, где это возможно, без вмешательства во внутренние дела РФ, то есть сотрудничество с Россией, как она есть, а не с Россией, какой ее хотели бы видеть в США. Маловероятно, что эти правила будут для США приемлемы в обозримой перспективе, хотя за последние годы их внешнеполитические амбиции относительно смягчаются. В-третьих, это решение показывает, что РФ, как и в середине 2000-х, готова бороться с американским влиянием, что также автоматически ставит Москву и Вашингтон в положение оппонентов, — как это было в период «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Обращает на себя внимание мягкость, сдержанность, с которой о закрытии USAID объявили в США. Сообщившая об этом 18 сентября официальный представитель госдепартамента В. Нуланд не стала ни критиковать Россию, ни говорить о политической мотивации данного шага. Наоборот, Москва уже после сообщения В. Нуланд заявила, что решение прекратить деятельность USAID связано с попытками агентства влиять на политические процессы в России через распределение грантов.

Выборы в США и американо-российские отношения. Наибольшее воздействие на российско-американские отношения во второй половина 2012 г. оказывала предвыборная кампания в США, вступившая в решающую фазу. Ход и содержание предвыборной борьбы во многом определяли шаги Вашингтона в адрес Москвы, а также влияли на российские действия и ее оценки перспектив и пределов отношений двух стран. При этом даже те события отношений РФ-США рассматриваемого периода, которые, казалось бы, не имели к выборам в США непосредственного отношения, тем не менее, воспринимались сквозь призму выборов и предвыборной борьбы.

В конце августа и начале сентября с.г. были представлены предвыборные программы Республиканской и Демократической партий, содержащие в том числе внешнеполитические приоритеты. Демократы провозглашали преемственность внешней политики США, в том числе в отношении России. Республиканская же — в духе выступлений М. Ромни — заявляла ярко выраженную мессианскую, идеологизированную внешнеполитическую повестку дня, подчеркивающую «исключительность» США и, по сути, возвращающую к временам Дж. Буша. Не разделяющие американские ценности новые центры силы, включая РФ, рисовались в ней как однозначные конкуренты и противники США, которых необходимо сдерживать. Провозглашался курс на военное усиление, приоритетное развитие ПРО, увеличение численности Вооруженных сил, и так далее.

Разумеется, все это носило всецело предвыборный, риторический характер, и в случае прихода к власти администрация Ромни столкнулась бы с теми же экономическими и международно-политическими факторами и ограничениями, с которыми имеет дело сегодня администрация Обамы. Соответственно, ее реальная политика была бы далека от предвыборных деклараций. И все же подобные заявления важны, так как показывают мировоззрение той группы внешнеполитического истеблишмента США, которая могла прийти к власти в случае победы М. Ромни и которая может прийти в Белый дом после окончания второго срока Обамы.

В отношении непосредственно России республиканская Программа носила более умеренный и сбалансированный характер, чем некоторые выступления М. Ромни, в частности его заявление о том, что РФ является «геополитическим врагом США номер один». В документе признается наличие у США и РФ общих интересов и,

соответственно, возможностей сотрудничества по борьбе с терроризмом, распространению оружия массового поражения и увеличению взаимной торговли. Программа также допускала отмену поправки Джексона-Вэника и установление с РФ «нормального торгового режима» - при условии одновременного принятия «закона Магнитского». Однако, качественное различие с подходом нынешней администрации состояла в том, что в республиканском документе развитие сотрудничества с РФ по общим интересам ставилось в зависимость от ее внутривнутриполитической эволюции и существенного изменения внешней политики (Грузия и постсоветское пространство в целом, отказ от поддержки Б. Асада в Сирии и так далее). В других же разделах внешнеполитической части Программы, в особенности касающихся национальной безопасности, Россия позиционировалась как однозначный конкурент и противник Америки, а не как потенциальный партнер. Причем «активизм России» ставился в один ряд с такими угрозами для США, как транснациональный терроризм, Северная Корея, Иран, угроза китайской гегемонии в Азии, кибертерроризм и кибершпионаж. Также в качестве потенциального противника Россия рисуется в разделе, посвященном политике США в сфере ядерного оружия. По ПРО предлагался большой акцент делать на создании стратегической, а не только тактической ПРО, что также рисковало еще больше обострить эту проблему в российско-американских отношениях.

Внутриполитическая ситуация в США подталкивала Россию к тому, чтобы занять выжидательную позицию, а также придать своей риторике в отношении каждого из кандидатов подчеркнуто нейтральный и сбалансированный характер. В Москве понимали, что с точки зрения объективных национальных интересов страны ей куда выгоднее было бы и далее иметь дело с более конструктивно настроенной администрацией Обамы. В то же время, внешнеполитическая программа республиканцев наглядно демонстрировала пределы возможного сближения с США и степень негативного, недружественного отношения к РФ среди американского политического истеблишмента.

Наиболее наглядными иллюстрациями нейтральности и сбалансированности российских оценок предстоящих выборов в США, кандидатов и перспектив двусторонних отношений в случае победы того или иного кандидата стали заявления В.В. Путина в интервью Russia Today 6 сентября и в ходе пресс-конференции по итогам встречи с сербским президентом Т. Николичем 11 сентября сего года. Он исключительно позитивно и благожелательно отзывался о Б. Обаме, назвав его «искренним человеком, который реально хочет многое поменять к лучшему», в том числе найти взаимоприемлемое решение проблемы ПРО, но сделал оговорку, что другие силы в истеблишменте США могут не дать ему это сделать. Президент России назвал внешнеполитические взгляды М. Ромни ошибочными, но при этом оговорил, что его антироссийские заявления носили предвыборный характер и не обязательно будут соответствовать реальной политике, а также подчеркнул «искренность, открытость и прямоту» республиканского кандидата. Вместе с тем он четко отметил, что Россия будет и сможет работать с любым из кандидатов.

Главным раздражителем российско-американских отношений в третьем квартале 2012 г. оставалась Сирия. С началом нового политического сезона взаимная критика России и США по Сирии усилилась, дойдя в итоге до масштабов политико-дипломатического скандала: перед выступлением С.В. Лаврова на специальном заседании СБ ООН по Сирии в рамках 67 сессии Генассамблеи ООН госсекретарь Х. Клинтон демонстративно вышла из зала. Однако позиции России и США по другим значимым аспектам двусторонних отношений (Иран, Афганистан, ПРО, ядерное оружие, торгово-экономические связи и проблематика прав человека)

не претерпели изменений, что явилось плюсом как для российской, так и американской дипломатии.

Главным событием в ходе и вокруг которого стороны предприняли усилия для удержания отношений в относительно конструктивном русле, стали встречи России и США в рамках саммита АТЭС во Владивостоке 7-9 сентября. Вашингтон был представлен на этом саммите госсекретарем Х. Клинтон, и 8 сентября состоялись ее встречи с Президентом РФ В.В. Путиным и главой МИД С.В. Лавровым. Уже сам по себе факт того, что Х. Клинтон стала единственным должностным лицом, не являющимся главой государства или правительства, с которым В.В. Путин провел отдельную двустороннюю встречу, говорит о стремлении Москвы обеспечить позитивную преемственность отношений с США.

Относительно короткая (порядка 20 минут) встреча В.В. Путина и Х. Клинтон была посвящена обсуждению прежде всего международно-политических вопросов – Сирии, Ирана и проблем безопасности в Азии. Также были затронуты вопросы торгово-экономических отношений России и США и ситуация в РФ с правами человека. Никаких решений на этой встрече, как заявил в последствии сам В.В. Путин, не принималось, и позиции сторон по главным вопросам отношений так же остались неизменными. Переговоры Х. Клинтон и С.В. Лаврова носили более комплексный характер и охватывали почти всю проблематику российско-американского взаимодействия. Большая часть встречи была посвящена ситуации в Сирии. Во Владивостоке Москва и Вашингтон снова не смогли преодолеть разногласий по данному вопросу. Кроме того, стороны обсудили ситуацию вокруг ядерных программ Ирана и Северной Кореи, вопросы приднестровского и нагорно-карабахского урегулирования, проблематику прав человека в России (новые законы об НКО и массовых демонстрациях, процессы и приговоры в отношении лидеров и активистов протестного движения) и США (дела В. Бута и К. Ярошенко), ситуацию в сфере усыновления и либерализацию визового режима. Показательно, что несмотря на явное преобладание в этом списке разногласий, и С.В. Лавров и Х. Клинтон делали в своих выступлениях по итогам данной встречи и саммита АТЭС в целом упор на поисках позитива и выражали готовность работать дальше.

Кроме указанной риторики, имели место попытки сторон расширить конструктивную составляющую российско-американской повестки дня. Ими стали три документа, принятые С.В. Лавровым и Х. Клинтон в ходе встречи во Владивостоке: Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством США о сотрудничестве в Антарктике, Совместное заявление об укреплении российско-американского межрегионального взаимодействия и Совместное заявление по сотрудничеству в регионе Берингова пролива. Также немаловажное значение с точки зрения улучшения атмосферы отношений, имело вступление 9 сентября в силу соглашения об упрощении визового режима между Россией и США, подписанного в ноябре 2011 г. и ратифицированного российской стороной в июле. Давая в тот же день пресс-конференцию по итогам саммита АТЭС, Х. Клинтон назвала это событие «историческим».

Вместе с тем саммит АТЭС во Владивостоке показал, что российско-американское взаимодействие в АТР явно не достаточно, особенно в контексте их обоюдного «разворота» к Азии. Соперниками Россия и США в регионе не являются, но имеют много пересекающихся интересов (фактор Китая и др.). Однако стороны по-прежнему понимают свое взаимодействие в Азии и АТР прежде всего в контексте наращивания торгово-экономического и межрегионального двустороннего сотрудничества. Попыток выстроить стратегические многосторонние диалоги по Азии пока не предпринимаются. И, тем не менее, встречи во Владивостоке и подготовка к ним показали, что некое предварительное прощупывание возможного

будущего взаимодействия России и США по более широкой азиатской проблематике ведется и, возможно, саммит придаст ему дополнительный импульс. По крайней мере, США и на уровне госсекретаря Х. Клинтон и на уровне других высокопоставленных дипломатов, открыто заявили, что приветствовали бы усиление роли России в Азии в целом, кроме двустороннего экономического и межрегионального сотрудничества. Проблема упирается в то, что стороны, в особенности высшее руководство, пока не осознают, в чем именно подобное сотрудничество могло бы заключаться.

Мини-кризис в российско-американских отношениях. Несмотря на переизбрание Б. Обамы президентом США и некоторые обнадеживающие признаки в американо-российском диалоге, которые позволяли надеяться на взаимопонимание, в конце 2012 г. произошло резкое, хотя и не ставшее неожиданностью, ухудшение отношений. Оно приняло открытый характер и было официально признано по крайней мере одной из сторон – Россией, которая устами помощника Президента России Ю. Ушакова заявила в декабре о «мини-кризисе» российско-американских отношений. В России неприятие ее высшего руководства как отдельных акций США антироссийского характера, так и некоторых тенденций их внешней политики, стало приобретать к концу года открытый характер. Тем самым, процесс так называемой «перезагрузки», начавшийся в 2009 г., и преемственность с которым стороны все еще старались изобразить в течение большей части 2012 г., окончательно зашел в тупик.

Признаками «мини-кризиса» российско-американских отношений послужили вновь обострившаяся риторика в адрес США со стороны Президента РФ В.В. Путина, напомнившая по своей тональности его высказывания периода президентской кампании годовой давности, и резкая реакция РФ на принятие Конгрессом и подписание президентом США акта Магнитского (7 и 14 декабря соответственно). Данной реакцией стал поддержанный (по некоторым данным – инициированный) В.В. Путиным т.н. «закон Димы Яковлева» (подписан им 28 декабря), главное содержание которого заключалось в запрете усыновления российских детей американцами и деятельности российских политических НКО, получающих американское финансирование.

Данный «мини-кризис» был стимулирован рядом недружественных шагов США в отношении России, совершенных в конце года практически один за другим. Это – принятие Конгрессом и подписание Б. Обамой акта Магнитского, вводящего визовые и экономические санкции против группы российских чиновников, причастных, по мнению американских конгрессменов, к гибели в 2009 г. С. Магнитского; принятие Конгрессом и утверждение Белым домом поправки к оборонному бюджету США на 2013 г., запрещающей Пентагону сотрудничать с «Рособоронэкспортом»; заявление Х. Клинтон о стремлении России якобы возродить на постсоветском пространстве СССР и намерении США противодействовать этому; а также инерция антироссийской политики США в области европейской и евразийской энергетики. Все эти шаги носили искусственный и даже абсурдный (как заявление Х. Клинтон о «ресоветизации» в СНГ) характер и во многом являлись проекцией внутренней политики США. Наибольшее раздражение Москвы вызвало принятие акта Магнитского, главный смысл которого состоял исключительно в том, чтобы демонстративно подчеркнуть критическое отношение США к ситуации с демократией и правами человека в России и показать неготовность Конгресса безусловно отменить такой давно устаревший атрибут «холодной войны», как поправка Джексона-Вэника.

Подписание же данного акта Б. Обамой и вовсе было воспринято в Москве как шаг, опровергающий заверения администрации о приверженности «перезагрузке» отношений с РФ. Россия неоднократно давала понять, что для нее сохранение поправки Джексона-Вэника является гораздо меньшим из зол, чем ее отмена при одновременном принятии акта Магнитского. Получалось, что администрация Обамы реализовала собственный приоритет (от сохранения поправки Джексона-Вэника страдал именно американский бизнес, лишенный возможности использовать выгоды от вступления России в ВТО), но полностью проигнорировала приоритеты России.

Другой причиной российского недовольства действиями США и одной из причин декабрьского «мини-кризиса» был и остается подход США в отношении Сирии, который, как полагают в Москве, свидетельствует о том, что Вашингтон по-прежнему привержен гегемонистской и интервенционистской политике, стремится в одностороннем порядке определять судьбы тех или иных государств и менять неугодные режимы. Причем в декабре США сделали шаг, в еще большей степени убедивший Москву в их нежелании искать совместные пути разрешения внутрисирийского кризиса, игнорировании позиции РФ и приверженности цели смены режима: признание объединенной сирийской оппозиции законным представителем народа Сирии. В Москве сделали вывод, что приход администрации Обамы не внес в политику США принципиальных изменений, не адаптировал их к реальностям многополярного мира должным образом.

При этом данное восприятие сочеталось с усилением во внешней политике самой России «многополярной логики». По мнению РФ, в условиях объективного формирования многополярного мира и продолжающегося перераспределения сил не в пользу США Вашингтону пришло время отказаться от интервенционизма и вести себя как «нормальная» великая держава, в отношениях которой с другими великими державами и государствами, включая Россию, должны, как убеждены в Москве, строиться на принципах равноправия и невмешательства во внутренние дела. Это, кроме соображений внешнеполитической идентичности, имеет для РФ и немаловажную внутривнутриполитическую подоплеку. Также активное недовольство России вызвала такая традиционная, но весьма активно применяемая именно в последнее время, практика США, как экстерриториальное применение внутреннего американского законодательства, примерами которой являются не только принятие акта Магнитского, но и аресты граждан России в третьих странах (В. Бута и К. Ярошенко).

Вместе с тем серьезных, глубоких причин настоящего «мини-кризиса» нет. С приходом к власти в США администрации Обамы Вашингтон объективно не представляет для России реальной политической и тем более военно-политической угрозы, а его критика РФ по вопросам прав человека и демократии на порядок слабее, чем при предыдущих администрациях США. В то же время, Москва и Вашингтон объективно заинтересованы в сотрудничестве по ряду общих или пересекающихся интересов (в Афганистане и Центральной Азии, Восточной Азии и АТР). Да и субъективно администрация Обамы была (и во многом сейчас) нацелена на наиболее реалистичную и благожелательную политику в отношении РФ за все время после окончания «холодной войны». Происшедший «мини-кризис» в российско-американских отношениях свидетельствует о том, что этим отношениям необходимо обновление содержания и ценностных установок. Этого пока нет, но, надо надеяться, должно произойти со временем.

НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ ВО ФРАНЦИИ

В историю современной Франции 2012 г. войдёт как точка отсчёта нового политического цикла: впервые за последнее десятилетие к власти пришли левые силы во главе с социалистами, тогда как правые и центристы отброшены в оппозицию. Этот сдвиг во многом связан с последствиями мирового экономического кризиса, вызвавшего с 2008 г. ротацию власти слева направо или, наоборот, в 10 из 27 государствах-членах Евросоюза.

Во втором туре президентских выборов 6 мая победу одержал кандидат соцпартии Франсуа Олланд, опередивший своего соперника – бывшего главу государства Никола Саркози (51,4% голосов против 48,6). В сформированном новым президентом правительстве Жан-Марка Эйро ключевые портфели достались социалистам (внутренних дел, иностранных дел, обороны, экономики и финансов, труда, образования), тогда как их союзники – «зелёные» и левые радикалы получили лишь несколько второстепенных постов.

На состоявшихся 10 и 17 мая парламентских выборах социалисты получили абсолютное большинство депутатских мандатов в нижней палате. Поскольку ранее они уже добились перевеса в Сенате, в 21 региональном совете из 22, большей части генеральных советов департаментов, мэриях ряда крупных городов (Парижа, Лиона, Тулузы, Лилля, Нанта, Дижона и т.д.), в руках левых партий, прежде всего социалистов, сосредоточилась вся политика законодательной и исполнительной власти.

В то же время дальнейшее ухудшение ситуации в экономике страны ограничило свободу действий нового французского руководства до минимума. Темпы экономического роста к IV кварталу 2012 г. упали почти до нулевой отметки, тогда как число зарегистрированных безработных превысило 3 млн. – 10% самодеятельного населения, а среди молодёжи вдвое больше. Торговый баланс страны девятый год подряд сведён с крупным пассивом, государственный долг достиг 90% ВВП.

Основными лозунгами предвыборной кампании Ф. Олланда являлись обещания стимулировать темпы роста и смягчить проблему занятости путём расширения инвестиционного и потребительского спроса. Средства для этого предполагалось получить за счёт государства, добившись пересмотра жёсткого Пакта бюджетной дисциплины ЕС, подписанного в своё время Н. Саркози, и более справедливого распределения налогового бремени.

Однако эти обещания оказались невыполненными. Франция была вынуждена ратифицировать пакт в прежнем виде, что предполагало сокращение бюджетного дефицита в 2012 г. до 4,5%, в 2013 г. – до 3%, а в будущем его полную ликвидацию. Это требовало изыскать дополнительно 30 млрд. евро, полученных путём урезывания на треть госрасходов, а остальные – введением новых налогов, затронувших не только самую зажиточную часть общества, но и средние слои, что вызвало их серьёзное недовольство.

Наиболее негативный резонанс имело увеличение до 75% налога на физических лиц, чьи доходы превышают 1 млн. евро в год. Ряд крупных предпринимателей и звёзд шоу-бизнеса, в частности популярный киноактёр Жерар Депардьё, отказались от французского гражданства, приняв бельгийское или британское. В конечном счёте спорный закон был блокирован Конституционным советом.

Между тем ведущие компании автомобильной и металлургической промышленности («Пежо-Ситроен», «Миттал»), столкнувшись с сокращением сбыта своей продукции, объявили о предстоящем закрытии наименее рентабельных предприятий с увольнением персонала. Это не могло не отразиться на рейтинге президента. Если в мае-июне доверие ему выражали 55% респондентов, то спустя полгода только 38%. Упал и рейтинг премьера, которого упрекали в отсутствии согласованности заявлений и действий членов правительства вплоть до публичных конфликтов между ними.

В таких условиях Ф. Олланд счёл необходимым скорректировать экономическую политику в социал-либеральном духе. По инициативе президента парламент принял «Национальный пакт роста, конкурентоспособности и занятости», предусматривающий выделение предприятиям «налогового кредита» с фонда оплаты труда в размере 20 млрд. евро в год. Был создан государственный инвестиционный банк с капиталом порядка 500 млн. евро для финансирования малого и среднего бизнеса.

Социальным партнёрам предложен также «Пакт поколений». Он предполагает возможность найма молодёжи для обучения на производстве квалифицированными кадрами, чьи рабочие места сохраняются до пенсии в обмен на снижение обязательных отчислений от прибылей предприятий в фонды соцстраха. Движение французских предприятий (МЕДЕФ) и большинство профсоюзов пришли после трудных переговоров к компромиссу в вопросе о придании большей гибкости законодательству по условиям найма и увольнений. Оно предполагает постепенный переход от постоянных трудовых договоров к временным, но обеспеченным определёнными гарантиями.

Острую полемику вызвал закон о «браке для всех», который выравнивает правовое положение гетерополых и однополых семей и предоставляет последним право усыновления детей. Оппозиция при поддержке католической церкви провела массовую демонстрацию протеста в Париже, собравшую около полумиллиона участников. Контрманифестации сторонников «брака для всех» имели меньший успех, что не помешало принятию закона парламентом.

Негативная для правящих кругов динамика результатов опросов общественного мнения, критика коммунистами или «зелёными» корректировки экономической политики правительства вправо все же не подорвали единства правящей соцпартии. На очередном съезде в Тулузе (октябрь) смена прежнего первого секретаря Мартины Обри её заместителем Арленом Дезиром прошла под контролем Елисейского дворца, а представители недовольного левого крыла привлекли не более трети голосов.

Напротив, в лагере оппозиции наметился глубокий раскол. После поражения Саркози в борьбе за пост председателя основной правоцентристской партии «Союз за народное движение» (СНД) столкнулись её генсек Жан-Франсуа Копе и бывший премьер-министр Франсуа Фийон. От исхода конфликтов во многом зависит кандидатура СНД и правого лагеря в целом на следующих президентских выборах. В ходе голосования всех членов партии Копе, контролирующий партаппарат, был объявлен победителем с минимальным перевесом в 98 голосов (0,03%). Фийон оспорил этот результат и пригрозил расколоть парламентскую группу партии. После ожесточённой полемики стороны согласились провести повторное голосование осенью 2013 г.

Личные амбиции претендентов на лидерство усугублялись идейно-политическими расхождениями – Копе по существу равняется на позиции ультраправого Национального фронта Марины Ле Пен, Фийон предпочитает более

умеренную тактику ориентации на правый центр. Этот конфликт объективно играет на руку левому большинству.

Новые акценты наметились и во внешней политике Франсуа Олланда.

Выполнив своё предвыборное обязательство о выводе уже в 2012 г. французского контингента из международных сил в Афганистане, президент успешно амортизировал негативную реакцию на это со стороны США лояльной поддержкой общей линии Запада по ряду других проблем (политическое признание оппозиции режиму Б. Асада в Сирии, санкции в отношении Ирана в связи с его ядерной программой и т.д.). В то же время Франция в отличие от США поддержала повышение государственного статуса Палестинской автономии в ООН и осудила израильскую политику колонизации оккупированных территорий.

Заметно изменились подходы Парижа к перспективам углубления интеграции в ЕС. Сохраняя интенсивный диалог с ФРГ, Ф. Олланд стремился уравновесить франко-германский тандем сближением со странами Южной Европы, прежде всего Италией и Испанией, наиболее пострадавшими, наряду с Грецией, от кризиса в еврозоне. После жёсткого торга на саммитах Евросоюза в Брюсселе Франции удалось найти компромиссные решения ряда сложных проблем, связанных с финансированием долгов средиземноморских государств и дополнения валютно-экономического союза координацией кредитно-банковских систем, а в перспективе и бюджетной политики.

Одним из приоритетных направлений внешней политики Ф. Олланда стала Северная и Тропическая Африка. В ответ на активизацию исламских экстремистов, захвативших северную часть Мали, Париж добился в СБ ООН принятия резолюций, одобряющих военное вмешательство с участием вооружённых сил Франции и ряда африканских государств – её бывших колониальных владений. Особо важное значение при этом придавалось Алжиру, куда Ф. Олланд нанёс государственный визит в декабре 2012 г.

РФ поддержала французскую инициативу по Мали в СБ ООН и предложила свою техническую помощь в проведении антитеррористической акции. Российско-французский диалог по вопросам дальнейшего развития экономического, научно-технического и культурного сотрудничества в 2012 г. успешно шел на всех уровнях.

В.Ф. Урляпов

США – ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ПЕРЕБАЛАНСИРОВКА ВОВЛЕЧЕННОСТИ

На экваторе первого срока пребывания у власти администрации Обамы в политических и академических кругах Вашингтона и азиатских столиц активно заговорили о возвращении США в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), имея в виду сдвиг фокуса американской стратегии из района Среднего и Ближнего Востока в тихоокеанский бассейн. Мотивом такой подвижки в американской стратегии однозначного называли стремление Вашингтона дать достойный ответ на нарастание военно-политической и экономической мощи Китая. Представляется, что такое мнение являлось, возможно, справедливым в отношении дипломатических ведомств, но никак не для министерства обороны и военного командования США на Тихом океане.

Не далее как в годы администрации Буша-младшего, когда тогдашний госсекретарь К. Райс дважды бойкотировала заседания регионального форума АСЕАН по проблемам безопасности (АРФ), Пентагон приступил к переброске сил на тихоокеанский театр. Этот тренд отчетливо обозначился в начале 2000-х годов под началом министра обороны Д. Рамсфельда. Его взгляд на растущее значение АТР

нашел отражение в 2006 г. в четырехлетней программе Пентагона (*Quadrennial Defence Review*), определявшей основные направления американской военной доктрины на указанный срок. В ней, в частности, указывалось, что ВМС США обеспечат развертывание и базирование на Тихом океане 6 авианосцев и 60 процентов подводных лодок. Ранее подводный флот США распределялся в пропорции 50:50 между Атлантическим и Тихоокеанским театрами военных действий.⁶⁶

Программа предусматривала также значительное увеличение сухопутных и военно-воздушных сил США в Японии и Южной Корее. На Гуам перебрасывался экспедиционный корпус морской пехоты с Окинавы. Наращивание группировки на этом острове было призвано обеспечить Пентагону усиление сил передового базирования в стратегическом треугольнике Япония – Южная Корея – Гуам, развернутого в китайском направлении.

Помимо этого, в ту пору военное ведомство США рассматривало вопросы усиления имеющихся альянсов и создания новых. В начале нового тысячелетия среди потенциальных военных союзников начала фигурировать Индия, а затем Индонезия и Вьетнам.

Таким образом, после себя Рамсфельд оставил вполне определенное наследие, состоявшее в усилении военной мощи США в тихоокеанской Азии. Адмирал Гринверт, начальник управления ВМФ США, выступая в Вашингтоне в начале 2012 г., подтвердил меры по укреплению прежних союзов с Японией, Южной Кореей и Австралией, а также налаживание сотрудничества по военной линии с новыми партнерами, в том числе с Вьетнамом.⁶⁷ Б. Обама требовалось лишь продолжить линии прежней администрации, дополнив ее шагами по расширению политической и экономической активности Вашингтона в АТР. В результате, утвердилось стратегическое направление, получившее сначала название «переноса точки опоры», а затем «перебалансировки» американской вовлеченности в тихоокеанской Азии.

Важность ЮВА в стратегических планах Вашингтона продемонстрировал первый зарубежный визит Обамы после переизбрания на второй срок. В середине ноября 2012 г. он нанес визит в Таиланд, Мьянму и Камбоджу. Поездки в регион совершили также госсекретарь Х. Клинтон и министр обороны Л. Панетта. Будучи в Джакарте, Клинтон поддержала план разработки «формального кодекса поведения» в Южно-Китайском море (ЮКМ), а также принципы документа, разработанные министром иностранных дел Индонезии Наталегавой, и призвала страны АСЕАН выступать единым фронтом на переговорах с Китаем. На Восточноазиатском саммите в Пномпене США, Япония и большинство стран АСЕАН настояли на включении проблемы ЮКМ в повестку дня встречи, несмотря на возражения Китая и Камбоджи. Свидетельством серьезности намерений по «перебалансировке» присутствия в Азии стали меры по укреплению военных потенциалов старых союзников США в ЮВА – Филиппин и Таиланда.

В конце августа 2012 г. Вашингтон объявил о намерении развернуть новый мощный радар, представляющий Маниле дополнительные возможности мониторинга ситуации в ЮКМ. США обязались утроить военную помощь, увеличить число заходов американских субмарин в Субик - бей, глубоководную бухту к северу от Манилы, которую Пентагон использовал в качестве военно-морской базы до 1992 г., а также расширить совместные учения.

В апреле 2012 г. вблизи острова Палаван состоялись крупнейшие филиппино-американские маневры, для участия в которых было переброшено 4500 морских

⁶⁶ The Straits Times, Singapore, 16.01.2012

⁶⁷ The Straits Times, 13.01.2012

пехотинцев и значительное число кораблей ВМФ США. Отрабатывались операции по освобождению морских платформ, захваченных условным противником. Хотя он прямо не назывался, не составляло секрета, что под ним понимался Китай. Ведь Пекин не признавал суверенитета Филиппин над этим районом, где по контракту с Манилой добычей и разведкой нефтегазового сырья занималась транснациональная компания *Shell*, создавал помехи деятельности филиппинских изыскательских судов.

По стечению обстоятельств маневры начались спустя две недели после инцидента в другом районе ЮКМ – рифе Скарборо, лежащем в 120 милях от Субик-бея. В этом районе филиппинский фрегат перехватил китайские рыболовные суда, производившие лов в филиппинской экономической зоне. На помощь рыбакам были направлены китайские разведывательные суда, блокировавшие филиппинский корабль. Страны оказались на грани вооруженного конфликта. Хотя непосредственного столкновения удалось избежать, стороны остались на исходных позициях относительно территориальной принадлежности рифа. Китай отверг предложение Манилы передать спор на рассмотрение Международного трибунала по морскому праву⁶⁸. При этом некоторые американские аналитики оговаривались, что у Китая не должно создаваться впечатление, что Вашингтон одобряет территориальные притязания Манилы в ЮКМ. По их мнению, администрация Обамы должна настоятельно подчеркивать важность многосторонних переговоров на основе Конвенции по морскому праву и не переходить на позиции одной из сторон в споре.⁶⁹

В ходе ноябрьских визитов Л. Панетты и Б. Обамы в Таиланд было подписано заявление о двустороннем военном альянсе, поднимавшее статус Бангкока до уровня главного союзника США за пределами НАТО. Глава Пентагона заверил в неизменности постоянного присутствия Соединенных Штатов в АТР и признании Таиланда в качестве «регионального лидера». Морские порты и аэропорты Таиланда являлись важной составной частью системы логистики американских сил в Ираке и Афганистане, а Пентагон ежегодно проводил около дюжины различных учений с тайландской армией.

Особым образом складывались отношения США со старым региональным противником – Вьетнамом. Для Ханоя налаживание военно-политического сотрудничества с Вашингтоном являлось тактической линией, направленной, с одной стороны, на то, чтобы показать Китаю, что в споре вокруг островных территорий в ЮКМ за его спиной может оказаться глобальная сверхдержава; с другой стороны, выстраивание отношений с США не должно было рассматриваться как превращение Вьетнама в противника Поднебесной. Так или иначе, участились контакты с США по военно-морской линии: совместные стрельбы, военно-спасательные учения, начавшиеся в середине 2011 г. и продолжившиеся в следующем году. Начались также заходы американских военных кораблей во вьетнамские порты и контракты на ремонт вспомогательных судов военно-морского флота США в верфях СРВ.

Экономическую составляющую визита Обамы в ЮВА разъяснил помощник президента по национальной безопасности Донилен, выступив 15 ноября 2012 г. в вашингтонском Центре стратегических и международных исследований. Он заявил, что США являются тихоокеанской державой, неразрывными интересами связанной с экономической безопасностью и политическим порядком в Азии. По его словам, успех Америки в XX веке был связан с успехом Азии. На АТР приходилось 25

⁶⁸ US Wades into China-Philippines Standoff.

<http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/ND24Ae01.html>

⁶⁹ Simon, Sheldon. US-Southeast Asia Relations: High-Level Attention. Comparative Connections, January 2013, p.60

процентов экспорта и 30 процентов импорта товаров и услуг США. Около 2.4 млн. американцев было занято на предприятиях, ориентированных на азиатское направление и эта цифра возрастала. Иначе говоря, американская торговля и инвестиции, по мнению Донилона, будут по-прежнему играть ключевую роль для хозяйственного потенциала США и их долгосрочной мощи.⁷⁰

Решение долгосрочных экономических задач Вашингтон усматривал в формировании Транстихоокеанского партнерства (ТТП), зоны свободной торговли нового типа, отвечающей стандартам XXI века. Под ними понимались иные правила игры по сравнению с действующими в рамках транснациональных торгово-экономических структурах типа Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). В частности, присоединение Вьетнама к ТТП означало бы ликвидацию привилегированного статуса многочисленных государственных компаний, открытие для зарубежного капитала сферы госзакупок и т.д.

Выдвижение идеи ТТП было нацелено на решение двух задач. Во-первых, на создание под американской эгидой особой торгово-экономической группировки, в которой страны ЮВА в значительной мере утратили бы экономический суверенитет, а транснациональные корпорации и финансовые институты США получали бы неограниченный доступ на их внутренние рынки. Во-вторых, поскольку Пекин никогда бы не согласился на предлагаемые условия участия в ТТП, он выдавливался на периферию азиатско-тихоокеанского сотрудничества, а страны АСЕАН в той или иной мере лишались бы выхода на Китай и переориентировались на заокеанский рынок.

Естественно, что большинству азиатских участников предложенного объединения не слишком улыбалась перспектива оказаться отрезанными от огромного китайского рынка, в растущих масштабах поглощавшего их готовые товары и сырье и ставшего инвестиционным полем для их национальных компаний. Не в традициях азиатской ментальности было безоглядно бросаться в новый неопределенный мир конкуренции, когда рядом находилась огромная страна со знакомой политической системой и экономикой, сходными правилами регулирования внешнеэкономических связей. Иными словами, сотрудничество с КНР являлось более востребованным, чем объединение с США во имя сдерживания «китайской угрозы», а китайская «синица» в руках предпочтительней свободной торговли под крылом американского «журавля».

Альтернативой американскому проекту ТТП можно, очевидно, считать договоренность, достигнутую на Восточноазиатском саммите в столице Камбоджи членами АСЕАН, Китаем, Японией, Южной Кореей и рядом других стран, с которыми асеановцы имеют двусторонние соглашения о свободной торговле, о начале переговоров по формированию Регионального всестороннего экономического партнерства (Regional Comprehensive Economic Partnership). На участников задуманного объединения приходится половина населения Земли, треть глобального ВВП и свыше четверти мирового экспорта. Планируется заключение взаимовыгодного соглашения о торговле товарами и услугами, инвестициях, технико-экономическом сотрудничестве, интеллектуальной собственности и т.д.

Заключая, можно сказать следующее. Характер отношений между США и странами АСЕАН определяется динамикой их развития по трем направлениям: экономика, сфера безопасности и политическое взаимодействие. Первая администрация Обамы продвигала переговоры по формированию ТТП, выдвигая при этом вспомогательные инициативы. В сфере безопасности вооруженные силы США продолжали укреплять взаимодействие с асеановскими партнерами как на двусторонней, так и многосторонней основе. Одновременно росли военные

⁷⁰ US pivot bumps Asian economic reality><http://www.atimes.com/atimes/China/NK22Ad01.html><

поставки в страны АСЕАН, определялись общие подходы в сфере стратегических оценок и планирования. В свете грядущего значительного сокращения бюджета Пентагона перед ним стояла настоятельная задача более рачительного распределения средств по «сдерживанию» Китая, активизируя и одновременно разделяя бремя ответственности с прежними и новыми союзниками. По мнению видного американского политолога Шелдона Саймона, наиболее проблематичной выглядит политическая сфера. Настойчивые попытки Вашингтона продвигать либеральные ценности и свое понимание прав человека встречали неоднозначную реакцию властей стран АСЕАН. Такие члены Ассоциации, как Индонезия, Филиппины и частично Таиланд приветствовали их, Сингапур и Малайзия воспринимали толерантно, а Вьетнам, Камбоджа и Лаос оценивали как нежелательное вмешательство в свои внутренние дела. Ситуация в Мьянме остается неопределенной.⁷¹

Е.А.Канаев

САММИТ АТЭС ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

Прошедший год стал временем российского председательства в Форуме АТЭС. Наша страна готовилась к этому событию на протяжении шести лет, затратив на подготовку, в общем и целом, порядка 680 млрд. рублей⁷². Сумма немаленькая, если учесть, что подготовка к приему саммита совпала с мировым финансовым и экономическим кризисом. Однако были и ожидания получить соответствующую отдачу: проведение саммита рассматривалось как фактор, способный придать ощутимый импульс развитию Сибири и Дальнего Востока. Сейчас, когда саммит уже позади, зададимся вопросом: усилил ли он позиции России в АТР?

Для начала обратим внимание на ряд моментов, имевших место непосредственно перед российским председательством и во время него.

Во-первых, развитие проекта транстихоокеанского партнерства (ТТП) подталкивает к однозначному выводу: либерализация торгового и инвестиционного сотрудничества между экономиками АТЭС уже достигла своих естественных пределов. Соответственно, формирование Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли, на что и нацелено это партнерство, выглядит крайне маловероятным сценарием.

Во-вторых, наметилась перспектива дальнейшего нарастания конкуренции между основными проектами экономического регионализма в АТР и Тихоокеанской Азии. Практически одновременно с саммитом АТЭС в Гонолулу, где Транстихоокеанское партнерство было представлено как образец «высококачественного» соглашения о свободной торговле и инвестициях, участники 19-го саммита АСЕАН приняли решение о движении к Региональному всеобъемлющему экономическому партнерству (РВЭП). Этот проект – попытка интегрировать действующие и формируемые режимы свободной торговли между АСЕАН и ее шестью партнерами – Китаем, Японией, Республикой Корея, Индией, Австралией и Новой Зеландией. Следовательно, «за бортом» РВЭП остаются Россия и США. В таких условиях будущая конкуренция между РВЭП и ТТП представляется более чем вероятной.

⁷¹ Simon, Sheldon. US-Southeast Asia Relations: High-Level Attention, Comparative Connections, January 2013, p.62

⁷² АТЭС родной. Коммерсантъ Деньги. 24.12.2012. // <http://www.kommersant.ru/doc/2097117>

В-третьих, для многих участников АТЭС, прежде всего – его восточноазиатского крыла, актуальной задачей стало развитие крупных инфраструктурных проектов в сфере транспорта. Так, страны Юго-Восточной Азии, входящие в АСЕАН, активно развивают транспортные коммуникации в рамках плана АСЕАН по наращиванию взаимосвязей и развития транспорта. Весной 2011 г. начато строительство высокоскоростной железной дороги Куньмин – Сингапур. Наконец, соединение Транссибирской магистрали и Транскорейской железной дороги не было признано бесперспективным, и работа продолжается, даже несмотря на сложные взаимоотношения между двумя корейскими государствами.

Наконец, в-четвертых, на фоне нестабильности на мировых энергетических рынках Россия – именно с «прицелом» на активизацию сотрудничества со своими азиатско-тихоокеанскими соседями после проведения саммита АТЭС – запустила реализацию двух масштабных проектов: строительство газотранспортной системы Сахалин-Хабаровск-Владивосток и нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан. Параллельно ОАО Газпром и южнокорейская компания Когаз приступили к согласованию условий прокладки газопровода из России в Республику Корея.

Таким образом, накануне и во время российского председательства в АТЭС было очевидно: повестка Форума объективно нуждается в обновлении, и двигать тему ускоренной либерализации торговых и инвестиционных режимов не отвечает интересам ни России, ни ее партнеров. России – по той причине, что, вступив в ВТО совсем недавно и не заключив соглашений по свободной торговле ни с одной экономикой АТЭС, она может выступать лишь реципиентом таких идей, но никак не их генератором. наших партнеров – в силу того, что они уже изучили «потолок возможностей» режимов свободной торговли, а некоторые из них успели ощутить и определенную «исчерпанность исходных ожиданий». Уловив этот момент, Россия значительно расширила повестку АТЭС, включив в нее – помимо собственно либерализации торговли и инвестиций – еще такие направления, как укрепление продовольственной безопасности, формирование надежных транспортно-логистических цепочек и интенсивное взаимодействие для обеспечения инновационного роста.

Такая повестка уже сама по себе послужила хорошим заделом для российского председательства. А основными его результатами можно считать следующие.

Прежде всего, был согласован «список АТЭС из 54 экологических товаров» (APEC List of Environmental Goods), тарифы на которые к 2015 г. должны быть снижены до 5 % и меньше. Товары включают в себя главным образом коммунальное оборудование и элементы энергетической инфраструктуры, отвечающие потребностям «зеленого роста»⁷³. Принятие этого списка – реальное достижение, которое Россия с полным на то основанием может занести себе в актив – ведь в рамках ВТО аналогичные переговоры длятся уже около десяти лет, и существенного прогресса пока не достигнуто.

Во-вторых, Россия широко интерпретировала понятие «инновационное сотрудничество», подчеркнув важность не только кооперации в высокотехнологичных отраслях, но и необходимости повышать уровень профессиональной подготовки специалистов, развивать образовательные обмены, а главное – создавать и впоследствии укреплять партнерство между государственными структурами, частным бизнесом и экспертным сообществом. Необходимость вывести такое сотрудничество на новый уровень назрела уже давно, однако ее конкретная реализация состоялась именно в год российского

⁷³ ANNEX C - APEC List of Environmental Goods. Vladivostok, Russia, 8 - 9 Sep 2012. // http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2012/2012_aelm/2012_aelm_annexC.aspx

председательства, когда Рабочая группа по промышленной науке и технологиям АТЭС была трансформирована в Политическое партнерство по науке, технологиям и инновациям АТЭС⁷⁴.

В-третьих, во время проведения Делового саммита АТЭС и встречи лидеров экономик АТЭС состоялось подписание крупных контрактов. Например, ОАО «Газпром» и Агентство по природным ресурсам и энергетике Министерства экономики, торговли и промышленности Японии подписали Меморандум по проекту Владивосток-СПГ, предусматривающий как использование природного газа в районе Владивостока, так и транспортировку и реализацию природного газа и газохимической продукции из Приморья потенциальным покупателям в АТР. Не меньшую значимость имеет и перспектива строительства глубоководного зернового терминала на Дальнем Востоке, о чем договорились группа «Сумма» и Внешэкономбанк.

Наконец, в-четвертых, проведение саммита позволило кардинально модернизировать инфраструктуру Владивостока, изменив его внешний облик. Как представляется, последствия этого будут самыми благоприятными. Как минимум – Владивосток станет местом проведения представительских мероприятий международного сотрудничества в АТР на высоком и высшем уровнях. Первое – и, думается, далеко не последнее из таковых – 21-я сессия Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума, прошедшее во Владивостоке в январе 2013 г. Как максимум – высокий уровень развития инфраструктуры – гарантия повышенного интереса инвесторов, как внутренних, так и иностранных, на что, собственно, и было рассчитано проведение саммита АТЭС.

Все сказанное выше позволяет утверждать, что саммит АТЭС во Владивостоке принес нашей стране определенные репутационные бонусы. Что же касается экономических выгод, то основания ожидать их появления тоже есть. И дело здесь не только в уже заключенных контрактах, но и в понимании российским руководством необходимости незамедлительного и форсированного развития дальневосточных рубежей страны, что стало ключевой мыслью заседания президиума Государственного совета по развитию Дальнего Востока и Забайкалья, состоявшегося в ноябре 2012 г.⁷⁵. А подспорьем нашему взаимодействию с внешними партнерами послужат крупные инфраструктурные проекты – газотранспортная система Сахалин-Хабаровск-Владивосток и нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан, строительство которого завершилось в декабре 2012 г.

Таким образом, вывод о том, что проведение саммита АТЭС во Владивостоке усилило российские позиции в АТР, представляется вполне правомерным. И главная задача, стоящая сейчас перед Российской Федерацией – не снижая темпа, продолжить экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Ведь только оно в конечном итоге может сделать наше присутствие в АТР действительно диверсифицированным, комплексным и многомерным. А проведение саммита АТЭС стало шагом на пути решения именно этой задачи.

⁷⁴ 2012 Leaders' Declaration. Vladivostok Declaration – Integrate to Grow, Innovate to Prosper. Vladivostok, Russia. 8-9 September 2012. //

http://www.apec.org/~//link.aspx?_id=ACA66226295A4B23A18840E4166C3AAA&_z=z

⁷⁵ Заседание президиума Госсовета. Ново-Огарево, 29 ноября 2012 г. //

<http://news.kremlin.ru/news/16990>

АРКТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Растущий интерес многих стран мира к нефтегазовым ресурсам Арктики породил не только ажиотаж в отношении их объёма и доступности, но и открыл (точнее оживил) интерес к дипломатическому обеспечению процесса освоения этих ресурсов. При рассмотрении этих проблем, как и при анализе широкого контекста проблем вокруг нефти и газа, важно не преувеличивать значение рисков и не принижать значение возможностей. Не следует переоценивать риск того, что соперничество за углеводородные ресурсы станет серьезным источником напряженности или что военные мероприятия, осуществляемые многими государствами Арктического региона, обязательно приведут к соперничеству в области безопасности. Аналогичным образом не следует упускать из виду возможности сотрудничества по преодолению технических препятствий добыче углеводородных ресурсов, охране экологии Арктического региона, созданию эффективных институтов для реализации этих возможностей, защите коренных народов региона.

Решение первой проблемы, а именно обеспечения справедливого и не вызывающего споров урегулирования претензий на ресурсы, не должно вызывать больших сложностей. Согласно оценкам, большая часть нефти и газа распределяется следующим образом: треть на суше, треть на континентальном шельфе и треть на океанском дне.⁷⁶

Таким образом, права примерно на две трети этих ресурсов не оспариваются. Что касается нерешенных вопросов об определении границ на континентальном шельфе, то общепризнанным арбитром для их решения выступает Комиссия ООН по границам континентального шельфа, а общепризнанной нормой по-прежнему остается процедура подачи заявок в рамках Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS). Более того, в случаях несовпадения границ страны продемонстрировали способность к достижению двусторонних договоренностей о разделе ресурсов, что подтверждают договоренности между Норвегией и Исландией о месторождении Дреки и Россией и Норвегией по Баренцеву морю.⁷⁷ Главная проблема заключается в том, чтобы при ускорении освоения Арктического региона сохранить эти механизмы и дух компромисса.

Преодоление технологических препятствий и проблемы высоких затрат при добыче углеводородов в Арктике сопряжено с гораздо большими сложностями.⁷⁸

⁷⁶ Наиболее полные из опубликованных данных о предполагаемых, но ещё не открытых запасах нефти и газа в Арктике, содержатся в докладе Геологической службы США (U. S. Department of the Interior. U. S. Geological Survey Fact Sheet 2008-3049. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle. Washington, 2008). Именно их использует большинство отечественных исследователей.

⁷⁷ Правовые аспекты освоения нефтегазовых ресурсов Арктики подробно освещены в докладе экспертов американского юридического бюро Vinson&Elkins LLP (Houston) – Tyler, T. J., Lofftis, J. L., Hawker, E. E. Gaps in The Ice: Maritime Boundaries and Hydrocarbon Field Development in The Arctic. Houston, 26 April 2012.

⁷⁸ В отечественной литературе широко распространены как весьма оптимистические взгляды на проблему (см. например. статью В. И. Павленко и И. В. Паничкина "Экономические оценки состояния и перспективы разработки морских нефтегазовых ресурсов Арктики (Арктика: экология и экономика. – 2012. – № 3(7). – С. 14-21), так и крайне осторожные оценки, особенно в краткосрочной перспективе (см. Честин И. Зеленая революция: Что скрывает арктический шельф // Ведомости. №187 (3201) – 03.10.2012; Разинцева А. Наиболее взвешенная, объективная оценка ситуации с освоением нефтегазовых ресурсов Арктики дана, на наш взгляд, в монографии "Арктика: зона мира и сотрудничества" (ИМЭМО РАН, 2011).

Перемещения льда, изменения морского дна из-за глубинных ледовых образований, обледенение буровых установок и судов, а также сильные штормы – все эти факторы, усугубляемые изменением климата, затрудняют освоение Арктики. Они служат доводом против освоения региона с опорой исключительно на национальные силы и свидетельствуют в пользу объединения усилий для развития сотрудничества в разработке месторождений.

Затраты на проектирование и строительство в Арктике, необходимые для деятельности на значительной площади региона, превышают существующие возможности большинства компаний и стран, что позволяет сделать предположение о замедленном выходе арктических энергетических ресурсов на рынок в условиях отсутствия открытости, стимулирующей совместные усилия. При этом пока даже не рассматриваются такие проблемы, как повреждения трубопроводов и других элементов инфраструктуры на суше, вызванные оттаиванием вечной мерзлоты, возможные затраты на решение вопроса, связанного с неясным качеством газа и нефти морских месторождений Арктики. Хотя все это важные проблемы для регионального сотрудничества.

Экосистема Арктики является одной из самых хрупких на планете. Для добычи и транспортировки нефти и газа из этого региона требуются усилия и стандарты по защите окружающей среды, выходящие за пределы всего того, что было достигнуто к настоящему времени членами Арктического совета. Несколько рабочих групп Арктического совета осуществляют важные исследования и наблюдения темпов загрязнения в регионе, истощения озонового слоя и других угроз биологическому разнообразию Арктики, однако ни прибрежные государства, ни Арктический совет пока не приступили к разработке режима и механизмов, адекватных угрозам.

Тем не менее, постепенно и в странах Запада, и странах Востока формируются внешнеполитические концепции и предпринимаются определённые дипломатические акции, направленные на защиту национальных "арктических" интересов.

Позиция Запада. Стержень западной концепции – Арктика, относящаяся к важнейшим и наиболее уязвимым достояниям человечества, должна стать одним из приоритетных совместных проектов Евроатлантического региона. Страны региона уже столкнулись с этими проблемами, которые будут только усложняться по мере разработки арктических нефтяных и газовых месторождений. В довольно неопределённом будущем энергетики большие запасы углеводородов в Арктике открывают перед ключевыми странами Евроатлантического региона широкие возможности. Учитывая как технические проблемы, связанные с добычей нефти и газа, так и крайне хрупкую окружающую среду в регионе, где эти запасы находятся, данные государства имеют серьёзные причины для сотрудничества в освоении этих новых рубежей. Некоторые аналитики прогнозируют, что Арктику следует рассматривать как регион, в котором может быть реализована возможность заложить фундамент для Евроатлантического сообщества безопасности⁷⁹.

Для такого сотрудничества странам Евроатлантического региона, в первую очередь государствам, имеющим выход в Северный Ледовитый океан (Дании, Канаде, Норвегии, России⁸⁰, США), а также другим членам Арктического совета (Исландии, Финляндии и Швеции) необходимо найти формы сотрудничества для решения пяти основных проблем:

⁷⁹ Energy as a Building Block in Creating a Euro-Atlantic Security Community. EASI Working Group on Energy. EASI Working Group Paper, February 2012. Pp. 20.

⁸⁰ В "арктическом" контексте Россию рассматривают на Западе как страну, принадлежащую, безусловно к западным развитым странам, что, на наш взгляд, вполне отвечает российским интересам.

- во-первых, добиться мирного и законного урегулирования претензий на углеводородные ресурсы;
- во-вторых, решить технические проблемы добычи и транспортировки углеводородных ресурсов;
- в-третьих, обеспечить защиту хрупкой экологии Арктического региона;
- в-четвертых, создать институциональные механизмы, посредством которых эти проблемы могут быть решены;
- в-пятых, предотвратить превращение Арктического региона в новую арену военного соперничества;

Существует ряд институтов, занимающихся различными аспектами освоения Арктики, включая Арктический совет, межправительственный форум, созданный в 1996 г и его шесть рабочих экспертных групп, которым поручено анализировать угрозы окружающей среде и жизни коренных народов⁸¹, Евроарктический совет Баренц-региона, работающий над проблемами социально-экономического развития, "Северное измерение" ЕС, призванное решать ряд других проблем Арктического региона, а также Конвенцию ООН по морскому праву (UNCLOS).

Однако все эти институты по-прежнему недостаточно развиты для решения вопросов в данной области. Статья 298 UNCLOS позволяет каждому из 150 государств-участников (США не входят в их число) отказаться использовать любой метод урегулирования споров, против которого это государство возражает. Арктический совет не может принимать юридически обязательные решения в какой-либо области, а его члены не обязаны участвовать в созданных советом программах. Евроарктический совет Баренц-региона также не обладает правом принимать обязывающие решения.

На министерском совещании Арктического совета в мае 2011 г., прошедшем в гренландском поселке Нуук, восемь стран-участниц согласились сформировать постоянный секретариат Арктического совета и приняли первое юридически обязывающее Соглашение о сотрудничестве в проведении операций по авиационному и морскому поиску и спасению в Арктике. Это лишь первый шаг, многое еще предстоит сделать.

Наконец, предотвращение военного соперничества в Арктике требует особого внимания. В СМИ уже прослеживается тенденция рассматривать в качестве признаков нарастающего военного соперничества такие факты, как образование воинских частей на случай непредвиденных событий в Арктике, военно-морские учения в регионе, а также заявления военачальников России, Канады, Норвегии и НАТО о потенциальных региональных угрозах. Хотя большинство этих оборонных инициатив арктических государств выглядят как обычные меры предосторожности по защите национальных интересов в области экономики и безопасности, этим государствам необходимо сознательно способствовать тому, чтобы данные инициативы обеспечивали взаимную безопасность в Арктике, а не провоцировали военное соперничество.

Позиция Востока. Китай, Япония и Республика Корея в 2012 г. подали заявки на получение статуса постоянного наблюдателя в Арктическом Совете.⁸² Все три вышеназванные страны активно лоббировали одобрение их заявок на следующей встрече Совета на уровне министров государств-участников в мае 2013 г. При этом

⁸¹ Вплоть до начала XXI-го века Арктический Совет занимался преимущественно координацией защиты окружающей среды и прав коренных народов. Тем не менее, политическая важность Совета стала расти по мере роста темпов таяния арктических льдов. Сегодня он рассматривается как наиболее влиятельный международный институт, занимающийся вопросами управления и сотрудничества в Арктике.

⁸² Jakobson, L. Northeast Asia Turns its Attention to The Arctic. The U.S. National Bureau of Asian Research Analysis Brief. 17.12.2012.

включение в его состав новых постоянных наблюдателей остаётся спорным вопросом для восьми постоянных членов Совета, в число которых входят пять арктических государств, имеющих выход к Северному Ледовитому океану (Канада, Дания, Норвегия, Россия и США), а также три государства, территории которых находятся за полярным кругом (Финляндия, Исландия и Швеция).

На предыдущих встречах в 2009 и 2011 гг. министры сошлись во мнении отложить принятие решения по новым наблюдателям. И хотя в 2012 г. скандинавские страны выразили поддержку предоставлению Китаю, Японии и Южной Корее статуса постоянного наблюдателя, Канада, Россия и США предпочли промолчать по этому вопросу. При этом США – вместе с Канадой и Россией – выиграли бы от включения этих стран в число постоянных наблюдателей, поэтому ожидается, что они поддержат их заявки на следующей встрече Совета.

Проявившийся в последнее время интерес Китая, Японии и Южной Кореи к Арктическому региону обусловлен экономическими мотивами. В предстоящие десятилетия таяние полярных льдов, как ожидается, скажется на производстве продовольствия в Северо-Восточной Азии, в то же время создав новые возможности для многих отраслей, связанных с судоходством, рыболовством и геологоразведкой ресурсов. Кроме того, Китай рассматривает своё участие в решении проблем управления Арктикой как один из элементов подтверждения своего статуса растущей глобальной державы. Южная Корея, в свою очередь, рассматривает участие в Арктике как средство укрепления своего имиджа формирующегося глобального игрока.

За последние пять лет эти государства Северо-Восточной Азии предприняли следующие шаги по защите того, что они воспринимают как свои ключевые интересы в Арктике:

- углубление своих знаний об изменении климата, чтобы реагировать эффективно на его последствия в области производства продуктов питания и экстремальных погодных проявлений;
- обеспечение доступа (с разумными издержками) к арктическим судоходным маршрутам, когда условия позволяют осуществлять регулярное коммерческое судоходство в летний период;
- укрепление своей способности как неарктических государств получать доступ к ресурсам и рыболовецким районам региона.

Преследуя эти цели, Китай, Япония и Южная Корея полагаются на свои немалые научные возможности в области полярных исследований, которые они нарастили за последние десятилетия в результате своих научно-исследовательских мероприятий в полярных регионах, преимущественно в Антарктике. Арктика остаётся вторичным направлением для всех трёх стран, хотя в последние годы финансирование на её исследования заметно увеличилось. Китай и Южная Корея проводят регулярные экспедиции в Арктике на собственных научных судах-ледоколах. В Китае уже десятилетие реализуется программа арктических исследований. Он обладает крупнейшим в мире неатомным ледоколом Xuelong и постоянным наземным центром океанических и климатических исследований в Ню-Олессуне (Ny-Alesund) (Норвегия). Китай, используя финский опыт, строит второй ледокол, который должен быть спущен на воду в 2013 году.

Китайские ожидания в отношении Арктики в особенности вызывают определённую озабоченность и даже беспокойство, сопровождавшие Китай на всём его пути к становлению в качестве крупной державы.⁸³ Никто не знает точно, как Китай воспользуется своей мощью. Агрессивная позиция китайского представителя

⁸³ Perreault, F. Can China Become a Major Arctic Player? // S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University Commentaries (Singapore). №. 073/2012. 24 April 2012.

на встрече наблюдателей Арктического совета в Стокгольме в ноябре 2012 г. лишь усилила эти опасения. Хотя китайские чиновники в целом достаточно осторожны в своих заявлениях в отношении своих интересов в Арктике – особенно в отношении ресурсов – и подчеркивают свою приверженность к уважению суверенных прав арктических государств.

Согласно Конвенции ООН по морскому праву, которую США не ратифицировали, все государства имеют право вести разведку ресурсов в международных водах. Тем не менее, Китай обеспокоен тем, что область, которая должна трактоваться как международные воды в Арктике, существенно сократится, если все существующие и ожидаемые претензии арктических государств на расширение их участков внешнего континентального шельфа будут признаны законными. Более того, Пекин подчёркивает, что арктические вопросы носят глобальный, а не региональный характер, поскольку происходят изменения, в первую очередь, таяние полярных льдов, которые имеют глобальное воздействие. Китайские авторы сейчас называют Китай "околоарктическим государством" и "заинтересованной стороной в арктических вопросах", подчёркивая, что Китай должен участвовать в дискуссиях и решениях, касающихся будущего Арктики.

Статус постоянного наблюдателя, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе, не слишком много даст Китаю, Японии и Южной Корее в Арктическом совете, поскольку наблюдатели не обладают правом голоса. Однако в этом качестве они автоматически будут приглашаться на мероприятия и встречи Арктического совета, тогда как сейчас они вынуждены дожидаться приглашения в разовом порядке. Пекин хочет обеспечить себе место в Совете, пусть и в заднем ряду, поскольку беспокоится, что в определённый момент в будущем он может оказаться нежелательным участником встреч данной организации, а также надеется – как и Южная Корея, и Япония, – что наблюдатели смогут со временем обрести в совете больше влияния.

Тот факт, что Китай начал называть Арктику международной территорией, возможно, означает, что он отводит Северному Ледовитому океану важную роль в экономической, природоохранной, политической и военной сферах. Он, очевидно, не хочет сидеть на обочине и смотреть, как пять прибрежных государств решают между собой, какова будет будущая политическая и правовая структура Северного Ледовитого океана.

Как бы то ни было, хотя Китай может претендовать на более значимую роль в Арктике, четыре государства-члена НАТО и Россия вряд ли захотят позволить Китаю слишком вклиниться в этот регион, который они рассматривают как свой задний двор.

РОССИЯ И МИР

С.И. Лунев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В АЗИИ: ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

В последнее время чрезвычайно важными стали вопросы о сущности политических процессов и характере демократизации, о соотношении западной цивилизационной модели и незападных цивилизационных комплексах, модернизации и вестернизации.

Процессы модернизации охватывают чрезвычайно широкий круг проблем: политических, экономических, культурных, идеологических и т.д. Почти четыре века эти вопросы были краеугольными для России, но приоритетность конкретных задач постоянно менялась. В последние годы, когда президентом страны был Д.А. Медведев, акцент был сделан на политической модернизации. С 2012 г. после возвращения на пост президента В.В. Путина политические параметры стали уходить на задний план, тогда как экономическому направлению стало придаваться большее значение.

Представляется, что подобный подход является в целом верным. В недалеком прошлом страна уже сделала ошибку, когда при М. С. Горбачеве забыли об «экономическом ускорении» и занялись модернизацией, в первую очередь, политической сферы, что разбудило политическую активность населения в условиях продолжавшегося экономического кризиса. Строительство в России «дикого капитализма» (Дж. Сорос) или «пиратского государства» (А.И. Солженицын) не могло не вызвать резкого ухудшения социально-экономической ситуации.

Результатами кризиса стали колоссальное падение ВВП России (в 2000 г. он оценивался в 61,1% к показателю 1990 г.), безудержный рост цен, сокращение реальной зарплаты в несколько раз, полный крах многих отраслей хозяйства (на плаву остались лишь сырьевые отрасли), рост процента бедных за первые 5 лет более, чем в 7 раз⁸⁴, подскок за этот период безработицы с 0% до 25% (в некоторых регионах РФ эта цифра доходила до 50-80%), значительное падение качества жизни среднего россиянина, резкое ухудшение ситуация в социо-культурной сфере. Крайне сократились доли выделяемых на образование, здравоохранение, культуру и науку ассигнований, к чему надо приплюсовать сокращение объемов самого государственного бюджета.

Закономерным следствием социально-экономической ситуации стало разочарование в демократии, ностальгия по советскому прошлому и поддержка соответствующих политических сил. Люди начинают верить в демократию, если убеждаются в ее «практической полезности» для себя лично. Если демократия ведет к социально-политическим катаклизмам и усилению бедности, она обречена на непривлекательность, о чем свидетельствует весь мировой опыт.

История крупнейших азиатских стран за последние 20 лет показывает, что здесь произошел почти полный отказ от дальнейшей политической модернизации в направлении западной модели. На рубеже 1980-90-х годов в Азии, как и в других регионах, проходила «третья волна демократизации», но она затронула

⁸⁴ The Russia Longitudinal Monitoring Survey, 1992 - 1996. North Carolina, Feb. 1997, p. 13. В 1997 г. почти половину «новых бедных» составляли семьи с двумя работающими и 1-2 детьми (Л. Овчарова, Е. Турунцев, И. Корчагина. Бедность: где порог? - «Вопросы экономики», № 2, 1998, с. 65). Особо необходимо отметить попадание в зону бедности имеющих работу, в том числе высококвалифицированных специалистов, так как данный печальный феномен не имеет аналогов за пределами постсоветского пространства.

преимущественно авторитарно-тоталитарные режимы и принесла формальную, чисто внешнюю политическую вестернизацию.

Долгое время западная политическая мысль в целом отказывалась воспринимать специфику Востока и пыталась объяснить настоящее и будущее мира как прогрессирующую унификацию экономических и политических изменений в направлении заранее заданной европоцентристской «идеальной модели». Однако жизнь показала нереалистичность такого взгляда. Постепенно на Западе стали появляться специалисты, предостерегавшие от применения чисто западной методологии для анализа восточных обществ. Один из ведущих американских специалистов Л. Пай даже сформулировал 17 специфических закономерностей «незападного» политического процесса. Среди них, например, отсутствие строгого разделения между политической сферой, с одной стороны, и общественными и личными взаимоотношениями, с другой; политические организации - скорее носители определенного мировоззрения, а не выразители политических взглядов; значительное количество различных кланов и кланов; гораздо меньшая по сравнению с Западом приверженность политических лидеров какой-либо стратегии; существенные различия в политических взглядах различных поколений; частое изменение отношения к легитимности тех или иных политических действий; слабое влияние политических дискуссий на процесс принятия решений; малое количество организованных групп интересов; доминирование лидеров харизматического типа и т.п.⁸⁵

В современном мире зона Востока отличается большой гетерогенностью. Отдельное место занимает Япония, которую исследователи, как правило, относят к Западу. Однако даже в наиболее развитой азиатской стране трудно не заметить отличия ее модели от западной в плане организации и политической, и экономической, и социальной жизни. Не случайно американский профессор К. ван Вулфферен заявил на конференции в Токио: «Мы не можем обнаружить гражданского общества в Японии», «японское население не оказывает никакого воздействия на политические процессы», «это – не настоящая демократия» и пр.⁸⁶ Может быть, в этих высказываниях есть преувеличения, но отличия японской модели от западной здесь справедливо подчеркнуты.

Политическая культура Японии состоит в приверженности многовековым традициям и высокой степени адаптивности, самотрансформации в соответствии с меняющимися реалиями современного мира, в способности японцев к одновременной эволюции в двух направлениях: дрейф в сторону западных стереотипов поведения и вместе с тем подтверждение верности ключевым ценностям цивилизации восточного типа. Ценностная ориентация политической культуры носит, скорее, традиционалистский характер, что особенно проявляется на глубинном, цивилизационном уровне. В итоге Японию в целом правильнее все-таки отнести к «не-Западу».

В восточной политологии в последнее время появились концепты на основе противопоставления «индивидуалистического» Запада «коллективистскому» Востоку. Особое звучание получили идеи «азиатских ценностей», чье быстрое распространение было связано, прежде всего, с давлением Запада после распада биполярной системы на развивающиеся страны в целях приведения их к наибольшему соответствию с западной моделью построения общества и экономики. Это встретило отторжение во многих благополучных странах Восточной Азии,

⁸⁵ Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. - 2003. - № 2. - С. 66-86.

⁸⁶ The Vitality of Japan. Sources of National Strength and Weakness / Ed. by Clesse A., Inoguchi T., Keehn E. B. and Stockwin J. A. A. - London – New York: Macmillan Press LTD, St.Martin's Press, Inc., 1997. - P. 406.

которые были воодушевлены собственными экономическими успехами и не желали распространения в регионе пороков, свойственных западным обществам: высокий уровень преступности, распространение наркотиков, резкий рост разводов, проблема бездомности, расовое напряжение в обществе.

«Азиатские ценности» включают прежде всего семью как оптимальную модель организации, сильную клановую систему, дисциплину и повиновение, уважение к старшим, приоритетное значение общественного согласия, сильное государство. Данная теория выполняла две весьма противоречивые задачи: 1) защитить ряд традиционных базовых ценностей и объяснить их основополагающее значение для азиатских стран; 2) обосновать свой путь модернизации, показав при этом ее неполное совпадение с вестернизацией. Таким образом, мы имеем дело с попыткой синтеза восточных и западных норм. Именно данная концепция позволяет выполнять модернизирующую функцию, частично видоизменяя менталитет восточноазиатского населения в сторону сближения с западными нормами.

Впервые об «азиатских ценностях» заговорил первый премьер-министр Сингапура (1959-1990) Ли Куан Ю, который в качестве объяснения огромных социально-экономических успехов некоторых стран Азии утверждал, что главными факторами столь быстрого роста были упор на подчинение авторитету группы, трудолюбие, семья, сбережения и образование. Его сподвижник Томми Кох включил в «азиатские ценности» десять основных составляющих: избегание излишнего индивидуализма; поддержание крепкой семьи; преклонение перед образованием; бережливость и высокая норма сбережений; напряженная работа; коллективное взаимодействие в масштабах страны; достижение азиатского социального контракта; восприятие всех граждан как организаторов коллективного дела (членов коммуны); развитие всего, что морально благотворно; отсутствие абсолютной свободы прессы⁸⁷. Бывший посол в США Чан Хенг Чи отмечала, что от либеральной демократии «азиатские ценности» отличаются коммунитаризмом, уважением к власти, наличием доминирующей партии, сильным государством и централизованной, жестко иерархизированной бюрократией⁸⁸.

Данная концепция обрела множество поклонников в Китайской Народной Республике, в том числе и в верхах, которые неявно, но настойчиво, используют ее для оправдания специфики развития КНР в плане демократии и соблюдения прав человека. При этом наблюдается стремление соединить традиционные принципы и социалистическую систему (конфуцианство оказывало существенное воздействие еще на первого лидера КНР Мао Цзэдуна).

Среди противников идеи «азиатских ценностей» в Восточной Азии следует упомянуть, в первую очередь, политических деятелей, ориентирующихся на западное сообщество – Далай-ламу, бывший президент Тайваня Ли Дэньхуэй, лидер оппозиции Мьянмы Аун Сан Су Чи, бывший заместитель премьер-министра Малайзии Анвар Ибрагим и другие. Западные исследователи, как правило, отрицают значимость данной концепции.

В Японии официально прямо не поддерживали концепцию «азиатских ценностей», но очевидно, что она, развивавшаяся в духе конфуцианских принципов, вполне соответствует цивилизационной модели Японии. В стране давно существует взгляд на существование двух цивилизаций в регионе – островной и

⁸⁷ Koh T. The 10 Values Which Undergird East Asian Strength and Success // The International Herald Tribune. 11–12 December.

⁸⁸ Chan Heng Chee. Democracy: Evolution and Implementation: An Asian Perspective // Bartley R., Chee Ch.H., Huntington S.P. and Ogata Sh. (ed.) Democracy and Capitalism: Asian and American Perspectives. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, pp. 21-24.

континентальной. Первая, к которой относится и Япония, отличается большей адаптивностью, способностью воспринимать передовой мировой опыт, приспособлявая его к особенностям собственной страны. Исторический опыт во многом подтверждает такую характеристику. Уступая еще в средневековье по очень многим параметрам не только Китаю, но и Корее, закрытая от западного мира Япония после своего «второго открытия» в середине XIX века продемонстрировала фантастическую способность к трансформации. Осознание экономического, технического и военного превосходства европейских держав породили у японцев стремление заимствовать новую технику, менять законодательство, создавать соответствующие организационные структуры, а главное - готовить кадры, способные овладеть этой техникой. Все это было реализовано в ходе так называемой революции Мэйдзи. Правда, потом сокрушительное поражение во Второй мировой войне повлекло за собой уже необходимость изменить политическую систему и использовать западные политические теории, адаптированные к условиям Японии.

Японская конституция 1947 г. была написана американскими специалистами. В тот период подобная ситуация сложилась в подавляющем большинстве стран Востока. Конституции и прочие правовые акты писались западными экспертами или просто копировались с аналогов развитых стран. Однако через непродолжительное время лишь очень небольшому числу стран удалось сохранить нормативные институты западного образца. Конституции были переработаны в соответствии с местными реалиями. Подверглись изменениям и гражданский, и уголовный кодексы, в которые стали включаться положения о поощрении традиционных форм организации. Возвращение к традиционным цивилизационным нормам закреплялось и в сознании, и в официальной практике.

Что касается Японии, то здесь власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Поэтому политическая борьба проходит по большей части в русле проблем влияния; существует приоритет исполнительной власти над законодательной и судебной, а также приоритет правительственных органов по отношению к институтам партийно-политической структуры. Основное значение приобретает баланс интересов между различными фракциями партий, а торг, переговоры и поиски консенсуса между их лидерами проходят «под ковром». Партии нацелены почти исключительно на избирательный процесс, в результате чего они являются парламентскими, а не массовыми; японский электорат демонстрирует все большую незаинтересованность в идеологии⁸⁹.

Цивилизационные особенности в организации производства и управления обществом, а также в структурировании последнего, все нагляднее проявляются в таких странах, как, например, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Индонезия и Таиланд. Такое сверхкрупное государство, как Китай, которое через 4-5 лет станет крупнейшей экономикой мира, вообще полностью сохранило социалистическую политическую модель (как и Вьетнам, об «экономическом чуде» в котором заговорили в новом веке).

По существу только в Индии установлена политическая система, которая - по сравнению практически со всеми странами не-Запада - наиболее соответствует большинству западных параметров, при всех существенных отличиях от данной модели. Этому способствовали две основные группы факторов: определенная близость к Европейской цивилизации по подходу к фундаментальным проблемам и методы колониального управления.

⁸⁹ Fukuyama Fr. The Primacy of Culture // Journal of Democracy. Vol. 6, N1, pp. 362-375.

После завоевания независимости - в условиях низкого уровня социально-экономического развития - в Индии не могли бы прижиться элементы западной демократии, если бы они уже не были заложены в цивилизационном комплексе. Например, уже три тысячи лет назад в Индии существовали «панчаяты», самоуправляющиеся общины. Общины были во множестве стран, но нигде, пожалуй, вмешательство государства в их дела не было столь ограничено. В индийской истории было меньше социальных конфликтов по сравнению с другими социумами, что связано, в первую очередь, с индуизмом. Такие основополагающие понятия, как «карма» (общая сумма совершенных индивидом поступков в предыдущих рождениях и воздаяние за них в настоящем и будущем) и «дхарма» (долг человека, его статус, права и обязанности), определяют, что индивид не может возлагать ответственность за свои невзгоды на общество, власть или конкретных людей, а должен винить лишь себя за несоблюдение норм в этой жизни или в предыдущих. Особое значение для Индии всегда играл и принцип «ахимсы» (непричинение вреда). Он предполагает не только запрет на убийства, но и отвергает причинение какого-либо зла действием или словом. Данный принцип лежал и в основе мировоззрения Махатмы Ганди. С этими общими нормами связано то обстоятельство, что индийское национально-освободительное движение в основном своем потоке базировалось на принципах ненасилия. А ведь именно это движение самым активным образом воздействовало на политические традиции, ориентации, массовое сознание и культуру индийского общества.

Большую роль играет и то, что Индийской цивилизации присуща эволюционность развития. Революционный путь всегда в мировой истории давал обоюдоострые результаты, в том числе и для утверждения демократии. Важно и то, что за колониальный период исчезло ощущение индийцами своего превосходства и восприятие других как варваров. Сейчас в Индии полностью признают необходимость адаптации к своим условиям различных типов мирового опыта. Немалое значение имели и британские колониальные методы, которые способствовали постепенному вызреванию индийской политической элиты, постепенно привыкавшей к демократическим правилам и нормам.

Благодаря всем этим факторам после завоевания независимости политическая элита страны, в подавляющем большинстве вестернизированная в колониальный период и относившаяся к высшим кастам, смогла сформировать институт национального согласия (консенсуса), который позволяет относительно мягко решать основные политические и социальные проблемы. Современная индийская политическая традиция опирается на необходимость «социальной самодисциплины» для всех граждан общества. Согласно гандистской традиции, политических и социальных целей можно добиваться исключительно ненасильственными методами, а свобода и ответственность - основные и взаимодополняющие принципы демократии. Естественно, отсюда не следует, что в Индии выработана идеальная модель национального согласия. Так, мусульманская община Индии, этот огромный пласт общества, во многом вытолкнута из этого национального согласия и в отношении нее крайне слабо реализуются основные принципы политического компромисса. Есть сомнения в полноценной включенности в политическую элиту страны мусульманских верхов⁹⁰.

Казалось бы, опыт Индии, которую привыкли называть «самой большой демократией в мире», в сфере государственного строительства представляется весьма интересным для России. Становление демократических институтов в Индии

⁹⁰ Более подробно см. Лунев С.И. Процессы демократизации и Южная Азия // "Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми: политические символы и реалии Южной Азии" / под ред. Ваниной Е.Ю. М.: Восточная литература, 2010. С. 279-299.

происходило до появления необходимой социально-экономической базы, без длительной эволюции, как в Европе, и политические макроструктуры оказались в состоянии как сохранить эти институты, так и способствовать нужным изменениям в экономике и культурной сфере. Но следует учитывать, что становление политической системы в Индии произошло более полувека назад, а в постбиполярном мире мы наблюдаем в этой южноазиатской стране процессы экономической модернизации, а отнюдь не политической (при том, что сейчас действительно возникают серьезные потребности в политических реформах в стране). К тому же пример Индии является очевидным исключением.

Таким образом, опыт азиатских государств показывает, что ставить осуществление политической модернизации впереди экономического развития было бы ошибкой. Это не означает, что в России не нужно осуществлять дальнейших политических преобразований. Но приоритетом должна стать экономическая модернизация. Представляется, что смещение акцентов в России после нового избрания В.В. Путина президентом в 2012 г. является движением в верном направлении.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Г.И. Мирский

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА В СИРИИ

Если 2011 год на Ближнем Востоке прошел под знаком «Арабской весны», то в 2012 г. внимание было приковано почти исключительно к Сирии. Гражданская война, длившаяся почти два года и унесшая жизни около 40 тысяч человек, разгоралась все ярче, и становилось все яснее, что президенту Башару Асаду не удастся победить вооруженную оппозицию и восстановить порядок. К концу 2012 г. чаша весов стала все более ощутимо клониться в сторону повстанцев, и многие наблюдатели предсказывали, что конец режима не за горами. Даже вице-спикер Государственной думы РФ Владимир Васильев признал в декабре 2012 г.: «То правительство, которое существует в Сирии, должно выполнять свои функции. Но время показало, что это для него непосильная задача»⁹¹.

Возникает вопрос: как могло случиться, что сирийская армия, одна из самых мощных на Ближнем Востоке, обладательница первоклассного российского оружия, так и не смогла справиться с «горсткой террористов», как называет дамаская пропаганда повстанцев? Обычный аргумент – «им помогает Запад, арабские государства и Турция» – может лишь частично объяснить ситуацию. Конечно, была и есть все время возрастающая моральная, дипломатическая, финансовая поддержка повстанцев, идут поставки оружия. И все же, если говорить о соотношении сил, то к началу 2012 года считалось, что у Асада есть армия численностью примерно в 300 тыс. человек, в то время как повстанцев насчитывалось около 40 тыс. Что касается вооружения, то у правительственных войск – танки, артиллерия, самолеты, вертолеты, но не было сообщений, чтобы хотя бы один танк, бронетранспортер, артиллерийское орудие, не говоря уже о вертолетах, были откуда-то переправлены повстанцам. Они сражались только легким стрелковым оружием, а те единицы тяжелой техники, которые у них появились, были захвачены у правительственных войск.

Видимо, ответ надо искать в самой сути алавитско-баасистского режима. Как писал президент Центра стратегических исследований «Россия - исламский мир», депутат Государственной думы Шамиль Султанов, «в основе нынешнего кризиса лежат острые социальные проблемы, которые затрагивают прежде всего наиболее обездоленные слои населения. Речь, конечно, идет и об ошибках и преступлениях ряда представителей режима, порой крайней жестокости правоохранительных органов в отношении недовольных, коррупции. В Сирии практически невозможно вести мелкий и средний бизнес без санкции силовиков... сирийские спецслужбы и полиция применяют весьма жесткие методы. Толчком для начала нынешних событий в Дераа послужил арест группы школьников, писавших антиправительственные лозунги на стенах и заборах. Люди вышли на улицы с требованием освободить их. Неадекватные действия полиции привели к массовым волнениям»⁹².

Действительно, когда в феврале 2011 г. 15 подростков в городе Дераа ночью стали рисовать на стенах домов надписи «Аш-шааб юриду искат ан- низам» (Народ требует свержения режима) – тот же лозунг, что незадолго до этого выдвигали в

⁹¹ Независимая газета, 07.12. 2012.

⁹² Эхо Планеты. 2012, № 9, с.12.

Египте – никто еще не думал, что с этого все начнется. Неизвестно, мог ли бы правящий режим предотвратить эскалацию конфликта, если бы вовремя провел демократизацию. Возможно, все равно было поздно – слишком много горячего материала уже накопилось. И чем больше жестокости проявляли власти, тем больше росло возмущение людей. Разгон поначалу мирных демонстраций вскоре вызвал энергичную реакцию: стали возникать вооруженные группы, их число росло непрерывно, стало распространяться дезертирство из армии. Бежавшие в Турцию дезертиры образовали «Свободную сирийскую армию», и началась гражданская война. Вот тут и обнаружилась слабость, хрупкость казавшегося столь мощным авторитарного полицейского режима. Его сила оказалась таким же мифом, как и мощь другого баасистского государства – Саддама Хусейна в Ираке. В час роковых испытаний режим Асада оказался «бумажным тигром». И одна из причин того, что властям не удалось справиться с оппозицией – недостаток боевого духа, невысокое моральное состояние армии, за исключением элитных частей, состоящих из алавитов, в то время как ударную силу повстанцев составляют исламисты, для которых смерть за веру – величайшее счастье.

Если первоначально борьбу, еще в форме уличных демонстраций, вели молодые люди из среднего класса, как и в других странах «Арабской весны», то по мере эскалации конфликта стало появляться все больше суннитов-боевиков, как доморожденных, так и иностранных, таких же, как те, кто в свое время хлынул в Афганистан для борьбы с Советской Армией, а затем в Ирак, чтобы бить там американцев. Эти люди, играющие авангардную роль в оппозиции благодаря своей идейной убежденности, энергии, свирепости и умению привлекать массы простыми и понятными лозунгами, убеждены, что время работает на них.

Но все равно повстанцы не могли бы устоять перед правительственной армией, если бы не помощь извне. То, что происходит в Сирии – это не только гражданская война, но и интервенция (пока что не в прямой, открытой форме) трех внешних сил: западные державы, Лига Арабских государств и Турция. Чем их не устраивает Асад? Его нельзя назвать кровавым фашистским диктатором, как покойного Саддама Хусейна. Асад – скорее первый среди равных в рамках полутоталитарной, полуавторитарной системы. Неизвестно, кто «круче» – президент или его родня, заправила алавитского клана, стоящего во главе страны более сорока лет. О заявленной в уже далекие времена социалистической ориентации Сирии никто уже и не вспоминает. Дружеские отношения с Россией – а что в этом страшного для Вашингтона или Парижа? «Холодная война» давно кончилась, горячую вести против России никто не собирается.

Главная «вина» режима Асада – это его особые отношения с Ираном. Сирия уже давно – партнер, или как многие говорят, клиент Ирана. А ведь вот уже многие годы у каждого, кто говорит «Иран», невольно появляются в голове слова: «иранская ядерная программа», «обогащение урана». Для Соединенных Штатов и Израиля, судя по официальным заявлениям лидеров этих государств, ядерный Иран неприемлем, и будут приложены все усилия, вплоть до удара с воздуха по иранским ядерным объектам, чтобы не допустить появления у Ирана атомной бомбы. Пока давление на Иран осуществляется в виде экономических санкций, но важно также ослабить тегеранских правителей в геополитическом плане, и прежде всего лишить их единственного союзника в арабском мире – сирийского режима.

Это полностью соответствует и целям Лиги Арабских государств. Точнее, речь идет не о всей Лиге, а о тех двух странах, которые играют в ней первую скрипку – Саудовской Аравии и Катаре. Особенно активно действует Катар, сыгравший ведущую роль в оказании помощи ливийским повстанцам в прошлом году. С тем, что

не под силу Саудовской Аравии, этому тяжелому неповоротливому гиганту, легче может справиться гибкий и проворный «карлик» Катар.

Здесь мы уже подходим к вопросу фундаментальному – конфронтации между суннитскими арабскими странами региона Персидского залива, а также Иорданией, с одной стороны, и шиитским, в основном персидским Ираном. Опять же дело здесь не только и не столько в тысячелетних разногласиях между двумя толками ислама, сколько в политике. Когда иорданский король Абдалла несколько лет тому назад с тревогой говорил о «шиитском полумесяце», он имел ввиду, конечно, не угрозу «шиитизации» суннитских стран; это нереально, сунниты не станут шиитами. Король помнил о призывах лидера исламской революции в Иране аятоллы Хомейни к тому, чтобы повсюду свергнуть «нечестивых правителей» мусульманских стран. Хомейни, кстати, никогда не подчеркивал шиитский характер иранской революции, он всегда делал упор на ее общеисламском содержании, и в этом-то и была угроза иранской революционной экспансии для монархов и президентов арабских государств. Война с Ираком и смерть Хомейни, казалось, надолго отодвинули эту угрозу, Иран зализывал раны, но вот с благословения нового духовного лидера Хаменеи президентом стал Ахмадинежад, и перед взором уже было успокоившихся арабских властелинов предстал «неохомейнизм», возобновивший борьбу за душу мусульманского мира и в первую очередь – за душу Арабского Востока. Партнером Ирана стал единственный несуннитский режим Арабского Востока – тот, который в 60-х годах прошлого столетия установили в Сирии молодые офицеры, баасисты по своей политической ориентации и – что гораздо важнее – алавиты по своему этническому происхождению. Их лидером был генерал Хафез Асад, отец нынешнего президента. Он сумел добиться того, что алавиты, составляющие около 10% населения Сирии, превратились в господствующий клан, оттеснив суннитов (75 % населения). И естественно, что сейчас в первых рядах повстанцев идут суннитские боевики под лозунгом освобождения от алавитского засилья.

«Деалавитизация» Сирии чревата страшными потрясениями, и в любом случае существующая с 1969-х гг. система не уцелеет. А вот это и нужно противникам Асада: они бьют вроде бы только по нему, но метят именно во всю систему. Дело тут не в том, что укрепившаяся на вершине государственной власти в Сирии секта алавитов является шиитской и поэтому близкой Ирану. Шиитская сущность алавитов – вопрос спорный. С точки зрения ортодоксальных шиитов-двунадесятников, верящих в будущее возвращение исчезнувшего двенадцатого шиитского имама (именно они составляют большинство населения Ирана и Ирака), алавиты вообще не шииты. Однако когда Сирия стала союзницей Ирана, аятолла Хаменеи дал понять, что алавитов можно считать шиитами. Но дело, повторим еще раз, не в этом, и не в идеологии как таковой: сирийских баасистов никогда не считали фанатиками, джихадистами, и вряд ли им близки идеи Хомейни и Хаменеи. А вот политический дух у них общий: антиамериканизм, антисионизм, поддержка палестинских требований. К тому же нельзя забывать и про Голанские высоты, отобранные Израилем у Сирии в 1967 г. Возникла иранско-сирийская ось, через Сирию Иран снабжает и вооружает такие организации, как Хизбалла и ХАМАС – непримиримых врагов Израиля, а следовательно и США. Избавиться от режима Асада означает для Вашингтона перекрыть пути снабжения арабских экстремистских группировок.

Многие до сих пор не понимают, зачем нужно было Ахмадинежаду говорить о том, что Израиль будет стерт с карты мира, повторять абсурдные и гнусные утверждения насчет Холокоста? Кто его дергал за язык? А все дело в том, что эти разглагольствования были рассчитаны не столько на иранцев, сколько на арабов. Завоевать «арабскую улицу», расположить к себе арабов, по существу лишенных

собственного лидерства после ухода таких фигур, как Насер, иорданский король Хусейн, Хафез Асад, Арафат – вот задача, которую поставил перед собой Ахмадинежад. И он ее выполнил. Настоящий подвиг, беспрецедентный в истории Ирана: это персидское и шиитское государство, преодолев историческую неприязнь между арабами и персами, между суннитами и шиитами, смогло стать лидером того, что принято называть «арабским сопротивлением империализму и сионизму». Ахмадинежад добился того, что не получилось у Саддама Хусейна – превратить свою страну в авангард «революционного Арабского Востока». Именно это и сделало Иран главным врагом Саудовской Аравии, равно как и малых стран Персидского залива, а заодно и Иордании. На словах, если верить официальной пропаганде, все они противостоят Израилю и только и думают об освобождении Палестины. На самом деле такие настроения присущи общественности, «арабской улице», а руководители этих государств нисколько не опасаются Израиля. Для них враг – это Иран, несущий «революционную заразу». Соответственно устранение режима Асада необходимо им как важный фактор ослабления Ирана, подрыва иранского влияния на Арабском Востоке.

И, наконец, Турция. До последнего времени эта страна рассматривалась в исламском мире как некий аутсайдер, принадлежащий больше к Европе, чем к мусульманскому сообществу. Все изменилось после прихода к власти Эрдогана. Процветающая, набирающая силу Турция уверенным шагом вступает на ближневосточную арену, ее возглавляют исламисты, пусть и умеренные. Включившись в борьбу за региональную гегемонию, твердо встав на сторону палестинцев – и ради этого демонстративно ухудшив свои отношения с Израилем – Турция намерена стать региональным тяжеловесом. А для этого надо отобрать у Ирана знамя лидера и авангарда «арабского сопротивления». Логичный шаг в этом направлении – ослабить главного соперника, Иран, путем перевода его основного партнера, Сирии, в свою орбиту. А этого можно добиться только сменой нынешнего сирийского режима. Отсюда столь удививший многих поворот Турции от традиционной дружбы с Сирией к резко враждебной позиции в отношении правящего в Дамаске режима. Нельзя забывать при этом, что турки – сунниты, и Анкара не без основания рассчитывает на то, что с новой суннитской властью в Сирии ей будет гораздо легче найти общий язык, чем шиитскому Ирану.

Исходя из всего этого, надо полагать, что «тройственный союз» против Башара Асада будет наращивать усилия для оказания содействия сирийской оппозиции. Политический путь решения конфликта этому союзу не выгоден, и хотя можно ожидать множество всякого рода «миротворческих усилий», цель останется той же – не допустить создания коалиции при сохранении власти Асада.

А что же международная дипломатия? Полное фиаско. План Кофи Аннана не работал с самого начала, и вряд ли кто-то верил в то, что воюющие стороны перестанут стрелять, Асад уведет войска в казармы из городов, где идут бои (ведь эти города сразу же захватит оппозиция), или же в то, что повстанцы сложат оружие, а потом те и другие соберутся за круглым столом и начнут формировать коалиционную власть, идя на неизбежные уступки и достигая компромисса. Действительно, зачем Асаду, далеко еще не использовавшему все свои ресурсы, имеющему мощную российскую технику, своими руками губить систему, созданную его отцом? И зачем повстанцам, которым ветер дует в паруса, на сторону которых переходит все больше военнотружущих правительственных войск, включая генералов, и которые получают оружие и от арабских стран и (скрыто, но несомненно) от Турции и Запада – зачем им прекращать борьбу?

Может быть лишь один вариант, при котором воюющие стороны согласятся на ничью – это если на них надавит мощная внешняя сила. И в случае Сирии такая

сила есть – это ООН, которая в крайнем случае имеет право даже послать вооруженные силы, миротворцев, чтобы заставить дерущихся образумиться. Именно в этом и мог заключаться единственный шанс плана Кофи Аннана – но при условии солидарных действий ООН. Однако это оказалось нереальным с самого начала, когда в первой же резолюции Совета Безопасности, представленной Западом, наши дипломаты обнаружили формулировки, которые в случае чего могли быть истолкованы как оправдание интервенции. И понять эти опасения можно: вспомним Ливию.

Вот некоторые высказывания министра иностранных дел С. Лаврова: «Мы полностью поддерживаем мирные протестные демонстрации в Сирии, но вооруженная оппозиция использует их в своих целях ... Нам постоянно бросают упрек в том, что Россия блокирует принятие резолюции в Совбезе ООН. Какой резолюции? Ответ очевиден – резолюции с угрозой применения санкций против тех, кто не прекратит боевые действия... Говорят, что без всяких вариантов и при всех обстоятельствах Башар Асад должен уйти, а оппозиция должна продолжать ему сопротивляться... Асад никуда не уходит и не уйдет, кто бы ему ни говорил»⁹³. Российские дипломаты многократно говорили, что Россия не держится именно за режим Асада, но необходимо дать сирийскому народу самому решить, кто должен управлять в Дамаске, а для этого нужен диалог, переговоры, а не ультиматумы. Это бесспорно, но никто еще не объяснил, каким образом можно усадить за «круглый стол» людей, твердо решивших воевать до последней капли крови. Гражданская война – это война до победного конца, беспощадная борьба на уничтожение. Да и вообще, бывает ли коалиция в гражданской войне? Могли бы мы себе представить Ленина, сидящего за одним столом с Колчаком и договаривающегося о коалиционной власти? Так что скорее всего в Сирии дело будет решено силой.

А раз Совет Безопасности оказался парализованным, пошла уже другая игра. Сбросить режим Асада американцам надо, поскольку Сирия – единственный союзник Ирана. Но воевать ради этого? Ирак многому научил. Недаром, уходя в отставку, руководитель американского военного ведомства Роберт Гэйтс сказал: «Любого будущего министра обороны, который опять посоветует президенту послать крупные американские сухопутные силы в Азию, или на Ближний Восток и в Африку, надо будет отправить на обследование к психиатру»⁹⁴. И в Англии или Франции не найдешь человека, который согласился бы пожертвовать жизнью хотя бы одного «нашего парня», солдата, для свержения какого-то арабского диктатора.

Воевать Запад не хочет, но общественность негодует, в Сирии льется кровь. Правящий режим уже стратегически проиграл войну, даже если он сможет держаться многие месяцы. Беда в другом: чем дольше продолжается война, тем большую роль в стане оппозиции играют исламистские экстремисты, джихадисты, оголтелые отморозки типа боевиков Аль-Каиды или Талибана. Что будет, если они захватят власть, не хочется даже думать. Горе алавитам и всем шиитам, горе христианам и курдам.

Для самых фанатичных и непримиримых суннитских исламистов, как сирийских «Братьев-мусульман», так и еще более свирепых боевиков, джихадистов-салафитов из Аль-Каиды, непререкаемым авторитетом является живший в 13 веке знаменитый теолог Ибн Таймия, призывавший к убийству алавитов. Он их духовный лидер, и нынешнее выступление против алавитской власти для суннитских экстремистов – прямое выполнение его заветов.

⁹³ Эхо Планеты, 2012, № 6, февраль, с. 18; Московские новости, 12.11.2012.

⁹⁴ Foreign Affairs, September- October 2011, p. 171.

В Ираке местная группировка Аль-Каиды, возникшая после американского вторжения в 2003 г., убила гораздо больше арабов-шиитов, чем оккупантов. А в Сирии может быть еще хуже. Когда религиозная война наслаивается на социальный протест, что-то более кровавое трудно себе представить. Сирийские исламисты без оглядки идут по пути, указанному Бен Ладеном. Самой беспощадной, и в то же время самой эффективной, считается группировка «Джабхат ан-нусра», единственная, которую открыто признает Аль-Каида. По сравнению с ней три остальные крупнейшие организации повстанцев – «Суккур аш-шааб», «Лива аль-фатех» и «Ахрар аш-шам» выглядят более или менее умеренными⁹⁵.

Вот это уже начинает всерьез беспокоить Запад. До сих пор Аль-Каида не имела возможности действовать в суннитских арабских странах, в которых и должно быть ее настоящее пристанище. Ирак и Йемен – страны лишь частично суннитские. Войдя в Сирию, Аль-Каида завоевывает себе плацдарм в самом сердце арабского мира. Парадоксальным образом она воюет здесь против того же врага, свержения которого желает и Америка. И вот американский ученый Эд Хусайн из влиятельного Совета по международным отношениям, вспоминая, как интересы США и талибов сошлись в Афганистане, задает вопрос: «Не повторится ли такое и в Сирии?», и сам же отвечает: «Нет, потому что именно эта история учит нас, что не надо пытаться оседлать тигра Аль-Каиды. Скоро он повернется против арабских либералов, Запада и Израиля. В Сирии, с Асадом или без него, единственное, в чем можно быть уверенным, так это в присутствии ответвлений Аль-Каиды. Нам еще предстоит осознать последствия этой реальности»⁹⁶.

Чтобы избежать такого, поистине жуткого для Америки и Запада вообще, результата свержения режима Асада, непрерывно прилагаются усилия по созданию достаточно умеренного и репрезентативного органа власти оппозиции. Но непрекращающиеся склоки в рядах сирийской эмиграции привели к тому, что казавшийся одно время таким органом Сирийский Национальный совет оказался недееспособным. К тому же его с презрением отвергли воюющие в самой Сирии повстанцы-боевики. Тем не менее СНС пользовался финансовой поддержкой: 50% его бюджета составляли средства, шедшие из Ливии, и никто не сомневался, что это было почти по указке администрации Обамы; 38% шли от Катара и 12 % от Саудовской Аравии⁹⁷. Но в конце концов СНС под давлением Запада был вынужден уступить место новому органу, который признала сначала Франция, затем ЕС и Лига Арабских государств. Это образованная в Дохе (Катар) «Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил Сирии», наиболее значительной фигурой в которой считается Риад Сейф, хотя формальный лидер – Ахмад аль-Хатиб, известный и респектабельный проповедник⁹⁸. Эту коалицию собираются превратить в сирийское правительство в изгнании. Может таким образом реализоваться видоизмененный ливийский сценарий: большая часть мирового сообщества признает это правительство единственно законной властью в Сирии, создается «гуманитарная зона» на границе с Турцией, убежище для спасающихся от перекрестного огня гражданских беженцев, в этой зоне сконцентрируются силы «Свободной сирийской армии», рассчитывающей как раз там и создать с помощью турок свой плацдарм, свой «Бенгази»; Асад, чтобы этого не допустить, бросает туда армию, образуется новый очаг военных действий, оппозиция обращается за помощью к Западу, чтобы ударами с воздуха парализовать правительственные

⁹⁵ Time, November 16, 2012, p.25.

⁹⁶ National Review Online, 23.08. 2012.

⁹⁷ Jerusalem Post, 03.12.2012.

⁹⁸ The Economist, 09.11.2012.

войска. Это был бы максимум того, на что готов пойти Запад, и то неохотно – ведь Асад получил от России несравненно более мощные средства ПВО, чем Каддафи.

Одно можно предсказать безошибочно: хорошего выхода из положения нет. То, что происходит в Сирии – это национальная катастрофа, если не развал страны и полный коллапс.

С.В. Филатов

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Вокруг сирийского конфликта сконцентрировалось очень много различных интересов – политических, экономических, геостратегических. Попробуем дать краткую характеристику того, что каждый из участников конфликта – имеются в виду внешние силы – пытается извлечь для себя.

Сирийская ситуация как-то вдруг неожиданно те стремления и цели, которые многие политические игроки и субъекты давления извне, возможно, хотели бы оставить в тайне от мирового сообщества. Но война сделала их явью.

Итак, действующие «внешние» лица. В регионе: Турция, Катар, Саудовская Аравия, Ирак, Иран, Израиль, Ливан, Египет. В мире: Франция, ЕС в целом, США, Россия. Международные организации: ООН и Лига арабских государств (ЛАГ). Международные террористы: «Аль-Каида», джихадисты со всего региона и из Европы, «Фронт ан-Нусра», «черный батальон Аллаха» и др. Заметим сразу, что зверствуют в Сирии именно они, террор организует они, а стрелки международные СМИ переводят на армию Асада.

К этому можно добавить, что против правительства Асада действуют отряды местной вооруженной оппозиции, так называемая «Сирийская свободная армия», и многочисленные группы политической оппозиции.

В этом едином фронте только Россия, Иран да фрагментами ООН занимают взвешенную и конструктивную позицию, которую можно охарактеризовать словами заявления Министерства иностранных дел РФ: «Первоочередной задачей является безотлагательное прекращение любого насилия и запуск широкого национального диалога в соответствии с положениями Женевского коммюнике «Группы действий» по Сирии от 30 июня 2012 г.». ⁹⁹

Даже специальные представители ООН и ЛАГ по Сирии – сначала Кофи Аннан, а теперь Лахдар Брахими периодически демонстрировали разочарование и отсутствие дипломатического напора в деле урегулирования. При этом Кофи Аннан даже призывал Башара Асада уйти с поста президента САР, хотя после своей отставки признался, что его плану урегулирования препятствовали западные страны.

Итак, против правительства Сирии сложился единый фронт (ЕФ) из всех перечисленных выше стран и сил. Распределение обязанностей внутри этого ЕФ сложилось так.

США, Великобритания, Франция обеспечивали блокирование в Совете Безопасности предложений России о том, чтобы текст Женевских соглашений по Сирии от 30 июня 2012 года, подписанных всеми постоянными членами Совбеза ООН и другими участниками той ключевой встречи, не превратился в резолюцию СБ ООН. В таком случае, военное решение сирийского вопроса было бы невозможно. Но именно эти три названные страны всячески стимулировали военное решение. Громко рассказывая всем, что им в Совбезе мешают Россия с Китаем.

⁹⁹ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/8ADA3D4E1B3A689F44257AF1002AFF78

Само военное решение, а именно, ведение военных действий на территории Сирии, было задачей других участников ЕФ. По так и не опровергнутым до сих пор данным, к середине лета 2012 года на территорию Сирии были заброшены от 60 до 75 тысяч иностранных наемников (с тех пор эта цифра изменилась ненамного, хотя боевики гибнут массами), присутствие которых было прикрито информацией о том, что бои против режима Асада ведут бойцы «Сирийской свободной армии» (ССА), которые являются дезертирами из правительственной армии САР. Сам факт длительных боев, в результате которых погибли тысячи человек, подтверждает, что в собственно ССА таких человеческих ресурсов быть не могло. Зато уничтожение в Сирии тысяч иностранных боевиков подтверждено их документами, как и постоянная подпитка отрядов боевиков новыми наемниками из-за рубежа – из Саудовской Аравии, Туниса, Египта и т.д.

Эта «биомасса» была брошена в бой против режима Асада по нескольким причинам. Во-первых, западные страны не желают больше видеть гробов своих солдат и начали воевать чужими руками – покупать наемников без разбора, лишь бы давали результат. В США эту политику называли «leadership from behind» («лидерство из-за спины»). Уже в Ливии на земле воевали местные боевики и иностранные наемники рядом со спецназом НАТО. Спецназ понес чувствительные потери, которые потом списали на Афганистан. А вот в Сирии спецназ НАТО использовался только в качестве советников и инструкторов в лагерях боевиков на турецко-сирийской границе. Радиоперехват свидетельствует о наличии здесь американских, английских и французских граждан, раздающих инструкции боевикам.

Во-вторых, сирийская война – это прекрасная возможность перемолоть руками сирийской армии большое число исламских джихадистов из разных стран Ближнего Востока, которые начали представлять прямую угрозу жизням представителей Запада. Это стало понятно после убийства в ливийском городе Бенгази посла США. Поэтому «в топку» бросают тысячи боевиков из разных стран Ближнего Востока. Тунисская пресса писала, например, о 12 тысячах джихадистов, поехавших из Туниса воевать в Сирию.

Что нужно боевикам? Пехоте – деньги. Командирам и комиссарам-идеологам – власть в Сирии и установление режима шариата. Ограбление страны. Какого-либо креатива в этих субъектах рассмотреть невозможно.

Цели создания на территории Сирии исламистского государства с подконтрольными властями разделяют и финансисты этого «джихадистского интернационала» - Катар и Саудовская Аравия, которые взяли на себя эту миссию с далеко идущими целями. Важно видеть, что если Катар активно поддерживает отряды «братьев-мусульман», то саудиты прямо сориентированы на помощь отрядам салафитов.

В перспективе это сочетание двух неслабых исламистских организаций видится как фактор, который осложнит борьбу за власть в любой арабской стране, поскольку повсюду у богатых монархий Персидского Залива везде уже есть своя агентура и свои креатуры. И именно эти два исламистских тарана становятся сейчас главными организационными и военными силами наступающего политического ислама.

Катар, помимо всего прочего, заинтересован в марионеточном режиме в Сирии, который откроет ему возможность протянуть газопровод через Сирию и дальше в Европу. Для России – это прямая и явная угроза, т.к. себестоимость катарского газа намного меньше российского, и «Южный поток» потеряет свои преимущества. Эти стремления Катара «из-за спины» поддерживают Соединенные Штаты, заинтересованные в том, чтобы максимально ослаблять российско-европейское сотрудничество по всем направлениям.

Ещё одну задачу через ливийский и сирийский конфликты Катар для себя решил – он де-факто возглавил Лигу арабских государств. В свое время Доху в ЛАГ воспринимали с уважением, но в арабском мире были тогда свои лидеры. Но вот, после начала «арабской весны», «наполеоновский комплекс» крошечного Катара реализовался в полной мере. Теперь в ЛАГ не Египет, Алжир с Сирией и Джамахирией верховодят, а Катар с Саудовской Аравией...

В чем интерес США в сирийском вопросе? Достаточно вспомнить признания бывшего главнокомандующего войсками НАТО генерала Уэсли Кларка. Этот, ставший классическим, разговор в эфире «Голоса Америки» в 2007 году, стоит цитировать и цитировать:

«У. Кларк: И спустя несколько недель (дело происходит в 2002 году) я переспрашиваю его [речь идет о генерале из Объединённого комитета начальников штабов США – переводчик]: «Ну, так что там решили? Наступаем мы на Ирак или нет?» А он отвечает: «Ладно бы Ирак. Вот полюбуясь, что мне сегодня спустили сверху. В течение следующих пяти лет мы демонтируем семь стран. Начинаем с Ирака. Затем у нас в планах Сирия, Ливан, Ливия, Сомали, Судан. И заканчиваем в Иране».

Ведущая программы: «Извините, можно ещё раз? Значит, какие страны?» У.Кларк: «Ну, начинаем с Ирака. Затем Сирия, Ливан, Ливия, Сомали, Судан и Иран».¹⁰⁰

Так что, достаточно сверить этот список с жертвами «арабской весны», чтобы понять, что и как делают американцы. А любые объяснения официальных лиц Вашингтона, которые сегодня якобы заботятся о «демократии» и «безопасности» в Сирии – это лицемерие. Их цель – скальп Башара Асада с дальнейшей хаотизацией региона. Что уже удалось совершить в Египте, Тунисе и особенно в Ливии.

Для скептиков напомним ещё и слова Барака Обамы в его ключевой речи относительно политики США на Ближнем Востоке ещё в мае 2011 года: «President Assad now has a choice: he can lead that transition (что фактически означало передачу полномочий угодной Западу власти – С.Ф.), or get out of the way».¹⁰¹ Заметьте, это было сказано в первый раз ещё тогда, когда США были заняты Джамахирией. Ещё до того, как Хиллари Клинтон произнесла свое «Bay!» по поводу зверского убийства Каддафи.

В Вашингтоне знают, что Башар Асад – это серьезное препятствие на пути реализации американского плана «переформатирования Ближнего Востока» (об этом плане, не называя его буквально, и говорил Уэсли Кларк). С планом можно познакомиться здесь – «Blood borders. How a better Middle East would look»¹⁰² (перевод – «Кровавые границы. Насколько лучше мог бы выглядеть Ближний Восток»¹⁰³).

Убрать Асада и устроить на территории Сирии «вторую Ливию» – задача США. Конечная цель? Взрыв Ближнего Востока (за Сирией загорятся Ливан и Иордания, как минимум) с натравливанием на Россию и Китай – двух стратегических противников США – будущего Халифата, который рано или поздно сложится из осколков нынешних стран региона под исламистской идеологией. Так, похоже, выстраивается политика «leadership from behind».

Интересы Франции могут стать понятны, если вспомнить, как Саркози опередил всех в организации интервенции против Джамахирии, и сейчас Ф. Олланд

¹⁰⁰ http://www.youtube.com/watch?v=fSNyPS0fXpU&feature=player_embedded

¹⁰¹ <http://www.bbc.co.uk/news/world-us-canada-13461682>

¹⁰² <http://www.armedforcesjournal.com/2006/06/1833899>

¹⁰³ <http://oko-planet.su/politik/politiklist/134441-2006-god-armed-forces-journal-ssha-krovavyye-granicy-naskolko-luchshe-mog-by-vyglyadet-blizhniy-vostok.html>

фактически продолжает его усилия, переводя отношения с «новой Ливией» в плоскость «сюзерен» – «вассал». Франция долгие десятилетия занималась внутренними делами и не выходила далеко за пределы своих границ. Эта эра завершилась. Французский истеблишмент открыто (уже при президенте от другой партии) переходит к экспансии в бывшие колонии (Кот д'Ивуар, Мали, Сирия, скоро Алжир) которая понадобилась в связи с опасностью больших финансово-экономических проблем метрополии. Франция (опередив неповоротливую Италию, владевшую Ливией до Второй мировой войны) уже получает гарантированно ливийскую нефть по бросовым ценам, из Мали скоро начнет получать золото и уран, необходимый для французских АЭС. А Сирия – бывший протекторат Франции, это – узел всего Ближнего Востока. И, если США хочет хаотизации, «демонтируя целые страны», то Франции регион нужен стабильным и подконтрольным. Вопрос о том, хватит ли у Парижа сил и на Мали, и на Ближний Восток, пока не обсуждается. А зря...

Роль Турции представляется трагической. Как член НАТО она должна была стать передовым рубежом в борьбе с Асадом. И стала. Какой ценой? Разрушена личная дружба Асада с Эрдоганом. Дестабилизирована граница двух стран из-за появления там большого количества лагерей беженцев и центров подготовки и отдыха боевиков. Поднимается курдский фактор – смертельно опасный для Турции. Под угрозой туризм на южном, средиземноморском побережье – в Анталии уже была стрельба. Размещение ракет «Пэтриот» направлено явно не против Сирии, которая в нынешнем разобранном состоянии даже не помышляет о войне с Турцией – воевать некому, все на зачистках боевиков. А ракеты уже на месте, и могут стать целью для каких-то антиракет... Турцию подставляют под удар?

Позиция Израиля представляет самую большую загадку. Там, по-видимому, не хотят давать себе отчет, что режима Башара Асада – это гарантия безопасности Израиля. Что приход исламистов – это опасность для Израиля. Что распад Сирии на несколько частей – это угроза для Израиля. Возможно, в Тель-Авиве полагают, что слабая и раздробленная Сирия лучше единой и сильной Сирии? Жизнь рассудит...

Ситуация вокруг Сирии затянула многие страны. Соппротивление Сирии – и правительства, и народа – тому скоординированному международному нападению, о чем шла речь выше, дает возможность предположить, что сценарий «переформатирования Ближнего Востока» и хаотизации региона с дальнейшим выходом на создание Халифата, объединенного исламистской идеологией, начал буксовать.

Есть, правда, еще Лондон, где лучше других умеют планировать (англосаксы свою стратегию обычно прокладывают на 100 лет – не меньше) и ждать. Поэтому не исключено, что в перспективе самым большим выгодополучателем от происходящего на Ближнем Востоке станет Британская корона.

Когда, наконец, западные партнеры перессорятся, боевиков перебьют, исламистские пассионарии придут к полному провалу в плане госстроительства и госуправления (яркие примеры тому уже налицо), а Катар и Саудия (когда в сторону отойдут США, повязанные своими внутренними проблемами) играть самостоятельную игру не станут, – потомки Лоуренса Аравийского, никогда и не покидавшие этих мест, организуют триумфальное возвращение Британской Империи в регион, который на берегах Темзы всегда считали своим, но вынуждены были сделать несколько шагов в сторону, дав возможность во второй половине XX века «поругать» здесь другим. Это, конечно, пока предположение, но не лишнее резонов.

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС И ООН

Сирийский кризис, который с 2011 г. так и не удается сдвинуть на рельсы мирного переговорного процесса, сопровождался созданием кризисной ситуации в ООН. Совет Безопасности ООН, включая пятерку его постоянных членов, раскололся на большинство, нацеленное на разрушение режима и устранение Башара Асада с политической сцены, и меньшинство (хотя и весьма весомое!), настаивающее на невмешательстве во внутренние дела Сирии и активизации международного содействия мирному развитию сирийской «перестройки» с участием законной власти и оппозиционных сил. В итоге Объединенные Нации не смогли стать ведущей силой в прекращении развития сирийской трагедии.

Разумеется, «патовая» ситуация в СБ ООН не означала полного бездействия ООН. Однако взаимоприемлемые для всех членов СБ ООН меры, демонстрирующие попытки сохранения влияния ООН на развитие событий в стране, раз за разом доказывали свою неэффективность.

В феврале 2012 г. СБ ООН назначает бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана специальным посланником ООН и ЛАГ по Сирии и в апреле принимает две компромиссные резолюции (2042 и 2043), предлагающие всем участникам конфликта следовать «дорожной карте» его урегулирования, а именно плану из шести пунктов, разработанного Кофи Аннаном.¹⁰⁴ Для мониторинга ситуации СБ ООН заявляет также о намерении учредить миссию ООН по наблюдению в Сирии (МООННС).¹⁰⁵ Первоначально предполагалось, что Миссия направляется в Сирию на 90 дней. Однако после некоторого затишья, связанного с прибытием наблюдателей, вооруженные действия вновь возобновились с еще большей силой и уже 15 июня 2012 г. МООННС была вынуждена приостановить свою деятельность.

В конце июня 2012 г., по предложению России вместе с Кофи Аннаном, в Женеве собирается заседание чрезвычайно представительной «Группы действий». Эта Группа приняла, пожалуй, наиболее значимый с начала сирийского кризиса документ международного сообщества, известный под названием «Женевское коммюнике».¹⁰⁶ Россия неоднократно, но безрезультатно предлагала оформить его в виде резолюции СБ ООН.

В этом документе «Группа действий», объединившая высоких представителей (Генеральных секретарей) ООН и ЛАГ, постоянных членов СБ ООН, министров

¹⁰⁴ План К. Аннана включал: принятие обязательства работать с Посланником в рамках политического процесса в целях удовлетворения законных устремлений и чаяний сирийского народа; прекращение вооруженного насилия во всех его формах всеми сторонами; обеспечение доставки гуманитарной помощи во все затронутые боями районы; ускорение и расширение деятельности по освобождению произвольно задержанных лиц, в том числе особо уязвимых категорий лиц и лиц, участвующих в мирной политической деятельности; обеспечение свободного передвижения журналистов по всей стране; обеспечение свободы ассоциаций и права на мирные демонстрации, гарантированные законом.

¹⁰⁵ Первой международной миссией наблюдателей в Сирии была миссия ЛАГ из 165 (на январь 2012 г.) специалистов в области безопасности и международного права. Она работала в Сирии примерно месяц и покинула страну ввиду невозможности продолжения работы в условиях реальной опасности для жизни ее членов в обстановке сирийского хаоса.

¹⁰⁶ В женевском заседании «Группы действий» по Сирии принимали участие: Генеральные секретари ООН и ЛАГ, министры иностранных дел Китая, России, Великобритании, США, Франции, Турции, Ирака (Председатель Саммита ЛАГ), Кувейта (Председатель Совета министров ЛАГ), Катара (Председатель Арабского комитета по наблюдению за ситуацией в Сирии ЛАГ), Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности ЕС и Кофи Аннан (Совместный специальный посланник ООН и ЛАГ).

иностранных дел стран-соседей Сирии и заинтересованных арабских государств, признает, что «неприемлемый характер и масштаб кризиса требуют выработки общей позиции и совместных международных действий». Члены Группы заявили о намерениях действовать «безотлагательно и активно», чтобы начать политический процесс, ведущий к «переходу», позволяющему сирийскому народу самостоятельно и демократическим путем определять свое будущее. Документ формулирует «шаги и меры», которые должны быть предприняты сторонами для обеспечения выполнения требований резолюций СБ ООН, включая немедленное прекращение насилия во всех его формах. Более того, в нем содержатся согласованные принципы и руководящие положения, касающиеся политического обеспечения проблем «перехода» под руководством сирийцев (каких — не уточняется). Правда, эти принципы предусматривали лишь общие условия и направления «любого урегулирования», однако исходили из необходимости быстрого развития этого процесса согласно «твердо установленному графику» и «в обстановке безопасности для всех». В разделе, посвященном согласованным действиям членов Группы по содействию политическому процессу под руководством сирийцев, подчеркивалось, что члены «Группы действий» выступают «против любой дальнейшей милитаризации конфликта».¹⁰⁷

Принятие Женевского коммюнике, по существу обозначившее пределы согласования позиций постоянных членов СБ ООН¹⁰⁸ по Сирии, не привело, однако, к кардинальным подвижкам в деятельности ООН по урегулированию сирийского кризиса. Возможности его реализации были купированы нежеланием как Башара Асада, так и оппозиции прекратить вооруженную борьбу. Каждая из сторон оценивала подобное «ограничение прав» фактически как поражение и потерю контроля над ситуацией, тем более, в условиях, когда они располагали достаточными ресурсами для продолжения войны.¹⁰⁹ К тому же, на волне «женевского» согласия, противники Башара Асада предприняли новую попытку провести в СБ ООН резолюцию, которую Россия и Китай посчитали неприемлемой. В итоге СБ ООН смог лишь принять компромиссную резолюцию о продлении мандата наблюдателей на 30 дней. Но по истечении этого срока, ввиду нарастания остроты вооруженных действий, МООННС была вынуждена вновь прекратить работу. В Сирии осталась лишь небольшая группа специалистов, обозначающая присутствие ООН.

После того, как провал попыток осуществления плана ООН из шести пунктов стал очевидным, а К. Аннан покинул свой пост, его сменил новый специальный представитель ООН и ЛАГ по Сирии — бывший министр иностранных дел Алжира Лахдар Брахими.¹¹⁰ Опытного дипломата нельзя обвинить в предвзятости оценок сложившейся вокруг Сирии ситуации. В ходе первого раунда переговоров с заинтересованными сторонами, в том числе с Башаром Асадом, Л. Брахими заявил, что политический кризис в Сирии представляет опасность для Ближнего Востока и всего мира, и выразил недоумение по поводу того, что разумные люди не понимают

¹⁰⁷ http://mid.ru/brp_4.nsf/newsline/963B82B23F644257A2E0029264E

¹⁰⁸ Помимо принятых резолюций СБ ООН и Женевского коммюнике согласованные позиции членов СБ ООН отражены также в официальных заявлениях Совета Безопасности, касающихся конкретных событий в Сирии. Эти заявления, осуждающие акты насилия, не являются документами обязательного характера.

¹⁰⁹ Следует отметить, что Башар Асад в принципе предпринял некоторые шаги, демонстрирующие готовность режима на уступки, в частности, объявил всеобщую амнистию для всех заключенных, не замешанных в террористических актах и др.

¹¹⁰ Лахдар Брахими ранее уже был специальным посланником ООН в Ираке (2004), Афганистане (1997-1999 и 2001-2004) и ЮАР. Его называют архитектором примирительного соглашения в Ливане. Неоднократно возглавлял мирные посреднические миссии (Конго, Йемен, Либерия).

того, что невозможно повернуть время вспять. Он подчеркнул, что ту Сирию, которая существовала в прошлом, уже не вернуть.

После очередного (третьего) вето консолидированные дипломатические атаки противников режима Башара Асада на Россию и Китай в надежде вынудить их «поступиться принципами» и изменить свою позицию продолжились. Сирийский вопрос был вынесен на обсуждение всего международного сообщества. Соответствующий проект резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, требующей от Башара Асада, в том числе, прекращения использования тяжелого вооружения и вывода войск из городов, поддержали 133 страны. Против голосовали только Россия, Китай и еще 10 стран.

Неспособность СБ ООН принять резолюцию по Сирии, отвечающую «общим» интересам, обострила на 67-й сессии ГА ООН дискуссии о реформировании ООН. Так, эмир Катара, требуя радикальных изменений Устава, особенно в части, касающейся полномочий и состава Совета Безопасности, предложил арабским странам самим вмешаться в дела Сирии и подчеркнул, что у них есть все возможности для этого. Аналогичную позицию заняла и все глубже вовлекаемая в сирийские дела Турция. В октябре 2012 г. ее премьер-министр Эрдоган заявил, что, несмотря на все «наши» усилия, ООН не вмешалась в человеческую драму в Сирии, которая продолжается там 20 месяцев и привела к гибели 30 тысяч ее граждан, а более 250 тысяч покинули страну. Эрдоган аргументировал необходимость реформы ООН ссылаясь на то, что пять постоянных членов в СБ ООН не вправе решать судьбы многополярного мира. При этом не только страны, непосредственно заинтересованные в исходе сирийского кризиса, актуализировали вопросы реформирования Организации. Так, представитель Исландии — страны, интересы которой слабо связаны с положением в Сирии, высказал мнение, что СБ ООН стал препятствием для реализации международных усилий в целях установления мира. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, выступая на Генеральной Ассамблее и подчеркивая, что милитаризация конфликта в Сирии трагична и очень опасна, призвал прекратить поставки оружия обеим сторонам в сирийском конфликте. Однако вопросы ужесточения решений СБ ООН на этом направлении, касающихся, к примеру, использования инструмента всеобъемлющих санкций, направленных на демилитаризацию региона, так и остались вне рамок дипломатических баталий.

Аналогичная картина политического размежевания Объединенных Наций вокруг ситуации в Сирии сложилась и при голосовании соответствующей резолюции на сентябрьской сессии Совета по правам человека ООН (СПЧ ООН), членами которой являются 47 государств. На сессии был заслушан доклад Пауло Пинеиро (бразилец), председателя созданной в августе 2011 г. Комиссии по расследованию возможных нарушений прав человека в Сирии. В своем докладе он отметил, что в совершении военных преступлений виноваты обе стороны в конфликте. Однако в принятом документе СПЧ ООН, как межгосударственный орган, сосредоточил преимущественное внимание на нарушениях прав человека государственными властями Сирии. Попытка России добиться более «уравновешенной» оценки ответственности конфликтующих сторон за нарушения прав человека не удалась, хотя министр иностранных дел РФ С. Лавров отметил, что принятый документ более сбалансирован, чем предыдущие проекты. При голосовании резолюции СПЧ ООН по Сирии ее поддержала 41 страна; три государства — Россия, Китай и Куба — проголосовали против и три — воздержались (Филиппины, Индия, Уганда).¹¹¹

Наряду с обсуждением, отвержением или принятием реализуемых и нереализуемых решений, ООН начала разработку планов направления в Сирию нового миротворческого контингента. Заместитель Генерального секретаря ООН по

¹¹¹ Стоит отметить, что размежевание «по Сирии» коснулось и БРИКС.

миротворческим операциям Эрве Ладсус заявил, что при условии прекращения вооруженного насилия и наличии мандата СБ ООН можно будет направить в Сирию до 3 тыс. миротворцев. На октябрь 2012 г. предполагалось, что выбор формата миротворческой миссии ООН в Сирии может варьироваться в зависимости от обстоятельств и состава участников. Рассматривалось три варианта (все — при условии прекращения огня): возобновление миссии арабских наблюдателей; направление наблюдателей ООН без иных полномочий (по типу миссии в Южном Ливане до 2006 г.); наконец, по типу миротворческих сил в Ливане после конфликта между Израилем и Хезболлой, т. е. с четко очерченным мандатом, правом применения оружия в случае нарушения перемирия и т. д.

Планы предполагаемой операции ООН в целях наблюдения и поддержки переговорного процесса в Сирии существенно осложняются проблемами ее финансирования и формирования миротворческих контингентов. Масштабность миротворческих операций ООН в последние десятилетия все в большей мере становится зависимой не только от политических, но и от экономических соображений, а также возможностей обеспечения безопасности миротворцев. Значительная часть оппозиционных сил в Сирии весьма агрессивно выступает против любых ограничений «свободы действий», аргументируя свою позицию ссылками на то, что присутствие миротворцев будет способствовать продлению существования режима Башара Асада и препятствовать его дальнейшей изоляции. В этих условиях миротворцы легко могут стать мишенью для террора.

Параллельно углублению сирийского кризиса развивалась и гуманитарная деятельность ООН, направленная на оказание помощи мирным гражданам, остающимся в Сирии или покидающим свою страну. Особенно острыми для мирных сирийцев являются проблемы обеспечения водой, продовольствием и медикаментами.¹¹²

Потребности в увеличении гуманитарной помощи в Сирии постоянно наталкиваются на нехватку финансовых ресурсов. В сентябре 2012 г. только Управление Верховного Комиссара по делам беженцев (УВКБ ООН) запросило \$347 млн. на гуманитарные операции в Сирии. Основные потоки беженцев направляются к границам Турции, в Ливан и Ирак (на декабрь 2012 г. — 500 тыс. человек). Ожидается, что их численность будет расти и далее. В то же время к концу 2012 г. план региональной помощи сирийским беженцам (\$488 млн.) был профинансирован лишь на одну треть.

Последние месяцы 2012 г. стали началом нового этапа в развитии сирийского конфликта. Этот этап характеризуется усилением политической активности внешних игроков, в основном вне рамок ООН. Россия по-прежнему настаивает на реализации «Женевского коммюнике» и попутно ведет переговоры с так называемой «внутренней сирийской оппозицией».¹¹³ Китай, выражая готовность вести переговоры со всеми заинтересованными сторонами и, признавая необходимость смены власти в Сирии, предлагает план поэтапного прекращения боевых действий и призывает к скорейшему началу политического процесса «при руководящей роли сирийского народа». Группа же «Друзей Сирии» во главе с США сосредоточивает усилия на вопросах структуризации и консолидации оппозиционных сил, расширении их международного признания в качестве легитимных представителей

¹¹² Так, после долгого перерыва в поставках гуманитарной помощи ООН воспользовалась возможностями ее возобновления во время перемирия на праздник Ид Аль-Адха в октябре 2012 г. Было подготовлено 550 тонн непродовольственной помощи для 65 тыс. человек. В набор входило 6 одеял, 4 матраса, кухонные принадлежности, пластиковая пленка, средства гигиены.

¹¹³ Национальный координационный комитет, Народный фронт за перемены и освобождение, Сирийский национальный совет, ряд курдских организаций и др.

сирийского народа, а также на подготовке условий для возможного иностранного вмешательства в конфликт (спекулируя угрозой применения химического оружия) и устранения «асадистов» от участия в формировании предполагаемого «переходного правительства» в Сирии. Представитель госдепартамента США Марк Тонер заявляет, что США против контактов организованной сирийской оппозиции с нынешними сирийскими властями, поскольку те, у кого руки в крови, не могут быть участниками мирного диалога.¹¹⁴ Башар Асад допускает наблюдателей ЛАГ в страну.

На встрече «Друзей Сирии» в Марракеше (Мавритания) спешно сколоченная в Дохе Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил Сирии (НКОРС) 12 декабря 2012 г. получает признание в качестве единственного легитимного представителя сирийского народа большинством членов ООН (к концу года — 130 стран). При этом многие оппозиционные группировки, действующие на территории Сирии, остаются вне ее рамок. Одновременно Совет НАТО на уровне министров иностранных дел одобряет решение о размещении на турецко-сирийской границе зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот». Германия, Нидерланды и США спешно форсируют их установку. Лахдар Брахими ведет переговоры об организации с его участием встречи представителей России и США в целях поиска мирного выхода из кризиса в Сирии.

В целом роль ООН в разрешении сирийского кризиса порождает множество вопросов, а ответы на них у каждой из вовлеченных сторон — свои. К тому же реальная ситуация искажается в условиях мощной информационной войны, развернувшейся вокруг Сирии. ООН как межгосударственная организация глобального уровня при сложившейся расстановке и соотношении сил а priori не в состоянии действовать быстро и эффективно. Анализ тугого сплетения политических интересов отдельных государств вокруг сирийской проблемы и перспектив дальнейшего развития событий, в том числе касающихся реформирования ООН, выходит за рамки моего рассмотрения. Однако можно констатировать, что уставные модели урегулирования конфликтов все труднее реализовать в многополярном мире. Особенно ярко это демонстрируют внутренние конфликты в поясе нестабильности, где легитимно-уставные способы их разрешения, замешанные на гуманитарных и демократических принципах, плохо сочетаются с борьбой за власть и место в мире, окрашенной в зеленые тона.

В этой связи чрезвычайно болезненными становятся вопросы об ответственности за нарушения прав человека и применения насилия. Может ли быть окончательно похоронена известная оговорка Устава ООН о невмешательстве во внутренние дела? Как следует оценивать феномен «кошелька» Катара? Или затянувшиеся до безнадежности споры в ООН о том, какая из сторон в конфликте несет большую ответственность за последствия вооруженного насилия в Сирии, уже унесшего, по оценке ООН, 60 тысяч жизней?

Сирийский кризис свидетельствует о чрезвычайной хрупкости состояния безопасности в многополярном мире. Он, безусловно, ослабляет роль ООН в ее обеспечении. Продолжающийся хаос в Сирии, вероятно, преподнесет еще немало сюрпризов мировому сообществу и, в частности, постоянным членам СБ ООН. Отсутствие единства в подходах к реализации главной задачи ООН вряд ли позволяет надеяться, что «сирийский казус» устранил соблазны достижения «стабильности» с помощью насилия. Цена стабильности неизбежно включает императивы готовности к компромиссам во имя продвижения к этой цели.

¹¹⁴ «Красная Звезда», 15 ноября 2012 г.

«БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» У ВЛАСТИ В ЕГИПТЕ

Состоявшиеся в конце мая – начале июня 2012 г. выборы президента Египта ознаменовали собой новую веху в истории этой страны. Впервые в арабском мире главой государства был избран представитель исламского крыла политической системы общества.

Первоначальная эйфория и надежды, связывавшиеся с приходом к власти нового политического истеблишмента в Египте, довольно быстро сменились разочарованием, а затем – негодованием и убежденностью в том, что новое руководство страны не способно осуществить преобразования, намеченные в ходе революционных событий весны 2011 года. Примечательно, что и у ближайшего соседа Египта – Туниса, где исламистская Партия возрождения («Ан-Нахда») также одержала победу на парламентских выборах и заняла ключевые позиции в переходном правительстве страны, стало неспокойно. Здесь после убийства в феврале 2013 года одного из лидеров левой тунисской оппозиции Шокри Белаида вспыхнули антиправительственные протесты. В основе их так же, как и в Египте, лежало разочарование тем, что основные требования «арабской весны» так и не были претворены исламистским правительством в жизнь. Возникает справедливый вопрос: каковы причины происходящих событий в Египте и можно ли будет в краткосрочной перспективе решить жизненно важные проблем страны? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, прежде всего, обратиться к результатам президентских выборов.

Победу руководителя «Братьев-мусульман» Мухаммеда Мурси во втором туре избирательной кампании трудно назвать триумфальной по ряду причин. Во-первых, избирательная явка не превысила 50%. Это означало, что каждый второй египтянин таким образом выказал недоверие кандидатам и значимости для последующего реформирования страны результатов выборов. Во-вторых, независимые кандидаты, являвшиеся активными участниками событий весны 2011 г., не смогли договориться о создании предвыборных коалиций, и по этой причине многочисленные оппозиционные партии, набрав в общей сложности более 40% в первом туре, так и не смогли выйти во второй тур президентской гонки. В-третьих, во втором туре голосования у М. Мурси был небольшой перевес голосов по сравнению с бывшим премьер-министром Мухаммедом Шафиком (51,73% против 48,27% соответственно).

«Братья-мусульмане», которые в 2011 г. сформировали свое политическое крыло – Партию справедливости и развития, могли рассчитывать на особое отношение египтян, поскольку «Братья-мусульмане» олицетворяли собой главных и «вечных» оппонентов правящим режимам в Египте и фактически были отстранены от участия в политическом процессе. Однако, как и в Тунисе, пришедшие в Египте к власти представители исламских движений не имели политического опыта, а их предвыборная программа сильно расходилась с реалиями современных арабских социумов, а посему была трудновыполнима.

Социально-экономическое положение в Египте усугублялось рядом факторов: чрезвычайно высокой демографической динамикой, значительным количеством безработных (особо угрожающие размеры безработица приняла среди молодежи, включая и ее образованную часть), осложнявшими жизнедеятельность географическими условиями (исторически основная плодородная территория Египта простирается вдоль дельты Нила, что делает сельское хозяйство зависимым от циклов осадков и паводков). Экономика Египта сильно зависима от туристического

сектора, по позициям которого был нанесен колоссальный удар в ходе революции 2011 года. Все это потребовало незамедлительного вмешательства новоизбранного президента и его правительства во внутривластные процессы, представшие собой запутанный клубок противоречий между различными социально-политическими группами населения – революционно настроенной молодежью, беспокоившимися за свое будущее коптами, представителями военных структур, салафитами (которые составили 1/3 от проголосовавших за М. Мурси во втором туре), радикальной антиправительственной группировкой «Черный Блок» (это анархистское движение громко заявило о себе в начале 2013 г.) и другими. Все эти разнородные группы общества были трудно совместимы в реальном политическом процессе. Поэтому, по логике вещей, первоочередной задачей президента должно было стать восстановление столь необходимого общественного согласия.

Поворотным событием, вновь накалившим египетское общественное мнение, стал проект новой Конституции страны от 22 ноября 2012 года, основным пунктом которой было сосредоточение всех властных полномочий (законодательной, исполнительной, судебной) в руках президента. Возможность появления «нового фараона», как определил эту ситуацию бывший глава МАГАТЭ Мухаммед аль-Барадеи, ставший лидером оппозиционных сил Египта, вызвала у населения бурное негодование, переросшее в новую волну протестных движений. Историческая память оказалась слишком болезненной. Это подтолкнуло также к объединению оппозиционные силы Египта, которые попытались сформировать новое политическое объединение. Таким образом, проект новой Конституции стал своеобразным катализатором создания первого в постреволюционном Египте относительно единого оппозиционного движения – Фронта национального спасения, лидером которого стал Мухаммед аль-Барадеи.

1. Итак, революционные события 2011 г. и последовавшие за ними всеобщие выборы, в результате которых к власти в Египте пришло исламистское движение «Братьев-мусульман», позволяет подвести некоторые итоги.

2. Сохраняющая за собой ведущую роль в жизни общества, армия, при всей критике в ее адрес, остается основным гарантом безопасности в стране.

3. Потребуется значительное время для решения экономических и социально-политических проблем Египта, что не соответствует ожиданиям значительного большинства населения страны, особенно молодежи. Возможность быстрой смены политической системы «монолитного», «фараонического» режима в Египте вдохнула в часть египтян уверенность в возможности быстрой трансформации египетского общества, в том числе в области экономики. Однако такое коренное реформирование структуры социально-политических и социально-экономических отношений осуществимо лишь в процессе длительной общественной эволюции.

4. До сих пор не совсем ясна концепция преобразования страны, предложенная Партией справедливости и развития: в сфере экономики ее представители придерживаются идей рыночной экономики, однако, как эта партия собирается претворять свои планы в жизнь, остается загадкой для большинства египетского населения.

5. В 2012 г. наметились лишь некоторые новые, приоритетные для Мухаммеда Мурси, направления во внешнеполитическом курсе Египта. Прорывным внешнеполитическим ходом стало возобновление дипломатических отношений между Египтом и Ираном, разорванных в 1980 году вскоре после победы Исламской революции в Иране и признанием Израиля Египтом. После своего избрания президентом М. Мурси совершил официальный визит в Иран, положив тем самым начало новому этапу двусторонних отношений. 5 февраля 2013 г. президент Ирана

Махмуд Ахмадинежад посетил Египет, став первым президентом Ирана, совершившим поездку в эту страну после Исламской революции. Таким образом, можно предположить, что М. Мурси, активизировавший внешнеполитические контакты Египта со странами Востока, стремится сменить многолетнюю одностороннюю ориентацию Египта на Запад на иной внешнеполитический вектор. Насколько такой курс окажется долгосрочным, покажет время. Да и в целом успех Мухаммеда Мурси и его команды зависит, в конечном счете, от эффективности решения сложнейших социально-экономических проблем страны.

Г.И. Мирский

ПАЛЕСТИНСКИЙ ТУПИК

В 2012 г., когда состоялась очередная израильская военная операция в Газе под названием «Облачный столп», для всех стало очевидно одно фундаментальное обстоятельство: ни война, ни мир на Ближнем Востоке невозможны без движения ХАМАС. Как бы ни мечтали все без исключения израильские жители-евреи о том, что наступит день, когда ХАМАС вообще исчезнет, стало ясно, что этого ждать неразумно. ХАМАС является одним из главных игроков в израильско-палестинском конфликте, и нельзя сказать, что этот бесспорный факт приближает ближневосточное урегулирование.

В конце ноября 2012 г. в Газе торжественно отметили 25-летие со дня создания организации, аббревиатура которой расшифровывается как «Исламское движение сопротивления». Кульминационным моментом праздника стала речь лидера ХАМАС Халеда Машаля, впервые вступившего на землю Газы, поскольку он живет за пределами сектора из соображений безопасности. Ведь основатель ХАМАС шейх Ясин и сменивший его на посту лидера движения Рантиси были убиты в 2004 г. с интервалом в несколько месяцев, когда автомобили, в которых они передвигались по улицам города Газа, были уничтожены точечными ударами ракет, запущенных с израильских вертолетов. А 14 ноября 2012 г. именно таким же способом был убит глава военного крыла ХАМАС, командир вооруженных отрядов «Иззэддин аль-Кассам» Мухаммед Джабари, что стало сигналом к новой вспышке израильско-палестинского конфликта, к операции «Облачный столп».

ХАМАС, как видно из названия этого движения, нацелен не просто на создание арабской Палестины и на уничтожение «сионистского образования», как все исламисты именуют Израиль, но и на образование на этой территории исламского государства. Во «Вступительном меморандуме» ХАМАС (одном из основополагающих документов организации) говорится: «С сионистской колонизацией может быть покончено только путем всеобъемлющей священной борьбы, основным инструментом которой является борьба вооруженная... Ни при каких обстоятельствах недопустимо уступить хотя бы часть Палестины». В параграфе 22 устава ХАМАС говорится, что евреи являются «органическим злом» и представляют собой угрозу всему миру. «Из-за еврейских денег произошли французская революция, коммунистическая революция и обе мировые войны».

ХАМАС отказывался входить в Организацию освобождения Палестины и враждовал с ее лидером Ясиром Арафатом, который в то же время был руководителем другой организации – ФАТХ, соперничавшей с ХАМАС. (Считается, что израильские спецслужбы благосклонно относились к созданию ХАМАС именно в расчете на раскол в палестинском движении). Но впервые допущенный к выборам в парламент палестинской автономии в 2006 г., ХАМАС неожиданно одержал победу и

сформировал правительство во главе с одним из своих лидеров Исмаилом Хание, который до сих пор, находясь в Газе, является премьер-министром, в то время как на Западном берегу правит Махмуд Аббас, преемник Арафата и президент Палестинской национальной администрации. Оба центра власти являются законными, но не признают друг друга после того, как в 2007 г. в результате короткой междоусобной войны ХАМАС разбил ФАТХ и изгнал его с территории Газы.

Израиль и США решили проводить «двойную линию» по отношению к палестинцам: поддерживать диалог с властью Аббаса в расчете на то, что с ним легче будет договориться в рамках переговорного процесса, и пытаться ликвидировать режим, установленный в Газе «непримиримым» ХАМАС. Этот курс провалился полностью: никакие договоренности с властью Западного берега оказались невозможными вследствие явного нежелания правого кабинета Израиля во главе с Бениамином Нетаньяху действительно способствовать созданию палестинского государства; покончить же с режимом ХАМАС в Газе не удалось, несмотря на организованную израильским правительством блокаду анклава.

Время шло, и единственное, что мог делать ХАМАС – это обстреливать города южной части Израиля неуправляемыми ракетами типа «Катюша», «Град» и «Кассам», которые почти не причиняли ущерба и не приводили к людским потерям, но зато заставляли население жить в нервной атмосфере. В 2008-2009 гг. Израиль предпринял операцию «Литой свинец», в ходе которой разбомбил военные объекты ХАМАС и вторгся на территорию Газы, причинив немало жертв и разрушений. Под давлением мировой общественности и под нажимом только что избранного президентом США Барака Обамы, собиравшегося круто изменить к лучшему отношения Вашингтона с миром ислама, Израиль вывел войска из Газы, так и не сокрушив ХАМАС. Наступило относительное затишье, и вот в ноябре 2012 г. ХАМАС решил активизироваться. За три дня по Израилю было выпущено 120 ракет, после чего и последовал смертельный удар по автомашине Мухаммеда Джабари.

Одна из причин, побудивших исламистских экстремистов спровоцировать Израиль (а они, разумеется, прекрасно знали, как будет реагировать правительство Нетаньяху на столь массированный обстрел), связана с состоявшимися в США президентскими выборами. Барака Обаму надо было поставить в невыносимое положение: не осуждать Израиль, противопоставляя себя мировому общественному мнению – нельзя. Но точно так же, как в истории с давлением на Нетаньяху по вопросу о еврейских поселениях на Западном Берегу, никаких дивидендов не будет, никаких шансов на успех нет, и арабы и евреи только еще больше утвердятся в своем негативном мнении о президенте США.

У арабов Обама утратил всю свою первоначальную популярность, но точно так же чрезвычайно низко упал его рейтинг среди израильтян. Не потому, что он такой бестолковый и бездарный – любой другой президент оказался бы в таком же положении. Причина в глухой и непреодолимой пропасти между израильтянами и палестинцами, и она глубока как никогда. Но, чтобы избежать конфликта со своим абсолютно произраильским конгрессом, Обама должен был начать с новых шагов навстречу Нетаньяху, которого он ненавидит. И какое-то улучшение отношений могло бы наметиться. Именно этого решили не допускать лидеры ХАМАС. Спровоцировать Израиль на военный удар – значит непременно сорвать такое улучшение, заставить Обаму вертеться, как уж на сковородке, а в конечном счете – еще больше себя дискредитировать в глазах палестинцев и израильтян.

Но и у Нетаньяху был свой расчет. Почему в ответ на град ракет из Газы нужно было обязательно убивать самого популярного лидера ХАМАС? А вот именно потому, что абсолютно ясно: этого ХАМАС спустить не может, он просто обязан ответить новыми массированными ракетными ударами, иначе, как говорится,

«народ не поймет». А тогда можно, если обстановка позволит, и повторить вторжение в Газу, но уже с тем, чтобы на этот раз если не уничтожить, то искалечить ХАМАС. Кроме того, в Израиле готовились к январским 2013 г. парламентским выборам, и у «сильного, решительного лидера» были все шансы привести свою партию ЛИКУД к победе. Поэтому надо было спровоцировать ХАМАС на ответ максимальной силы. И такой ответ последовал: мало того, что град ракет обрушился на юг Израиля: впервые иранские управляемые ракеты «Фаджр-5» достигли Тель-Авива и Иерусалима (правда, упали они в пригородах обоих городов). Казалось, что уж теперь Нетаньяху не может без потери лица воздержаться от наземного вторжения. Мир, затаив дыхание, ждал, что израильские танки ворвутся в сектор Газа. Этого не произошло, и многие наблюдатели удивились: разве Израиль не заинтересован в том, чтобы раз и навсегда покончить с ракетными обстрелами своих южных городов, разгромить ХАМАС?

Да, заинтересован. И если бы можно было бы за несколько дней это сделать, проблемы бы не было. Но, как показала операция «Литой свинец», это не получится. Главные военные объекты ХАМАС находятся в самой гуще города Газа, где плотность населения – самая высокая в мире. Для танков уличный бой в тесных, узких улочках – хуже не придумаешь. Два страшных минуса: первый – со всех сторон будут засады, гранатометы, снайперы, смертники-шахиды. Значит, потери будут серьезные, и ведь недаром во время прошлой операции израильские солдаты в густонаселенные кварталы не заходили. Второй минус – самые важные военные объекты спрятаны именно там, среди массы мирных жителей. Больницы, школы, а главное – дети, убитые и раненые дети; они всегда страдают больше всех. 1400 палестинцев погибло во время операции «Литой свинец», и репутация Израиля пострадала страшно, может быть непоправимо. А если сейчас поставить задачу ликвидировать все установки для запуска ракет, всю военную инфраструктуру ХАМАС – сколько мирных жителей погибнет?

Конечно, Гитлер, Сталин или Саддам Хусейн не стали бы смущаться такими соображениями, а проутюжили бы всю вражескую территорию танками и забросали бомбами, но Израиль – другое дело. И даже те, кто считают «израильскую военщину» исчадием ада и новыми эсэсовцами, понимают хотя бы, что еврейское государство должно считаться по крайней мере с Америкой.

Но ведь она поддерживает Израиль. Более того, пока Соединенные Штаты твердо стоят за спиной Израиля, ему нечего бояться, он будет жить и процветать, даже если Европа с ее левыми интеллектуалами окончательно вступит в антиизраильский лагерь. Когда Нетаньяху в 2012 году выступал перед объединенной сессией обеих палат конгресса США, все без исключения сенаторы и конгрессмены 26 раз вставали с мест, приветствуя его овацией. Евреев среди них немного, да и значение еврейской общины США не стоит преувеличивать: среди избирателей евреи составляют всего 2%. Но вот десятки миллионов протестантов-евангелистов, для которых иудеи – народ Ветхого Завета, старшие братья христиан, создавшие свое государство, исполняя волю Господню – это реальная сила. 70% американцев поддерживают Израиль.

Все это так, но в случае сухопутного вторжения в Газу Обама, имея в виду интересы США в мире ислама, вынужден был бы осудить эту операцию и, более того, способствовать ее скорейшему прекращению, используя ООН. И получилось бы так же, как в январе 2009 года, когда не доделав дела, израильская армия уйдет, а ХАМАС уцелеет. Тем более что ХАМАС вообще невозможно уничтожить: даже если будут перебиты все боевики (что нереально), политическая организация, получившая на выборах больше всех голосов, сохранится.

Но были и другие соображения: вторжение в Газу отвлекло бы внимание от Сирии, а для Израиля важно, чтобы был ликвидирован единственный союзник Ирана – режим Асада. Арабский мир к тому же расколот. Тогда зачем же давать ему единственную возможную причину сплотиться? Особенно это относится к Египту: после «арабской весны» для Израиля крайне важно не допустить перехода этой страны во вражеский стан. Фактически, отказавшись от вторжения в Газу, Нетаньяху оказал огромную услугу президенту Мурси, избавив его от кошмарной дилеммы: игнорировать настроения «улицы», избирателей для «Братьев-мусульман» невозможно, но занять жестко антиизраильскую позицию – значит оттолкнуть Америку и правительства Западной Европы. А кто даст кредиты, инвестиции, откуда поедут туристы, кто вытащит Египет из экономической пропасти? И из всех стран мира именно Египет предпринимал наиболее энергичные усилия, чтобы прекратить огонь. Ради этого Египет, видимо, давил на ХАМАС: мол, достаточно, показали Израилю, что и до Тель-Авива можете добраться. Нагнали страху на израильтян, отомстили за Джабари.

Итак, вторжения не произошло. Операция по своему масштабу оказалась гораздо скромнее, чем «Литой свинец». Было проведено 1200 авиаударов, погибло 170 палестинцев и 6 израильтян. Кто же выиграл и кто проиграл?

ХАМАС, безусловно, выиграл в том отношении, что вышел из изоляции, прорвал дипломатическую блокаду. До сих пор весь мир признавал в качестве легитимного представителя палестинского народа Палестинскую национальную администрацию, контролирующую только Западный берег. Когда же началась «воздушная война», в Газу приехали и эмир Катара (первый глава арабского государства, появившийся там), и премьер-министры Египта и Туниса. Все обещали помощь, в первую очередь финансовую (что особенно важно, если речь идет о богатейших нефтепроизводящих странах Персидского залива), но главное, выражая полную солидарность с палестинцами Газы, они фактически обращались с ХАМАС как с полноправным, если даже не ключевым игроком в регионе.

Возможно, ХАМАС, провоцируя Израиль, сбросив на него внезапно 120 ракет за три дня, рассчитывал выиграть больше. Если бы Нетаньяху после воздушной войны начал бы наземную операцию, как четыре года тому назад (операция «Литой свинец»), это резко испортило бы его отношения с Египтом, вынужденным при правлении «Братьев-мусульман» учитывать настроения народных масс, а также привело бы к серьезному охлаждению отношений с Западом, в том числе с Соединенными Штатами. Так не получилось. Израильский кабинет на эту провокацию не поддался, воздержался от вторжения в Газу, которое все равно к решительному результату – уничтожению ХАМАС – привести не могло бы, так как под давлением «мирового сообщества» пришлось бы, как и четыре года тому назад, выводить войска, не закончив дела.

Можно ли считать, что Израиль выиграл? Во всяком случае, не проиграл. Наземная операция принесла бы не только резкое ухудшение международной репутации Израиля, но и потери среди военнослужащих, а ведь нет другой страны в мире, где так ценится жизнь соотечественников. Во всяком случае, Нетаньяху может сказать своему населению: «Мы своего добились, наша система «Железный купол» сбила большинство ракет, сейчас жители юга страны могут вздохнуть с облегчением, ракеты больше не падают». И люди рады, хотя все убеждены, что это лишь временная ситуация. В этом же убеждены и палестинцы в Газе, считающие это своей победой.

Конфликт, о котором мы говорим – это не война на уничтожение, как, например, любая гражданская война. В Сирии будут воевать, пока одна сторона физически не уничтожит другую. Палестинско-израильское противостояние – другое

дело. Израиль не может ликвидировать ХАМАС, и тем более исламисты не в состоянии нанести серьезный ущерб Израилю. В таких случаях важно, чтобы руководство каждой из сторон могло заявить своему народу об одержанной победе.

Кто по-настоящему выиграл – не в Газе и не в Иерусалиме – это президент Египта Мурси. Победитель № 2 – президент США Обама. Находясь на другом конце света, в Юго-Восточной Азии, Обама то и дело бегал к телефону, чтобы согласовать с Мурси проблемы прекращения огня, и когда оба лидера полностью обо всем договорились, послал своего госсекретаря в Каир. И вот весь мир обошла символическая телевизионная картинка, на которой Х. Клинтон рядом с египетским министром иностранных дел радостно объявляют, что через пару часов огонь будет прекращен.

Мурси, авторитет которого невероятно вырос, сумел избежать жуткого, почти безвыходного положения, в котором он очутился бы, если бы Израиль вторгся в Газу. ХАМАС и Нетаньяху чуть было не подложили ему свинью, но все обошлось. Египет стал гарантом соблюдения прекращения огня, главная страна арабского мира вновь после многих десятилетий оказалась в центре ближневосточной политической арены. Некоторые западные наблюдатели даже говорят о новом поразительном альянсе между США и Египтом. Этого нет и быть не может, но есть один непреложный факт: чтобы вытащить страну из экономической пропасти, ко дну которой Египет приближается, нельзя отталкивать от себя Запад, особенно Америку. «Братья-мусульмане», кажется, это понимают.

Ну а кто проиграл? В первую очередь – Махмуд Аббас и ФАТХ, его администрация в Рамалле. В бурных восьмидневных событиях старый лидер вообще никак не участвовал, его оттеснили на обочину, и на фоне ХАМАС, ухитрившегося бросить ракету аж под самый Тель-Авив, Аббас выглядел как заурядный бюрократ, только и способный на то, чтобы посылать в ООН бумажки с просьбой дать Палестине хотя бы статус государства-наблюдателя. И 29 ноября 2012 г. Генеральная Ассамблея ООН предоставила Палестине этот статус. Практически «на земле» ничего не изменилось, но символическое значение этого события нельзя недооценивать. В Палестине народ празднует крупную победу. Аббас произнес подобающую случаю речь и частично восстановил свою репутацию.

Проиграл Иран. Во-первых, потому что он мог надеяться, что крупная и длительная заваруха в Газе отвлечет внимание арабского мира от его союзника, Сирии, хотя бы на время. Не вышло. Во-вторых, потому что ХАМАС явно ускользает из иранских объятий и отныне, что вполне естественно, вооружать и финансировать эту группировку будет не шиитская региональная сверхдержава, а суннитские Катар и Саудовская Аравия.

Что дальше? После того, как Генеральная Ассамблея ООН 29 ноября 2012 г. приняла новый, повышенный статус Палестины в качестве «observer non-member state», правительство Нетаньяху ответило двумя акциями, крайне неблагоприятно встреченными мировой общественностью, включая американскую. Было решено заморозить поступления от налогов, которые израильские власти передавали палестинской администрации (около 100 млн. долл.). Но гораздо важнее другое: объявлено о намеченном строительстве 3000 новых жилищ для евреев на Западном берегу, в районе, прилегающем к Иерусалиму, и в восточном (арабском) Иерусалиме. Сейчас на Западном берегу наряду с 2.5 млн. арабов живут 350 тыс. еврейских поселенцев, а в восточном Иерусалиме – еще 200 тысяч. Иначе говоря, один из десяти еврейских поселенцев проживают в незаконных поселениях, находящихся вне границ 1967 г. Если даже исходить из того, что крупные, расположенные совсем рядом с Иерусалимом поселения, такие как Маале Адумим (настоящий город с 40 тыс. жителей), будут переданы Израилю в обмен на

эквивалентные по размеру участки территории Израиля, населенные преимущественно арабами, все равно получится, что вне этих поселений, на «чисто арабской» земле предполагаемого палестинского государства, останется примерно 160 тысяч еврейских поселенцев.

Разумеется, никакое палестинское руководство на это согласиться не может, тем более что в том карикатурном варианте палестинского государства, о котором говорил Нетаньяху, не должно быть своих вооруженных сил (только полиция), а израильские войска предполагается расположить на границе с Иорданией. А ведь еще есть проблема возвращения беженцев: если бы даже удалось каким-то образом «уломать» администрацию Махмуда Аббаса, уговорить ее согласиться на то, чтобы сотни тысяч палестинцев, обитающих в лагерях для беженцев, были допущены к проживанию в той части Палестины, которая образует свое государство (даже если их родители были родом из земель, ныне составляющих еврейское государство), то нет ни малейшего шанса на то, что такой вариант одобрит ХАМАС. Таким образом, перспективы урегулирования, особенно с учетом победы блока Нетаньяху-Либерман на выборах в январе 2013 г, представляются менее реальными, чем когда-либо за всю историю самого продолжительного конфликта современности.

Д.Б. Малышева

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ РЕГИОНАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО ТУРЦИИ

Сирийский кризис, в котором Турция сыграла на стороне антиасадовских сил и фактически в тандеме с исламистами-террористами, воюющими против законного правительства Сирии, показал несостоятельность притязаний Турции на роль регионального лидера. Противоречащими ближневосточным реалиям оказались и заверения министра иностранных дел Турции А. Давутоглу (рассчитанные, главным образом, на внутреннюю – турецкую аудиторию) об отсутствии у Турции проблем с соседями и о том, что сама Турция, где у власти находятся «умеренные исламисты», является своего рода моделью для арабского мира.

Не выглядят убедительными и притязания Турции на титул «защитницы ислама» после того, как в сирийских событиях Турция выступила на стороне Саудовской Аравии и Катара в их противостоянии с шиитами и алавитами и четко определила, таким образом, свою солидарность с суннитами. Напомним, что мусульмане Турции – преимущественно сунниты, а местные алавиты (*алави*) – религиозное меньшинство, представители которого не занимают в отличие от их братьев по вере в Сирии каких-либо влиятельных позиций. Трудно, кроме того, представить себе, чтобы арабский ислам вообще когда-либо принял турецкое лидерство. По-разному смотрят в Турции и США на перспективы разных религиозных общин в «постреволюционной» Сирии¹¹⁵. Хотя США и сотрудничают с Турцией по Сирии, где их общей целью стало свержение режима Б. Асада, Вашингтон настаивает на том, что любой исход сирийского кризиса должен гарантировать религиозный и этнический плюрализм. Турция же, занятая налаживанием тесных связей с ведущей силой суннитской оппозиции в Сирии – «Братьями-мусульманами», стремится максимально ограничить сирийских курдов в их правах и сурово наказать поддерживающее Асада алавитское меньшинство, которое Турция считает своими врагами.

¹¹⁵ Karaveli H. Turkey is no partner for peace // Foreign affairs, 2012, 11.09.2012
<http://www.foreignaffairs.com/articles/138104/halil-karaveli/turkey-is-no-partner-for-peace>

Сирийский кризис стал также еще одним доказательством тщетности усилий Турции по позиционированию себя в качестве независимого и нейтрального посредника в ближневосточных конфликтах.

Посредничеству в споре Запада с Ираном по поводу его ядерной проблемы, а также и добрососедским отношениям с Ираном (особенно в энергетической сфере) Турция предпочла политику, направленную на максимальное ослабление позиций Ирана в регионе. Это едва ли соотносится с первоочередными национальными интересами Турции, но зато полностью совпадает со стратегическими целями аравийских монархий, стремящихся для начала уничтожить режим Асада как главного союзника Ирана (который инвестировал, по некоторым сведениям, в Сирию более 1 млрд. американских долларов), а затем взяться и за сам Иран.

В то же время следует принять во внимание, что саудовско-катаровско-турецкий антииранский альянс носит во многом ситуативный характер, ибо аравийские монархи не доверяют ни Ирану, ни Турции. В поддержании же тесных контактов с ними заинтересован, прежде всего, Р. Эрдоган, который готовится к президентским выборам 2013 года, после которых Турция, возможно, станет президентской республикой, тем более что, по наблюдениям большинства аналитиков, серьезных конкурентов у Эрдогана нет. Сам же он заинтересован в поддержке мелких и средних предпринимателей Анатолии, являющихся электоральной базой и источником финансирования премьер-министра Турции и его Партии справедливости и развития. А эти предприниматели активно работают, по свидетельству армянского политолога А. Шакаряна¹¹⁶, с саудовскими и катарскими капиталами, что позволило им избежать многих негативных последствий мирового экономического кризиса.

В декабре 2012 года Турция дала разрешение на размещение на своей территории в районе границы с Сирией четырех противоракетных комплексов «Пэтриот». Турецкое руководство связало свой запрос с тем, что на территории страны участились попадания снарядов, выпущенных в Сирии, поскольку бои в арабской республике идут на самой границе двух государств. Однако есть подозрение, что эти комплексы направлены не столько против Сирии, сколько против Ирана (а по умолчанию – и против России), и Турция, таким образом, объективно подыграла антисирийским, антииранским, антироссийским силам в НАТО. Это говорит о том, что проводившаяся в последние годы турецким руководством политика демонстративного дистанцирования от НАТО была всего лишь дипломатической игрой, и Турция, как и во времена «холодной войны», остается форпостом Североатлантического альянса на Ближнем Востоке. Связи с НАТО выгодны Анкаре еще и из-за соседства с Россией, с которой Турция конкурирует в Черноморско-Каспийском регионе. Но слишком тесное сотрудничество с НАТО ставит Турцию перед непростым выбором в случае, если все-таки начнется война с Ираном. Последний является еще более серьезным военным противником, нежели маленькая Сирия, армии которой тем не менее второй год удается отражать нападение поддерживаемых и вооружаемых Западом, Турцией и аравийскими монархиями транснациональных вооруженных формирований. Так что для Турции последствия гипотетического военного конфликта Израиля/Запада с Ираном могут оказаться весьма болезненными, если рассматривать как серьезную угрозу предупреждение Тегерана о том, что в случае нападения на Иран его первые контрудары будут нанесены по размещенным в Турции и Азербайджане базам и опорным пунктам НАТО.

¹¹⁶ Кризис в Сирии показал банкротство идеи регионального лидерства Турции: интервью. // Регнум, 04.01.2013 (<http://www.regnum.ru/news/1610332.html>).

То, что Турция не является в ближневосточном регионе полностью самостоятельным игроком, подтверждают события, связанные с израильской военной операцией в секторе Газа «Облачный столп» (14-20 ноября 2012 года), направленной на уничтожение военной инфраструктуры правящего в Газе исламистского движения ХАМАС и предотвращения ракетных обстрелов территории Израиля. Турецкая дипломатия никак не смогла проявить себя в качестве переговорщика в этом конфликте вследствие испорченных задолго до того израильско-турецких отношений. Так что по завершении этой военной операции Израиля не прямые переговоры между ним и представителями ХАМАС прошли в Каире под патронажем президента Египта Мухаммеда Мурси. Это вернуло статус ведущего регионального игрока именно Египту, который и ранее активно участвовал в процессе примирения между ФАТХ и ХАМАС, а также между Израилем и палестинцами.

Ахиллесовой пятой Турции по-прежнему остается неурегулированная курдская проблема, которая сохранила свою остроту и в 2012 году, приобретая региональное измерение. Речь идет о влиянии на юго-восточные районы Турции конфликта в соседней Сирии: в ее северных районах активизировались местные курды, стремящиеся к созданию автономии по образцу Иракского Курдистана, или официально – «Курдского района Ирака», имеющего по новой конституции Ирака статус автономии, но де-факто являющегося полунезависимым государственным образованием в составе Ирака. Дабы предотвратить подобное развитие событий, Турция облегчила проникновение отрядов так называемой «свободной сирийской армии» и других вооруженных формирований сирийской оппозиции в богатые нефтью северные провинции Сирии – Алеппо и Хасака, где ситуацию контролируют курдские союзы народной обороны, близкие к курдской Партии Демократического союза (ПДС). Ее считают сирийским отделением турецкой Рабочей партии Курдистана (РПК), но сама ПДС отрицает эту связь из опасения быть включенной наряду с РПК в список международных террористических организаций.

Турция открыто не возражала против создания в Сирии курдской автономии и даже установила хорошие отношения с Курдским национальным советом Сирии (КНС) ввиду того, что он занял в целом нейтральную позицию в сирийском конфликте – не поддержал Асада, но и не воевал против него. Тем не менее, у Турции имеются серьезные основания опасаться появления на своих границах наряду с Иракским Курдистаном еще и Курдистана сирийского и, главное, усиления там влияния ПДС и РПК, на которых Анкара и натравливает боевиков сирийской вооруженной оппозиции. Это, однако, грозит Турции осложнением отношений с покровительствующим КНС президентом «Курдского района Ирака» Масудом Барзани, участвующем в создании курдской автономии на сирийской территории. В июле 2012 г. он организовал в Эрбиле встречу руководства КНС с лидерами ПДС и объявил, что в случае их объединения он поддержит сирийских курдов¹¹⁷. С точки зрения дальнейших перспектив это сулит Турции обострение противоречий, причем не только с курдами, но и с алавитами, учитывая, что в Ливане шииты выступили в поддержку своих единоверцев – алавитов, в то время как местные сунниты, напротив, высказались в пользу сирийской оппозиции. То, что Турция самым непосредственным образом оказалась втянута во внутрирелигиозные и внутриэтнические распри на Ближнем Востоке, создает угрозу ее собственной стабильности и территориальной целостности.

¹¹⁷ Сможет ли Турция повлиять на Барзани? Перевод статьи, опубликованной 30.07.2012 турецкой газетой Yeni Safak (<http://www.inosmi.ru/world/20120801/195883820.html>).

Помимо проблем со своим ближневосточным окружением, 2012 год не принес Турции особых успехов в реализации одной из целей ее внешней политики – стать энергетическим мостом между Востоком и Западом. Главная причина пробуксовки в этом направлении – зависимость Турции от газовых и нефтяных поставок из Ирана и России, отношения с которыми были испорчены из-за сирийского вопроса, в котором Турция и Иран с Россией оказались по разные стороны баррикад. К осени 2012 года отношения между Россией и Турцией приобрели настолько натянутый характер, что это привело к переносу запланированного официального визита Президента РФ В. В. Путина в Турцию с октября на декабрь. Ранее лидер правящей Партии справедливости и развития Р. Эрдоган в своем выступлении на состоявшемся 30 сентября съезде партии отнес Россию к странам, которым «история не простит за содействие кровавому сирийскому режиму». А 10 октября турецкие ВВС принудили к посадке пассажирский самолет, следовавший из Москвы в Дамаск¹¹⁸. В дальнейшем попытки склонить Россию к компромиссу по сирийскому вопросу закончились безрезультатно, как несостоятельными оказались и расчеты Турции и ее партнеров по антисирийской коалиции на скорое падение режима Б. Асада. Не удивительно, что состоявшийся все же 3 декабря визит президента России в Турцию и его переговоры с премьером Эрдоганом завершились лишь обменом мнений по сирийской проблеме, но ни к чему конкретному не привели, поскольку каждая из сторон осталась на своих позициях.

Что касается энергетического сотрудничества Турции и России, то оно тоже дало сбой. 7 декабря 2012 года, когда в Анапе был дан старт строительству морского участка газопровода «Южный поток» – одного из крупнейших в мире инфраструктурных проектов, который Россия вместе со странами-партнерами прокладывает по дну Черного моря, – официальная Анкара демонстративно объявила об отказе присоединиться к этому проекту и намерении участвовать в проектах *Nabucco West* и *TANAP (Trans-Anatolian gas pipeline)*, планируемых к прокладке в обход России. Шансы последних на реализацию в ближайшие годы весьма призрачны, и шаги турецкого правительства в поддержку этих проектов могут быть объяснены не столько экономической выгодой, сколько политической конъюнктурой – желанием добиться благосклонности ЕС, куда Турция многие годы стремится попасть, намерением проявить солидарность с теми политиками в Европе, кто призывает к максимальному ослаблению зависимости Европы от «энергетических пут» России.

Таким образом, экономические отношения между Россией и Турцией на сегодня ограничиваются сферой бизнеса, туризма, торговли, строительства и атомной энергетики. А вот в политическом плане они останутся достаточно сложными. Ведь ко всему прочему Турция исторически являлась конкурентом России и таковым остается. Причем не только на Ближнем Востоке, но и на постсоветском пространстве, где Турция не довольствуется лишь областью культурного взаимодействия с народами, исповедующими ислам, а стремится к региональному лидерству, пытается оказывать выгодное для себя влияние на религиозно-политические процессы, происходящие и в российской «умме» – северокавказской, татарской и других.

Идеология «неоосманизма» (*Neo-Osmanlıcilik*), ставшая в последние годы стержнем внутренней и внешней политики Турции, нацеливает ее на превращение в одну из ключевых стран Ближнего Востока и Кавказско-Каспийского региона, на обретение ею собственного «балканского», «кавказского», «среднеазиатского» измерения. Однако такая политика неизбежно будет вступать в противоречие с

¹¹⁸ Глазова А. Российско-турецкое охлаждение. Независимая газета. 12.11.2012.

интересами России, а также других региональных и глобальных игроков. Что касается перспектив этого амбициозного внешнеполитического проекта, то опыт 2012 года показывает, что реализовать его Турции будет не просто. Несмотря на возросшие амбиции Турции, ее внешнеэкономический и внешнеполитический потенциал во многом лимитируется ее собственными серьезными внутренними проблемами, на преодоление которых понадобится и время, и благоприятные внешние факторы.

А.Ю. Умнов

ИРАН В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В прошедшем году Иран продолжил осуществлять свою ядерную программу, несмотря на давление извне. Преследовались и другие цели внешнеполитического курса, сформулированные при президентстве Ахмадинежада и, как правило, обрамленные радикальными лозунгами. Такая последовательность и такой внешний радикализм нуждаются в объяснении.

Свергнувшая шахский режим исламская революция, на первый взгляд, превратила ислам в определяющий фактор внешней и внутренней политики Ирана. Между тем, если присмотреться внимательнее, можно обнаружить, что в исламской упаковке действуют прежние региональные и этнические ориентиры. Курс на союз с США заменил антиамериканизм. Но в рамках этого глобального сдвига нетрудно заметить то же стремление защищать специфические государственные интересы, что и во времена союза с Вашингтоном. Более того, в ряде случаев именно исламская форма и радикальная смена взаимоотношений с Соединенными Штатами позволили защищать их значительно успешнее, чем при шахе.

Фанатичный антиамериканизм, типичный для первых лет после свержения шаха – результат не только и не столько той роли, которую играли здесь Соединенные Штаты. Сама Исламская республика в целях воссоздания единства иранского общества оказалась глубоко заинтересованной в постоянном воинствующем противопоставлении себя светским государственным системам, ярчайшим символом которых для иранцев и стали США. В этом контексте и следует рассматривать ядерную программу Ирана, поставившую его на грань конфликта с мировым сообществом.

Скрытый за ширмой фанатизма прагматизм легко обнаружить и в подходе лидеров исламской революции к палестинской проблеме. Как известно, после свержения шаха иранская позиция в этом вопросе кардинально поменялась – из произраильской превратилась в антиизраильскую. Исламское руководство Ирана не только не поддерживает каких-либо связей с Израилем, но и отказывается признать его в любых границах. И это притом, что в отличие от шахских времен некоторые арабские страны признали, а многие готовы признать еврейское государство. Казалось, позицию Исламской республики можно объяснить лишь фанатизмом. Но если рассматривать ситуацию с точки зрения традиционного противостояния Ирана и панарабизма, то эта позиция, напротив, представляется прагматичной.

Как известно, одновременно с крахом объединительных планов арабских государств Восточного Средиземноморья (Египта, Сирии, Ливии) и разрушением общего фронта арабов против Израиля панарабизм постепенно набирал силу в Персидском заливе. Именно здесь 7 арабских княжеств создали прочное межгосударственное образование – Объединенные арабские эмираты (ОАЭ), до

сих пор единственную успешно действующую конфедерацию в мире. Впоследствии эта конфедерация вместе с пятью другими арабскими монархиями района, во главе с Саудовской Аравией и Кувейтом, образовала Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), координирующий усилия в экономике и политике (в частности, в военной сфере).

Тенденция смещения фокуса панарабизма с Палестины на Персидский залив (который в арабских странах называют Арабским) сопровождалась заменой главных внешнеполитических покровителей движения (вместо СССР на Соединённые Штаты) и его основных противников (место Израиля занял Иран). Откровенно антииранская направленность местного панарабизма проявилась в ирано-иракской войне. Начавший военные действия Багдад, получив поддержку арабских монархов, открыто заявил о стремлении в борьбе с Тегераном защитить общеарабские интересы. Хотя война не принесла победы Ираку, она наглядно продемонстрировала, где находится внешняя угроза. Правда, во время войны иранские арабы, несмотря на все призывы Багдада, сохранили верность Тегерану. Но, во-первых, неизвестно, какие формы арабский вопрос внутри Ирана примет завтра, а, во-вторых, любые панарабистские акции в Персидском заливе, даже прямо не направленные против Тегерана, косвенно ослабляют его позиции в крайне важном в экономическом и военном отношении районе. Именно поэтому Иран резко реагировал на попытку Ирака «воссоединиться» с Кувейтом, несмотря на то, что главной силой, противостоящей Багдаду, выступили Соединенные Штаты.

Здесь же, как представляется, заключается и основная причина непримиримой позиции Тегерана в палестинской проблеме. Поддерживая непримиримых среди арабов, Тегеран стремится предотвратить или, по крайней мере, отдалить установление мира между арабскими странами и Израилем, так как урегулирование арабо-израильского конфликта перенесет главный фокус панарабизма с Палестины на Персидский залив.

Неменьший прагматизм исламский Иран проявил и в отношении Советского Союза. Открыто называя нашу страну «малым сатаной» (в отличие от «большого сатаны» - США) и, подавляя местных коммунистов, Тегеран в то же время фактически опирался на Москву в противостоянии с Вашингтоном. Такое маневрирование позволяло получить максимум свободы действий во взаимоотношениях с обеими сверхдержавами.

Скончавшийся в конце 80-х годов XX века Хомейни, как явствует из его «Завещания», считал советско-американскую конфронтацию долговременной тенденцией мирового развития. Стремительное исчезновение казавшегося монолитным Советского Союза, превращение США в единственную сверхдержаву, появление на месте бывшего советского юга новых государств заставили преемников Хомейни серьезно скорректировать свою внешнюю политику, причем иногда в весьма неожиданных направлениях. Так, вместо ожидаемых призывов покончить с наследием атеистической сверхдержавы (проведенными коммунистами государственными границами, военным присутствием Москвы) и поддержки борьбы местных мусульман против «неверных», Иран занял противоположную позицию. В вопросе о судьбе компактно населенной армянами части постсоветского Азербайджана (Карабаха) он по существу оказался (хотя и не безоговорочно) на стороне христианской Армении. В Таджикистане иранцы не стали поддерживать исламскую оппозицию против «прокоммунистического» режима, а пытаться их примирить. Одновременно Тегеран недвусмысленно проявил себя не меньшим, если не большим, сторонником военного

присутствия России на бывшем советском юге (Южном Кавказе и в Центральной Азии), чем сама Москва.

Наиболее простое объяснение «непоследовательности» Ирана – конъюнктурный поиск любых противовесов оставшейся единственной сверхдержаве – США. Но такого объяснения явно недостаточно. Военное присутствие России на Южном Кавказе и в Центральной Азии сегодня, после антикоммунистического, антиимперского переворота в Москве и распада СССР, не представляет угрозы ни для Вашингтона, ни для его союзников. Еще меньшей опорой антиамериканизма представляются Ереван и тем более Душанбе.

Правда, определенный резон в добрососедских отношениях с бывшим советским югом, с точки зрения иранского противостояния с Соединенными Штатами, действительно существует. Экономическая блокада, которой Вашингтон пытается подвергнуть Тегеран, безусловно, увеличивает заинтересованность Ирана в союзниках и партнерах на севере. Но если такое объяснение еще можно принять в отношении Туркмении, соединившей свою железнодорожную сеть с иранской, то в отношении Армении и Таджикистана нет. Ведь на Южном Кавказе примыкающий к Каспийскому морю и граничащий с Россией Азербайджан, с точки зрения торгово-экономических связей, безусловно, более ценен, чем не имеющая выхода к морю и не граничащая с Россией Армения. Что же касается Таджикистана, то он, не имея общей границы ни с Ираном, ни с Россией, вообще находится на обочине путей, идущих через Центральную Азию. Поэтому основную пружину политики Ирана на бывшем советском юге целесообразно искать не в антиамериканизме или торгово-экономических интересах, а в чем-то ином.

Как известно, после ухода в прошлое и СССР, и советско-американской конфронтации Тегеран, прежде маневрировавший между двумя сверхдержавами, оказался перед лицом принципиально новых вызовов. Главный из них - серьезные (реальные или потенциальные) этнические сдвиги вокруг Ирана, которые могут поставить под вопрос его государственное единство. Прежде всего, это касается северных границ, где вместо единого тоталитарного государства с преобладанием славянского населения, появились три государства – Азербайджан, Армения, Туркмения. Более того, в их непосредственном «тылу» оказались и другие республики бывшего советского юга: Грузия, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Казахстан. Раньше единственным суверенным тюркским государством выступала Турция, своим откровенно светским устройством и союзом с США противостоящая Ирану. Теперь же тюркских государств стало шесть: Турция, Азербайджан, Туркмения, Узбекистан, Киргизия, Казахстан.

Таким образом, на севере и северо-западе Ирана возникла почти сплошная «тюркская дуга», которую разрывает лишь небольшой участок ирано-армянской границы. Конечно, еще одним просветом можно считать Каспийское море, до недавнего времени совместное владение прибрежных государств - Ирана, Азербайджана, Туркмении, Казахстана и России. Но набирающая силу тенденция раздела Каспия между ними фактически замыкает «тюркскую дугу» и здесь. Все это не может не тревожить Иран, тем более что после распада СССР, заложенный при создании тюркских советских республик механизм «этнической ориентации» в южном направлении может заработать уже самостоятельно. Это ярко проявилось в постсоветском Азербайджане, лидеры которого, переименовав азербайджанский язык в тюркский, открыто заявили о принадлежности своей страны к тюркскому миру.

Конечно, пантюркизм, понимаемый как объединение всех тюрков в одном государстве – утопия. Но как координация позиций по каким-то вопросам (скажем, Карабаху или иранскому Азербайджану) он возможен. Этого не могут не понимать лидеры Ирана. Естественно, в армяно-азербайджанском противостоянии они

фактически поддерживают армянскую сторону, этническая ориентация которой направлена не против Ирана, а против постсоветского Азербайджана.

В своем противостоянии пантюркизму и панарабизму Тегеран пытается опереться на паниранизм и панисламизм. Как известно, народы, связанные с Ираном общностью или близостью языка, живут и в других государствах Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии. Это курды Турции и Ирака, таджики Таджикистана и Афганистана, пуштуны Афганистана и Пакистана. На фоне роста этнической нестабильности по всему периметру своих границ Тегеран, естественно, наблюдает за происходящим в «Большом Иране» с особым интересом. Ведь культурная близость этих народов может, как укрепить, так и подорвать внешнеполитические позиции иранского государства. Так, иракские курды, благодаря американскому вмешательству в Ираке, сегодня пользуются широкой автономией. Связывая свои надежды с США, они, конечно, не могут служить базой иранского влияния. Не в состоянии играть такую роль и турецкие курды. Ведя вооруженную борьбу с американской союзницей Анкарой, они сохраняют приверженность левым светским идеям, откровенно враждебным государственному устройству Ирана. Кроме того, использовать «курдскую карту» Тегерану всегда мешали собственные курды, которые в борьбе против властей также прибегали к помощи внешних сил.

Пуштуны же вообще никогда не отличались симпатиями к Тегерану. Более того, составляя значительную часть населения Пакистана и играя ведущую роль в Афганистане, они всегда решительно отвергали претензии Тегерана даже на «культурную гегемонию». Поэтому единственной естественной зоной влияния Ирана после распада СССР стали районы расселения таджиков в Центральной Азии и Афганистане. Таджикистан, еще недавно неотъемлемая часть советской Центральной Азии, превратился в суверенное государство. В Афганистане после многолетней борьбы с коммунистами, массовой миграции местных пуштунов в Пакистан и свержения американцами в основе пуштунского движения «Талибан» таджики вышли на первый план. Все это не могло не радовать Тегеран. Но радость, сопровождалась немалыми опасениями. Межклановая война в Таджикистане, вытеснившая часть местного населения в соседний Афганистан, подрывала государственное единство обоих государств. «Воссоединение» таджиков по обе стороны афгано-таджикской границы могло привести к такому соотношению между противоборствующими кланами в Таджикистане, а также таджиками и пуштунами в Афганистане, которого обе страны не выдержали бы. Волны от возможной дезинтеграции Таджикистана через распад Афганистана и последующий «взрыв» афгано-пакистанской границы «воссоединением» пуштунов Афганистана и Пакистана дестабилизировали бы весь восточный фланг Ирана. Более того, распад Таджикистана нанёс бы прямой удар по интересам Тегерана, во-первых, самим фактом исчезновения независимого государства таджиков, а, во-вторых, возможным сохранением его, но уже под тюркским контролем. Оказавшись перед лицом дезинтеграции Таджикистана, граничащий с ним и частично населенный также таджиками Узбекистан, скорее всего, был бы вынужден ввести в страну свои войска. Причем как успех, так и неудача действий Ташкента (и как вероятное следствие дестабилизация самого Узбекистана) явно не в интересах Ирана.

На первый взгляд, нейтрализации всех подобных угроз Тегеран мог добиться, опираясь на панисламизм, призывающий к политическому объединению мусульман всех стран. Действительно, разве Иран – воплощение победившей исламской революции – не выступает естественным центром для всех истинных приверженцев

мусульманской религии, где бы то ни было? Несмотря на внешнюю логичность подобных рассуждений, они далеки от реальности.

Сам ислам, как отмечалось, расколот на противостоящие течения суннитов и шиитов. В свою очередь, те и другие делятся на более мелкие объединения правоверных, также находящихся друг с другом в сложных взаимоотношениях. К тому же интерпретации даже одного направления ислама различными этническими группами, как правило, резко отличны. Поэтому возможности Ирана, одной из немногих мусульманских стран с большинством шиитов, оказывать определяющее влияние на процесс политизации ислама в современном мире на деле весьма ограничены. Свидетельством тому служат в целом весьма неприязненные отношения между Тегераном и объединившим на определённом этапе почти весь Афганистан религиозно-политическим суннитским движением «Талибан».

Как известно, исламские фундаменталисты среди суннитов считают исламскую революцию в Иране лишь предпосылкой к подлинному возрождению ислама, возможному лишь на базе их собственной интерпретации этой религии. На таком фоне, кстати, весьма сомнительна искренняя заинтересованность Тегерана в успехе исламских революций в других мусульманских государствах. Руководимые суннитами-фундаменталистами такие государства неизбежно подорвут ту, пусть и небезоговорочную, монополию на святость в мусульманском мире, которой сегодня, несмотря на раскол между суннитами и шиитами, все же пользуется Тегеран. Отсюда понятно в целом довольно прохладное отношение Ирана к т.н. «арабской весне», усиливающей позиции фундаменталистов-суннитов. Причём в случае с Сирией, где у власти находятся представители шиитской секты алавитов, оно носит откровенно враждебный характер. Поэтому, как ни кажется, на первый взгляд парадоксальным, возможности Исламской республики Иран опереться на панисламизм невелики.

Показательно, что свержение режима талибов в Афганистане США и их союзниками было встречено в Тегеране с противоречивыми чувствами. С одной стороны, Вашингтон (противостояние с которым – одна из основ внешней политики Исламской республики) разместил свои воинские подразделения в соседней стране, с другой – резко ослабло движение, прямо бросившее вызов Ирану на религиозно-политическом поле. В этих условиях одним из главных, если не главным союзником Тегерана выступает Россия. Ее военное присутствие в Центральной Азии сдерживает процессы, которые, предоставленные сами себе, могут сильно ударить по Ирану. Наиболее ярко это проявляется в Таджикистане, до сих пор остающемся единым благодаря Москве.

Не случайно именно постсоветский Азербайджан, где нет российских солдат, внушает сегодня серьезные опасения иранским политикам. Как Тегеран, так и Москва жизненно заинтересованы в предотвращении и разрешении этнических кризисов на бывшей периферии советской империи, основы которых заложили коммунистические стратеги. И именно в этом, а отнюдь не в антиамериканизме основа сотрудничества обеих стран.

ЮЖНАЯ АЗИЯ

Е.А.Брагина

12-Й ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН ИНДИИ

Устойчивая практика перспективного планирования продолжена правительством Индии публикацией очередного проекта плана на 2012-2017 гг., который был представлен 29 декабря 2012 г. парламенту страны. По сложившейся традиции этому предшествовало широкое обсуждение его основных направлений с участием ведущих правительственных министерств, а также научных, предпринимательских и других общественных организаций. Впервые в опубликованном тексте 12-го план использован графический знак рупии, а не её буквенное выражение.

В отличие от двух предшествующих планов, реализация которых в основном осуществлялась на фоне восходящего тренда мировой экономики и высоких темпов хозяйственного роста Индии, начало 12-го плана совпало с кризисными явлениями, как глобальными, так и национальными. Обозначилось снижение темпов роста экономики Индии до 6%, что превышало аналогичные показатели большинства развитых стран, но заметно ниже 8- 9% в год, достигнутых в 10-м и частично в 11-м планах. Одной из причин стало сокращение как национальных, так и зарубежных частных инвестиций, которое эксперты связывают с хроническим отставанием инфраструктуры, особенно энергоснабжения, и слабым реформированием экономики. Задолженность крупных фирм в капиталоемких отраслях – телекоммуникации, энергетика, строительство – выросла с 29 млрд. долл. в марте 2007 г. до 163 млрд. в марте 2012 г. Продолжилось возрастающее и крайне неэффективное бюджетное финансирование субсидий на продовольствие и топливо.

Правительству не удалось справиться с инфляцией, достигшей в 2012 г. 9.3%, прежде всего за счет цен на продовольствие. Это привело к массовым протестным выступлениям населения с требованиями остановить рост цен и повысить заработную плату. Участились политические лозунги, например, требования обеспечить работу для всех, защитить права профсоюзов, временных работников в государственном и частном секторах. Несмотря на девальвацию рупии на 15% в августе 2011 г., продолжилось её ослабление по отношению к доллару - 54.6 рупии за единицу американской валюты в декабре 2012 г. по официальному курсу против 51.2 годом ранее. МВФ отметил ухудшение делового климата в Индии, по индексу конкурентоспособности страна переместилась в мировом рейтинге с 49 на 56 место. Продолжился отток иностранного частного капитала.

Пытаясь переломить неблагоприятную тенденцию, правительство во второй половине 2012 г. после длительных дискуссий пошло на некоторое ослабление инвестиционных ограничений для сетевого зарубежного ритейла. Представляющие его крупнейшие компании Запада упорно добиваются расширения своих позиций на внутреннем рынке Индии (ныне их доля не превышает 10%) с оборотом от 450 до 600 млрд. долл.¹¹⁹. За годы экономического подъема, наряду с сохраняющейся массовой бедностью, в стране сформировался слой населения порядка 470 млн. человек с доходом от тысячи до четырех тысяч долларов в год, своего рода протосредний класс с новыми потребностями и возможностями, что обеспечивает растущий внутренний спрос.

¹¹⁹ The National Bureau of Asian Reform. January 2012. P.1.

28 декабря 2012 г., как и было заранее объявлено, ушел в отставку Ратан Тата, глава крупнейшего частного конгломерата Индии, пятый представитель семьи Тата на этом посту за 144 года существования компании, успешно руководивший ею последние 20 лет. Из-за отсутствия прямых наследников Р.Тата назначил преемником Сайруса Мистри, выходца из общины парсов с ирландским паспортом, чья семья давно участвует в акционерном капитале концерна Таты. Это событие оживило дискуссию о роли в Индии семейного бизнеса, который, по оценкам, контролирует 40% прибыли на рынке акционерного капитала. Высокая концентрация и тесные неформальные связи способствовали усилению рентоориентированного (rent-seeking), иными словами, коррупционного поведения частных семейных компаний в наиболее прибыльных отраслях, добыче полезных ископаемых, инфраструктуре, строительстве. Этому способствовала также высокая доля участия в них государства и слабость иностранной конкуренции. Доля индийских компаний, размещенных за рубежом, не превышает 14%¹²⁰. Ежегодная коррупционная составляющая оценивается 18.4 млрд. долл., хотя этот показатель, как и в других странах, лишь частично отражает её масштабы¹²¹. При финансовых потерях крупные семейные компании обращались за помощью к государственным банкам и лишь они, как правило, её получали. На долю 10 из них пришлось 13% всех предоставленных банковских ресурсов.

В результате такой дискриминации и нехватки капитала рядовые частные компании начали сокращать инвестиции, что отрицательно сказалось на макроэкономических показателях. Лондонский Economist считает, что Тата был исключением, придерживаясь других правил поведения, в том числе неприятия коррупции¹²². Трудно сказать, насколько распространение коррупции, связанной с крупным семейным бизнесом, повлияло на снижение темпов роста индийской экономики, но частые ссылки на эту опасность свидетельствуют как об остроте проблемы, так и трудностях борьбы с ней. Оценивая роль семейного бизнеса в Индии, нельзя забывать, что он составляет основу многомиллионного малого предпринимательства, которое держит на плаву занятость и массовый потребительский спрос. Однако этот сектор слабо взаимодействует с современными банковскими структурами, что отрицательно влияет на уровень накоплений и инвестиций. Более 40% домохозяйств не в состоянии воспользоваться банковскими услугами и вынуждены обращаться к неформальным финансовым источникам, местным ростовщикам.

Заслуживает внимания меняющееся политическое соотношение сил в Индии в преддверии нового избирательного цикла в середине 2014г. Видимо, подходит к концу длительный и чрезвычайно важный период в жизни страны, когда решающую роль играла династия Неру-Ганди, её авторитет и влияние. Заметно возросла роль провинциальных лидеров, в том числе членов правительственного Объединенного Прогрессивного Альянса. Показательно, что глава правительства штата Гуджарат (Бхаратия Джаната Парти) в 2012 г. Нарендра Моди, выигравший местные выборы в третий раз, при посещении штаб-квартиры БДП в Дели был встречен как будущий премьер страны¹²³. Семья Ганди в лице её молодых отпрысков едва ли сможет предложить сильную кандидатуру на пост главы ИНК или премьер-министра.

В Индии, где медианный возраст населения составляет 25 лет, омоложение политического руководства становится назревшей проблемой. В бизнес-сообществе, особенно в высокотехнологичных компаниях, этот процесс налицо. Позиции

¹²⁰ Ведомости. Январь 18, 2013. С.5.

¹²¹ Bloomberg Businessweek. March 5-11, 2012.

¹²² The Economist. December 1, 2012. P.14.

¹²³ The Economist. January 5, 2013.P.38.

Манмохана Сингха, которому исполнилось 80 лет в сентябре 2012 г., и сказывается его моральная и физическая усталость, явно ослабели. Возглавляемое им правительство (не его лично) открыто обвиняют в коррупции и торможении экономических реформ. При том, что экономические успехи страны, особенно в первое десятилетие XXI века, широко признаны на национальном и международном уровне, нынешней политикой недовольны и деловые круги, и население.

Основная задача на предстоящее пятилетие обозначена широко и, как обычно бывает с перспективным планированием, не во всем конкретно – добиться быстрого, устойчивого и включенного развития. Включенное развитие (Inclusive Development) можно считать своего рода сквозной идеей 12-го плана, хотя и в предыдущем плане она была признана долгосрочной. В предисловии Плановая Комиссия рассматривает включенное развитие прежде всего как курс на вовлечение бедноты в процесс развития¹²⁴. Официально ниже черты бедности (ежемесячный доход на семью из пяти человек 3900 рупий в сельских районах и 4800 рупий в городах) проживает 29.8% населения страны, 350 млн. человек. При этом отмечено, что приводимые цифры, видимо, не полностью учитывают реальные масштабы бедности, а темпы её снижения в ходе планов недостаточны.

Среди 25 базовых задач 12-го плана, решение которых должно способствовать реализации включенного развития, Плановая комиссия обозначила прежде всего рост ВВП на 9% в год. Этот показатель, разбитый по отраслям экономики, выглядит не столь амбициозно – исходя из среднего показателя роста ВВП в 11-м плане 7.9% в год, ориентиром названы 8.2%. Но с учетом снижения темпов роста в последние годы задача представляется завышенной. Не менее трудна поставленная цель создать 25 млн. рабочих мест за пределами аграрного сектора, в услугах и промышленности. Давление на рынок труда усиливает растущая урбанизация, хотя пока ещё доля городского населения Индии не превышает 30%, что ниже показателя большинства развивающихся азиатских стран¹²⁵. Общие принципы планирования и роли секторов продолжают тенденции, присущие плановой политике страны – при всей важности аграрного сектора, основной сферы занятости (67- 70% всего работающего населения), его ежегодный рост намечен в 4% (средний показатель в предыдущие пять лет 3.3%). Обрабатывающая промышленность, неизменный фаворит индийских планов, в 12-м плане выглядит довольно скромно. Сказалась неравномерность производства, его ошутимое падение на исходе предыдущего плана (при среднегодовом показателе 6.9% снижение доходило до 3.9%). За первое десятилетие XXI века чистый рост занятости в этой отрасли составил примерно 6%, что не превышает 11% всей зарегистрированной занятости в отрасли. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП Индии (15%) – ниже, чем в большинстве развивающихся стран Азии. Плановая комиссия признает, что задача создания сильной обрабатывающей отрасли не была решена в предшествующие годы. Её рост до 10% в год ожидается не ранее 2015-2017 гг. Зато устойчиво высокими темпами развивается сфера услуг (9-10% в год), по праву считающаяся мотором экономического продвижения Индии.

Особого внимания заслуживают плановые ориентиры, намеченные для инфраструктуры. Практически нет ни одного правительственного документа как на федеральном, так и на уровне штатов, в которых бы не шла речь о её отставании, тормозящем рост всей экономики. Грандиозное ЧП летом 2012 г., когда более 600 млн. жителей Индии остались без электроснабжения, стал общенациональной катастрофой. Но и без такой чрезвычайной ситуации постоянная нехватка

¹²⁴ Government of India. Planning Commission. V.1,11,111. New Delhi, 2012.
<http://planningcommission.gov.in/>

¹²⁵ The National Bureau of Asian Research. December 2011.

энергообеспечения наносит огромный ущерб хозяйству, удорожает стоимость продукции. Поставлена задача довести долю расходов на инфраструктуру, включая сельскую, до 9% ВВП к концу 12-го плана по сравнению с 4,7% ныне. За счет этих средств намечается увеличить ирригационные площади на 10,3 млн. гектаров, обеспечить все деревни (640 тысяч) электроэнергией, снизив при этом на 20% расходы на её передачу, довести плотность телевизионной сети в сельских районах до 70%, связать их всепогодными дорогами.

Учитывая крайнюю отсталость, низкое качество дорожного строительства на сельской периферии и огромные пространства страны, постановка таких задач вызывает уважение. Но невольно возникает вопрос, насколько решаемы эти задачи в пятилетний срок. Опыт планового строительства, и не только Индии, свидетельствует, что поставить цели намного легче, чем их реализовать. Ни один из существовавших планов, а их во второй половине XX века насчитывалось более 300, не был выполнен полностью по натуральным или финансовым показателям.

Масштаб инвестиций в инфраструктуру Индии, (порядка триллиона долларов), напрямую зависит от взаимодействия государственного и частного партнерства (Public -Private Partnership,). Доля частных инвестиций в инфраструктурные проекты выросла с 22% в 10-м плане до 38% в 11-м и, как ожидается, составит 48% в 12-м. По оценке Азиатского банка развития, Индия достигла заметных успехов в осуществлении проектов на основе такого партнерства. Плановая Комиссия особо отмечает, что Индия богата предпринимательскими талантами, в стране каждые 10 лет создаются 8 млн. несельскохозяйственных предприятий, в основном малых и средних. Их поддержка соответствующей средой развития в сочетании с ростом инфраструктуры повысит динамизм экономики и ускорит реализацию включенного развития. Этому должны также способствовать инвестиции в социальный сектор, в первую очередь образование, в котором также расширяется государственно-частное сотрудничество.

Уровень грамотности населения достиг к 2010 г. 74%. В стране насчитывается свыше 500 тысяч гражданских инженеров, а потребность в них достигает четырех миллионов. Образование занимает ведущее место в приоритетах большинства населения страны. Семьи тратят на обучение до 75% доходов, считая его залогом успехов детей в дальнейшем. Признавая достижения Индии в подготовке квалифицированных кадров, надо отметить появившиеся в этой области отрицательные тенденции на примере авторитетного Индийского института менеджмента в Ахмедабаде. Большинство его студентов, выходцы из городов, окончившие школы с хорошим английским языком и элитные инженерные колледжи, ревностно относятся к учебе как основы будущей карьеры. Большинство из них берут кредиты, чтобы заплатить за обучение – 28 тыс.долл. за двухгодичный курс. Но примерно треть студентов, получив диплом, уезжает за рубеж и лишь немногие намерены создавать своё дело в Индии. Кроме того, в сфере высшего образования ощущается нехватка высокопрофессиональных преподавателей и растет коррупция.

Опубликованный проект 12-го плана, наряду с несомненными успехами Индии, отражает сложность социально-экономических проблем страны, их масштаб и трудности решения. Планирование в Индии, при всех его сбоях, связанных с необходимостью реформирования отставшей экономики, преодолением неадекватности государственных структур, сопротивлением бюрократического аппарата, доказало свою жизнеспособность.

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ИНДИИ

Президентская избирательная кампания в Индии, завершившаяся 19 июля 2012 г. избранием основного кандидата на этот пост – Пранаба Мукерджи¹²⁶, претендует на то, чтобы занять совершенно особое место в современной политической истории Индии. Такое положение связано, в первую очередь, с заметным возрастанием роли и веса института президентства внутри политической системы страны в условиях сохраняющейся хаотизации жизни страны. Напомним: Индия – федеративная демократическая республика с парламентской формой правления, которая учреждалась согласно Вестминстерской системе¹²⁷ и как союз штатов. Основную роль в управлении государством играет фигура премьер-министра, назначаемого президентом, как правило, им становится лидер политической партии, имеющей большинство в Раджья Сабхе и Лок Сабхе (Верхней и Нижней палате Парламента Индии).

Вместе с тем, в ходе развития института индийского парламентаризма, сопровождавшимся заметным ростом влияния индийских правых националистических партий¹²⁸, а также усилением влияния многочисленных региональных партий на федеральном общегосударственном уровне Индийский национальный конгресс (ИНК) постепенно утрачивал свою доминирующую роль в политической системе страны. В ходе последних парламентских выборов победивший ИНК набрал менее 30% голосов избирателей пришедших на выборы, чему в немалой степени способствовал целый ряд объективных и субъективных факторов, таких, например, как череда коррупционных скандалов, связанных с действующим кабинетом и отсутствие привычного для ИНК харизматического лидера на посту руководителя партии. Не лучше обстоят дела в стане индуcских правых партий и, прежде всего, в рядах Бхаратия Джаната парти (БДП). Данные обстоятельства постепенно привели индийскую систему парламентаризма к положению неустойчивого равновесия, при котором ни один из векторов политических сил в стране не способен оказывать на нее определяющего воздействия. В текущих условиях ослабленной двухпартийности в Парламенте, шаткости и неустойчивости складывающихся коалиций тактических политических союзников значение института президентства многократно возрастает (но возрастает объективно), что постепенно осознают основные акторы индийского политического процесса, и на что нам недвусмысленно указывает накал прошедшей президентской кампании. Тенденция к усилению роли института президентства в Индии стала намечаться начиная с конца 1970-х гг. Однако, лишь в самое последнее время, в условиях дальнейшего ослабления позиций двух наиболее влиятельных партий Индии – ИНК и БДП, которые, например, в начале 2012 г. потеряли большинство в законодательных собраниях еще нескольких индийских штатов при одновременном усилении позиций таких крупных региональных игроков, как

¹²⁶ Пранаб Мукерджи – выдающийся индийский экономист, министр финансов в последнем правительстве, председатель Индийского института статистики, был министром иностранных дел страны.

¹²⁷ Для Вестминстерской парламентской системы государственного управления, в частности, исторически характерно наличие главы государства, имеющего лишь церемониальные и представительские функции.

¹²⁸ Прежде всего здесь следует упомянуть Бхаратия джаната парти (БДП – Народная партия Индии) – политическое крыло могущественного Раштрия сваямсевак сангх (РСС - Союза служителей нации). См. подробнее, например, Абрамов Д.Б. Коммунализм в современной Индии // МЭИМО - 2006. - N 1. - С. . 96-103.

Самаджвади партии (Уттар-Прадеш) и Тринамул Конгресс (Западная Бенгалия) выбор кандидата на пост будущего президента страны приобрел небывалое для Индии политическое значение. Сильная политическая фигура на посту Президента страны потенциально становится способна не только улаживать межкоалиционные конфликты и разногласия, выступая в качестве арбитра и тем самым оказывать весомое влияние на принятие наиболее значимых политических решений по самому широкому кругу вопросов внутренней и внешней политики государства, ранее находившихся полностью вне его компетенции. Так, например, выбор президентом того, кому будет поручено формирование нового кабинета и ряд других не менее ответственных решений может оказаться ключевым уже в условиях среднесрочной перспективы политической жизни страны.

Президент Республики Индия наделен важными политическими правами: распускать законодательные ассамблеи штатов, смещать правительства штатов, вводить так называемое прямое президентское правление, передавая власть в штате его губернатору, наделен также и рядом других важных политических функций. Вместе с тем жесткие конституционные ограничения во многом сводят роль главы индийского государства к выполнению церемониальных функций и утверждению решений правительства, рекомендациями которого он обязан руководствоваться в своих действиях. Согласно Конституции Индии, президент избирается на 5-летний срок коллегией выборщиков из 776 членов парламента и 4120 членов законодательных собраний штатов. Таким образом, предварительный расклад сил в коллегии заранее определен, что открывает простор для построения межпартийных коалиций и кулуарного политического торга. Помимо этого, сохранялась возможность для достижения консенсуса большинства, при котором возможно выдвижение консолидированной фигуры Президента.

Однако, в преддверии президентских выборов 2012 г. вопрос о консолидации двух основных политических оппонентов – находящегося у власти Объединенного прогрессивного альянса (ОПА) во главе с ИНК и Национального демократического альянса (НДА), ведомого БДП – не значился в повестке дня. Прежде всего потому, что место и роль, на которое могли претендовать правые силы в прошедшей президентской избирательной кампании априори было достаточно скромным, а задачи, которые им предстояло решать должны были носить локальный характер. Вместе с тем, положение дел в стане индусских националистов представляло значительный интерес. По меньшей мере два последних избирательных цикла у индусских правых дела обстояли не лучшим образом, позиции их оказались не столь сильны, какими несомненно являлись ещё десятилетие назад. Реальные рычаги политического влияния НДА – коалиции из двух десятков региональных партий, возглавляемых БДП в ходе текущей кампании – изначально представлялись весьма ограниченными.

Яркое доказательство непредсказуемости избирательной компании стало внезапное предложение последней выдвинуть кандидатуру действующего премьер-министра Манмохана Сингха как консолидированного кандидата в президенты.

В свою очередь индусские правые в лице БДП (Народная партия) готовились к предстоящему политическому торгу. Стоящий за БДП на почтительном отдалении влиятельный РСС (Союз добровольных служителей нации) счел за благо занять выжидательную позицию. Судя по косвенным высказываниям, просочившихся в прессу, БДП и РСС предпочитали дождаться официального предложения от лица Сони Ганди по кандидатуре на пост президента, вероятнее всего, – Пранаба Мухерджи, а затем лоббировать своего претендента на должность вице-президента. В таком случае, такой кандидатурой от НДА, по мнению многих экспертов, со значительно долей вероятности мог бы стать Джасвант Сингх.

Лишь незадолго до выборов было снято большинство неопределенностей с фигур кандидатов на этот пост. Прежде всего, как и предполагало большинство экспертов, им стал Пранаб Мукерджи, экономист с мировым именем, успешный министр финансов действующего на тот момент кабинета был выдвинут официальным кандидатом от Объединенного прогрессивного альянса (ОПА). Соня Ганди, как считает часть аналитического корпуса в Дели, не вполне доверяет новому президенту, но ведь и на дворе иные времена. Вместе с тем Пранаб Мукерджи пользуется поддержкой оппозиционных Конгрессу сил.

Победа П. Мукерджи была очевидна уже на момент его официального представления как кандидата на пост Президента. Не вызывало практически никаких сомнений, что его кандидатуру поддерживает значительно большая, нежели 50% доля выборщиков. Пост вице-президента в итоге сохранил за собой, вновь представленный на эту должность от ОПА семидесятипятилетний Хамид Мохаммад Ансари, занимающий ее с августа 2007 г.

Борьба между различными соискателями президентства происходила на фоне серьезных экономических трудностей, охвативших страну. Считается, что для Индии экономические трудности начинаются тогда, когда ежегодные темпы экономического роста падают ниже 7%. Это - четкая и реалистическая установка и правительства, и оппозиции; семь процентов, по мнению премьер-министра Манмохана Сингха, есть необходимый политический минимум, при котором индийское общество способно функционировать без заметных конфликтов. По нашим оценкам, опирающимся на данные Резервного банка Индии, оценки МВФ, прогностические расчеты всевозможных рейтинговых агентств, на 2012 год предполагались темпы роста на уровне 7-8%. Сейчас показатели составляют 6,5%, и нам представляется, что до конца 2012 года не удалось «нагнать», если так можно выразиться, недостающий один процент.

Подобное падение темпов роста является, по сути дела, катастрофичным для Индии, поскольку индийские элиты привыкли мыслить практическими категориями в отличие от политиков некоторых других стран. Однако этот кризис развивался достаточно давно. Здесь надо сделать акцент на деятельности партийно-политической системы Индии. Эта система в силу своей пластичности, особой роли Индийского национального конгресса (ИНК), постепенной диверсификации индийского общества, а также дробления ИНК всегда структурировала общественную жизнь в стране. Известный индийский журналист и социолог Пран Чопра уподобил социальную базу Национального конгресса поведению снега на развесистой русской ели в спокойную погоду: снег постепенно опадает, и ветки оголяются. Эти «ветки оголились», и Индийский национальный конгресс предстал в своем нынешнем, сильно ослабленном виде. К слову сказать, некоторые политические аналитики предсказывают Конгрессу довольно слабую поддержку и на парламентских выборах 2014 г. - 25-26%, не более.

На последних выборах 2009 г. Индийский национальный конгресс получил 28% голосов пришедших на участки избирателей. Позволим себе заметить, что обе главные партии, т.е. ИНК и БДП, слабы, прежде всего, на общеиндийском политическом пространстве. И вообще по законам политики любой страны, если речь идет о двухблоковой или двухпартийной системе, для сохранения стабильности в обществе необходимо иметь как минимум две трети голосов в сумме. Таков мировой опыт. Тогда можно привлекать союзников, манипулировать волей малых и средних партий, оказывать на них соответствующее эффективное давление.

Очевидно, что процесс дробления и диверсификации партийной системы в Индии начался с выборов 1967 года, когда ИНК потерпел первое серьезное поражение, но сохранил власть. С интервалом в десять лет обремененный

превратностями чрезвычайного положения Конгресс впервые лишился монополии на политическую власть в стране. Далее процесс дробления партийных сил и формирования новой системы претерпел определенное ускорение. К 2012-му году мы имеем так же, по сути, как и в 1996 году, правительство Объединенного фронта, правительство меньшинства. И никакие самые искусные политические маневры не в состоянии остановить фрагментацию социально-политических сил в обществе.

По сути, мы наблюдаем в современной Индии второй и третий этапы сложения новой партийно-политической системы. И в индийском случае траектория процесса перегруппировки сил заметно сложнее, чем это было в свое время в «просвещенной» Европе.

Казалось бы, первоначально все шло нормально, в правильном «европейском» направлении. Скажем, в Германии, Италии, Австрии существует или складывается если не двухпартийная, то двухблоковая система. И эта двухблоковая система более или менее удовлетворяет запросам основных групп населения. В Индии же, в отличие от европейских «стандартов», возникает более сложная и противоречивая картина.

В 2004 году произошло возвращение Индийского национального конгресса к власти. И в 2009 году ИНК остался у власти во многом благодаря тому, что наиболее активная, решающая часть избирателей, выходцев из среднего класса, решила, что от добра добра не ищут. Манмохан Сингх, несмотря на свой почтенный возраст, человек компетентный, и он знает лучше, что нужно индийской экономике, а соответственно, индийскому избирателю. Тогда было заметно, что двухблоковая система складывается с трудом. Тогда уже, т.е. на выборах 2009 г., было видно, что две крупнейшие партии имеют в сумме менее 50% голосов: 28 плюс 18. У Индийского национального конгресса - 28% и 18% у Бхаратия Джаната Партии (БДП), придерживающейся, условно говоря, националистически-консервативной ориентации. И в то же время на выборах 2004 года за региональные партии различного профиля было подано 37% голосов. Они, эти очень разные партии, в принципе могут между собой договориться и политически соединиться, но только - в некоем будущем. Во всяком случае, в 2009 году тенденция доминирования региональных сил была подтверждена, более трети избирателей не собирались голосовать ни за одну из крупнейших партий, так как эти партии их больше не удовлетворяли.

На этот счёт есть несколько иная точка зрения, принадлежащая одному из ведущих индийских публицистов М.Дж. Акбару. М.Дж. Акбар – видный интеллектуал, в свое время выпестованный Индийским национальным конгрессом и Индирой Ганди. Он предположил сразу после выборов 2009 года, что не стоит драматизировать внутривнутриполитическую ситуацию. В 2014 году, согласно мнению аналитика, наступит «полуфинальная стадия» развития партийно-политической системы, а уже на следующих выборах, в 2019 году, политические процессы войдут в заданную колею, и двухблоковая система достигнет своего логического «финала», т.е. начнет эффективно работать.

Однако не всё здесь зависит от логики развития самой партийно-политической системы. Чем дальше, тем требовательнее становятся индийские избиратели, и прежде всего underclass, т.е. все те слои и группы, которые в социальной структуре располагаются «ниже» среднего класса. Эти формирования в последние тридцать лет переживают в Индии процесс политической социализации, ускоренного политического развития. И они требуют своей доли в распределении совокупных ресурсов государства. Именно в этом состоит главная трудность для индийского политического класса. Потому что средний класс в Индии насчитывает 300 миллионов человек, а все остальные (за вычетом самых бедных), около 500

миллионов человек, – это и есть тот индийский underclass, который из состояния пассивности переходит в состояние организованной активности. Региональные и субрегиональные партии частично выражают интересы этой сложно организованной общности.

Положение данной части народа, ее социальный тонус и политическое поведение прогнозировать весьма непросто. В последнее время в Индии происходят сбои в процессе управления. С этими сбоями сталкиваются и российские компании, в частности МТС. Порой складывается впечатление, что решить ничего невозможно, ибо правительство хочет, обещает, но ничего сделать не может. Этот паралич управленческой деятельности во многом вызван новой важной тенденцией политической активизации индийских «низов» (около полумиллиарда человек). И наряду с этим объективно происходит укрепление института президентства, в чём выражает себя стремление влиятельных сил сохранить единство и территориальную целостность страны, укрепить «сверху» находящиеся в переходном состоянии важнейшие институты государства.

На наш взгляд, мы имеем дело с новым общественно-политическим процессом. Очевидно, этот процесс начался до драматических событий 1975 г., когда президент Фахруддин Али Ахмед стремился избежать введения чрезвычайного положения. Однако сила воли, авторитет, если угодно, пассионарность премьер-министра Индиры Ганди сделали свое дело. Тогда президент был вынужден уступить.

Наверное, второй этап развития института президентства наступил во время «легислатуры» Рамасвами Венкатарамана в 1987-1992 гг. В его пятилетнее пребывание у власти сменилось четыре премьер-министра: Раджив Ганди, Вишванат Пратап Сингх, Чандра Шекхар, Нарасимха Рао. Для Индии как страны с устойчивой (по любым меркам) партийно-политической системой это было делом неслыханным. И, естественно, насколько он мог, а он работал в профсоюзном движении и имел опыт согласования интересов, Р.Венкатараман пытался уже тогда выступать посредником между различными социально-политическими силами и представляющими их партиями. Некоторые политологи уже тогда высказывали мнение об институте президента как о факторе «баланса общественных сил в условиях возрастающей политической раздробленности».

В начале 1990-х гг. начался период экономического роста. Реформы Монмохана Сингха сделали этот рост устойчивым, и к началу 2000-х гг. его показатели достигали 7-8%, а иногда и поднимались до 9% в годовом исчислении. Энергичный экономический рост на время заморозил социальные конфликты в индийском обществе. Тем не менее сейчас в Индии налицо диверсификация частнособственнических классов и рост противоречий капиталистического развития, сглаживавшихся на какое-то время экономическим ростом (явлением не вечным даже в Японии и Китае).

В связи с этим возникает вопрос: почему премьер Манмохан Сингх неизменно ориентируется на цифру 9% экономического роста? Потому что девять - это семь процентов плюс два. И потому что, по расчетам многих ведущих экономистов, для обществ переходного типа минимальные (политически безопасные) темпы роста должны быть никак не ниже 7% в год. (Справедливость этого положения доказана примером Египта до революции 2011 года). Когда этого нет, ситуация становится драматичной. В Индии острота внутривнутриполитического кризиса усугубляется действием следующих факторов.

Во-первых, есть определенное желание части «верхов» сменить правительство, тем самым возложив неизвестно на кого ответственность за испытываемые Индией противоречия развития, возникшие в силу чересчур бурного

(а по мнению критиков слева - «безрассудного») включения в мировую экономику. Многие проблемы и противоречия, которых ранее Индии удавалось избегать благодаря, как писали признанные знатоки стратегий развития Лев Рейснер и Глорий Широков, опоре на собственные силы, теперь проявляются открыто и в остро драматической форме.

Во-вторых, неизбежен вопрос о взаимоотношении институтов президента и премьер-министра. Не произойдет ли дублирование их функций? Как они будут взаимодействовать в условиях продолжительного замедления темпов экономического роста? Эволюционный характер реформ, возможный при инерции высоких темпов экономического роста, в настоящее время уже невозможен. Надо понимать, что любая реформа – это удар по интересам больших групп населения. Спрашивается, кто в индийской элите готов сейчас, в преддверии парламентских выборов 2014 года, рисковать своей политической карьерой? Отсюда и ситуация ожидания, характеризующая общественную ситуацию в стране. Неудивительно, что лидеры индийской оппозиции, готовы, кажется, «отдать» Индийскому национальному конгрессу институт президентства с тем, чтобы возложить на ИНК ответственность за будущие реформы и их неизбежные социальные последствия. А затем, в 2014 году, переиграть Индийский национальный конгресс на всеобщих парламентских выборах.

В-третьих, кто бы ни стал новым президентом Индии, это должен быть человек опытный, пользующийся авторитетом в различных социально-политических кругах. Можно не сомневаться, что индийский политический класс проявит здесь свойственный ему здравый смысл. Новая кандидатура будет соответствовать новой роли института президента в обществе, и на этого человека падет все бремя ответственности за продолжение реформ, за восстановление искомого значения («семь плюс два») экономического роста.

Всеобщее внимание, которое в стране было приковано к президентским выборам, явно свидетельствует о возрастании роли данного института в политической жизни страны. Любопытно в этой связи узнать, какое воздействие новоизбранный президент будет оказывать на формирование внешней политики Индии. В нынешних сложных для Индии экономических условиях подобный вопрос отнюдь не формальный, поскольку премьер-министр Манмохан Сингх целиком и полностью занят восстановлением энергичного экономического роста, напрямую влияющего на политический тонус индийского общества. Так, впрочем, было всегда, т.е. с возвращения Индийского национального конгресса к власти в 2004г., поэтому не менее интересным представляется еще один вопрос: какой институт политической системы Индии, в конечном счете, отвечает за формирование внешней политики страны? Попутно возникает частный, но также принципиальный вопрос: а не действует ли внутри институтов «крупнейшей демократии мира» скрытый от глаз общественного мнения некий «внеконституционный центр власти», медленно, но верно ревизирующий «курс Неру» (естественно, под видом «обновления» и «приближения к реальностям XXI века») в его весьма важной, внешнеполитической, ипостаси

Ретроспективный взгляд на эволюцию внешнеполитического курса Индии показывает: пересмотр базовых установок в отношении положения страны в мировой политике начался после всеобщих выборов 2004 г., которые вернули Конгресс к руководству государством. Представляется, что постепенный пересмотр «курса Неру» в его внешнеполитическом измерении происходил (и происходит) под влиянием двух основных общемировых тенденций, как их понимает внешнеполитический истеблишмент Индии. Во-первых, сохранение за США (несмотря на продолжающееся относительное и абсолютное ослабление)

экономического и военно-технического преобладания над остальными странами. (Переход человечества к полицентрическому («пост-американскому») миру весьма точно зафиксирован внешнеполитической мыслью США: так, один из авторитетных экспертов, научный руководитель аналитического центра “Stratfor” Джордж Фридман именует Америку «единственной глобальной державой», что продолжает критическую традицию, заложенную Уолтом Ростоу, полагавшим Соединенные Штаты не столько «сверхдержавой», сколько «страной критической массы» для мирового развития.) Во-вторых, энергичное возвышение Китая (опирающееся на более чем 30-летний форсированный экономический рост), превращение Поднебесной в новую мировую державу, в новую «страну критической массы» в мире начала третьего тысячелетия. Силы, стремящиеся ревизовать «курс Неру» во внешней политике, используют в своих целях фактор исторической памяти индийцев, т.е. тяжелые воспоминания о пограничном конфликте двух стран осенью 1962 г. Помимо этого, пересмотра «курса Неру» добиваются индийская община в США (более 3 млн. человек), верхушка частно-корпоративного сектора Индии и наиболее «продвинутой» (т.е. ориентированной на Запад) часть индийского среднего класса. Деятельность данного политического «симбиоза» уже заметно влияет на принятие принципиальных политических решений: общей переориентации на США внешнеэкономической стратегии Индии (предлагаемой общественному мнению как «полноценная интеграция в мировую экономику»); подписания индийско-американского «ядерного соглашения» (по мнению критиков справа и слева, подрывающего политический суверенитет государства и к тому же не принесшего желаемых результатов); смену вектора военно-технического сотрудничества в направлении США; стратегического союзничества с Америкой в «сдерживании экспансии» основного кредитора последней – Китая в АТР («союз четырех демократий» - Соединенных Штатов, Японии, Австралии и Индии). (К слову сказать: экономические перспективы Японии и Австралии в значительной степени зависят от отношений с КНР.)

Однако внешнеполитическая проблематика пока по-настоящему не стала предметом внутриполитических дебатов в Индии. Не будем забывать, что политика, как принято говорить в Индии, - это игра больших чисел и с большими числами. Легко догадаться: «большие числа» - это социально-политические силы, «низы» трансформирующегося сословно-иерархического общества, которые только-только начинают переходить в состояние организованной политической активности. Помимо этого, и левые и правые настаивают на том, что Индия должна сохранять «привилегию» самостоятельно принимать внешнеполитические решения, делать это на основе общенационального консенсуса, а не в интересах отдельных групп населения и влиятельных лиц.

Итак, какая же внешнеполитическая доктрина идет на смену «курсу Неру»? Отметим сразу: альтернативная парадигма внешней политики у индийских «верхов» отсутствует; можно лишь говорить об отдельных представлениях, которым часть внешнеполитического истеблишмента пытается придать статус альтернативной концепции.

Первое: США и Индия реально опасаются растущей активности Китая, тем более что КНР является главным кредитором Америки и якобы готова конвертировать свое геоэкономическое влияние в геополитическую экспансию, угрожающую интересам обоих государств. Подобное положение, согласно расчетам части индийской элиты, создает «геополитическую конвергенцию» (геополитический союз? – А.В.) Америки и Индии.

Второе: происходит трансформация политического мышления нескольких влиятельных групп индийского общества в отношении Соединенных Штатов (правда

эти группы, как уже отмечалось, не составляют большинство индийского общества), что должно сближать оба общества на базе общности «демократических ценностей», экономических интересов и стратегического видения общемировой ситуации.

Третье: отношения со слабеющей Америкой позволят Индии качественно повысить геополитический статус страны в мировой политике, до уровня одного из наиболее влиятельных центров нынешней международной системы. Некоторые внешнеполитические аналитики полагают, что этого удастся добиться без ущемления государственного суверенитета Индии. Так, бывший заместитель министра иностранных дел и впоследствии посол Индии в России Канвал Сибал, в частности, пишет: «Сформировавшаяся модель отношений Индия-США будет отличаться от отношений Америки с Британией, Японией или Францией. Индия не является, в отличие от Соединенного Королевства, историческим союзником Америки или ее капризным партнером, подобно Франции; наша безопасность, в отличие от Японии, не зависит от благорасположения США. В двусторонних отношениях Индия будет стремиться к максимальной независимости в принятии [внешнеполитических] решений и одновременно добиваться совместимости с [интересами] США. Это будет уникальная модель [двусторонних отношений], в которой Индия останется самостоятельной сущностью (*sui generis* – A.B.), тогда как Соединенные Штаты сохранят веру в свою исключительность». (“The eventual India-US model of partnership will neither be that of US-Britain, US-Japan or US-France. India is neither a historical ally like the UK nor is it a fractious one like France, and it is not security dependent as Japan. India will seek to maintain its independence in decision-making as much as possible but also seek convergence with the US. It will be a unique model as India is *sui generis* and US believes in its own exceptionalism”.)

Позволим себе небольшой комментарий к высказыванию уважаемого у нас в стране человека и оригинального политического аналитика. Во-первых, подобная «уникальная модель» в отношениях с Америкой проходит апробацию далеко не впервые. Генерал Ш.де Голль в свое время пытался внедрить подобные принципы во француско-американские отношения. Эти попытки, как известно, закончились выходом Франции из военной организации НАТО. В настоящее время политика Франции в отношении Америки определяется значительным ослаблением геэкономических и геополитических позиций этой страны в последние десятилетия, что позволило некоторым французским аналитикам определить Пятую республику как «стратегическую ненужность» (“strategic irrelevance”) в мире XXI века. Стоит ли поэтому удивляться снисходительности американцев по отношению к некоторым «эксцентричным» высказываниям бывшего президента Франции Н.Саркози? Насколько реален «стратегический диалог» (т.е., по определению, равноправное партнерство) в отношениях с Россией, показывает печальная судьба «перезагрузки», использованной американской стороной для извлечения односторонних преимуществ из двусторонних связей. Наконец, реальный «стратегический диалог» США вынуждены вести с Китаем, который действует по простому и понятному принципу «он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог». Видимо, по этому пути двинулась, наконец, и Россия. Стоит вспомнить опыт и самой Индии: Джавахарлал Неру, не только искусный политик, но и крупный мыслитель XX века, отлично сознавал значение опоры на собственные силы и интеллект нации при осуществлении действенного внешнеполитического курса.

Во-вторых, нелишне и замечание общего порядка, относящееся к оценке внешней политики Индии в целом. «Сирийский кризис» высветил зависимость Индии от благорасположения «нефтяных монархий» Персидского залива, руководимых Саудовской Аравией (в регионе работают около 6 млн. индийцев, которые переводят

в страну не менее 20 млрд. долл. ежегодно). С одной стороны, прагматическая политика отвечает текущим экономическим интересам Индии. С другой – эта политика ориентирована на ближние цели, тогда как стратегия внешнеполитической деятельности «незаметно» растворяется в многочисленных сиюминутных решениях и действиях на основе компромисса в ущерб долгосрочному геополитическому видению мировой политики. В подобных условиях рассуждать о «программной» стратегии, идущей на смену «курсу Неру», едва ли реалистично.

В-третьих, в России внимательно наблюдают за эволюцией внешней политики Индии. Промежуточным итогом размышлений на данную тему стало появление в неофициальном дипломатическом обиходе термина «шероховатости», характеризующего текущее состояние двусторонних отношений. Логическим продолжением этой тенденции стало более четко выраженное соположение двух сверхкрупных стран – Китая и Индии – в системе внешнеполитических приоритетов России. Так, если отношения Россия-Индия по-прежнему характеризуются как «стратегическое партнерство», то отношения нашей страны с Поднебесной поставлены на ступеньку выше – в них присутствует начало «доверительности». Видимо, в Москве решили сделать небольшую паузу, во время которой отечественная дипломатия сможет профессионально оценить сдвиги во внешней политике Индии со стороны их содержания, качества и «векторной» направленности.

Индия всегда была важнейшим геополитическим партнером России. Нынешние «шероховатости» в двусторонних отношениях, думается, явление временное. В этом нас убеждают и мощная инерция преемственности в наших отношениях, и прочные демократические традиции индийского общества.

А.Г. Володин

ПЕРЕНЕСЕННЫЙ ВИЗИТ

В дипломатической среде некоторое время функционировали слухи об отмене/переносе визита Президента России в Индию осенью 2012 г. Причины назывались разные, включая медицинские, объединяя тем самым в причудливую «коалицию» Индию, Пакистан и Турцию (в последние две страны также планировались визиты, примерно в это же время). Впрочем, об этой стороне официальных визитов мы не узнаем никогда, поскольку издревле умение хранить тайны такого рода выступает важным элементом/признаком государственности.

Официальные визиты уже давно стали неременным атрибутом межгосударственных отношений. Однако любой уважающий себя руководитель, ищущий поддержки у своих избирателей и у своего народа, ревностно следит за тем, чтобы государственные визиты были наполнены экономическим и политическим содержанием – договорами, соглашениями, меморандумами о стратегических намерениях и проч. В наших отношениях с Индией мы уже привыкли к подобной практике, тогда как отступление от нее может вызвать вопросы о содержании наших двусторонних отношений, у истоков которых, как известно, стоял Джавахарлал Неру.

К слову сказать, тот геополитический союз, который формировался усилиями руководителей СССР и Индии, поступательно укреплялся именно договорами и соглашениями, а не только взаимным благорасположением лидеров двух стран. В сущности, продолжением такого рода содержательной, стратегической линии явился назначенный на начало октября 2000 года визит Президента России в Дели в формате «стратегического партнерства».

Однако визит Президента России в Индию был отложен, что, как можно предположить, раздосадовало наших индийских партнеров. Могут возразить: но ведь договоренность о проведении ежегодных российско-индийских встреч на высшем уровне не нарушена, и визит был просто перенесен на конец года. Однако, как представляется, отсрочка визита может вновь оживить в Дели разговоры об устойчивости «восточного вектора» российской внешней политики вообще, индийского направления – в частности. Такое сомнение в концептуальной переориентации российской внешней политики в восточном направлении уже высказал один из наиболее, на мой взгляд, авторитетных аналитиков Индии М.К.Бхадракумар. Хотя вряд ли можно согласиться с таким подходом. И вот по каким причинам.

Во-первых, рискованно делать подобные прогнозы на основании суждений российских политиков и политологов, отстаивающих свои личные пристрастия и втайне лелеющих мечты о «добровольном» признании Западом долгосрочных интересов и самостоятельной российской геополитической идентичности. Помимо этого существуют объективные мирополитические процессы, и эти процессы свидетельствуют о прогрессирующем ослаблении гегемонистских потенций Запада во главе с США, что российские «верхи» вынуждены учитывать в своей деятельности.

Во-вторых, действительно, устойчивость «восточного вектора» во внешней политике России ставится под сомнение многими отечественными специалистами и экспертами. Но решение главной задачи страны – сохранения единства и территориальной целостности России – попросту невозможно без форсированного развития Сибири и Дальнего Востока.

В-третьих, распад «униполюса» (т.е. однополярного мира под эгидой США) не сопровождается, как и предполагалось, автоматическим становлением полицентричного мира. Этот процесс, по-видимому, займет не менее десятилетия. Поэтому на обозримый период важнейшей особенностью организации мировой политики останется принцип «свободной геометрии» («loose geometry») международных отношений, т.е. гибкое объединение государств на неидеологической основе совпадения текущих интересов. Что касается Индии и России, то обе страны, сохраняя верность идеям полицентричного мира, в двусторонних отношениях жестко отстаивают свои государственные интересы (которые не всегда совпадают), что и дает повод некоторым специалистам и журналистам драматизировать – порой не очень убедительно – существующие между Россией и Индией разногласия, естественные для всех времен и народов.

Эти разногласия касаются прежде всего российско-индийских внешнеэкономических отношений, переговоры по которым требуют от обеих сторон большого терпения, выдержки и такта. Подписывать «сырые» документы ни в Москве, ни в Дели не привыкли. Поэтому нам необходимо научиться ждать и надеяться на то, что долгожданный визит Президента России в Индию будет результативным и что в ходе поездки будут подписаны важные документы – договоры и соглашения, создающие новые возможности для восходящей динамики двусторонних отношений.

Наконец, любое рассуждение на тему дипломатии, чтобы быть профессионально фундированным, должно непременно включать в себя анализ внутривнутриполитического контекста внешнеполитического поведения страны-партнера. Так: в начале осени 2012 г. в Индии происходила серьезная перестройка федерального правительства с «прицелом» на всеобщие выборы 2014 г. В сложившейся ситуации визит Президента России в начале ноября с.г. мог бы

оказаться невольным вмешательством во внутривнутриполитические процессы в Индии, что, естественно, нежелательно.

Хотелось бы отметить еще одно обстоятельство концептуального характера, непосредственно относящееся к будущему российско-индийских отношений. Миром начала третьего тысячелетия управляют определенные законы. И один из этих законов устанавливает прямую связь между геополитическим влиянием государств и научно-техническим потенциалом их экономики, способностью народнохозяйственного комплекса оперативно и эффективно решать самые сложные задачи, от чего напрямую зависит положение данной страны, включая Россию, в мировой системе. Мы должны этот закон постоянно держать в уме, соизмеряя свои действия с динамикой быстро меняющегося мира. И тогда нам не будут страшны ни прерванные визиты, ни «безбрежная гласность», широко используемая нашими и индийскими журналистами.

Тем более, что в декабре 2012 г. визит В.В. Путина в Индию состоялся. Были подписаны запланированные соглашения, включая военно-техническую сферу. Не все задуманное было реализовано. Однако «дорожная карта» нашего сотрудничества все более наполняется конкретным содержанием. В целом, наши государства делают многое на данном направлении. Тогда как все больше вопросов возникает к бизнес-сообществам обеих стран.

А.Г. Володин

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПАКИСТАНЕ

Намечавшийся, но не состоявшийся визит президента России в Исламскую Республику Пакистан в октябре 2012 г. заставляет задуматься о перспективах возвращения нашей страны в Центральную Евразию. Это особенно важно в свете эвакуации западного экспедиционного корпуса из Афганистана и необходимости «пост-американского» урегулирования на пространстве региона АфПак. Однако в этом контексте необходимо, по крайней мере, освободить территорию Пакистана от террористических организаций.

Терроризм стал, пожалуй, главным и наиболее деструктивным феноменом в современном Пакистане. «Скорбный список» жертв террористических актов в этой стране растет стремительно: со 164 в 2003 г. до 40 тыс. погибших в результате действий террористов в 2011 г. По официальным данным, ущерб, нанесенный Пакистану в 2000-2011 гг., составил более 70 млрд. долл.. Однако признание терроризма в качестве основной угрозы единству и территориальной целостности Пакистана со стороны высших должностных лиц этой страны кардинально не изменило ситуацию к лучшему: террористическая деятельность в Исламской Республике приобретает устойчивую инерцию.

Истоки терроризма в Пакистане исследователи различных направлений связывают с политикой исламизации, проводившейся военным правителем Пакистана генералом Зия-уль-Хаком в годы его правления (1977 – 1988). Важным элементом зарождавшейся тогда террористической деятельности стало прямое участие Пакистана в военных действиях в Афганистане и фактическое формирование военных подразделений моджахедов, которые составили значительную военно-политическую силу по окончании боевых действий сначала в Афганистане, а затем в Пакистане. В настоящее время военизированные группы моджахедов представляют собой реальную опасность пакистанскому государству – ликвидацией (порой немотивированной) гражданских лиц, нарушением

коммуникаций между институтами государства, «парализацией» процесса административного управления на местах, в провинциях Республики.

В настоящее время у официальных властей Пакистана, как и у общества в целом, отсутствует ясное понимание стратегии и тактики борьбы с терроризмом. Известный американский аналитик Джордж Фридман считает, что Пакистан вообще утратил траекторию движения в будущее. Столь жесткая оценка находит, к сожалению, свое подтверждение в хаотизации общественно-политической жизни страны, в уклонении армии, являющейся ведущей социальной силой в Пакистане, от вмешательства в экономические и политические процессы, в разрегулированности административно-хозяйственной деятельности, в неспособности политических партий воздействовать на политический процесс в стране и т.д. В условиях отсутствия регулирующих общественную жизнь и деятельность экономических, политических, финансовых и социальных институтов «институциональный вакуум» обычно заполняют организации негосударственного происхождения. В случае Пакистана – это террористические структуры.

Среди экспертов в области государственного управления Пакистан принято рассматривать как «государство-маятник», где в политической истории происходит своеобразное чередование военных и гражданских циклов. С уходом с президентского поста генерала Первеза Мушаррафа (что произошло не без влияния США, нарушивших данный цикл) в пользу политических партий, сдерживающий/диалектический центр политической борьбы был изъят из политического процесса, что сделало пакистанские партии, предоставленные воле элит, еще более институционально хрупкими и непредсказуемыми в своих действиях. Речь, в частности, идет о подмене отношениями личного характера реально существующих противоречий между социально-политическими программами Партии пакистанского народа, с одной стороны, и Мусульманской лиги – с другой.

Главная особенность современной Исламской Республики Пакистан – практическая несформированность среднего класса и, как следствие – неразвитость экономических, социальных и политических структур гражданского общества. Поэтому столь возросло в общественно-политической жизни Пакистана значение негражданских институтов и прежде всего террористических организаций.

В связи с желательностью прекращения деятельности террористических организаций на территории Пакистана исследователи рассматривают несколько вариантов эволюции общества Исламской Республики.

1. Политическая турбулентность. Ослабление ограничений чрезвычайного положения в Исламской Республике в результате действий Первеза Мушаррафа имело следствием повышение политической активности массовых слоев народа в Пакистане. Однако установленная таким, волевым, образом двухпартийная система не смогла решить экономические проблемы населения, а равно не обеспечила политическую стабильность в стране. Результатом данной двойной негативной тенденции, в условиях отстранения армии от политики, стало многократное умножение центров власти/принятия решений и, соответственно, разрастание антигосударственной/террористической деятельности.

2. Религиозный радикализм. Несформированность среднего класса, усиленная поляризующим эффектом несбалансированного развития Исламской Республики, вызывает политизацию доминирующей религии – ислама, выраженную в крайних формах ваххабизма, который в настоящее время делает практически невозможной регенерацию гражданского общества. В сложившихся условиях религиозный фундаментализм выступает замещением (пусть временным) идеологии

государственности и ее носителей – гражданского общества, политических партий, государственного административного аппарата и – даже – вооруженных сил.

3. Разрыв федеральной «ткани» пакистанского общества. С самого своего основания в 1947 г. Пакистан, в отличие от соседней Индии, отличался более «пористой» структурой отношений между основными территориальными единицами – провинциями: наличием «турбулентной» периферии, угрожающей единству и территориальной целостности Республики, сохранением серьезных внутренних противоречий в основных территориальных образованиях – Пенджабе и Синде. Ученые и эксперты единодушно отмечают: возможный «разрыв» федеральной «ткани» пакистанского общества реально предотвратить только систематической политикой развития, включающей в себя энергичный экономический рост (7% +), относительно равномерное (т. е. политически безопасное) распределение национального дохода между различными группами населения, максимально возможную занятость населения. Осуществить подобный национальный «проект» возможно только при условии полной консолидации элит и народа вокруг императивов развития, что в настоящий момент представляется делом весьма неблизкой перспективы.

4. Восстановление экономического потенциала Пакистана. Оно в конечном счете зависит от способности гражданского общества к самоорганизации, к индустриализации «периферийных» районов, к выработке общей формулы согласия и консенсуса поверх национально-этнических и партийно-политических «барьеров». Значительная роль в этом процессе принадлежит руководству вооруженных сил страны, лидерам политических партий и вождям племен Пакистана, включая белуджей и пуштунов. Также активное участие во внутреннем «умиротворении» Пакистана принимают соседи этой страны – «всепогодный» союзник Китай и основной «исторический» соперник Пакистана – Индия, которая, в силу внутренних законов своего экономического развития, все более заинтересована в налаживании экономической и социально-политической жизни в Пакистане. Важное значение в стабилизации внутренней ситуации в Пакистане мог бы сыграть юго-западный сосед этой страны – Иран*. Помимо этого, Иран и Пакистан выступают важными составляющими международного транспортного коридора (МТК) «Север-Юг», в скорейшем налаживании деятельности которого заинтересованы Западная Европа, Индия, Россия и – отчасти – Китай. (Причем в данном случае инвестиции Китая в народное хозяйство Пакистана, будучи неэкономическими по своему происхождению, будут иметь исключительно геополитический характер.) В свою очередь, правящие круги Пакистана в сложившихся экстраординарных условиях не имеют иной альтернативы, кроме проведения своей, пакистанской «кемалистской революции», т.е. преобразований, воспроизводящих «турецкий путь развития» 20-30-х гг. XX в., разумеется, с коррекцией на международный и внутренний контекст положения Пакистана начальных десятилетий XX в.

Стратегия развития Пакистана на ближайшие два десятилетия будет неизбежно ориентирована на решение следующих задач:

- формирование общенационального консенсуса по макроцелям и задачам развития – видимо, под руководством наиболее современной и внутренне организованной силы – пакистанской армии;

- формулирование базовых средне- и долгосрочных целей страны – развития (экономический рост, адаптированный к энергичным социо-демографическим процессам в обществе, т.е. 7% +, относительно равномерное/политически безопасное распределение национального дохода среди различных групп

* Как известно, более 20% мусульман Пакистана составляют шииты, на которых Иран имеет определенное влияние.

населения, максимально возможная занятость) и выравнивания социально-экономического и социо-культурного развития «центра» (провинций Пенджаб и Синд) и «периферии» – по сути дела, всех остальных провинций и территорий страны.

Если «кемалистский проект» в его пакистанской редакции не будет осуществлен (или хотя бы начат) в кратчайшие сроки, то страну ожидает новая волна террора, жестокого и бессмысленного. Факторы неминуемого обострения террористической деятельности в Исламской Республике Пакистан можно представить следующим образом.

Во-первых, нарастает разбалансированность развития народного хозяйства Пакистана, что выталкивает подавляющее большинство 190-миллионного населения страны за черту бедности (1 долл. США в день) и делает его «добычей» всевозможных групп террористического профиля, религиозных либо просто сектантских.

Во-вторых, террористическая деятельность резко снижает привлекательность Пакистана как важнейшего транспортного «хаба» Центральной Евразии, заставляя потенциальных инвесторов искать иные точки приложения своих капиталов (Иран, Центральная Азия и т.д.).

В-третьих, продолжение в Исламской Республике антигосударственной и антиобщественной террористической, деятельности не только реально снижает международный статус Пакистана, но и порождает соблазн у некоторых членов «мирового сообщества» «защитить от террористов» ядерный арсенал этого государства или провести нечто наподобие «гуманитарной интервенции». Последняя может оказаться политической реальностью в случае сохранения на прежнем уровне или интенсификации террористической деятельности в Пакистане. В настоящее время там действуют многочисленные террористические организации, которые эксперты американского Совета по внешней политике классифицируют по пяти главным, осевым признакам:

- сектантские формирования, находящиеся во враждебных отношениях с другими группами и постулирующие свою исключительность на поле внутрирелигиозных отношений, политической и террористической деятельности; в их разряд входят Суни Сипа-э-Сахаба, Лашкар-э-Джангви, а также Техрик-э-Джафрия (все эти формирования действуют исключительно на территории Пакистана);

- антииндийские группы, такие как Лашкар-и-Тайба, Джайш-э-Мухаммад и Харакат уль-Муджахеддин (одной из важных территорий их базирования выступает пакистанская часть Кашмира);

- афганский Талибан, который, как полагают военные эксперты, возглавляется муллой Мухаммадом Умаром и имеет штаб-квартиру в Кветте;

- аль-Каида и аффилированные с ней структуры располагаются в зоне проживания племен на «периферии» Пакистана и имеют «дочерние» организации, занимающиеся терроризмом в Узбекистане, Ливии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая;

- пакистанский Талибан образуют террористические группы, руководимые Хакимуллой Мехсудом в Южном Вазиристане. Их задача – контроль над территорией племени Мехсуд и родственных ему образований.

Отмечается слабая координация действий различных террористических образований, что создает дополнительные факторы риска, как для местных жителей, так и для иностранцев на территории Пакистана. Так, по данным западных правозащитных организаций, с января 2009 г. по сентябрь 2012 г. в Пакистане в результате террористических актов погибли 8953 иностранных мирных жителей.

Исходя из всего этого, Россия в своих отношениях с Пакистаном должна руководствоваться следующими стратегическими принципами.

Во-первых, необходимо стимулировать всеми доступными средствами восстановление «ткани» гражданского общества в Пакистане, всячески поддерживая рост политических партий, гражданских ассоциаций, т.е. всех организаций, противостоящих террористическим группам. Во-вторых, целесообразно было бы усилить контакты с пакистанской армией как с ведущей социально-политической силой общества, способной удерживать Пакистан в состоянии единства и территориальной целостности. В этом смысле контакты с военными не будут противоречить улучшающимся связям нашей страны с гражданской властью Исламской Республики. И, наконец, в-третьих, стоит подумать о создании некоего консорциума «союзников» Пакистана. Он мог бы включать в себя Россию, Китай, Иран и, возможно, Индию. Целью такого объединения может стать восстановление экономического роста и развития Пакистана, что отвечает стратегическим интересам нашей страны и ее партнеров в Центральной Евразии.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

А.С. Прозоровский

ИНДОНЕЗИЯ ПРЕТЕНДУЕТ НА ЛИДЕРСТВО В ИСЛАМСКОМ МИРЕ

Седьмая сессия стран-членов Парламентского союза Организации исламского сотрудничества (ПСОИС), проходившая 24-31 января 2012 г. в Индонезии в Палембанге (столице провинции Восточная Суматра), по оценке специалистов стала важной вехой взаимодействия мусульманских стран. Центральное место в повестке дня этого международного форума занял вопрос о соблюдении гражданских прав в исламском мире. В мероприятии приняли участие делегации важнейших центров исламского мира – Саудовская Аравия, Турция, Пакистан, Иран, Ирак, Афганистан и Малайзия.

Тема защиты прав человека обсуждалась не только на сессии ПСОИС, но и позднее, в феврале, в Джакарте, где состоялось первое заседание Независимой постоянной комиссии по правам человека (НПКПЧ). Идея создания такого органа, который являлся бы аналогом Совета ООН по правам человека в мусульманском мире, возникла еще летом 2011 г. на 38-й сессии совещания министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества (ОИС) в Астане. Тогда же был определен состав комиссии и принят ее устав. В феврале же в Джакарту прибыли делегаты восемнадцати стран, среди которых шесть представляли арабские страны, шесть – Азию и шесть – Африку.

Правда, результаты работы седьмой сессии ПСОИС и НПКПЧ невелики. Никаких обязательных для исполнения документов на них не было принято. Решения НПКПЧ носят лишь рекомендательный характер. Однако для Индонезии все эти крупные международные мероприятия оказались удачным поводом, чтобы представить собратям по умме свое видение ислама, не носящего характер жесткой религиозно-политической доктрины, и укрепить свои имидж как бы нового лидера исламского мира. Надо сказать, что подобное позиционирование себя в качестве носителя современных подходов к построению исламского общества как в страновом, так и в глобальном масштабе, стало в последнее время характерно для Индонезии.

За первое десятилетие XXI в. страна прошла нелегкий путь. Азиатский финансовый кризис 1997-98 гг. привел к падению режима Сухарто и глубокому структурному кризису. Существовала реальная угроза гражданской войны и дезинтеграции. Все это было так или иначе преодолено, и на сегодняшний день можно сказать, что Индонезия более или менее выбралась из трудностей. В экономическом плане достигнут рост внутреннего потребления, составляющего порядка 57% ВВП. Доля эта растет в связи с ростом среднего класса. На экспорт (газ, уголь, биржевые товары) – преимущественно в Китай, Индию и Сингапур – приходится около 25% ВВП. МВФ и Всемирный банк прогнозируют, что к 2015 году рост индонезийской экономики может достичь 7–7,4%, и он будет оставаться устойчивым и мало зависящим от внешних факторов¹²⁹.

Есть успехи и в политической сфере. В стране проводятся прямые выборы президента, развиваются институт парламентаризма и многопартийность. В стране зарегистрировано свыше 70 политических партий, причем, по закону в числе их

¹²⁹ : <http://www.forbes.ru/investitsii/investitsii-za-rubezhom/81823-pritaivshiisya-drakon-indoneziya-manit-investorov>

учредителей доля женщин должна быть не менее 30 %. Определенная свобода предоставлена прессе.

О прогрессе страны говорит и то, что проблемы, представленные в пяти пунктах меморандума НПКПЧ и намеченные для совместного решения странами-участницами, в самой Индонезии достаточно успешно решаются. В частности это касается защиты прав женщин – не только в плане участия в политике, но и получения ими образования, ограждения их от домашнего насилия, а также допущения такой формы развода, при котором инициатором является женщина. Задачи, касающиеся развития демократии, многопартийности, свободы слова и печати также решаются. По другим пунктам, в частности, укреплению межконфессионального диалога, – ведется активная работа.

Особую значимость приобрел пункт, касающийся защиты прав мигрантов и их семей. Отправным моментом здесь стала казнь за убийство жены работодателя 54-летней индонезийской служанки в Саудовской Аравии летом 2011 г. До сих пор подобное случалось и не вызывало ни у кого в исламском мире особой реакции. Однако на сей раз индонезийская сторона заявила, что стране был нанесен моральный ущерб. Министр иностранных дел Марти Наталегава заявил протест в связи с тем, что Индонезию даже не проинформировали о судебном процессе и казни. Был отозван посол, введен мораторий на экспорт рабочей силы в Саудовскую Аравию, а напряженность в отношениях держалась несколько месяцев.

За время моратория в Индонезии развернулись выступления активистов за гражданские права. Интервью в СМИ с теми, кто вернулся из Саудовской Аравии, показали, что их расчеты на милосердие и взаимопонимание со стороны единоверцев-нанимателей не оправдались. Они подвергались жестокой эксплуатации, избиениям и сексуальному насилию, им не платили зарплату, препятствовали возвращению на родину, порой не предоставляли даже время на совершение молитвы.

Сегодня в Саудовской Аравии работает около 1 млн. индонезийцев. Введение моратория принесло убытки Индонезии порядка 1,6 млрд. долл. и лишило дохода 1,5 млн. индонезийских семей. Однако, проявив твердость, Индонезия добилась того, чтобы во взаимоотношениях между мусульманскими странами началось соблюдение гражданских прав и норм. В итоге Саудовской Аравии пришлось направить специального посланника, для обсуждения смертных приговоров, вынесенных индонезийцам, работающим в этой стране. Таковых оказались десятки. Всего же из тюрем было освобождено и возвращено свыше 300 человек¹³⁰. Словом, Индонезия показала, что обладает достаточным политическим весом и способна в этом плане потягаться с одной из стран центра Исламской цивилизации.

О росте в исламском мире влияния Индонезии и ее модели развития, сочетающей умеренный ислам с демократией, свидетельствует заинтересованность таких стран, как Египет и Тунис, в изучении и освоении индонезийского опыта. Вообще, в последнее время в арабских странах заговорили о том, что Индонезия может служить для них удачным примером, что она является чуть ли не предтечей «Арабской весны» и толчком процессов, прокатившихся по странам Северной Африки и Ближнего Востока¹³¹. На уже упоминавшейся седьмой сессии ПСОИС спикер ОАЭ Мохаммад Ахмад Алмир заявил, что Индонезия является ведущей мусульманской страной в деле практического распространения демократического ислама в повседневную жизнь и представляет собой гордость исламского мира и пример для подражания для других членов ОИС¹³².

¹³⁰ <http://www.iimes.ru/?p=13626>

¹³¹ <http://www.islamrf.ru/news/culture/islam-world/19640/>

¹³² <http://www.ru.journal-neo.com/node/118817>

Внешней политике Индонезии, отстаивающей принцип сохранения баланса между активным международным сотрудничеством со всеми странами и строгим соблюдением своих интересов, подобные заявления придают дополнительный стимул. Похоже, что сегодня Индонезия, в дополнение к своим претензиям на региональное лидерство в рамках АСЕАН, пытается занять и ведущее положение на цивилизационном поле ОИС.

Однако чем дальше идет признание успехов индонезийского мусульманского сообщества, тем чаще у зарубежных и отечественных аналитиков возникает вопрос, насколько Индонезия реально в состоянии оказать позитивное воздействие на международную ситуацию и исламский мир? И не адресованы ли слова президента Юдойоно о том, что «Ислам способен идти рука об руку с демократией», не столько фундаменталистским странам Залива, сколько Западу, для которого в последнее время попытки реформировать исламский мир в соответствии с собственными интересами стали особенно свойственны? Очевидно, что роль нового глобального игрока и посредника между Западом и исламским миром может принести Индонезии определенные дивиденды, в том числе, поддержку Запада в этом посредничестве, что опять-таки выдвинет Индонезию на ведущее место в Исламском мире.

Вместе с тем планы индонезийской власти встречают определенное противодействие внутри страны. Главными оппозиционерами являются два ведущих объединения мусульман Индонезии «Нахдатул Улама» (НУ) и «Мухаммадия». По численности последователей, составляющей порядка 100 млн. человек, оба эти объединения можно уподобить средней мусульманской стране. Занимая на протяжении десятилетий умеренные позиции, «НУ» и «Мухаммадия» призывают власти ограничить внешнеполитические амбиции и уделить первоочередное внимание внутренним проблемам.

Подобная критика со стороны крупнейших мусульманских объединений звучит уже не первый год. Неоднократно высказывались опасения, что высшее руководство зачастую выходит на мировую арену с инициативами, превосходящими политические и экономические возможности страны, что может нанести ущерб репутации Индонезии. Назывались многочисленные внутренние проблемы, в частности, бедность, коррупция, недостаточная обеспеченность продовольственной и энергетической безопасности, нехватка толерантности, терроризм и другие. Состояние всех этих проблем обсуждалось в январе 2011 г. на встрече духовных лидеров пяти основных конфессий. А поскольку индонезийские власти часто заявляли о своих успехах в решении данных проблем, но улучшений не наблюдалось, к правительству был обращен призыв, дать объяснения по поводу «по крайней мере 18 случаев лжи»¹³³. Это событие получило широкий резонанс в стране, особенно и на окраинах, где упомянутые проблемы носят порой острый характер.

В последнее же время наметилось стремление ряда мусульманских объединений и организаций перехватить идею о том, что исламские ценности не противоречат общечеловеческим, и выйти с ней на уровень мировой уммы в обход власти и государства. Данное стремление выглядит особенно закономерным еще и потому, что именно такие объединения как «НУ» и «Мухаммадия», а не президент и правительство являются носителями умеренного ислама в Индонезии. Генеральный секретарь «НУ» Суманто Аль-Кутуби заявил о том, что объединения умеренных мусульман должны играть активную роль в разрешении мировых конфликтов, в особенности в отношении мусульманских стран¹³⁴.

¹³³ <http://www.islamrf.ru/news/culture/islam-world/19640/>

¹³⁴ <http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-27142.html>

Время покажет, как будет развиваться ситуация. Однако, уже сейчас видно, что в мире ислама наступает определенное размежевание. Традиционный центр исламского мира постепенно утрачивает свои позиции и влияние. Оставаясь пока еще достаточно консервативным и фундаменталистским, он испытывает все большее воздействие умеренно настроенной периферии. Для Индонезии же, относящейся к этой самой периферии, данный этап осложняется внутренней борьбой между политической и духовной властями за «руководящую роль» в деле продвижения и популяризации в рамках мировой уммы умеренного ислама, а также собственного опыта построения демократического мусульманского общества.

В.Ф. Урляпов

ИСЛАМСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В МАЛАЙЗИИ

Малайзия вступила в заключительную стадию подготовки к всеобщим выборам, которые должны состояться не позднее апреля 2013 г. Фактически начавшаяся предвыборная кампания отличалась повышенным ожесточением конкуренции между двумя политическими силами – правящим Национальным фронтом (НФ) и оппозиционным Народным блоком (НБ). Данное обстоятельство определялось тем, что итог предстоящих выборов имеет рубежное историческое значение для малайзийского общества. Он может ознаменовать конец более чем полувекового господства НФ на политической арене и предоставить шанс оппозиции возглавить и повести страну по альтернативному курсу.

В декабре 2010 г. НБ – коалиция Народной партии справедливости (НПС), Партии демократического действия (ПДД) и Пан-малайзийской исламской партии (ПАС) – обнародовал долгосрочную программу действий, получившую название «Оранжевая книга» (*Buku jingga*). Программа выступала альтернативой основным направлениям курса НФ, изложенным в Программе экономической трансформации, Новой экономической модели и Программе трансформации власти, и выдвинутым действующим премьер-министром Наджибом Разаком.

Магистральными целями оппозиции объявлялось формирование открытого демократического строя, основанного на главенстве народа, создание динамичной и эффективной экономики, поставленной на службу потребностям всего общества, господство социальной справедливости, гарантирующей взаимодействие и развитие прав и обязанностей граждан, проведение федеральной и внешней политики, основанной на принципах открытости и справедливости.

В более конкретном плане в программе целями НБ провозглашались:

- защита действующей конституции и ислама как официальной религии Малайзии при одновременной свободе исповедования других религиозных культов;
- защита роли и авторитета институтов конституционной монархии;
- поддержка малайского языка в качестве средства межнационального общения при одновременном расширении практики использования языков этносов, населяющих Малайзию, и английского языка в качестве средства международного экономического взаимодействия;

Помимо этого, в Оранжевой книге содержалась программа действий на ближайшие 100 дней после прихода коалиции к власти.

НБ сформировал «теневое правительство» во главе с неформальным лидером оппозиции Анваром Ибрагимом. Посты заместителей премьера были предоставлены председателям ПДД и ПАС – Лим Кит Сяну и Абдул Хади Авангу. На паритетной основе были распределены министерские портфели. Пост министра по

межнациональным отношениям и межконфессиональному диалогу был предложен духовному лидеру ПАС, главному министру штата Келантан Ник Азизу Ник Мату.

Будучи преимущественно малайской по национальному составу, ПАС выдвинула собственную программу действий «12 обязательств ПАС по созданию Новой Малайзии», адресованную главным образом коренному населению страны – «бумипутра». Примечательно, что в этом документе партия отмежевалась от лозунга обеспечения «превосходства малайцев» над другими этносами, которым активно жонглируют местные националисты - ультра, в пользу «превосходства народа» в целом и гарантий свободного развития всех граждан страны.

Со своей стороны, правящая коалиция рассматривала предстоящие выборы как шанс взять реванш за поражение на выборах 2008 г., в результате которых она потеряла абсолютное большинство в федеральном парламенте и контроль над четырьмя штатами Полуостровной Малайзии. «Предстоящие выборы станут вопросом жизни или смерти, триумфа или поражения в масштабах всей страны», – заявил 3 июня 2012 г. Мухииддин Яссин, вице-председатель НФ. Выступая перед активом Фронта, Мухииддин, являющийся также вице-председателем Объединенной малайской национальной организации (ОМНО), ядра НФ, и вице-премьером страны, подчеркнул, что в сложившихся условиях особую важность приобретает голосование буквально в каждом избирательном округе.¹³⁵

Объявленные кабинетом Наджиба Разака реформы в социальной и экономических сферах, в том числе широкообъемная программа строительства мультикультурного общества, на практике дали пробуксовку. Основные этнические компоненты (малайцы, китайцы, индийцы) продолжают жить отдельно, по собственным «национальным квартирам» под крышей общего коммунального дома.

За годы, прошедшие после выборов 2008 г., правительству не удалось переломить тенденцию прогрессирующего отчуждения между властью и электоратом, в особенности китайским. По результатам опроса, проведенного независимым исследовательским центром «Мердека» в мае 2012 г., разочарование в деятельности правительства испытывало 56 процентов китайцев, 30 процентов индийцев и 23 процента малайцев. Львиная доля китайского населения Малайзии, составлявшего около 6.5 млн. человек, окончательно перешла в стан оппозиции.¹³⁶

Одним из решающих факторов, повлиявших на позицию китайского меньшинства, стало появление политической альтернативы в лице штатов, перешедших в 2008 г. под контроль представителей НБ, включая Пинанг, крупнейший промышленный кластер Малайзии. Возглавляемое лидером ПДД Лим Гуан Энгом правительство штата сумело значительно оживить экономическую жизнь острова, расплатиться с долгами прежних властей и привлечь новые крупные инвестиции.

С другой стороны, Китайская ассоциация Малайзии (КАМ), ведущий партнер ОМНО по НФ, пребывала в состоянии стагнации, вызванной коррупционными и сексуальными скандалами, нескончаемыми склоками в партийной верхушке. Большинство местных наблюдателей сходились во мнении, что КАМ грозит новое жестокое поражение на предстоящих выборах.

На ситуацию, сложившуюся к началу нового электорального цикла, заметное влияние оказали глубокие сдвиги, произошедшие в ПАС, придерживавшейся прежде ортодоксальных взглядов. На состоявшемся в середине 2011 г. съезде потерпело поражение консервативное крыло, так называемая «фракция улемов». В то время как место президента сохранил Абдул Хади Аванг, авторитетный политик умеренного толка, на ключевые посты в партийном руководстве пришли

¹³⁵ GE13 'life or death' for BN, says Muhyiddin. <http://www.themalaysianinsider.com>. 03.06.2012

¹³⁶ Government losing Chinese support, putting reform at risk/ <http://themalaysianinsider.com>

«эрдоганцы», представители течения «политического ислама», названного так по имени турецкого премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана. Место первого заместителя председателя занял Мохаммад Сабу, зажигательный оратор, популярный среди малайзийских городских слоев. Священнослужители - улемы составили менее половины избранных членов Центрального комитета, все остальное досталось «прогрессистам» - представителям среднего городского класса.¹³⁷

Поражение на выборах потерпел бывший «номер два» в партийной номенклатуре Нашаруддин Мат Иса, сторонник создания правительства «национального единства» с НФ. Оно, в сущности, означало окончательный провал попыток найти точки соприкосновения с ОМНО.

Новое руководство ПАС выступило за решительное обновление политического курса, за поворот от идеи создания теократического государства к обществу всеобщего благоденствия, за терпимость и сотрудничество с другими конфессиями. Многие аналитики расценили смену вех в ПАС как событие, сравнимое с идеологической революцией и имеющее принципиальное значение для малайзийской «уммы». В то же время готовность к продолжению партнерства со светскими партиями в рамках НБ развеяла спекуляции, что в ПАС неизбежен раскол, а часть партии переметнется в стан правящей коалиции. Выступая на съезде, Хади Аванг заверил делегатов, что партия сплоченными рядами пойдет на выборы в едином строю оппозиции.

Кардинальная ревизия курса ПАС незамедлительно подверглась атаке со стороны провластных СМИ и организации «Перкаса», зарекомендовавшей себя бастионом малайских националистов – ультра. Они выступили с резкими нападками, что ПАС якобы предала учение ислама, пошла на поводу у светских политиканов, задумавших покончить с привилегированным статусом коренных малайцев-мусульман, развалить их кровное и религиозное единство. Один из видных активистов «Перкасы» заявил, что променяв идеалы исламского государства на государство благоденствия, ПАС в краткосрочном плане, возможно, привлечет дополнительные голоса местных китайцев и индийцев. Однако в долгосрочной перспективе новые лидеры партии окажутся на обочине политической жизни, утратив интерес к себе нынешних светских союзников.

Отвечая на выпады политически мотивированных критиков, Муджахид Юсуф Рава, один из новых вице-председателей ПАС, указал, что переход на платформу общества благоденствия, а точнее – «милосердного общества», не противоречит канонам ислама. В коренном понятии *исламской власти* содержится идея «милосердного государства, пекущегося о всеобщем благоденствии». Он подчеркнул также, что ПАС поставила целью реализацию модели, при которой личность займет первостепенное место, а правительство будет находиться у нее на службе. Такой подход, по его мнению, отражал зрелость партии, идущей нога в ногу с динамичной трансформацией малайзийского общества¹³⁸.

Особо следует отметить, что на протяжении 2009-2012 гг. ОМНО неоднократно пыталась расколоть оппозицию и этой целью зондировала почву для привлечения ПАС в правящую коалицию. Так, например, в 2010 г. она выражала готовность выделить ПАС от трех до пяти министерских портфелей в правительственном кабинете. Ответом на заманчивое «сватовство» послужила реплика духовного лидера ПАС Ник Азиза Ник Мата: «Мы не нуждаемся в таком количестве, нам достаточно одного поста – премьер-министра». В следующем году ОМНО предложила альянс во имя сохранения единства малайцев, на что ПАС

¹³⁷ A Malaysian political revolution. <http://www.asiansentinel.com>. 06.06.2011

¹³⁸ PAS tagets Malaysian middle ground, <http://www.atimes.com>. 10.06.2011

ответила, что для нее наиболее важным представляется единство малайцев и мусульман, в особенности – единство последователей ислама. Поэтому она считала желательным, чтобы ОМНО самораспустилась, а ее члены вступили бы в ПАС, являющейся исламской партией. В 2012 г. на предложение объединиться с ОМНО, ПАС предложила принять в НФ также своих партнеров – НПС и ПДД. По мнению Махфуза Омара, вице-председателя партии, предложения со стороны ОМНО поступают всякий раз, когда она начинает выдыхаться и «испытывать недостаток кислорода» в политической борьбе. Одновременно, если бы ОМНО сумела привлечь ПАС с ее многочисленной армией сторонников, она потеряла бы интерес к сохранению единства со своими нынешними партнерами по правящей коалиции – КАМ, ИКМ, Геракан и другими партиями¹³⁹.

В начале июня 2012 г., на массовом митинге под девизом «Зеленый сбор – вперед на Путраджаю», состоявшемся в Алор-Сетаре (штат Кедах), Абдул Хади Аванг указал, что в преддверии выборов необходимо убедить малайскую часть общества, что ПАС готова встать во главе государства и под знаменем ислама обеспечить коренным малайзийцам больший авторитет и уважение. Иными словами, партия должна окончательно зарекомендовать себя как реальная альтернатива ОМНО. Лидер ПАС заявил также, что главенствующей задачей партии выступает превращение средних городских слоев малайского общества в проводников коренных перемен в стране. Одновременно ПАС выразила готовность к расширению сотрудничества с немусульманским электоратом под лозунгом «ПАС открыта для всех»¹⁴⁰.

На общенациональном уровне НБ поставил задачу увеличить представительство в федеральном парламенте, а на региональном уровне – отстоять штаты Селангор, Келантан, Пинанг и федеральный округ Куала-Лумпура, вернуть утраченные Перак и Тренггану и значительно потеснить политических соперников в их цитадели: штатах Джохор, Мелака, Паханг и Негри-Сембилан. В начале июня 2012 г. генеральный секретарь ПАС Мустапа Али высказал мысль, что на сей раз «политическое цунами» по подобию 2008 г. должно прийти с Юга, имея в виду настрой оппозиции на завоевание Джохора и других штатов южной части Малаккского полуострова.

По некоторым прогнозам, на предстоящих выборах в федеральный парламент НБ может завоевать 90 мест в Полуостровной Малайзии, 7 мест в Сараваке и 3 места в Сабахе, НФ – соответственно 75, 24 и 19 мест. Для формирования правительства одной из коалиций необходимо завоевать, по меньшей мере, 112 мандатов.

По мнению малайзийского политолога Кристофера Фернандеса, хотя многие малайзийцы надеются стать свидетелями смены власти, о чем свидетельствует растущая популярность НБ, в силу консерватизма малайской части местного общества потребуются дополнительное время, чтобы она смогла в полной мере воспринять существование оппозиционного альянса, достаточно нового игрока на политической арене.

По-видимому, НФ сможет победить на ближайших выборах с минимальным перевесом, в основном благодаря сохраняющемуся перевесу в Восточной Малайзии. В полуостровной части правящий фронт, очевидно, добьется победы в своей традиционной цитадели – штатах Перлис, Тренггану, Паханг и Малакка и некоторых избирательных округах в других штатах.

НБ, как предполагается, укрепит позиции в Пераке, Пинанге, Кедахе и Келантане. Жесткое противостояние ожидается в Селангоре. В подвешенном

¹³⁹ What's there not to like about PAS? <http://www.freemalaysiatoday.com>.23.05.2012

¹⁴⁰ PAS sasar pertambah semua kerusi 2008. <http://www.freemalaysiatoday.com>.01.06.2012

состоянии находится ситуация в Негри-Сембилан и Джохоре. Что касается федеральных территорий, Куала-Лумпур останется под властью оппозиции, а Путраджая и Лабуан – под контролем НФ.¹⁴¹

Ощущая шаткость положения, правящая коалиция НФ/ОМНО не оставляла попыток внести раскол в ряды НБ, концентрируя огонь на ПАС. В частности, выступая в начале февраля 2013 г. по случаю наступления нового года по лунному календарю, председатель КАМ Чуа Сой Лек призвал местный китайский электорат решительно отказать оппозиции в поддержке на выборах. По его словам, в случае победы НБ ее плоды достанутся исключительно исламистам. Ни НПС, ни ПДД не смогут завоевать достаточно количество голосов и тем самым останутся на подхвате у ПАС, а Анвар Ибрагим так и не сумеет реализовать свою мечту о кресле премьер-министра.¹⁴²

¹⁴¹ Fernandez, Christopher. BN may scrape through in GE13 <<http://www.freemalaysiatoday.com>,> 15.02.2013

¹⁴² Chua: If Pakatan wins, PM will be from PAS <http://thestar.com> 16.02.2013

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

А.В. Виноградов

18-Й СЪЕЗД КПК – НОВЫЕ РУБЕЖИ

За десятилетие пребывания во власти четвертого поколения руководителей во главе с Ху Цзиньтао Китай совершил мощный рывок в развитии. ВВП вырос с 10,2 трлн. юаней (1,2 трлн. дол.) до 47,2 трлн. юаней (7,5 трлн. дол.), по этому показателю страна переместилась с шестого на второе место в мире. Увеличились доходы на душу населения. Китай стал важнейшей частью мирового хозяйства, а его экономическая мощь начала быстро трансформироваться во внешнеполитическое влияние.

Однако к 18 съезду КПК (ноябрь 2012 г.) страна подошла с грузом проблем. Мировой финансовый кризис вскрыл серьезные изъяны в китайской экономике, в значительной мере ориентированной на экспорт, а обусловленное им снижение темпов роста привлекло внимание к длительному времени накапливавшимся социальным, национальным, экологическим проблемам, показав естественные пределы созданной 20 лет назад экономической модели. К 2016 г. в результате политики плановой рождаемости в КНР завершится прирост численности рабочей силы, возникнет ее относительная нехватка, а вслед за этим исчезнет главное преимущество Китая на внешней арене. Переход к новой экономической модели, ориентированной на внутренний спрос, станет неизбежным. Необходимость выбора в предстоящее десятилетие новой стратегии обострила идейно-политические дискуссии в руководстве КПК.

Перед съездом стояли две главные задачи: наметить основные направления развития и избрать новое поколение руководителей. В докладе Ху Цзиньтао была поставлена цель удвоить к 2020 г. ВВП страны и среднедушевой доход по сравнению с 2010 г. В случае реализации этих планов к столетию образования КПК (2021 г.) Китай завершит построение общества «средней зажиточности» и перейдет к построению общества «всеобщей зажиточности». В то же время Отчетный доклад показал, что у китайского руководства нет готовых рецептов. Сложность стоящих перед Китаем задач требует самого широкого подхода к выбору методов и средств для их решения. Однако их практический выбор ограничен, в первую очередь, борьбой мнений и сложившейся в связи с передачей власти расстановкой сил в Политбюро.

Предыдущая смена высшего партийного руководства в 2002 г. пришлась на момент, когда Китай находился в фазе подъема. За счет крупных стратегических решений, принятых третьим поколением (созданию рыночной экономики, легализация частной собственности, расширение социальной базы КПК, вступление в ВТО и т.д.), Китай развивался стабильно высокими темпами, в среднем более 10% в год. Нынешняя передача власти пришлась на фазу относительного спада, обострения экономических и социально-политических проблем, а также появления новых вызовов на международной арене.

Недооценив глубину и длительность кризиса, китайское руководство на протяжении нескольких лет старалось искусственно поддерживать высокие темпы роста (доля инвестиций в ВВП составляла более 60%), но в 2012 г. уже не смогло воспрепятствовать их существенному снижению. Продолжает ухудшаться экологическая ситуация, экономические потери от загрязнения окружающей среды составляют от 3 до 7% ВВП. Поэтому к ранее поставленным целям экономического, социального, политического и культурного строительства на съезде добавлена

новая - формирование экологической культуры. Вместе с тем перед сегодняшним Китаем появляются и новые вызовы. Во-первых, по мере старения населения все более актуальным становится создание системы социального страхования, включающей всеобщее медицинское и пенсионное обслуживание. Во-вторых, ограниченность земельных и водных ресурсов ведут к обострению продовольственной проблемы и повышают внимание к освоению биологических и других ресурсов моря. Впервые на съезде была поставлена задача по превращению Китая в «мощную морскую державу».

В этих условиях сформировавшийся в Китае механизм политической преемственности столкнулся с непредвиденными трудностями. Раньше основная проблема передачи власти заключалась в том, что лидер, уходя из жизни, не оставлял после себя преемника, что вело к нарушению социально-политической стабильности. Теперь он оставляет преемника, но и сам окончательно не уходит из политического процесса. В результате возникает конфликт, по крайней мере, усиливаются разногласия среди высших авторитетов, что также дестабилизирует ситуацию. После съезда впервые в китайской истории в политическом пространстве будут сосуществовать, с одной стороны, два бывших генеральных секретаря, канонизированные в Уставе партии и по китайской традиции сохраняющие свой авторитет и влияние, и с другой стороны, – действующий генсек, у которого пока лишь формально большие полномочия и посты, не тождественные в авторитарном государстве власти.

На протяжении двух десятилетий все свои проблемы – экономические, социальные и даже политические – Китай успешно решал за счет высоких темпов экономического роста, которые стали восприниматься как универсальный инструмент развития. За годы реформ руководство КНР в значительной степени утратило навыки пользования другими инструментами государственного управления, его политические функции атрофировались, а идейно-политические средства постепенно превратились в ритуальные ссылки на показатели экономического роста. В результате КПК уступила пропагандистское поле рыночным отношениям, рыночной морали и идеологии. Произошла переориентация и самого руководства с идейно-политических методов управления на экономические. Китай из государства, где политика руководит экономикой, на протяжении всего периода реформ, особенно после 1989 г., постепенно превращался в государство, где экономика руководит всем.

Именно с этим и был связан конфликт в руководстве партии накануне съезда. Бывший член Политбюро ЦК КПК Бо Силай, как и многие другие партийные лидеры, осознав ограниченность сугубо экономических методов государственного строительства, предлагал возродить традиционные для социалистического Китая политические и идейно-пропагандистские средства. Его призывы к восстановлению социальной справедливости вызвали у части партийного руководства, прежде всего связанного с новой экономической элитой, прямые ассоциации с временами «культурной революции». Увидев в них угрозу не только сложившемуся в Китае политическому режиму, но и себе лично, большинство китайского руководства оказалось не готово их принять.

На их выбор оказал влияние еще один принципиальный момент. Перед китайской политической элитой с середины 19 в. стояла задача восстановить место Китайской цивилизации в мире. На протяжении большей части 20 в. эта цель находилась в тени внутренних социально-политических и экономических преобразований. Сейчас для ее реализации впервые сложились благоприятные предпосылки. В отличие от лозунгов борьбы за социальную справедливость эта цель будет объединять, а не раскалывать общество. Идеи социальной

справедливости как идеологический стержень современного китайского государства постепенно уступают место идее величия национальной культуры, что нашло осторожное, но не двусмысленное отражение в материалах съезда, где неоднократно говорится о возрождении великой китайской нации.

Перед новым партийным руководством стоят непростые задачи, решение которых осложняется ограничениями, накладываемыми переходным периодом вступления в должность новых руководителей. Механизм передачи власти в КНР, особенно на начальном этапе, основан на наделении нового руководства легитимностью со стороны предшественников. Однако ставший достоянием гласности идеологический конфликт ослабил действенность этого механизма. Задача принять окончательное решение по «делу Бо Силая» - решить не только судьбу бывшего члена Политбюро, но и весьма популярной в обществе идеи и способа решения сложных социальных проблем, оказалась возложенной на нового генерального секретаря Си Цзиньпина. Любое решение по этому вопросу не способно привести к достижению согласия в партии и обществе и не добавит ему авторитета.

Позиции Си Цзиньпина уязвимы еще и потому, что все его предшественники на посту генерального секретаря были санкционированы в свое время основателем современного Китая – Дэн Сяопином, они не имели альтернативы и получали таким образом высшую степень легитимности. Не секрет, что Ху Цзиньтао хотел видеть своим преемником Ли Кэцяна, но был вынужден уступить большинству других членов партийного руководства. Таким образом, новый генеральный секретарь лишен возможности в полной мере опереться на авторитет своего предшественника, что будет серьезно ограничивать его в выдвижении крупных политических инициатив, обязательных для обретения идеологической легитимности, а также препятствовать выполнению им главной задачи – поиску эффективных, пусть и не всегда очевидных и бесспорных, решений стоящих перед страной проблем.

Власть Си Цзиньпина будет ограничена также новым составом Постоянного комитета Политбюро (ПК ПБ). Большинство его членов заметно старше Си Цзиньпина и будущего премьера Госсовета Ли Кэцяна и как бы опекают представителей нового поколения изнутри. «Снаружи» их ограничивают Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао. Поэтому пока преждевременно говорить об утверждении во власти пятого поколения, скорее, это поколение «4+», которое занимает промежуточное положение и плотно патронируется предшественниками.

Складывающаяся в Китае политическая конструкция чрезвычайно сложна и подвержена действию большого числа случайных факторов. Все это заставило руководство КПК позаботиться о гарантиях стабильности, приняв целый ряд организационных мер. Во-первых, с целью компенсировать слабость нового генсека и отчасти уравновесить существующую политическую конструкцию было принято решение как можно быстрее наделить Си Цзиньпина другими высшими постами. Пост Председателя Военного Совета ЦК КПК он получил на 1-м после съезда пленуме ЦК, а пост Председателя КНР займет на ближайшей сессии ВСНП весной 2013 г. (У Ху Цзиньтао процедура передачи высших постов заняла более двух лет). Во-вторых, сокращена численность ПК ПБ с 9 до 7 человек с целью свести к минимуму возможности для возникновения внутри высшего партийного руководства группировок и раскола. В-третьих, персональный состав нового Постоянного комитета Политбюро в значительной степени однороден, большинство в нем составляют дети высокопоставленных партийно-государственных чиновников и относятся к так называемой «шанхайской группировке», пользующейся поддержкой Цзян Цзэминя. Только два человека, в том числе Ли Кэцян, тесно связаны и пользуются поддержкой Ху Цзиньтао. В-четвертых, еще до съезда был решен всего

один, но центральный вопрос – произошло обновление кадров высшего военного руководства. Армия по-прежнему является главной гарантией власти КПК и политической стабильности, а в последнее время еще и важнейшим инструментом обретения Китаем нового международного статуса.

Все существующие проблемы внутри страны, на международной арене и внутри партии в конечном счете предстоит решать новому руководству, которому предстоит еще самому утвердиться во власти. Укрепление его позиций будет составлять основную политическую интригу развития Китая на ближайшие годы. У Си Цзиньпина, учитывая масштаб стоящих перед страной задач, есть определенный шанс стать новым сильным лидером. Однако ему предстоит непростой период утверждения во власти.

А.Н. Федоровский

Вызов стабильности и развитию Северо-Восточной Азии

Характер политических и экономических процессов в Северо-Восточной Азии (СВА) в 2012 г. оказался в значительной мере неожиданным для многих экспертов, дипломатов и бизнесменов. Казалось, страны региона уверенно движутся в сторону укрепления региональной интеграции и политического диалога. Традиционным стало проведение ежегодных саммитов лидеров Китая, Японии и Республики Корея. Переговоры, проведенные в 2007-2012 гг. привели к заключению в мае 2012 г. соглашения об инвестиционном сотрудничестве трех стран. Одновременно было заявлено о стремлении подготовить трехстороннее соглашение о свободной торговле, означающее дальнейшее продвижение к интеграции КНР, Япония и РК, являющихся первой, второй и четвертой экономиками Азии.

Наблюдатели отдавали себе отчет в том, что достижение договоренности между Пекином, Токио и Сеулом будет затруднено из-за тяжелого исторического наследия и нерешенных территориальных споров. При всем том взаимная заинтересованность в экономическом сближении подталкивала «тройку» к поиску компромиссов при обсуждении внешнеполитических вопросов и выработке согласованной позиции относительно содержания и перспектив интеграции в СВА и на тихоокеанском уровне.

Кроме того, участники переговоров приступили к поиску новых форм гуманитарного взаимодействия, которое рассматривалось в качестве обязательного дополнения региональной экономической интеграции, а возможно, и как временная альтернатива отсутствующему политическому единству и общим политическим ценностям.

В конечном итоге все это заставляло страны СВА преодолевать узкие места в межгосударственных отношениях путем укрепления в своей внешней политике роли региональной интеграции.

Между тем напряженность в регионе в 2012 г. обострилась до такой степени, что возникла угроза развитию торгово-экономических обменов. В эпицентре конфликта оказался спор вокруг расположенных в Японском море островов (яп. Сенкаку, кит. Дяоюйдао), на которые претендуют Японии и КНР, а также островов (яп. Такэсима, кор. Токто), оспариваемых Японией и Республикой Корея. В свою очередь между Пекином и Сеулом существуют расхождения относительно путей урегулирования кризиса на Корейском полуострове.

В наибольшей степени конфликтный характер приобрели японо-китайские отношения. Территориальный спор двух соседей и ведущих мировых экономических

держав усугубляется тяжелым историческим наследием, а также предположениями о наличии в спорных районах месторождений углеводородного сырья.

Вместе с тем все эти причины не дают исчерпывающего объяснения масштабов нынешней межгосударственной полемики. Тем более, что данный конфликт не первый в этом регионе. В 2005 г. также отмечалось обострение межгосударственных отношений в СВА, однако возникшая в то время полемика относительно оценки исторического прошлого и сопровождавшая их отмена официальных визитов не повредили интенсивному расширению торговли и инвестиционных обменов. Напротив, кризис 2012 г. сопровождался снижением японского экспорта в Китай и переориентацией японских инвестиций с китайского рынка на рынки государств Юго-Восточной Азии. Под вопросом оказалась реализация совместных региональных программ.

Помимо традиционных причин современный конфликт подпитывается дополнительными факторами. Странам региона приходится отвечать на внутренние проблемы, связанные с новым этапом развития. Япония, пережив трудный, затянувшийся этап нормализации финансовой системы столкнулась с необходимостью кардинальной модернизации базовой инфраструктуры, в первую очередь, энергетики и транспорта, которая уже давно нуждалась в обновлении. Проблема Фукусимы лишь актуализировала этот вопрос. На повестке дня также стоит активизация развития инновационного комплекса, который призван обеспечить расширение внешнеэкономической экспансии.

В Китае вынуждены решать задачу не только поднятия эффективности госсектора и проведения его приватизации, но и повышения конкурентных начал в экономике, реформирования системы социального обеспечения, активизации развития науки и образования. По-прежнему трудноразрешимой остается проблема неравенства в распределении доходов, в доступе к социальным благам, в степени развитости внутренних регионов.

В свою очередь, Республика Корея испытывает потребность в преодолении застарелой проблемы дисбаланса между крупным и малым бизнесом, что непосредственно связано с решением вопроса перераспределения доходов. Злободневно также повышение инновационных возможностей национального бизнеса.

Примечательно, что во всех трех странах требующие своего разрешения экономические вопросы накладываются на социальные и внутрисполитические проблемы. В частности, кризисным явлением становятся демографические деформации, включая гендерные диспропорции, а также старение населения. Рецепт решения этих вопросов пока не найден. В Китае обсуждается возможность отмена принципа «одна семья – один ребенок». В Республике Корея и Японии пытаются использовать модель маятниковой миграции из стран ЮВА. Коррупция также остается злободневной проблемой, причем в Китае она выступает важнейшей непосредственной угрозой социально-политической стабильности.

Наконец, вовлечение этих государств во внешнеполитическую полемику практически одновременно происходило на фоне обострения внутрисполитических баталий. В странах СВА идет процесс адаптации политических институтов к новым социально-экономическим реалиям. В Японии и Республике Корея формирование двухпартийной системы сопровождается кризисами, постановкой вопросов об уровне общественного доверия элитам. В Китае зарождение среднего класса ставит в повестку дня тему повышения эффективности социальных лифтов, а также механизма выражения политических интересов разных социальных групп, включая бизнесменов, интеллектуалов, региональных лидеров. Очередная плановая ротация элит в Китае, борьба за возвращение к власти либерально-демократической партии

в Японии, острое соперничество на президентских выборах в Южной Корее (на фоне непредсказуемых перемен в Северной Корее) требовали поддержания внутренней устойчивости и максимального доверия государственному руководству. В этих условиях использование фактора управляемого национализма позволяло элитам избежать угрозы нестабильности во внутренней политике.

Таким образом, по традиционной схеме остроту внутренних конфликтов пытаются нивелировать активизацией отстаивания погранных (явно или мнимо) национальных интересов на международной арене. Проблема состояла в том, что к теме возникшей угрозы национальным интересам одновременно обратились соседние государства. В этом смысле, затеянное Токио юридическое «переоформление» принадлежности спорных островов оказалось весьма востребованной в регионе проблематикой. То, что в других обстоятельствах явилось бы предметом дипломатических консультаций и межгосударственных переговоров, в сложившихся условиях стало поводом для открытых обвинений в экспансионистских намерениях, общественных выступлений, а то и погромов, а в конечном итоге маневров пограничных кораблей и авиации.

Похоже, что конфликт, выполнив свою задачу мобилизации общественного патриотизма, в случае его дальнейшего расширения стал угрожать рисками, подрывающими региональную стабильность и сотрудничество, что не входит в стратегические интересы ни одной из вовлеченных в него сторон.

Придя к власти в ноябре-декабре 2012 г., новые руководители Китая (генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин), Японии (премьер-министр С.Абэ), Республики Корея (президент Пак Кын Хе) предприняли меры к возобновлению трехстороннего диалога. В мае 2013 г. в Сеуле намечается проведение очередного саммита лидеров трех стран. По всей видимости, участники переговоров попытаются снизить возникшее напряжение. В тактическом плане, скорее всего, им удастся взять под контроль негативные тенденции. Сложнее с оценкой долгосрочных перспектив. «Территориальный кризис» 2012 г. в СВА продемонстрировал, что уровень политического сотрудничества и взаимного доверия существенно отстает от достигнутых масштабов торгово-экономических обменов, а еще больше от потребностей интеграционного сближения трех стран. Отсутствуют политические институты, способные предотвратить конфликты или, как минимум, стать амортизаторами кризисных явлений в области безопасности. Между тем перспективы социально-экономического развития трех стран в долгосрочной перспективе в значительной степени будут зависеть от способности Китая, Японии и Республики Корея внести свою лепту в поддержание в СВА атмосферы политического доверия и сотрудничества.

АФРИКА

Э.Е. Лебедева

КРИЗИС В МАЛИ

В середине 2012 г. многие международные аналитики заговорили о том, что западноафриканский регион и в целом сахаро-сахельская зона Африканского континента находится на пороге новой большой войны, которая будет вестись под лозунгом борьбы с терроризмом. Основанием, оправданным, для столь грозного прогноза, стало стремительное и непредсказуемое обострение политического кризиса в Мали.

6 апреля 2012 года туареги, захватившие с начала года под руководством Национального движения за освобождение Азавада (НДОА) северные провинции страны, т.е. примерно половину территории Мали, провозгласили создание там Независимого государства Азавад (НГА). Этот неожиданный успех мятежных туарегов-сепаратистов на фоне их многолетней и в целом малорезультативной борьбы против центрального правительства стал следствием нарушения политического баланса в сахаро-сахельской зоне после свержения режима М. Каддафи. Он десятилетиями умело разыгрывал туарегскую карту, лелея мечту стать политиком африканского масштаба. Так, Каддафи выдвинул идею образования федерации "Большая Сахара", в которой должны были быть учтены права 5,5 млн. туарегов, проживающих в Нигере (1,72 млн. туарегов), Мали (1,4), Алжире (1,025), Буркина-Фасо (0,6), и Ливии (0,56 млн.)

Большинство туарегских вождей поддержали эту инициативу (в отличие от алжирских властей). В Ливии нашли приют тысячи туарегов из Мали, Нигера, Чада после страшной засухи начала 70-х годов и неудачных их антиправительственных выступлений 1990-1995гг. и 2007-2009 гг. Более двух тысяч туарегов служили в составе ливийской армии, в частности в ее элитных подразделениях. В то же время М.Каддафи предоставлял правительствам беднейших западноафриканских стран значительную финансовую помощь, которая шла на оснащение национальных армий, на выплату членских взносов в Африканский союз.

После падения режима Каддафи этот денежный поток иссяк, прекратились и госзакупки военной техники, боеприпасов, а главное, продовольствия для малийской армии, которая превратилась в банду мародеров и насильников. Это подогревало недовольство вернувшихся на родину туарегов с возросшим (как следствие «арабской весны») национальным самосознанием. К тому же они накопили боевой опыт, в частности ведения партизанских действий, во время гражданской войны в Ливии 2011 г. и переправили в Мали огромное количество современного вооружения с бесхозных ливийских армейских складов. Но что еще более важно - повстанцы НДОА воспользовались неразберихой, фактическим безвластием в центре и полной деморализацией правительственной армии, наступившими в результате государственного переворота 22 марта в столице страны Бамако. Младшие офицеры во главе с капитаном А. Саного отстранили от власти президента Амаду Т. Туре, по их словам, из-за неспособности центрального правительства обеспечить боеспособность армии и остановить распад страны. Однако Африканский союз (АС) и Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС), объединяющее 15 государств региона, куда входит и Мали, потребовали от военных восстановить в стране конституционный порядок. 12 апреля временным президентом страны стал Дионкунда Траоре, бывший спикер малийского парламента.

Однако уже к моменту провозглашения НГА трения повстанцев НДОА, позиционировавших себя как светское объединение, со своими бывшими соратниками по антиправительственной борьбе – исламскими экстремистами из группировок "Ансар ад-Дин" («Защитники веры»), "Аль-Каида в странах исламского Магриба" (АКИМ) и "Движение за единство и джихад в Западной Африке" – переросли в вооруженное противостояние. Среди исламских радикалов, особенно в АКИМ, было много арабов, как местных, так и из стран Магриба, а также суданцев, пакистанцев и афганцев. В отличие от туарегов из НДОА, они хотели захватить власть во всей стране и заставить малийцев, 90% которых мусульмане-сунниты, т.е. приверженцы традиционного умеренного течения в исламе, жить по законам шариата. Об этом первыми заявили исламисты-туареги из группировки "Ансар ад-Дин", которые еще 2 апреля выбили сторонников НДОА из Тимбукту и стали терроризировать жителей, жестко наказывая их по законам шариата за курение, употребление алкоголя и т.п. Джихадисты уничтожили и часть древних домусульманских и мусульманских святынь (мавзолеи, манускрипты и т.п.) Тимбукту, признанных ЮНЕСКО мировым достоянием, но противоречащих, по мнению исламских радикалов, истинному исламу. К июлю 2012 г. вся территория Азавада оказалась под контролем исламистов. Руководство НДОА в этих условиях отказалось от идеи независимости в пользу автономии (по типу Квебека в составе Канады). В сентябре 2012 г. исламские радикалы начали операции против правительственных войск в центральной части Мали. После этого временное правительство обратилось за международной военной помощью.

Но первыми - еще летом 2012 г.- забили тревогу соседи Мали. Маки Саль, президент Сенегала, во время визита во Францию в качестве нового главы государства заявил, что Западная Африка оказалась на переднем крае борьбы с терроризмом, но она не располагает военной мощью, чтобы справиться в одиночку. Алжир с самого начала малийского конфликта выступал за невмешательство во внутренние дела Мали, одновременно заявляя о приверженности принципу ее территориальной целостности. Тем не менее алжирское правительство вело постоянные консультации по малийской проблематике как с государствами региона, так с Францией и США. Гвинейский президент Альфа Конде высказался за скорейшее применение силы на севере Мали, чтобы не дать АКИМ еще больше там укрепиться, и за помощь в возрождении малийской армии, поскольку любое военное вмешательство невозможно без ее участия. Одновременно ЭКОВАС попыталось наладить диалог между противоборствующими сторонами с целью создать в Мали правительство национального единства, но основные игроки проигнорировали эту инициативу.

Париж с нарастающим беспокойством наблюдал за событиями в своей бывшей колонии и в целом в сахаро-сахельской зоне западноафриканского региона, страны которой находятся в сфере стратегических и экономических интересов Франции. Мали поставляет на мировой рынок хлопок и золото, занимая третью позицию по объему золотодобычи в Африке. Нигер является одним из ведущих производителей урана в мире и крупнейшим в Африке. Французская атомная госкорпорация «Areva» ежегодно поставляет во Францию около 3 тыс. т. нигерского урана, что составляет треть годовых нужд АЭС страны. При этом атомная энергетика имеет для Франции стратегическое значение, т.к. обеспечивает около 75% энергобаланса страны. Эта госкорпорация приступила к разработке урановых месторождений и на севере Мали.

Когда туареги из НДОА объявили о создании Независимого государства Азавад, они гарантировали европейским компаниям преимущественное право получать концессии на разведку и добычу природных ископаемых на территории

НГА, а также безопасность сотрудникам уже действующих там итальянских, канадских, французских и других иностранных компаний. Однако переход контроля над Азавадом к исламистам, их намерение создать Исламское государство Мали, наладить сотрудничество с исламистскими группировкам в других западноафриканских странах ставили под удар не только активы иностранных компаний в регионе. Под вопросом оказалось само существование «хрупких» государств сахаро-сахельской зоны, резко возросла угроза дестабилизация ситуации в Нигерии и Алжире, которые являются важнейшими африканскими поставщиками топливно-энергетических ресурсов в страны ЕС и США.

В ноябре 2012 г. ЭКОВАС заявило о намерении направить в Мали контингент численностью в 3,3 тыс. военных. 20 декабря СБ ООН, продемонстрировав редкое единодушие по сравнению с дебатами о ситуации в Ливии, Сирии и Иране, принял подготовленную Францией резолюцию № 2085 о создании на базе этого контингента «Миссии по поддержке Мали» (MISMA) и санкционировал ее военное вмешательство сроком на один год. Предполагалось, что оно начнется не ранее сентября 2013 года. Однако исламисты не стали дожидаться развертывания операции ЭКОВАС и нанесли превентивный удар – 10 января 2013 г. они продвинулись на контролируемую правительством территорию в центральной части Мали и заняли г. Кону. Дорога на столицу была открыта.

На следующий день началась операция «Сервал», которая через три недели увенчалась освобождением франко-малийскими силами всех крупных северных городов от исламистов. 2 февраля президент Франции Ф. Олланд прибыл в Мали, где был восторженно встречен жителями Бамако и, особенно, Тимбукту. Он заявил, что французский контингент останется в Мали «столько, сколько нужно», чтобы помочь восстановить суверенитет этой страны. Однако вряд ли удастся достичь этой цели даже в среднесрочной перспективе.

Операция «Сервал» оказалась весьма затратным мероприятием - она уже обошлась Франции в 100 млн. евро. В течение первого месяца ее проведения Париж тратил 2,7 млн. евро в день, значительно больше, чем на операции французских войск в Ливии (1,6 млн.) и Афганистане (1,4 млн.). Франция обратилась к Евросоюзу с просьбой расширить поддержку ее войск в Мали. Великобритания, Дания, Германия и ряд других европейских государств помогают ей материально-техническим обеспечением, транспортом, системами наблюдения и разведки. ЕС направляет в Мали инструкторов и военнослужащих (их численность может составить 450 человек) для обучения национальной армии, выделяет финансовые средства правительству страны. Пентагон в 2010 г. активизировал реализацию амбициозной программы – Транссахарское контртеррористическое партнерство (TSCTP), развернутое еще в 2005 г. на основе Пансахельской инициативы. Программа охватывает 11 стран и на ее осуществление Вашингтон, по данным New York Times, затратил от 520 до 600 млн. долларов.

Однако в случае с Мали результаты этой программы оказались провальными. США не смогли не только прореагировать, но и отследить события – так стремительно, по признанию самих американцев, они развивались. Примечательно, что правительство Мали в марте свергали младшие офицерские чины во главе с капитаном А. Саного, прошедшим обучение в США. Более того, три или четыре подготовленных американцами элитных подразделений спецназа армии Мали числом около 1600 человек в самый критический момент перешли на сторону повстанцев, поскольку сами они были туарегами. В рамках поддержки операции «Сервал» Вашингтон предоставил Парижу «воздушные танкеры» для заправки его военной авиации, обеспечивает французские подразделения разведданными о дислокации исламских экстремистов с использованием беспилотных летательных

аппаратов (БЛА). В феврале 2013 г. власти Нигера дали согласие разместить на севере страны в регионе Агадес, который граничит с Мали, Алжиром и Ливией, американские подразделения (100 военнослужащих), обеспечивающие полеты БЛА.

Но посылать свои войска в Мали для участия в антитеррористической операции ни европейцы, ни американцы не собираются. Об этом прямо заявил Обама в своем первом обращении к Конгрессу США после избрания его президентом страны на второй срок. Американцы делают ставку на поддержку местных властей и своих союзников по НАТО в попытках урегулировать внутрисполитические конфликты в различных частях света. Генсек НАТО Расмуссен в связи с малийскими событиями заявил, что НАТО не будет вмешиваться во внутренние дела страны, призвав руководство решать проблемы собственными усилиями.

Проведение военных действий в Мали, таким образом, целиком легло на плечи Франции, малийской армии и ЭКОВАС. К концу февраля французский контингент увеличился почти в два раза и насчитывал более 4 тыс. военных, а африканская миссия - до 5,4 тыс. военнослужащих. И впервые за всю историю своего существования Африканский союз выделил 50 млн. долл. на поддержку миротворческой операции в Мали, а также принял решение создать для этой цели фонд в 455 млн. долл.

Франция очень боится увязнуть в малийском конфликте. «Маленькой победоносной войны» не получилось, а переложить бремя урегулирования конфликта не на кого. Исламисты, покинув города перед лицом превосходящих сил и укрывшись в труднопроходимой местности, перешли к тактике партизанской и диверсионной войны. Правительственные войска и подразделения ЭКОВАС, на которых возложено обеспечение безопасности в ранее освобожденных городах и районах Мали, не способны самостоятельно противостоять исламистам.

Зато малийские военные проводят «зачистку» городов от всех, кого они посчитали исламистами. Спецпредставитель ООН по борьбе с геноцидом сообщил о фактах массовых расстрелов арабов и туарегов, разграбления их собственности. По оценкам Верховного комиссара ООН по проблемам беженцев, с начала 2012 г. места своего постоянного проживания покинули 430 тысяч человек. Из них более 260 тысяч стали временными переселенцами внутри страны, 70 тыс. беженцев направились в Мавританию, около 47 тыс. находятся в Буркина-Фасо, 50 тыс. беженцев обосновалось в Нигере и 1500 человек – в Алжире¹⁴³. Усугубляет тяжелую гуманитарную ситуацию на севере нехватка продовольствия, медикаментов и т.п. А главное, там - вакуум государственной власти, который заполняют враждующие между собой мафиозные кланы, командиры вооруженных группировок и другие, главным источником доходов которых является контрабанда оружия, наркотиков, сигарет.

В этих условиях первостепенное значение приобретает решение так называемого туарегского вопроса, в котором туго переплелись противоречия социокультурного (расового) и экономического характера. Нынешний кризис углубил взаимное неприятие, вражду между туарегами-кочевниками и оседлым негроидным большинством населения страны. В его исторической памяти сохранился образ туарегов как разбойников, которые грабили караваны, захватывали заложников, торговали оружием. В свою очередь туареги, особенно светлокожие («белые») из аристократических кланов, с доколониальных времен воспринимают чернокожих как рабов и категорически отказываются подчиняться центральной власти, находящейся

¹⁴³ Mali: UNHCR Urges Reconciliation Efforts in Mali to Avoid Long-Term Displacement (http://allafrica.com/stories/201303020003.html?aa_source=slideout)

в их руках¹⁴⁴. Туареги жалуются на централизацию власти в Бамако, на невнимание правительства к их социокультурным особенностям, а главное – на огромный разрыв в жизненном уровне северян и южан, недостаток государственных инвестиций в развитие экономики региона, в частности в создание транспортно-энергетической инфраструктуры. Центральные власти оправдываются отдаленностью региона, его малонаселенностью (менее чем 10% всего населения Мали) и высокой стоимостью инвестиций в Сахарской пустыне. Правда, после восстаний туарегов в 90-е годы и, особенно, в 2006 г. власти Бамако пообещали им принять программы развития провинции Кидаль. Но потом все вернулось на круги своя.

В армейских кругах Мали сложилось крайне негативное отношение к перспективе диалога властей с туарегами. Военные им не доверяют, хотя лидеры НДОА и «Исламского движения Азавада», отколовшегося от "Ансар ад-Дин", заверяют, что отвергают терроризм; их вооруженные отряды участвовали в освобождении ряда северных городов от исламистов (при этом, правда, надеясь не допустить возвращения туда малийских подразделений). К тому же влиятельная фракция армейской верхушки и местной бизнес-элиты активно противится стабилизации ситуации на севере, поскольку связана с чрезвычайно прибыльной контрабандой наркотиков и оружия. В конце февраля Д. Траоре – явно под давлением Франции и ЭКОВАС – заявил о готовности правительства к переговорам с представителями НДОА, если оно «откажется от территориальных претензий», и о создании Комиссии по диалогу и воссоединению. Однако, если правительство не пойдет на предоставление северным провинциям какой-либо формы самоопределения, работа комиссии будет безрезультатной.

Неспособность и/или нежелание правящих элит государств сахаро-сахельской зоны решать туарегский вопрос и – шире – заниматься развитием периферийных районов, слабость государственных институтов, системная коррупция, массовая бедность и т.п. в условиях отсутствия в данных странах чувства национальной идентичности, а значит, и легитимности государства – все это позволяет говорить о возможности распада ряда государств Сахеля. Возобновление сепаратистских выступлений малийских туарегов может дестабилизировать ситуацию в Мавритании, Нигере, Буркина-Фасо, Чаде, в южных регионах Алжира и Ливии, поднять местных туарегов на борьбу за создание единого независимого государства Азавад. В возрастающей мере факторами дестабилизации государств сахаро-сахельской зоны становятся деятельность радикальных исламистских группировок, формирование альянсов террористов с наркоторговцами и другими преступными синдикатами, что подрывает экономику африканских государств, ослабляет их политические институты и правоохранительную систему.

Во многих африканских странах героин и кокаин заменили обесценившуюся национальную валюту. Западная Африка, и особенно сахаро-сахельская зона, служит перевалочным пунктом в торговле наркотиками (50-55 тонн кокаина в год) между Южной Америкой и Европой. Средства, вырученные от наркотрафика, достаются радикальным исламистским группировкам, которые все активнее взаимодействуют друг с другом. Все масштабнее финансируют их террористическую деятельность через различные так называемые фонды помощи Саудовская Аравия и Катар. При этом саммит Организации исламской конференции (февраль 2013 г.)

¹⁴⁴СМ. В. Филиппов. «Путч в Мали: причины и последствия» (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=453#top); его же «Война в Мали: путь в никуда» (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1419&active_id_11=54#top)

осудил деятельность различных террористических групп и движений, транснациональных преступных сетей по контрабанде наркотиков как угрозу безопасности и стабильности Мали, а также разрушение боевиками исламских культурных памятников в Тимбукту и призвал всех участников малийского конфликта, включая страны Запада и ЭКОВАС, сесть за стол переговоров.

Наибольшую опасность для мира в Западном регионе и в целом в Тропической Африке представляет растущая дестабилизация ситуации в Нигерии, которая грозит развалом государства. А ведь эта крупнейшая африканская страна является главным экономическим актором и центром силы в регионе, и одновременно – важным торгово-экономическим партнером США, Китая и ЕС. С 2011 г. правительство пытается наладить переговорный процесс с организующей «Боко харам», террористическая деятельность которой чрезвычайно обострила исторически напряженные отношения между мусульманами и христианами, особенно после победы на президентских выборах 2011 г. христианина Г. Джонатана. Свержение нынешнего правительства, введение законов шариата на всей территории Нигерии и искоренение светской модели образования – вот главные лозунги «Боко харам». В результате ее атак на полицейские посты, христианские церкви, госучреждения только в 2012 году погибли более 720 мирных жителей. Американские военные давно указывали на связь между АКМ и "Боко Харам", часто называемой Черным Талибаном. Более того, по мнению американского генерала К. Хэма, складывается джихадистская дуга, которая тянется из Нигерии, через Мали и Ливию в Сомали.

Правительство Мали при поддержке Франции и ЭКОВАС обратилось в СБ ООН с просьбой о переводе миротворческой операции в Мали под эгиду ООН. Скорее всего, эта просьба будет удовлетворена. И, наш взгляд, малийскую миротворческую миссию ждет судьба подобных ооновских миссий в Сомали и ДРК, т.е. она будет многолетней, очень затратной и малоэффективной в плане восстановления государственного суверенитета над всей территорией Мали. Кризис в Мали продолжается, перспективы решения ключевых проблем государств сахаро-сахельской зоны не просматриваются даже в среднесрочной перспективе.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Л.Н. Симонова

ЗАМЕДЛЕНИЕ РОСТА

Прошедший год стал не самым удачным для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК) в плане динамики экономического развития. На фоне нарастания финансовых рисков в еврозоне, ухудшения ситуации на мировых рынках и снижения внутреннего спроса темпы роста регионального ВВП в 2012 г. снизились до 3% по сравнению с 4,3% в 2011 году. По итогам 2012 г. объем ВВП на душу населения ЛАК увеличился всего на 1,8%. Рост инвестиций замедлился до 4,2% (7,8% в 2011 г.).

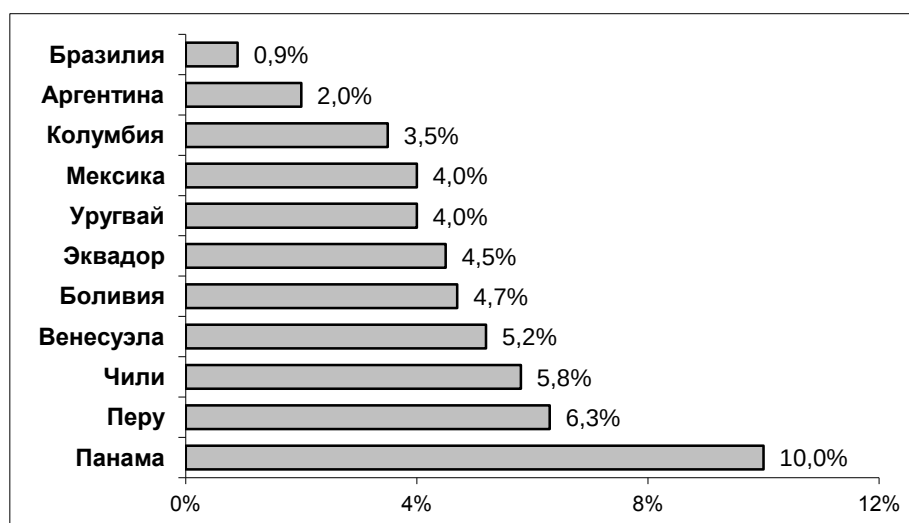
Снижение региональных показателей экономического роста стало следствием неблагоприятной ситуации, сложившейся в двух крупнейших государствах ЛАК, на долю которых приходится 41,5% регионального ВВП. В 2012 г. темпы роста Аргентины упали до 2% (с 8,9% в 2011 г.), а Бразилия и вовсе не дотянула до 1% после более чем умеренного роста в 2,7% годом ранее. Остальные страны региона в совокупности вышли по динамике ВВП на уровень предыдущего года: 4,3% против 4,5% в 2011 г. Наиболее высокие темпы роста, превышающие 5%, показали такие страны, как Панама, Перу, Чили и Венесуэла.

Ухудшение макроэкономических условий в Аргентине стало следствием изменений в политике госрегулирования, введения протекционистских мер в отношении ряда импортных товаров (прежде всего тех, которые могли бы производиться внутри страны). Реальный сектор столкнулся с кризисом ликвидности, выросла инфляция, увеличились барьеры со стороны внутреннего спроса, ускорился отток капитала из страны. После экспроприации в 2012 г. нефтедобывающей компании YPF, принадлежавшей испанской Repsol SA, заметно пострадал инвестиционный имидж Аргентины. Ухудшение доступа к кредитным ресурсам, в том числе на мировом рынке, вкупе с сокращением притока долгосрочных капиталовложений из-за рубежа отрицательно сказалось на динамике инвестиций, в том числе в рамках проектов развития.

Среди причин снижения экономических показателей правительство Бразилии отмечает завышение реального курса реала вследствие валютной политики развитых стран, ухудшение условий внешней торговли и переориентацию потоков китайских товаров на рынки развивающиеся стран, включая Бразилию. Наиболее сильно от конкуренции со стороны дешевого китайского импорта пострадали такие отрасли обрабатывающей промышленности, как текстильная, мебельная и обувная промышленность, производство автомобилей.

Вместе с тем, многие эксперты сходятся во мнении, что снижение конкурентоспособности бразильской экономики и ухудшение положения бразильских производителей промышленных изделий на внешнем и внутреннем рынке имеют более глубокие причины, связанные с незавершенностью структурных реформ и определенными перекосами в социально-экономической политике последнего десятилетия. Прежде всего, речь идет о низких темпах роста производительности труда на фоне ускоренного повышения заработной платы и снижения безработицы – основных завоеваний правительства Лулы да Силва. Бюрократические барьеры, высокая стоимость кредитов и налоговое бремя, нехватка квалифицированных кадров – все это существенно снижает эффективность производства и повышает риски для бизнеса.

Динамика прироста ВВП стран Латинской Америки в 2012 г. (в % к 2011 г.)

Источник: Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe – 2012. CEPAL. Santiago de Chile, 2012. The World Bank. Global Economic Prospects, Volume 6, January 2013.

В 2012 г. большинству стран ЛАК удалось удержаться в зоне финансовой устойчивости, демонстрируя способность преодолевать трудности, связанные с нестабильностью глобальной экономики. Вместе с тем рост государственных расходов сказался на сбалансированности бюджетов ЛАК, которые в прошедшем году были сведены с отрицательным первичным сальдо в 0,3% ВВП. Дефицит бюджетов центральных правительств после выплаты процентов увеличился до 2,0%. Совокупный региональный внешний долг, хотя и немного подрос, продолжал оставаться на относительно низком уровне в 19,7% ВВП, а внутренняя и внешняя задолженность нефинансового государственного сектора не превысила 33% ВВП. Объем золотовалютных резервов увеличился на 7,1%, достигнув 829,4 млрд. долл.

Весьма благополучной, особенно на фоне европейских стран, выглядит ситуация в сфере занятости: безработица на конец года составила 6,4% ЭАН, размер реальной заработной платы продолжал расти при снижении инфляции с 6,9% в 2011 г. до 5,8% в 2012 году. Важным фактором стабильности в регионе по-прежнему остается высокий уровень экономической и социальной ответственности государства, продолжение реализации программ борьбы с бедностью и создания новых рабочих мест.

Снижение спроса на товары и услуги ЛАК, сокращение поступлений от туризма и переводов из-за границы негативно отразились на состоянии баланса текущих операций, дефицит которого возрос с 1,3% ВВП в 2011 г. до 1,7% в 2012 году. Оборот внешней торговли товарами и услугами составил 2532 млрд. долл. (рост на 2,5%), что соответствует примерно 43% континентального ВВП. Доля региона в мировой торговле осталась на уровне 2011 г. - 5,4%.

Совокупный товарооборот ЛАК увеличился всего на 2,5% (23,2% в 2011 г.), в том числе экспорт – на 1,4%, импорт – на 3,7%. Положительное сальдо внешней торговли снизилось с 1,2% ВВП до 1,1% ВВП. Отрицательную динамику внешней торговли демонстрировала Бразилия, экспорт которой по итогам года снизился на 5,3%, импорт – на 1,4%, оборот – на 3,4%. Доля Бразилии в товарообороте ЛАК сократилась до 21,2%.

Таблица 1.

Основные макроэкономические показатели ЛАК в 2008-2012 гг.

Показатели/годы	2008	2009	2010	2011	2012 (оценка)
Темпы прироста ВВП*, %	4,0	-1,9	5,9	4,3	3,0
Темпы прироста ВВП на душу населения*, %	2,8	-3,0	4,8	3,1	1,8
Уровень инфляция, %	8,1	4,6	6,5	6,9	5,8
Уровень безработицы, % ЭАН	7,4	8,1	7,3	6,7	6,4
Инвестиции в основной капитал, % ВВП	22,1	20,5	21,8	22,7	22,9
Сальдо бюджета центрального правительства, % ВВП	-0,2	-2,7	-1,7	-1,6	-2,0
Государственный долг**, % ВВП	32,2	33,7	32,6	32,5	32,0
Экспорт товаров и услуг, млрд. долл.	1020,8	807,6	1010,5	1238,4	1255,7
Импорт товаров и услуг, млрд. долл.	1007,1	787,6	1011,7	1232,8	1276,4
Сальдо баланса по текущим операциям, % ВВП	-0,9	-0,6	-1,2	-1,3	-1,7
Приток прямых иностранных инвестиций, млрд. долл.	137,2	84,9	125,3	158,3	167,3
Внешний долг, % ВВП	17,5	20,3	20,0	19,4	19,7
Валютные резервы, млрд. долл.	512,2	567,0	655,1	774,2	829,4

* в млрд. долл., в ценах 2005 г.

**госдолг нефинансовых организаций

Источник: Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe – 2012. CEPAL. Santiago de Chile, 2012. The World Bank. Global Economic Prospects, Volume 6, January 2013.

Иностранный частный капитал в поисках высокодоходных вложений вновь устремился в Латинскую Америку. По данным Всемирного банка, в 2012 г. нетто приток частного капитала в регион увеличился на 7,5%, достигнув 321 млрд. долл. (6,1% регионального ВВП). Сегодня около трети глобального притока иностранного частного капитала в развивающиеся страны направляется в латиноамериканские страны. По темпам роста прямых иностранных инвестиций (ПИИ) страны региона возглавили список наиболее привлекательных регионов мира. Так, в 2012 г. приток ПИИ увеличился на 5,7% (до 167,3 млрд. долл.), а доля ЛАК в объеме средств, поступивших в развивающиеся страны, возросла 24,8% в 2011 г. до 27,9%.. Основным получателем капиталов выступает Бразилия, которая занимает 3-е место в мире после Китая и США по притоку ПИИ и привлекает до 46% региональных ПИИ (65,3 млрд. долл. в 2012 г.).

Перспективы роста экономики ЛАК в 2013-2015 годах. В 2013 г. в странах ЛАК ожидается умеренный рост ВВП в 3,5% с последующим повышением экономической активности до 3,9% (прогноз Всемирного банка, январь 2013 г.).

Риски снижения динамики роста в странах ЛАК связаны с глобальными тенденциями мировой экономики, которые в значительной степени определяются неустойчивостью ситуации в странах Евросоюза. Так, практически все страны ЛАК находятся в зоне риска, связанного со снижением спроса в еврозоне и сокращением закупок товаров на внешнем рынке, особенно учитывая, что доля ЕС в региональном экспорте превышает 13%. По оценке Всемирного банка, неудачи в реализации планов ЕС по финансовому оздоровлению стран-должников могут привести к замедлению темпов роста мировой экономики и снижению динамики ВВП развивающихся стран, включая ЛАК, на 1,1 п.п. С другой стороны, отсутствие прогресса в принятии плана финансового оздоровления США способно снизить темпы роста мировой экономики еще на 1,3 п.п.

Особое значение для стран ЛАК имеет так называемый «китайский фактор» – повышение значения Китая в системе торгово-экономических отношений стран региона. Так, существующая, по мнению экспертов, возможность снижения инвестиционной активности в Китае может привести к ослаблению внутреннего спроса, падению цен на сырье и сокращению экспорта из стран ЛАК.

Вместе с тем, следует отметить, что большинство стран ЛАК, благодаря накопленному запасу прочности, сохраняют возможности маневра в условиях нестабильности, в том числе за счет стимулирования инвестиций и поддержания внутреннего спроса.

Таблица 2.

Мир и страны ЛАК в 2010-2015 гг. (годовые темпы прироста ВВП в %)

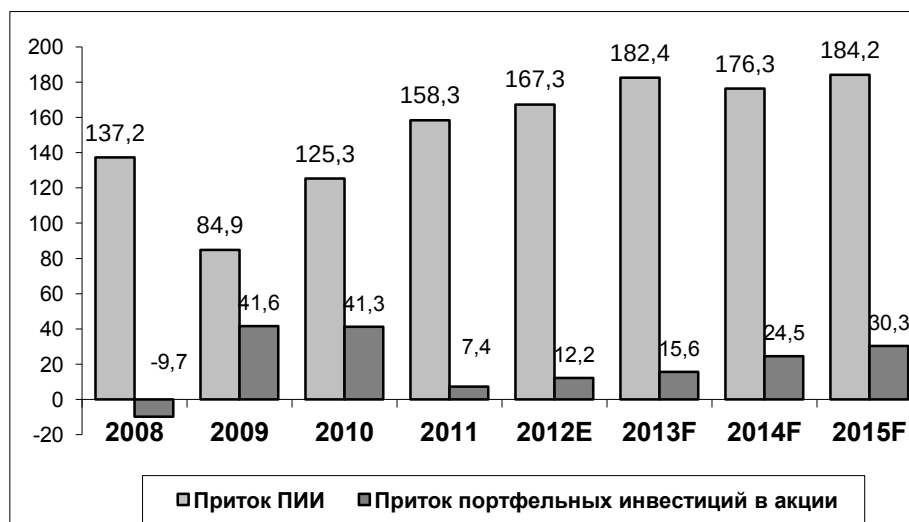
Показатели/годы	2011	2012	2013 прогноз	2014 прогноз	2015 прогноз
Мир	2,7	2,3	2,4	3,1	3,3
Развитые страны	1,6	1,3	1,3	2,0	2,3
Развивающиеся страны	5,9	5,1	5,5	5,7	5,8
ЛАК	4,3	3,0	3,5	3,9	3,9
Аргентина	8,9	2,0	3,4	4,1	4,0
Бразилия	2,7	0,9	3,4	4,1	4,0
Мексика	3,9	4,0	3,3	3,6	3,6
Перу	6,9	6,3	5,8	6,0	6,0
Чили	6,0	5,8	5,1	4,5	4,7
Развивающиеся страны Восточной Азии и Тихого океана	8,3	7,5	7,9	7,6	7,5
Китай	9,3	7,9	8,4	8,0	7,9
Развивающиеся страны Южной Азии	7,4	5,4	5,7	6,4	6,7
Индия	6,9	5,1	6,1	6,8	7,0

Источник: The World Bank. Global Economic Prospects, Volume 6, January 2013.

Согласно оценкам Всемирного банка, в текущем году нетто приток частных капиталов в Латинскую Америку увеличится на 2%, в том числе в форме ПИИ – на 9%. В 2014 г. ожидается снижение притока, однако уже в 2015 г. темпы роста ПИИ восстановятся до 4,5% в год, что позволит достичь исторического максимума в 184,2 млрд. долларов.

Рисунок 3.

Динамика притока частных иностранных инвестиций в страны ЛАК
в 2008-2015 гг. (в млрд. долл.)

Источник: The World Bank. Global Economic Prospects, Volume 6, January 2013, p. 119.

В значительной степени динамика макроэкономических показателей ЛАК будет зависеть от развития ситуации в Бразилии, учитывая вес страны в валовом региональном продукте и ее огромный экономический потенциал. По оценке Всемирного банка, в 2013 г. рост ВВП Бразилии может достичь 3,4%, а в последующие два года превысить 4%. Динамика развития страны будет определяться результативностью мер, принятых правительством Дилмы Руссефф по поддержке национальных производителей и повышению конкурентоспособности бразильской экономики.

Помимо снижения процентных ставок по кредитам, проведения валютной политики в интересах экспортеров и снижения налоговой нагрузки в отраслях и производствах, наиболее сильно пострадавших от китайского импорта, значительные усилия и финансовые средства правительство направляет на развитие высокотехнологичных и инновационных кластеров, улучшение системы образования и повышения «адаптивности» населения к новым технологиям.

Национальная стратегия в области науки, технологии и инноваций 2012-2015 гг., принятая в конце 2011 г., предусматривает рост финансирования исследований и разработок в 1,8 раза по сравнению с 2007-2010 гг., увеличение расходов на ИиР до 1,8% ВВП в 2014 г. (Китай – 1,75% в 2010 г.).

Приоритетным направлением в области социальной политики становится повышение качества образования, особенно в естественных и технических науках, что предусматривает увеличение госрасходов на образование с 5,1% до 10% ВВП к 2020 году. До 2014 г. более 100 тыс. бразильских студентов и исследователей смогут получить образование и повысить квалификацию в ведущих университетах Франции, Германии, Италии, Великобритании и США в рамках программы «Наука без границ» (основные специальности: технические, ИТ, биотехнологии, нефть и газ,

аэрокосмические технологии, нанотехнологии). Этот ресурс в плане перспектив экономического прогресса может оказаться достаточно действенным.

Э.С. Дабагян

ВЕНЕСУЭЛА: ГОРЬКИЙ ПРИВКУС ПОБЕДЫ

7 октября 2012 г. в богатой энергетическими ресурсами стране состоялись президентские выборы. Это третья кампания такого рода после прихода к рулю управления в феврале 1999 г. электоральным путем так называемых боливарицев, выходцев из вооруженных сил, руководимых подполковником Уго Чавесом.

За время пребывания у власти, они кардинально реформировали Конституцию, увеличили срок мандата президента с 5 до 6 лет с правом избираться вторично по окончании одного срока. Позднее, в 2009 г., была одобрена поправка к Основному закону, снимающая ограничение на количество избраний одного и того же лица на высший пост. Под это подводилось теоретическое обоснование, сформулированное аргентинским социологом радикального толка Н. Сересоле, который утверждал: «В декабре 1998 г. венесуэльцы избрали не просто президента, а национального лидера. Исходя из того, что получен мандат народа, он должен оставаться на вершине политического Олимпа до тех пор, пока народ не откажет ему в доверии»¹⁴⁵.

Выстраивание «вертикали власти» обернулось превращением законодательной и судебной инстанций в аппендикс власти исполнительной, в канцелярии, штампующие резолюции, спускаемые сверху. Об этом без обиняков говорила председатель Верховного трибунала юстиции Л. Э. Моралес, утверждавшая, что подобный принцип ослабляет государство¹⁴⁶. Все это сопровождалось урезанием полномочий и финансирования оппозиционных губернаторов, из их юрисдикции изымались объекты инфраструктуры, порты, автомобильные магистрали. Мэру столицы навязали председателя правительства, непосредственно завязанного на федеральные структуры. Важным компонентом вертикали стало создание Единой социалистической партии Венесуэлы, образованной на базе правящего Движения V Республика и мелких союзнических организаций.

Номинально для участия в президентских выборах зарегистрировались 7 кандидатов. Но реальную борьбу вели двое: глава государства и единый кандидат оппозиции Энрике Каприлес-Родонски, губернатор штата Миранда. Он выдвинулся по итогам беспрецедентных праймериз с участием 3,1 млн. граждан, которым предстояло сделать выбор между шестью выдвиженцами различных партий, объединившимися в рамках «Круглого стола демократического единства».

Интрига схватки заключалась в том, окажется ли в состоянии У. Чавес, перенесший в июле 2011 г. операцию по удалению раковой опухоли, вновь участвовать в выборах. Вернувшись в очередной раз из Гаваны, где проходил сеансы химиотерапии, он уверял, что выздоровел и накануне официального старта кампании зарегистрировался в Национальном избирательном совете.

Конкуренты выдвинули во многом различные программы. Президент выступал за продолжение и углубление курса построения «социализма XXI века»: создание

¹⁴⁵ N.Ceresole. Caudillo, ejército, pueblo: el modelo venezolano o la posdemocracia. – Цит. по: Bulletin of Latin American Research. Journal of the Society for Latin American Studies. Oxford, vol 21, № 2, april 2002, p. 267

¹⁴⁶ El Universal. Caracas, 12. I.2010

коммун и национализацию ведущих отраслей экономики. При заметном сокращении бедности и улучшении здравоохранения для беднейших слоев населения в стране сложилась в целом неблагоприятная социально-экономическая обстановка. Наблюдался разгул преступности. По данным правозащитных организаций, в 2012 г. количество убийств на 100 тыс. населения составило 73 человека. Это в разы превышает аналогичный показатель, например, в Мексике и Колумбии¹⁴⁷. Инфляция, самая высокая на континенте, в минувшем году составила 26,8%. За 10 лет закрылось 40% промышленных предприятий. Около миллиона образованных граждан эмигрировало. По показателю коррупции страна занимает одно из последних мест в регионе¹⁴⁸. К сказанному следует добавить крайне некомпетентное управление. Мосты рушатся, тюрьмы превратились в поле битвы, перебои с электричеством стали нормой. И самое главное: падает добыча углеводородного сырья, от которой полностью зависит жизнь страны. В 2011 г. добыча нефти уменьшилась на 25% по сравнению с 1998 годом. За это же время число занятых в отрасли возросла вчетверо, с 25 до 100 тысяч. Несмотря на осуществление широкой программы строительства домов и школ, ощущается острая нехватка жилья и школьных помещений. На критику состояния дел У. Чавес с пафосом ответил: «Сейчас главное не электричество в домах и не дыры в крышах, а жизнь родины».

40-летний Э. Каприлес, опираясь на соратников, выдвинул альтернативный проект преодоления ситуации. Сердцевина проекта сводилась к созданию условий, при которых стало бы невозможным появление нового У. Чавеса. Это не означало возврата к прошлому, когда экономический рост не сочетался с решением социальных проблем. Но это и не тактика раздачи благ, не сопровождающаяся подъемом экономики. Переход к иной модели, по убеждению оппозиции, должен осуществляться постепенно, без скачков. Помимо подавления инфляции, упорядочения денежной единицы, прекращения практики национализации необходимо также изменить ситуацию, когда в разработке нефтяных месторождений участвуют зарубежные компании, а местный капитал остается за бортом и вынужден искать применение за границей¹⁴⁹.

Наряду с этим оппозиция ратовала за расширение полномочий и прав регионов, за реальное разделение властей, внесение поправки в Конституцию, запрещающей бессрочное правление президента. В то же время Э. Каприлес, идентифицировавшийся как политик левоцентристского толка и приверженец бразильской модели развития, признавал определенные социальные достижения режима и намеревался в случае прихода к власти их сохранить, внести существенные коррективы. Предполагалось перейти от практики денежных вливаний, после которых бедняки вновь стоят с протянутыми руками, ожидая очередных подачек, к созданию новых рабочих мест.

Сторонники Чавеса представляли оппозицию как пособников американского капитала, предателей родины, живущих на зарубежные подачки. Факт принадлежности Каприлеса к верхнему слою среднего класса стал поводом для утверждения, что «буржуазия вознамерилась вернуться к власти, как было в недавнем прошлом». Использовался и аргумент о «заговоре международного сионизма». Это побудило руководителей еврейских организаций направить открытое письмо президенту, в котором содержалась просьба не допустить развязывания антисемитской истерии.¹⁵⁰

¹⁴⁷ El Nuevo Herald. Miami, 28 XII.2012

¹⁴⁸ El Nuevo Herald, 9.IX.2012

¹⁴⁹ El Nuevo Herald.,25.II.2012

¹⁵⁰ http://www.bbc.co.uk/mundo/ultimas_noticias/2012/02/120217_ulino

Обильный поток нефтедолларов позволял подпитывать малообеспеченные слои, превратившиеся в опору режима. То же касается военнослужащих, которым регулярно увеличивалось денежное довольствие. Неслучайно министр обороны проронил: «Нас не устраивает приход к власти оппозиции». За полгода до выборов правительство повысило минимальную заработную плату на 30%..Эта мера коснулась 4 млн. работающих. Подобные шаги всегда предпринимались в ходе электоральных кампаний.

7 октября на участки пришли свыше 80% избирателей. У. Чавеса поддержали 8,1 млн. (55,25%). Э. Каприлеса предпочли 6,4 (44,13%).¹⁵¹ Он признал поражение, поздравил соперника. Победитель, получивший возможность оставаться в занимаемом кресле еще 6 лет, поблагодарил конкурента.

В целом власть сумела максимально задействовать все имеющиеся в ее распоряжении мощные административные, финансовые, медийные и прочие ресурсы, руководителям регионов предписывалось обеспечить желаемый результат, в полной мере мобилизовать своих сторонников. На чиновников всех мастей оказывалось неприкрытое давление, над ними висел «дамоклов меч» в виде возможных увольнений. Имели место и различные нарушения избирательных процедур. В то же время поставленную президентом задачу набрать 80% голосов и нанести сокрушительное поражение конкуренту, стерев его в порошок, решить не удалось¹⁵².

Однако победа имела горький привкус. Ведь никогда раньше против харизматического лидера не высказывалось столько людей. В 2006 г. оппозиционер М. Росалес, губернатор штата Сулия, получил 4,3 млн. голосов – более, чем на 2 млн. меньше, чем сейчас¹⁵³. Таким образом, оппозиция добилась существенного прироста голосов, что явилось, безусловно, ее успехом. Анализ электоральных предпочтений позволяет сделать вывод, что в пользу ее выдвиженца высказался средний класс, сосредоточенный в городах. Эта тенденция обозначилась на парламентских выборах 2011 г., когда оппозиция добилась почти половины мест в Национальной ассамблее.

Как выразился О. Шомель, директор фирмы, изучающей общественное мнение, многие избиратели видели в У. Чавесе не кандидата, а религиозного деятеля, который безгрешен¹⁵⁴. Слабостью же Э. Каприлеса явилась неспособность мобилизовать весь потенциальный электорат.

В конце 2012 г. резко обострившееся состояние здоровья главы государства, оперированного в четвертый раз, привело к тому, что стала реальной перспектива досрочных президентских выборов. Власть определилась с преемником. То же самое предстояло сделать соперникам.

От редакции. В те дни, когда данный ежегодник был уже готов к печати, пришла печальная весть о кончине Уго Чавеса, всколыхнувшая всю Латинскую Америку. В следующем выпуске ежегодника мы опубликуем материал о событиях, последовавших за смертью президента Венесуэлы.

¹⁵¹ El Universal, 10..X. 2012

¹⁵² El Universal, 18..VIII. 2012

¹⁵³ <http://www.cne.gob.ve>

¹⁵⁴ El Nuevo Herald, 21 V. 2012

СНГ

Г.И. Чуфрин

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Несмотря на многочисленные трудности политического, экономического и организационного характера, в середине первого десятилетия нового столетия на просторах Евразии стартовал реальный процесс многостороннего экономического сотрудничества и интеграции. Инициаторами и наиболее твердыми и последовательными сторонниками становления и развития интеграционных мероприятий явились при этом Россия, Казахстан и Белоруссия.

Результатом предпринятых ими усилий стало создание в 2010 г. Таможенного союза (ТС), а затем и решение о формировании с 2012 г. Единого экономического пространства (ЕЭП). Тем самым ими было сформировано экономическое интеграционное ядро на евразийском пространстве. На следующем этапе интеграционного процесса к 2015 г. предполагается создание этими странами полноценного экономического союза - Евразийского союза.

Принципиальным по своей значимости результатом развития этого поэтапного интеграционного процесса ожидается формирование общего рынка на большом пространстве Евразии. В свою очередь предполагается, что важным следствием создания Евразийского союза будет, как это отмечалось в совместном заявлении президентов России и Белоруссии в мае 2012 г., то, что он станет «мощным и влиятельным геополитическим образованием, привлекательным для других государств, разделяющих идею евразийской интеграции».¹⁵⁵

Другим важным следствием образования ТС, ЕЭП, а в перспективе – и Евразийского союза должно стать то, что по мере роста международного авторитета этих объединений будут расширяться возможности развития их взаимовыгодных деловых связей как с другими государствами, так и аналогичными по характеру своих задач международными интеграционными объединениями и организациями на многосторонней основе. Разумеется, успешная реализация этих планов и намерений напрямую будет зависеть от способности членов евразийских интеграционных объединений эффективно реагировать в предстоящие годы на целый ряд сложных вызовов и проблем.

К их числу, например, относится адаптирование к нормам и требованиям Всемирной торговой организации (ВТО), к которой Россия присоединилась в 2012 г., а ее партнеры по Таможенному союзу (Белоруссия и Казахстан) согласились принять на себя обязательства перед ВТО, аналогичные взятым Россией.

В целом признается, что Россия добилась достаточно благоприятных условий вхождения в ВТО, и ее экономике не грозят разрушительные и деструктивные последствия присоединения к этой международной организации. Тем не менее, по мнению многих экспертов, в ряде отраслей можно ожидать возникновения трудностей. В числе таких отраслей национальной экономики называются сельскохозяйственное машиностроение, автомобилестроение, самолетостроение, металлургия, свиноводство¹⁵⁶.

¹⁵⁵ «Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Республики Беларусь» (http://news.kremlin.ru/ref_notes/1226)

¹⁵⁶ В. Оболенский «Россия в ВТО: обязательства, возможности, риски». Мировая экономика и международные отношения. М. 2012. № 6. с. 68-69

Проблемы, которые испытывает Россия, вступая в ВТО, безусловно, отразятся и на интересах ее партнеров по Таможенному союзу. Так, наиболее чувствительными к изменениям в тарифной политике, связанным с вступлением России в ВТО, в Белоруссии окажутся, считает министр экономики этой страны Н. Снопков, сельскохозяйственное машиностроение и пищевая переработка.¹⁵⁷ В связи с отменой или снижением ввозных пошлин в зоне риска окажется также продукция металлургии, производство шин, бытовых холодильников, электрических машин и оборудования. В Казахстане следствием серьезных изменений в сфере таможенного регулирования и снижения уровня таможенно-тарифной защиты может стать значительный ущерб доходам производителей мяса, зерна, молока, продукции легкой промышленности.

Соответственно, членам Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, предстоит разработать и внедрить компенсаторные механизмы, которые бы отвечали на конкретные вызовы, возникающие после присоединения России к ВТО. Ведь, как отмечалось в российской печати, «по сути при вступлении (России) в ВТО возникает ситуация дефицита инструментов промышленной политики, потому что наиболее простые инструменты – внешнеторговые пошлины – будут блокированы, а более сложные методы еще не созданы и не отработаны».¹⁵⁸ Такими мерами могут стать и налоговый режим, и повышение доступности инфраструктуры для поддержки отечественного производства, как, например, льготное подключение к электросетям, и установление квот на импорт отдельных товаров. В целях защиты национального сельского хозяйства от импорта товаров на основе генномодифицированных организмов (ГМО) предлагается также, оставаясь в рамках ВТО, присоединиться к Картахенскому протоколу по биобезопасности.¹⁵⁹ Думается, что в не меньшей степени потребность в таких компенсаторных механизмах испытывают и партнеры России по Таможенному союзу.

Стремясь защитить национальных производителей, правительство России разработало ряд законопроектов, направленных на защиту наиболее уязвимых отраслей. В частности, предлагается ввести переходные периоды по условиям доступа на российский рынок, которые должны составить от 2 до 3 лет, а по наиболее чувствительным товарам, в частности продукции автомобилестроения, сельхозмашиностроения, легкой промышленности и сельского хозяйства – от 5 до 7 лет.¹⁶⁰

В 2013-2020 гг. в рамках государственной программы по развитию сельского хозяйства намечено выделить селу 1,5 трлн. руб. господдержки. Крестьянам будут предоставлены значительные льготы по налогам, снижены пошлины на ввоз племенных животных. Разрабатываются критерии отнесения тех или иных территорий к категории непригодных или малопригодных для ведения сельского хозяйства, что позволит направлять туда больше средств для поддержки села. В растениеводстве запланирован переход к новым видам субсидий, не связанных с поддержкой производства определенной продукции и поэтому не противоречащих нормам ВТО. К их числу относятся субсидии на повышение доходности товаропроизводителей, причем поддержка будет рассчитываться с учетом климата, качества почвы, объемов производства и т.д.¹⁶¹

¹⁵⁷ «Проблемы и перспективы развития белорусской экономики в рамках ЕЭП с Россией и Казахстаном»

<http://www.embassybel.ru/news/5ae74a71590e.html>

¹⁵⁸ <http://www/km/ru/spetsproekty/2012/06/18/peregovory-o-vstuplenii-rossii-v-vto/>

¹⁵⁹ Op.cit.

¹⁶⁰ Независимая газета. М. 23.08.12

¹⁶¹ Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М. № 114 (9958). 6.10.12

Предметом специального рассмотрения наднациональной Евразийской экономической комиссии, пришедшей в 2012 г. на смену Комиссии Таможенного союза, стало обращение российских производителей комбайнов и других видов сельхозтехники, которое было поддержано также белорусскими предприятиями, ввести защитные меры от импорта из третьих стран в связи с вхождением в ВТО.¹⁶² В свою очередь и российские автопроизводители начали проводить изучения возможностей для минимизации рисков от снижения пошлин после присоединения к ВТО. Ими было инициировано антидемпинговое расследование в отношении импорта в страны Таможенного союза легких коммерческих автомобилей из Германии, Италии, Польши и Турции.¹⁶³

Одновременно правительству РФ потребуются добиваться устранения дискриминации отечественного бизнеса на внешних рынках, где он до вступления России в ВТО ежегодно терял, по существующим оценкам, от 2,5 до 3 миллиардов долларов. По данным Министерства экономического развития России, по состоянию на начало января 2012 г. зарубежными странами, в т. ч. США, членами ЕС, Австралией, Бразилией, Таиландом, Турцией, Ю.Кореей, применялись 72 ограничительные меры в отношении российских товаров, включая 37 антидемпинговых мер, 5 специальных защитных мер и 30 иных мер нетарифного регулирования торговли, а также меры административного регулирования.¹⁶⁴ В министерстве считают, что лишь 4 из этих мер ограничительного характера будут отменены автоматически. Отмена же других ограничений в отношении продукции из России может потребовать проведения специальных переговоров, а в ряде случаев и судебных разбирательств в рамках ВТО.¹⁶⁵

Что же касается партнеров России по Таможенному союзу, то, поскольку они приняли на себя вслед за Россией обязательства по соблюдению правил и норм ВТО, то они тоже намерены добиваться от своих внешнеторговых партнеров из числа третьих стран устранения ныне действующих 47 ограничительных мер в отношении своего экспорта. Пока же они намерены сохранить повышенные импортные пошлины на некоторые товары. Как заявил министр торговли Белоруссии А. Слепнев, после вступления России в ВТО Белоруссия и Казахстан могут сохранить более высокий уровень тарифной защиты своих товаров по сравнению с Россией на период до полугода с возможностью продления такого режима. «Решение на этот счет принимается консенсусом всеми тремя странами», - пояснил А. Слепнев.¹⁶⁶

В связи с вышеизложенным следует подчеркнуть необходимость продолжения углубленного изучения всех плюсов и минусов распространения норм и правил ВТО на деятельность Таможенного союза в целом как организации, призванной обеспечивать эффективную защиту торгово-экономических интересов России и ее партнеров по евразийской интеграции, а также на конкретные интересы каждого из членов Таможенного союза. Адаптация к правилам ВТО в ближайшие несколько лет потребует от Таможенного союза не только отказа от большинства традиционных методов тарифной и нетарифной защиты, но и нахождения новых стимулов и средств повышения конкурентоспособности продукции стран-членов ТС на мировом рынке. В этой связи первоочередными должны стать меры по стимулированию модернизации и технического перевооружения производства в основных отраслях их экономики, росту производительности труда. Такие меры должны носить

¹⁶² Е. Попов «Комбайны вышли на границу Таможенного союза». Коммерсантъ. М. 9.07.12

¹⁶³ Op.cit.

¹⁶⁴ БИКИ. № 69(9913) 23.06.12

¹⁶⁵ БИКИ. № 104 (9948) 13.09.12

¹⁶⁶ БИКИ. № 83(9927) 26.07.12

комплексный характер, предусматривая кредитно-финансовую и бюджетную поддержку целого ряда отраслей, проведение дифференцированной налоговой политики, составление государственного заказа на продукцию местного происхождения.

Другим аспектом активизации евразийских интеграционных объединений на международной арене становится, как об этом говорилось выше, установление и развитие деловых отношений с другими экономическими интеграционными организациями либо отдельными странами.

Так, интерес к созданию совместной зоны свободной торговли (ЗСТ) с Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана проявили члены Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) – Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария. Объяснялось это тем, что по итогам 2011 года Таможенный союз стал одним из ведущих – а именно шестым по объему экспорта и четвертым по импорту – торговым партнером ЕАСТ.¹⁶⁷ Соответственно члены ТС и ЕАСТ, вступившие в переговоры по поводу создания совместной ЗСТ в 2011 году, выразили намерение достичь на них соглашения о взаимовыгодных условиях торговли и инвестиционной деятельности, сотрудничества в сфере услуг и по защите прав интеллектуальной собственности, что приобретает особую актуальность в условиях продолжающихся кризисных явлений в мировой экономике.

Создание ЕЭП, а в перспективе и Евразийского союза, вызывает интерес и в Евросоюзе (ЕС). Страны, входящие в эти крупнейшие на европейском континенте интеграционные группировки, фактически уже осуществляют значительный объем взаимных торгово-экономических связей. Так, например, ЕС является крупнейшим торговым партнером России, а Россия – третьим по значимости торговым партнером ЕС. С вступлением России в ВТО впервые ЕЭП/Евразийский союз и ЕС оказались связанными в торговле и инвестиционных операциях международными правилами и обязательствами. Однако им еще предстоит уточнить свои позиции по целому ряду конкретных вопросов, связанных с правоприменением этих обязательств, а также с устранением существующих взаимных ограничительных мер.

В сентябре 2012 г. в Риме состоялся первый форум, посвященный перспективам взаимодействия ЕЭП/Евразийского союза с Евросоюзом, участники которого сошлись во мнении относительно необходимости как можно скорее найти общие точки соприкосновения и сообща двигаться к созданию большого, единого пространства с тем, чтобы эффективно противостоять вызовам времени.

Комментируя результаты работы этого форума, представитель МИД Италии М. Кончиатори, в частности, сказал, что Евразийский союз рассматривается в Италии как возможность, которую надо суметь правильно использовать, и что Италия сможет приблизиться к сотрудничеству с ним через механизмы Евросоюза. Он добавил также, что «если Евразийский союз проявит себя как блок, открытый по отношению к другим подобным региональным структурам и, прежде всего, по отношению к Евросоюзу, то в этом случае нам удастся создать прочную базу для продуктивного диалога и эффективного взаимодействия; мы сможем создать огромное унифицированное пространство, в котором будет происходить движение товаров и услуг, инвестиций, а также циркуляция людей и идей»¹⁶⁸

Отмеченный интерес в европейских странах к развитию взаимовыгодных отношений с евразийскими интеграционными объединениями соседствует, тем не

¹⁶⁷ «Таможенный союз стал зоной притяжения»
(<http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/13-09-2012/1127956-union-0#>)

¹⁶⁸ «Евразийский союз – это возможность, которую надо правильно использовать»
(http://rus.ruvr.ru/2012_09_20/evrazijskij-sojuz-jeto-vozmozhnost-kotoruju-nado-pravilno-ispolzovat)

менее, не только с признанием того, что «Евразийский союз способен сделать из своего региона экономически сильного игрока на мировой арене», но и с опасениями по поводу того, что «впервые Евросоюз может столкнуться с серьезным соперником».¹⁶⁹

По мере становления и развития интеграционных процессов на евразийском пространстве наблюдается усиление критики в адрес стран-учредителей ТС и ЕЭП, и в первую очередь России, с целью дискредитации проводимой ими интеграционной деятельности и стремления посеять сомнения в умах политиков, предпринимателей и рядовых граждан по поводу подлинных задач интеграции. Культивируются подозрения по поводу конечных целей интеграционных мероприятий на евразийском пространстве и той роли, которую намерена играть в их проведении Россия, которой приписываются великодержавные и неоимперские планы.

Особенно активное противодействие планам евразийской экономической интеграции наблюдается со стороны определенной части политических и деловых кругов в государствах дальнего зарубежья, в первую очередь в США и странах Евросоюза. Ими ведется активная кампания по дискредитации постсоветских интеграционных начинаний и одновременно выдвигаются и противопоставляются им различного рода альтернативные проекты экономического и политического сотрудничества (типа «Восточного партнерства» или зон свободной торговли с Евросоюзом). В основе этой политики лежат деловые интересы крупнейших мировых игроков, стремящихся не только сохранить, но и существенно расширить свои позиции в экономике постсоветских стран, установить свой контроль над наиболее выгодными и перспективными ее сегментами. Эти интересы подкрепляются и усиливаются также геополитическими соображениями, нескрываемым стремлением не допустить возрождения в любой форме крупного объединенного экономического и политического центра на постсоветском пространстве.

Наиболее показательным в этом плане стало заявление госсекретаря США Х. Клинтон, сделанное ею в декабре 2012 г., в котором она недвусмысленно подчеркнула, что правительство США, стремясь не допустить возрождения Советского Союза под прикрытием экономической интеграции, выступает против образования Евразийского союза и разрабатывает эффективные способы того, как замедлить или предотвратить этот процесс.¹⁷⁰ Это весьма агрессивное заявление, сделанное к тому же одним из высших должностных лиц администрации США, по своему духу характерно, к сожалению, для культивируемой на Западе общей атмосферы неприятия евразийских интеграционных проектов.

Одним из многочисленных примеров не менее негативной оценки евразийской интеграции, хотя и высказанное в более респектабельной форме, явилась, например, статья Дж. Манкоффа, сотрудника влиятельного вашингтонского Центра стратегических и международных исследований, в которой утверждается, что «даже если Москва и не пытается воссоздать СССР, в таких проектах как Евразийский союз, ее постимперское мировоззрение мешает осуществлять истинно добровольную и взаимовыгодную интеграцию или препятствует своим соседям развивать отношения с США, ЕС или Китаем. Москва проводит региональную интеграцию, чтобы удержать соседей на российской орбите, усилить влияние России

¹⁶⁹ Л.Фикс «Евразийский союз Путина может стать конкурентом ЕС» (<http://inopressa.ru/article/01Aug2012/welt/eurasische.html>)

¹⁷⁰ Ch. Clover "Clinton Vows to Thwart New Soviet Union" Financial Times. L. 7.12.12

на их политику, а также ограничить их возможности по развитию отношений с другими державами».¹⁷¹

Аналогичные по своей направленности публикации нередки и в европейских СМИ, примером чего может служить статья «Россия и перспективы Евразийского союза», опубликованная в конце 2011 г. в интернет-издании “Deutsche Welle”. В ней, в частности, говорится со ссылкой на мнение профессора Кельнского университета Г. Симона о том, что «Евразийский союз точно не станет «восточным Евросоюзом». «Ни о каком равенстве, как это принято в ЕС, речи быть не может», - считает Г. Симон и заключает: «К тому же Евразийский союз создается не только ради экономических выгод, но и для достижения определенных военных и политических целей. И первую скрипку в нем, без сомнения, будет играть Россия».¹⁷²

В еще одной статье, озаглавленной «Евразийский союз – новое имя для прежней идеи интеграции», ее автор, К. Хоффманн, признает, что концепция Евразийского союза, предложенная Россией, внешне напоминает концепцию Евросоюза. Однако, утверждает К. Хоффманн, это делается лишь для того, чтобы побудить другие постсоветские государства, особенно те из них, кто проявляет интерес к евроинтеграции, как, например, Украина, к присоединению к Евразийскому союзу, навязывая им, однако, жесткие условия участия в нем вплоть до уступки национального суверенитета.¹⁷³

Со своей стороны, стремясь развеять эти опасения, Москва неоднократно заявляла, что Россия и ее партнеры по интеграции открыты к тесному сотрудничеству с Европейским союзом, в том числе в формате конструктивного диалога и что формирование единого экономического пространства органично вписывается в концепцию выстраивания гармоничного сообщества экономик на евроазиатском континенте.

В контексте этой полемики, ведущейся между сторонниками и противниками евразийской интеграции, заслуживает внимания появление в зарубежной печати в последнее время достаточно сбалансированных аналитических публикаций, к числу которых относится, например, статья «Евразийский Таможенный союз – друг или враг Европейского союза?», подготовленная европейским Центром Фонда Карнеги и вышедшая в свет в октябре 2012 года¹⁷⁴. В ней, в частности, говорится: «Процессы, идущие на постсоветском пространстве в течение последних двух лет, привели к созданию новой реальности для Евросоюза. И хотя модель Евросоюза остается привлекательной в глазах ряда его соседей и продолжает служить для них центром притяжения, для многих других, включая государства Центральной Азии, альтернативным центром притяжения становится Россия». И делается важный вывод: «В Брюсселе должны осознать, что модель Евросоюза, несмотря на свою привлекательность для стран Центральной Европы и Балтии, для постсоветских государств за исключением Молдовы и, может быть, Грузии, видимо, неприменима. В условиях, когда часть этих государств сближается с Таможенным союзом (России, Белоруссии и Казахстана – Г.Ч.), а другие продолжают балансировать между Востоком и Западом, Евросоюзу необходимо приступить к выработке своей евразийской политики. Сделать это будет не просто. Но видимо, неизбежно».

Впрочем, попытки сформулировать и проводить в жизнь такую политику страны Евросоюза предпринимают уже не первый год. К сожалению, однако, ее

¹⁷¹ Jeffrey Mankoff “What a Eurasian Union Means for Washington” The National Interest. Wash. 19.04. 2012

¹⁷² Deutsche Welle. Bonn. 18.12.11

¹⁷³ K. Hoffmann “Eurasian Union – a New Name for an Old Integration Idea”. Russian Analytical Digest. No.112.

April 20, 2012. Zurich. p.2-4

¹⁷⁴ “The Eurasian Customs Union: Friend or Foe of the EU?” (Brussels@carnegieendowment.org 4.10.12)

важнейшими целями являются по существу не столько укрепление отношений сотрудничества с постсоветскими странами, сколько ограничение влияния и фактически вытеснение России из постсоветского пространства.

Наиболее известной в этом отношении стала программа «Восточное партнерство», принятая на саммите ЕС еще в мае 2009 года и направленная на выстраивание тесных межгосударственных отношений с рядом постсоветских государств в Европе и Закавказье, включая Армению, Азербайджан, Белоруссию, Грузию, Молдавию и Украину. При этом практически не скрывалось, что программа будет направлена на достижение соглашений с перечисленными странами по стратегическому партнерству в политической и экономической сферах во имя усиления «западного вектора» их национального развития и выведения их тем самым из-под влияния России.

Последующее развитие показало, однако, что успехи Евросоюза на этом направлении оказались весьма ограниченными, а предпринимавшиеся шаги не оправдали ожидания партнеров ЕС из числа постсоветских стран. Причинами стали и рост экономических проблем в самом Евросоюзе, что, как следствие, привело к провалу намечавшихся программ экономического сотрудничества и содействия реформам; и практически не скрываемое стремление Евросоюза к акцентированию внимания на гуманитарно-правовых аспектах связей с постсоветскими странами, что нередко выливалось в попытки откровенного вмешательства в идущие там внутривнутриполитические процессы.

Столь же малоуспешными оказались аналогичные по своему содержанию усилия Евросоюза по выстраиванию отношений сотрудничества и с постсоветскими государствами в Центральной Азии, сопровождавшиеся попытками ограничить или снизить влияние России и ее интеграционных инициатив в регионе.

Весьма показательными в этом отношении стали результаты визита верховного представителя Евросоюза по внешней политике и политике безопасности К. Эштон в страны Центральной Азии в ноябре 2012 года. В ходе визита было признано, что ранее обещанные программы финансовой помощи практически не были выполнены, а широко разрекламированные планы содействия ЕС центрально-азиатским странам в решении наиболее актуальных проблем их хозяйственного развития, в частности, водной проблемы, были отложены на неопределенное время. В этих условиях Евросоюзу оказалось фактически нечего противопоставить развитию процессов евразийской интеграции в постсоветской Центральной Азии и роли в этом России.

В свою очередь, если заключение формальных соглашений европейских интеграционных экономических объединений с Таможенным союзом и Евразийским экономическим союзом, по всей видимости, потребует еще немалого времени, то в Азиатско-Тихоокеанском регионе перспективы установления официальных форм делового партнерства евразийских интеграционных объединений с рядом региональных стран выглядят вполне достижимыми уже в обозримом будущем.

Свидетельством этому, подчеркивал Президент РФ В.В. Путин на форуме АТЭС во Владивостоке (сентябрь 2012 г.), стало то, что «некоторые страны АТЭС проявляют уже прямой рабочий интерес к тому, чтобы сформировать особые отношения (с евразийскими интеграционными объединениями – Г.Ч.) в рамках зон свободной торговли», а также то, что «координация интеграционных усилий на евразийском и азиатско-тихоокеанском пространствах будет полезна для всех, и в перспективе можно говорить о выстраивании плодотворного диалога между участниками формирующегося Евразийского экономического союза и АТЭС с подключением других региональных объединений»¹⁷⁵

¹⁷⁵ <http://www.kremlin.ru/transcripts/16432>

В частности, речь идет о создании зоны свободной торговли между странами-членами Таможенного союза и Вьетнамом. В сентябре 2012 г. Евразийская экономическая комиссия и Вьетнам заявили об успешном завершении подготовительной работы по проведению переговоров о подписании соответствующего соглашения, отметив наличие существенного потенциала развития между ними торгово-экономических отношений в случае создания совместной ЗСТ. Отмечая многолетний высокий уровень сотрудничества между странами-членами ТС и Вьетнамом в различных торгово-экономических и инвестиционных сферах деятельности и приверженность всестороннему развитию торговли и сотрудничества в АТР, стороны выразили уверенность в том, что заключение соглашения о ЗСТ укрепит их стратегическое партнерство. Ими также была отмечена важность заключения этого соглашения с учетом международной практики и норм ВТО. Начало переговоров по соглашению о ЗСТ между ТС и Вьетнамом было намечено сторонами на 2013 год.¹⁷⁶

Эти решения стали логическим завершением визитов Президента Вьетнама Чьунг Тан Шанга в Россию в июле и в Казахстан в начале сентября 2012 г., в ходе которых вьетнамская сторона заявила о желании сотрудничать с Таможенным союзом и стать его стратегическим партнером. Дальнейшее обсуждение проблематики, связанной с перспективами создания ЗСТ между Вьетнамом и ТС, состоялось в ноябре 2012 года в ходе визита в Ханой премьер-министра РФ Д.А. Медведева и его переговоров с премьер-министром Вьетнама Нгуен Тан Зунгом. В ходе этих визитов подчеркивалось, что установление такого сотрудничества позволит сторонам выйти на принципиально более высокий уровень взаимодействия, в том числе в атомной энергетике, нефтегазовой промышленности и сельском хозяйстве, банковской, телекоммуникационной и туристической областях, в авиасообщении.¹⁷⁷

Предполагается, что в результате заключения соглашения по созданию ЗСТ взаимный товарооборот между членами ТС и Вьетнамом может существенно возрасти уже в ближайшие годы. Россия рассчитывает увеличить его к 2015 году до 7 млрд. долл., или более чем вдвое по сравнению с 2012 годом, и продолжить дальнейший его рост.¹⁷⁸ Реальность этих прогнозов подтверждается заключением ряда перспективных соглашений о сотрудничестве в энергетической области – как в нефтегазовой сфере, так и в мирном использовании ядерной энергии. В частности, Россия намерена начать в 2014 строительство АЭС «Ниньтхуан» во Вьетнаме, которая будет состоять из двух энергоблоков с реакторами мощностью до 1,2 Гвт, и поставку необходимого для этого оборудования. В нефтегазовой сфере наряду с продолжением российско-вьетнамского сотрудничества на шельфе Южно-Китайского моря предполагается также участие Вьетнама в разработке Ямало-Ненецкого месторождения в России.

Наряду с интенсификацией взаимных деловых связей такое сотрудничество должно будет послужить и обмену опытом в осуществлении эффективных форм хозяйствования. В этой связи несомненный интерес для России, Белоруссии и Казахстана может представить успешный опыт Вьетнама в организации специальных экономических зон, позволивших привлечь в страну значительный объем зарубежных инвестиций.

Успешный исход переговоров между членами Таможенного союза и Вьетнама важен не только сам по себе, но и тем, что он может послужить прологом к

¹⁷⁶ «ТС и Вьетнам начнут переговоры о зоне свободной торговли в 2013 году»

(<http://telegraf.by/2012/09/ts-i-vietnam-nachnut-peregovori-o-zone-svobodnoi-torgovli-v-2013-godu>)

¹⁷⁷ <http://www.regnum.ru/news/1570070.html?forprint>

¹⁷⁸ <http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--plai/docs/21406/>

проведению переговоров членов ТС по вопросу присоединения на коллективной основе к создаваемой Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) организации Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП). В задачу РВЭП входит установление режима свободной торговли с широким кругом внешнеэкономических партнеров Ассоциации, как уже имеющими с ней действующие соглашения о ЗСТ (как, например, Китай), так и еще ведущими с ней переговоры по этим вопросам. В результате создания РВЭП, запуск которой намечен до 2015 года, в мире может возникнуть самая крупная зона свободной торговли.¹⁷⁹

Другой страной Азиатско-тихоокеанского региона, проявляющей заинтересованность в установлении и развитии деловых связей с ТС и Евразийским экономическим союзом является Новая Зеландия. Министр торговли Новой Зеландии Т. Гросер в ходе своего визита в Москву в июне 2012 г. заявил, что планируемое подписание соглашения о зоне свободной торговли с Таможенным союзом, выгодное обеим сторонам, позволит существенно расширить рамки и без того крупной тихоокеанской интеграционной зоны. «Уникальное экономическо-географическое положение России, Белоруссии и Казахстана, - сказал Гросер, - позволяет квалифицировать эти три страны как своего рода экономический и транзитный "мост" в регион Евросоюза, который является важнейшим торговым партнером и Новой Зеландии, и стран ТС; кроме того, упомянутое соглашение укрепит позиции всего Таможенного союза в экономике Тихоокеанского бассейна»¹⁸⁰

В то же время Гросер отметил, что формирование зоны свободной торговли с Таможенным союзом в сфере сельского хозяйства и пищевых отраслей "ввиду значимости агросектора для национальных экономик и их экспортных возможностей" предусматривает необходимость переходного периода, длительность которого пока трудно обозначить точно. В ходе него сторонам предстоит уточнить режим торговли и сотрудничества в этой сфере, равноправного доступа инвестиций и технологий в сельское хозяйство, а также ценовые и пошлинные вопросы.

В ходе переговоров ТС с Новой Зеландией сторонам удалось постепенно сблизить позиции по вопросам взаимного доступа на товарные рынки, санитарному, фитосанитарному и техническому контролю, таможенным процедурам, а также по определению страны происхождения товаров. Положительная динамика, по мнению сторон, наблюдается и в переговорах по защитным торговым мерам, торговле услугами, защите интеллектуальной собственности.

Суммируя сказанное, следует, на наш взгляд, отметить, что ведение Таможенным союзом переговоров с ЕАСТ, Евросоюзом, Вьетнамом или Новой Зеландией означает не только признание правосубъектности ТС на международной арене и укрепление его авторитета, но и создает благоприятные предпосылки для включения в международную торговую и экономическую систему также других интеграционных образований на евразийском пространстве – ЕЭП и Евразийского союза. Как следствие, должно происходить постепенное преодоление недоверия и подозрительности в отношении целей евразийской экономической интеграции со стороны других субъектов международных экономических отношений и создаваться дополнительные возможности для развития взаимовыгодных торговых, финансово-кредитных и инвестиционных отношений.

Необходимо также подчеркнуть, что становление и развитие евразийской экономической интеграции уже более не может рассматриваться исключительно в

¹⁷⁹ Sanchita Basu Das "Asia's Regional Comprehensive Economic Partnership"

(<http://www.eastasiaforum.org/2012/08/27/asias-regional-comprehensive-economic-partnership>)

¹⁸⁰ «Новая Зеландия планирует примкнуть к Таможенному союзу» Российская Бизнес-газета. М. 5.06.12 № 850 (21)

категориях межгосударственных отношений бывших советских республик, а ныне суверенных государств Евразии. По своему значению это явление, вполне очевидно, носит даже не региональный, а глобальный характер, и его стратегические перспективы будут определяться сложным переплетением и взаимодействием многих внутренних и внешних факторов политического, экономического и социального характера.

Э.А.Попов

ВЫБОРЫ НА УКРАИНЕ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Итоги парламентских выборов на Украине 28 октября 2012 г. сразу же после подведения предварительных итогов произвели впечатление сенсации. Главный их итог — падение уровня электоральной поддержки «старых» (как провластных, так и оппозиционных) партий, свидетельствующий об углублении системного кризиса сложившейся за последнее десятилетие партийной системы.

Выборы проводились по смешанной системе — 225 депутатов избраны в общегосударственном многомандатном округе по избирательным спискам от политических партий, а остальные 225 — по мажоритарной системе в одномандатных округах. Участие в выборах приняли только политические партии; участие блоков, состоящих из партий, не было предусмотрено.

В одномандатных округах были избраны 220 депутатов, из них от Партии регионов — 113, от "Батькивщины" — 39, от "Свободы" — 12, от партии "УДАР" — шесть, от "Единого центра" — три, от Народной партии — два, по одному — от партии "Союз" и радикальной партии Олега Ляшко, а также 43 самовыдвиженца. Результаты голосования по партийным спискам: Партия регионов получила 72 мандата, "Батькивщина" — 62, "УДАР" — 34, Компартия — 32, "Свобода" — 25.

Таким образом, от Партии регионов в парламент вошли 185 депутатов, от "Батькивщины" — 101, от "УДАРа" — 40, от "Свободы" — 37, от коммунистов — 32, от "Единого центра" — 3, от Народной партии — 2, от "Союза" — 1, от Радикальной партии Олега Ляшко — 1. Помимо этого, в Верховную Раду попали 43 самовыдвиженца. Эти результаты для многих оказались неожиданными. К примеру, еще за 3-4 месяца до дня голосования аналитики ставили под сомнение возможность преодоления неонацистской партией «Всеукраинское объединение «Свобода»» проходного барьера.

Сразу оговоримся по терминологическим вопросам. ВО «Свобода» неоправданно именуется в украинской и российской прессе националистической партией. Однако следы идеологии украинского национализма можно обнаружить также в программах других, более умеренных партий и блоков, в том числе, прошедших в нынешний состав Верховного совета (рады) Украины. Тогда как системообразующие пункты свободовской программы позволяют идентифицировать ее как партию неонацистской направленности. Воинствующий антисемитизм и русофобия, призыв к расовой и этнической сегрегации — эти и ряд других партийных тезисов и деклараций выводят «Свободу» далеко за рамки даже радикального национализма.

Напомним, что генезис «Свободы» проистекает из Социал-национальной партии Украины (СНПУ), от которой ее отличает больше тактический, хотя и немало важный компонент: отказ от приоритета прямого действия в пользу парламентских форм борьбы. Подобную трансформацию прошла в свое время и Германская

национал-социалистическая партия трудящихся (НСДАП), после провала неудачного похода на Берлин, известного как «пивной путч» (8-9 ноября 1923 г.) поменявшая акценты в методах политической борьбы в пользу легального и формально легитимного захвата власти. В трансформации идеологической программы и методологии политической борьбы «Свободы» можно обнаружить немало параллелей с германской предшественницей. В том числе, в вопросах электоральной работы, позволившей этой в общем-то маргинальной сегодня на Украине партии добиться впечатляющих успехов на «чужой» территории – в частности, в методике привлечения финансовых средств у мелкого предпринимательства и крупного финансового капитала. Этот аспект электорального успеха «Свободы» требует отдельного рассмотрения. Однако очевидно, что успех «Свободы» на выборах был бы невозможен – даже при изобретательной избирательной политике – без наличия неких договоренностей внутри украинских политических верхов. В радикально националистических и неонацистских кругах Украины еще на начальном этапе после победы Виктора Януковича на президентских выборах (январь 2010 г.) раздавались обвинения в адрес лидера «Свободы» Олега Тягнибока в соглашательстве с финансистами Партии регионов. Дело в том, что использование «Свободы» в качестве жупела неонацистов объективно отвечает внутри- и внешнеполитическим интересам регионалов. В целом же фракция «Свобода» играет подчиненную роль в нынешнем составе Верховного совета (рады) и используется для оказания давления на «прежнюю» «оранжевую» оппозицию и внешнеполитических конкурентов Украины.

Представляется, что главное предназначение парламентской фракции «Свободы» все же связано с внешнеполитическим фактором. В частности, она может быть использована для воздействия на соседние страны, особенно те из них, которые имеют сложные взаимоотношения с Украиной – прежде всего Венгрии и Румынии (проводящих политику этнической мобилизации и политизации собственных соответственно мадьярского и румынского меньшинств, проживающих на украинской территории), Польши (использующей в конкурентной политической борьбе вопрос «волынской резни» 1942-1943 гг. польского населения украинскими коллаборационистами) и, конечно, России. В частности, ожидаемым следствием прохождения свободовцев в Раду и объединение вокруг них парламентской антироссийской оппозиции стало инициирование вопроса о денонсации Харьковских соглашений и судьбе российской военно-морской базы в Севастополе. Указанная фракция нужна также нынешнему руководству Украины и для муссирования такого острого и болезненного вопроса, как ценообразование на газ, поставляемый из России на Украину. Хотя, конечно, возможностей и масштабов влияния неонацистской фракции не следует преувеличивать, поскольку она играет подчиненную роль в украинской политической жизни.

Сейчас российско-украинские отношения в газовой сфере находятся в состоянии очередного кризиса. Украинская сторона в обход договоренностей периодически не добывает газ, поставляемый России. И если в 2012 г. ОАО «Газпром» не пошел на предъявление штрафных санкций, продемонстрировав жест доброй воли, то в начале 2013 г. позиция российского газового монополиста изменилась. Поскольку объемы недобора украинской стороной российского газа растут (это является отражением общеевропейской тенденции снижения потребления газа и превышения предложения перед спросом), «Газпром» недополучает существенную долю ожидаемой выручки. В соответствии с двусторонними контрактами украинская компания должна была закупить в 2012 г. не

менее 41,6 млрд кубометров газа, по факту же «Нафтогаз» употребил около 27 млрд¹⁸¹.

В середине февраля «Газпром» предъявил счет компании «Нафтогаз Украины» в размере 7 млрд долларов. При этом каждая из сторон апеллирует к собственной системе аргументации. Киев стремится политизировать вопрос, увязывая высокую цену на голубое топливо с давлением России, требующей вхождения Украины в Таможенный союз. Украинская сторона требует предоставления серьезных скидок на газ, предлагая взамен участие «Газпрома» на паритетных началах с европейскими газовыми компаниями в долгосрочной аренде собственной ГТС. Скептическое отношение российской стороны к данному предложению обоснованно, так как оно выдает двойную выгоду Украины — от снижения цены на российский и реэкспортируемый Россией газ и желание модернизировать стремительно устаревающую газо-транспортную систему за счет зарубежных арендаторов.

Позиция российской стороны заключается в последовательной деполитизации газовых споров и возвращение их на почву экономических, юридически закреплённых договоренностей. Предложение Украины выглядит в этом контексте неадекватным, особенно в свете падающих объемов транспортировки российского газа через украинскую территорию после ввода в строй «Северного потока» и готовящегося ввода «Южного потока». Однако на стороне Украины возможность (по крайней мере, гипотетическая) возбуждения судебных разбирательств в международных арбитражных судах. Возможность возникновения каких-то прецедентов и создание сложностей «Газпрому» играет на руку украинской стороне, поскольку перспективы судебных разбирательств достаточно непредсказуемы и, как минимум, неприятны для российской стороны.

Однако в Киеве осознают ограниченность ресурса международного арбитража и делают главную ставку на достижение двусторонних договоренностей. С этой целью состоялась серия встреч российского и украинского президентов, на которых основным обсуждаемым вопросом стал вопрос ценообразования на российский газ. Последняя такая встреча состоялась совсем недавно. При этом каждая из сторон видела свою главную повестку дня. В. Путин акцентировал внимание на вопросе о возможном подключении Украины к интеграционным процессам на евразийском пространстве — к Таможенному союзу России, Белоруссии и Казахстана и Евразийскому экономическому пространству. По словам российского президента, процитировавшего специалистов Института прогнозирования Академии наук Украины, рост ВВП Украины от такого присоединения составит от 1,5 до 6%¹⁸². Украинская же сторона традиционно апеллирует к российским коллегам по вопросу цен на поставляемый газ. Выступая на одном из украинских телеканалов накануне встречи, президент Украины выразил надежду, что цена на российский газ будет снижена.

В ходе встречи президент России выразил сожаление по поводу сокращения российско-украинского товарооборота. В позапрошлом году он был 50 с небольшим миллиардов, в прошлом — уже 45. Подразумевался недобор украинской стороной российского газа, а также изменение структуры взаимной торговли в сторону сокращения негазовой составляющей российского экспорта. За январь-ноябрь 2012 г. размер внешней торговли с Россией составил лишь 89,7% объема торговли за

¹⁸¹ Эксперт. №5. 4-10 февраля 2013 г. С. 8.

¹⁸² Встреча с Президентом Украины Виктором Януковичем // Президент.рф. Дата публикации: 4 марта 2013 г.; Путин объяснил Януковичу выгоду от вступления в Таможенный союз // РИА «Новости». 4 марта 2013.

аналогичный период предыдущего, 2011 года¹⁸³. В канун встречи в верхах отмечалось, что Россия – главный торговый партнер Украины (30% в общем объеме украинского товарооборота в 2012 г.). Украина занимает первое место среди торговых партнеров России на пространстве СНГ. Именно на важность и взаимовыгодность экономической кооперации между двумя странами обращалось внимание российской стороной, а не только на газовые проблемы.

Общий спад торговых объемов при растущем украинском экспорте в Россию характерен и для региональной торговли. Продемонстрируем это на примере взаимной торговли между российским и украинскими участниками еврорегиона «Донбасс» (ЕД), созданным в октябре 2010 г. и включающим в себя Ростовскую область России и Донецкую и Луганскую области Украины.

Вторая волна экономического кризиса, а также вступление России в ВТО существенно повлияли на объёмы торгового оборота приграничных регионов двух стран. За девять месяцев 2012 г. объем торговли между Ростовской областью и Украиной уменьшился по сравнению с аналогичным периодом 2011 года на 33%. Товарооборот внутри региона «Донбасс» сократился более чем в два раза. Экспорт в Донецкую и Луганскую области уменьшился в 2 раза. Импорт из Донецкой области сократился в 1,8 раза; из Луганской области — на 12%.

Обращает внимание более заметное сокращение доли экспорта донских товаров (в 2,3 раза) по сравнению с украинским импортом (в 1,9 раза). Наиболее резкое сокращение экспортируемых из Ростовской области на Украину товаров пришлось на минеральные продукты (в 2 раза) и продукцию машиностроения (в 3 раза). В Донецкую область объем поставок минерального топлива и нефти уменьшился в 3,2 раза; машиностроительной продукции в 1,5 раза. Полностью прекращен экспорт табачных изделий. В тоже время увеличились объемы поставок черных и цветных металлов (практически в 4 раза), изделий из стекла и изделий из пластмасс (почти в 5 раз).¹⁸⁴ Учитывая, что на минеральные продукты и продукцию машиностроения приходится 83% всех экспортируемых в Донецкую область товаров, увеличение поставок черных и цветных металлов, а также изделий из стекла и пластмассы (около 10%) лишь незначительно компенсировало издержки от резкого сокращения донского экспорта. Падение объёмов экспорта продукции машиностроения (более чем в 3 раза), минеральных продуктов (более чем в 9 раз), древесины и целлюлозно-бумажных изделий (в 1,5 раза) в Луганскую область также затронули основные статьи донских экспортируемых товаров в данный регион (60% от всех товарных групп в 2012 г.).¹⁸⁵

Интенсификация торговых отношений в рамках ЕД, в частности, устранение таможенных барьеров позволит нарастить сбыт украинской продукции в Ростовскую область, что может привести к сокращению местного донского производства. В этой связи возрастает необходимость разработки эффективной государственной стратегии по защите российских производителей от зарубежной конкуренции. Сказанное выше применимо и к общей ситуации российско-украинского сотрудничества. Присоединение России к ВТО ужесточит конкурентную борьбу российских производителей с украинскими и другими зарубежными предприятиями и потребует более эффективной защиты собственных интересов в мире глобализующейся экономики.

¹⁸³ См.: Географическая структура внешней торговли Украины товарами за январь-ноябрь 2012 года // www.ukrstat.gov.ua

¹⁸⁴ Торгово-экономическое сотрудничество Ростовской области с Донецкой областью Украины за 9 месяцев 2012 года // <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=115523>

¹⁸⁵ Торгово-экономическое сотрудничество Ростовской области с Луганской областью Украины за 9 месяцев 2012 года // <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=115522>

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ СТРАХУЕТСЯ ОТ ИСЛАМИСТСКОЙ УГРОЗЫ

Согласно прогнозу Международного валютного фонда, республики Центральной Азии ждут в 2013 году позитивные перспективы экономического роста во многом благодаря сложившейся в 2012 году в Центральной Азии относительно благоприятной для экономического развития ситуации¹⁸⁶. Страны региона сумели в 2012 г. избежать крупных политических катаклизмов, несмотря на целый ряд проблем, в числе которых – бедность, коррупция, безработица, межэтнические и межклановые трения, рост влияния наркомафии и пр. Хотя между центральноазиатскими государствами (Узбекистан – Таджикистан, Узбекистан – Кыргызстан) сохраняются непростые отношения, вызванные, в том числе, и водной проблемой, эти разногласия не вылились в прошедшем году в межгосударственные столкновения или же конфликты с применением военной силы. Определенную напряженность в регионе создавала близость Афганистана, где ситуация оставалась непредсказуемой и взрывоопасной.

Не сработал в Центральной Азии и сценарий «Арабской весны» по причине того, что централизованная власть во всех государствах региона создала систему жесткого контроля за силовиками, оппозицией, печатными и электронными СМИ. Клановая структура и авторитарные методы правления ставят здесь пока заслон на пути сторонников «исламской альтернативы». Кроме того, в Центральной Азии, имеющей слабые связи с ближневосточным регионом и его мусульманскими организациями, отсутствуют (за исключением, возможно, Кыргызстана и Таджикистана) традиции массового общественного протеста, механизмы быстрой мобилизации общества на протестные акции, которые имеются на Арабском Востоке. Ну и, конечно же, страны с высокими доходами от нефтегазового экспорта (Казахстан, Туркменистан) пользуются возможностями смягчить недовольство населения принятием социальных программ, повышением пенсий, пособий по безработице и пр.

Наконец, в Центральной Азии отсутствует (по крайней мере, до 2014 года, когда планируется завершить вывод войск международной коалиции из Афганистана) заинтересованность внешних сил в раскачивании ситуации. США и НАТО, во многом зависящие от центральноазиатских государств и их транзитных и транспортных возможностей, постараются сформировать в регионе важный стратегический коридор – для доставки в Афганистан военных грузов и вывоза их обратно, а также для обратной перекачки нефти и газа в Европу.

В соответствии с устоявшейся в постсоветских государствах Центральной Азии традицией здесь не проводят четкой грани между мусульманскими организациями, относя их всех, как правило, к числу экстремистских. Это – «Братья мусульмане», действующие через свою аффилированную сеть, как, например, «Общество социальных реформ», запрещенное в России, и чей филиал недавно был обнаружен на юге Казахстана. Это такие организации, как «Комитет мусульман Азии», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Партия исламского освобождения), «Таблиги Джамаат» (Общество, призывающее к вере), «Адолат Уюшмаси» (Общество справедливости), «Восточно-Туркестанская исламская партия», «Центр исламского развития», «Товба» (Покаяние) и другие. Хотя такие организации как «Хизб ут-

¹⁸⁶ См. опубликованный 11 ноября 2012 г. и размещенный на сайте МВФ доклад «Перспективы развития региональной экономики в странах Ближнего Востока и Центральной Азии» (http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/reo/mcd/2012/cca1112_hir.pdf).

Тахрир» и «Таблиги Джамаат» заявляют о мирном и аполитичном характере своей деятельности, считается, тем не менее, что их часто используют в качестве прикрытия для подготовки террористических акций. «Хизб ут-Тахрир» рассматривается при этом как одна из крупнейших оппозиционных групп в Центральной Азии (в ней насчитывается от 15 тыс. до 20 тыс. членов).

Наибольшая угроза безопасности центральноазиатских государств исходит от группировок аль-каидовского типа, к числу которых принадлежит самая известная из всех центральноазиатских исламистских организаций – «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), попавшее в официальный список террористических организаций ряда стран, в том числе и России. Данная структура, нацеленная на создание исламского государства и насильственную смену власти в Узбекистане и Таджикистане, внешне представляет собой «многоголовую гидру»: само ИДУ, отколовшиеся от него движения (Исламский союз джихада и пр.) и, возможно, продолжающие существовать в Узбекистане и ряде других центральноазиатских республик «спящие ячейки», способные действовать автономно. По данным Генпрокуратуры Таджикистана, «Джамоат Ансаруллох» (Общество сподвижников Аллаха), являющееся таджикской ветвью ИДУ, получает финансирование от Аль-Каиды. В мае 2012 года Верховный суд Таджикистана признал деятельность «Джамоат Ансаруллох» террористической и экстремистской и объявил данное движение вне закона.

Есть много неясностей относительно реальных возможностей ИДУ и других исламистских движений дестабилизировать ситуацию в Центральной Азии. Скорее всего и ИДУ, и афганское террористическое подполье больше фон, а не серьезный фактор политической жизни Центральноазиатского региона. Некоторые эксперты считают, что эти экстремистские организации пока не располагают возможностью сконцентрировать на афганской границе силы, достаточные для вторжения в Таджикистан или Узбекистан, и вооруженные силы постсоветских республик располагают возможностями, достаточными для отражения или разгрома небольших отрядов оппозиции. Однако ситуация может измениться, и дестабилизация в приграничных с Афганистаном республиках, спровоцированная нападением боевиков ИДУ (как это неоднократно происходило в прошлом), может потребовать вооруженного вмешательства со стороны России и ОДКБ.

Наиболее уязвимым с точки зрения безопасности остается Таджикистан, имеющий с Афганистаном самую протяженную и во многом незащищенную границу. Он более других рискует подвергнуться нападению радикальных религиозных организаций типа Исламского движения Узбекистана и Аль-Каиды. Растет и популярность Партии исламского возрождения (ПИВТ) – единственной исламистской партии, легально действующей на территории Центральной Азии, поскольку она представлена в парламенте Таджикистана. По словам председателя ПИВТ и депутата нижней палаты парламента Таджикистана Мухиддина Кабири, ПИВТ насчитывает 42 тыс. человек, из которых более 50% – женщины. По подсчетам российского эксперта А. Грозина, из примерно миллиона таджикских мигрантов, работающих в России, 200-300 тыс. являются сторонниками ПИВТ.

Эта партия уже привлекла к себе внимание США, не исключая для себя диалога с «умеренными исламистами» в Афганистане и на Ближнем Востоке. Обращают на себя внимание в этой связи переговоры, которые провел 17 сентября 2012 г. в Вашингтоне курирующий регион Южной и Центральной Азии помощник госсекретаря США Р. Блейк с М. Кабири, приехавшим в американскую столицу по приглашению Университета Джорджа Вашингтона «для чтения лекции». Учитывая, что Кабири имеет имидж прозападного политика, ориентированного на модернизацию ислама (в отличие от другого лидера ПИВТ Мухаммада Нури,

считающегося сторонником ориентации на Иран), нельзя полностью исключить в будущем поддержку американцами Кабири как одного из реальных оппонентов власти и влиятельного оппозиционного элемента.

В соседнем Узбекистане президентские выборы состоятся только в 2015 г. Тем не менее проблема с выбором преемника действующего президента активно обсуждается. Ситуация осложнена тем, что в Узбекистане, как и у его соседей по региону, отсутствуют четко установленные и устоявшиеся правила преемственности власти, а потому есть опасность, что неопределенностью ситуации в переходный период могут воспользоваться радикальные исламистские круги. Ведя антиправительственную агитацию среди социально активной части населения – молодежи, они способны направить существующий протестный потенциал на подрыв светских устоев государства. И хотя подобный сценарий пока не просматривается в Узбекистане, исключать его, а также какие-то иные варианты внутривнутриполитической дестабилизации республики, не стоит. Осознавая это, правящая элита Узбекистана воспринимает проблему радикализации ислама как одну из реальных угроз безопасности республики.

В наименее исламизированном государстве Центральной Азии – Казахстане возникший в последние годы риск террористической угрозы в 2012 г. так и не был снят. Здесь в 2011-2012 гг. теракты были зафиксированы в таких крупных городах и областных центрах, как Актобе, Атырау, Астана, Алматы, Тараз. С начала 2012 года по 21 сентября в Казахстане было проведено 5 антитеррористических операций по обезвреживанию предполагаемых террористов, большинство из которых были убиты. Ответственность за террористические акты взяла на себя неизвестная ранее исламистская группировка «Солдаты Халифата» (Jund al Khalifah), имевшая связи с Аль-Каидой и занимавшаяся для нее подготовкой боевиков. Обращает на себя внимание, что теракты в стране совпали с активизацией политической борьбы за кресло президента Н. Назарбаева. Участились и ужесточились нападения с участием исламистов также и после того, как Казахстан пошел на радикальное сближение с Россией, вступил в Таможенный союз, стал строить с Москвой единое евразийское пространство.

Власти Казахстана не исключают возможности использования территории республики для незаконного транзита оружия и наркотиков, в том числе с помощью организаций, считающихся исламистскими. При этом в южных районах Казахстана, где имеется большая узбекская диаспора, увеличивающаяся за счет нелегальных трудовых иммигрантов из Узбекистана, наблюдается быстрая радикализация ислама. Замечена здесь спецслужбами и деятельность Хизб-ут Тахрир. Так что многое (к примеру появление листовок с антиправительственными призывами и происламистским содержанием) говорит о том, что Казахстану не удастся оставаться в стороне от процессов исламизации, проявляющихся в том числе и в форме религиозного экстремизма, и опасность состоит в возможности использования исламистами социального недовольства.

Кыргызстан, экономика которого остается самой открытой в регионе и который является одним из крупнейших в мире получателей денежных переводов от трудовых мигрантов, сумел избежать в 2012 г. революционных потрясений. В республике, однако, резко возросло число приверженцев запрещенных религиозных течений, легально действующих под видом различных общественных объединений. В мае 2012 года отмечалось существенное увеличение количества молитвенных домов (до 2 тысяч), при том что на юге республики расположено более 70% всех мечетей.

Есть основание предполагать, что благодаря денежным переводам, большая часть которых поступает из России от киргизов-трудовых мигрантов, а также

потоков экономической помощи, прежде всего из России, политическая обстановка в Киргизии постепенно стабилизируется. Будет играть роль и такой фактор, как усталость населения от волнений, которые сотрясали Киргизию на протяжении последних лет и привели к спаду производства, инфляции, массовой миграции безработного населения, а в политическом плане – к деформации институтов государства, падению их престижа.

Туркменистан, где на состоявшихся 12 февраля 2012 г. президентских выборах Г. Бердымухамедов предсказуемо был переизбран на новый срок, продолжил строить свою внешнюю политику на принципах позитивного нейтралитета. Она поддерживается ООН и ведущими глобальными игроками – не в последнюю очередь из-за их заинтересованности в богатейшем газовом потенциале республики и инициированных туркменской стороной важных проектов в энергетической и транспортной сферах. Таков, в частности проект газопровода ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия), находящийся на стадии практической реализации.

В сфере внешней политики траектории центральноазиатских государств несколько различались. Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан, наряду с военно-политическим сотрудничеством с США/НАТО, участвовали в ОДКБ и укрепляли союзнические связи с Россией. Узбекистан, приостановивший летом 2012 года свое участие в деятельности ОДКБ, продолжил курс на расширение военного сотрудничества с США/НАТО. Туркменистан сохранил свой нейтралитет в региональных делах.

Россия заинтересована в минимизации существующих рисков и угроз в Центральной Азии, снижении там уровня межнациональной напряженности, предотвращении потенциальных конфликтов, которые могут быть вызваны территориальными, этническими и социальными противоречиями. В числе других приоритетов России в Центральной Азии – борьба с негативными тенденциями, связанными с ростом религиозного экстремизма, терроризма и наркоторговли; обеспечение безопасности маршрутов прокачки каспийских нефти и газа; восстановление Афганистана и создание условий для безопасного развития всего региона Центральной Азии.

Для противодействия угрозе религиозного экстремизма и терроризма государствам региона нужны, помимо сильной армии и специально обученных сил быстрого реагирования, стратегия ответа на внешние вызовы и риски, которую трудно выработать без внешней помощи. Ее, в том числе и в сфере разведки и безопасности, они могут получить от России, которая сама кровно заинтересована в ликвидации исламистской угрозы. Разумной альтернативой может стать инициируемая Россией углубленная экономическая интеграция, которая стимулирует модернизацию и будет способствовать сохранению светского характера политических систем государств региона.

А.Б. Крылов

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ГРУЗИИ

Парламентские выборы в Грузии, прошедшие 1 октября 2012 г., принесли победу оппозиционной коалиции «Грузинская мечта» миллиардера Бидзины Иванишвили, набравшей 54,85% голосов. Действующий президент Грузии М. Саакашвили объявил, что его партия переходит в оппозицию. Б. Иванишвили сформировал новое правительство и стал премьер-министром.

Парламентские выборы изменили внутривнутриполитический ландшафт радикальным образом. М. Саакашвили и его команда утратили прежнюю политическую монополию, победа «Грузинской мечты» породила надежды на улучшение отношений с Россией. Однако, вне зависимости от «фактора Саакашвили», который будет оставаться президентом еще год после парламентских выборов, уровень межгосударственных противоречий несколько высок, что рассчитывать на скорую нормализацию отношений не приходится.

Главным противоречием в отношениях между Россией и Грузией продолжают оставаться Абхазия и Южная Осетия. Представители нового грузинского правительства выдвинули лозунг «Все, кроме признания». Однако он оказался неприемлемым ни для России, ни для Абхазии и Южной Осетии, власти которых настаивают на признании сложившейся реальности, то есть на официальном признании Тбилиси независимости ее бывших автономий.

За территориальную целостность Грузии и возврат Абхазии и Южной Осетии под власть Тбилиси продолжают выступать США и их союзники. В поддержку российского подхода, согласно которому на месте Грузинской ССР теперь существует три независимых государства, выступили те государства, которые официально признали независимость Абхазии и Южной Осетии и установили с ними дипломатические отношения (Никарагуа, Венесуэла, Науру, Вануату и Тувалу). Несмотря на взаимоисключающие подходы к Абхазии и Южной Осетии, Б. Иванишвили выразил надежду, что ему удастся «найти точки соприкосновения» с Россией, которые находятся, в первую очередь, в сферах экономики и культуры.

Необходимость радикальных перемен во внешней и внутренней политике обусловлена не личными симпатиями тех или иных политических деятелей, они имеют объективный характер и продиктованы в первую очередь интересами сохранения Грузии в качестве независимого государства. М. Саакашвили и его сторонники были наиболее радикальными сторонниками западной демократии и США как главного носителя и «распространителя» этой демократии.

Осуществив ряд популярных мер в частности, в борьбе с коррупцией, и достигнув немало во внешней и внутренней пропагандистской деятельности, М. Саакашвили так и не провел эффективных экономических реформ. Грузия существовала благодаря масштабной финансовой помощи от США и ЕС и многие годы представлялась на Западе в качестве образца для постсоветских государств и особо успешного примера трансформации постсоветского общества по направлению к западной демократии. На деле при М. Саакашвили в стране сложилась наиболее жесткая в регионе авторитарная модель управляемой имитационной демократии.

Контролирующий все ветви грузинской власти, а также политическую жизнь и общество в целом М. Саакашвили мог оставаться у власти еще долгое время и даже стать «пожизненным президентом». Возможность отказа от такого сценария могла возникнуть скорее не под влиянием внутривнутриполитических процессов в Грузии, а благодаря роли внешнего фактора. И именно внешний фактор оказал определяющее влияние на развитие событий в октябре 2012 г., когда американская и европейская дипломатия совместными усилиями заставили и грузинскую власть, и оппозицию удержаться в конституционных рамках: воздержаться от силовых методов борьбы, массированного применения «черных» предвыборных технологий, масштабной фальсификации при подсчетах и т.п.

Благодаря сильному внешнему давлению на политическую элиту грузинский избиратель получил реальную возможность путем голосования определить результаты парламентских выборов. Сразу после обнародования официальных результатов руководители США и европейских стран положительно оценили парламентские выборы в Грузии и приветствовали процесс мирной передачи

власти¹⁸⁷. Для этого есть основания: за двадцатилетний постсоветский период мирной передачи власти в стране еще не было. Президенты Гамсахурдия и Шеварднадзе были свергнуты насильственным путем, причем первый из них погиб при невыясненных обстоятельствах.

Если на предстоящих в 2013 г. президентских выборах третий по счету президент постсоветской Грузии М. Саакашвили передаст власть своему преемнику конституционным путем, это станет для страны важным прецедентом, который продемонстрирует дееспособность государственных институтов и зрелость общества. Но необходимо учитывать, что сама по себе победа оппозиционного блока «Грузинская мечта» на парламентских выборах еще не является таким прецедентом, она лишь создает для него условия. Пока же Грузию ожидает сложный и довольно длительный период сосуществования оппозиционных по отношению друг к другу парламента и президента, который весьма напоминает «двоевластие» из российской истории столетней давности.

В случае если новому правительству удастся взять в свои руки бразды правления и обеспечить политическую стабильность и хотя бы минимальное социально-экономическое развитие, а также, что не менее важно – при дальнейшем «умиротворяющем» внешнем влиянии - у будущего кандидата «Грузинской мечты» есть все шансы стать преемником М. Саакашвили. В этом случае исторический для Грузии опыт конституционной смены власти действительно состоится.

Однако на пути такого сценария имеются большие трудности. Объединившийся вокруг Б. Иванишвили политический блок состоит из самых разных политических сил, что уже в скором будущем может поставить под вопрос его единство. Другой опасностью являются ожидания большей части грузинских избирателей, которые связывают с «Грузинской мечтой» надежды на быстрое решение социально-экономических проблем страны.

Такие завышенные ожидания нередко ведут к разочарованию во вчерашних кумирах. В Грузии для подобного разочарования есть все предпосылки. При Саакашвили произошли положительные сдвиги в энергетике (при Шеварднадзе перебои с электричеством имели регулярный и повсеместный характер), дорожном хозяйстве, полиции. Радикальная реформа местного ГАИ в течение многих лет вызывала восторженные оценки, как в Грузии, так и за ее рубежами, особенно в тех постсоветских государствах, граждане которых продолжают страдать от произвола властей, полиции и инспекторов ГАИ. По общему признанию, города и столица Грузии стали куда более безопасными, чем во времена предшественников М. Саакашвили.

Для «Грузинской мечты» крайне важно, чтобы ситуация не ухудшилась до следующих президентских выборов. Но здесь против нее может сыграть «проблема 2013 года», с которой столкнулся бы и сам Саакашвили, если бы он сумел остаться у власти. Дело в том, что все достижения последних лет базировались на широкомасштабной финансовой помощи из США и ЕС. При этом лишь небольшая часть поступающих средств предоставлялась на различные гуманитарные проекты на безвозмездной основе. Остальное составляли кредиты и займы. В результате общий внешний долг Грузии по состоянию на 30 июня 2012 года достиг 12,0 млрд. долларов (19,7 млрд. лари)¹⁸⁸.

Очевидно, что выплата столь объемного долга является непосильной задачей для небольшой по размерам и не обладающей значительными природными кладовыми Грузии. Это не является секретом для иностранных кредиторов, которые, скорее всего, пойдут на всевозможные реструктуризации и на списание части

¹⁸⁷ <http://inosmi.ru/sngbaltia/20121011/200737390.html>

¹⁸⁸ <http://www.cbonds.info/az/rus/news/index.phtml/params/id/602391>

грузинских долгов. Но даже при самом благожелательном для Грузии отношении иностранных кредиторов возникает проблема: на какие средства стране жить дальше?

При Саакашвили большая часть полученных средств была потрачена куда угодно, но не на развитие экономики. В стране не было построено крупных предприятий или отраслей экономики, которые позволили бы получать крупные и регулярные доходы. В условиях невозможности выплаты Грузией своих долгов и затяжного кризиса в Европе и США, рассчитывать на поступление новой финансовой помощи из-за рубежа не слишком реально. И проблема, на какие средства жить дальше, неминуемо встала бы перед Саакашвили (останься он у власти). Теперь эта проблема встает перед «Грузинской мечтой», причем если решение не будет найдено в кратчайшие сроки, население может связать ухудшение ситуации не со старой властью, наделавшей долгов и не распорядившейся полученными средствами по-хозяйски, а с пришедшей ей на смену "Грузинской мечтой". В такой ситуации симпатии грузинских избирателей к следующим президентским выборам могут претерпеть большие изменения.

Постоянное давление, которое оказывают на М. Саакашвили США и ЕС, вынуждает его соблюдать цивилизованные «правила игры». Однако не ясно, сохранится ли такое давление если, «Грузинская мечта» не сможет решить сложнейшие проблемы и ситуация в стране начнет ухудшаться. И тем более, будет ли М. Саакашвили вести себя столь же цивилизовано и мирно в случае, если возникнет ситуация, благоприятствующая его политическому реваншу.

Одним из путей решения имеющихся у Грузии проблем могла бы стать нормализация отношений с Россией. Сельское хозяйство Грузии может получить перспективу развития только путем возврата на российский рынок. Последние годы со всей очевидностью продемонстрировали, что альтернативы этому рынку для Грузии не существует, и именно поэтому аграрная отрасль оказалась в столь критическом положении. Грузия могла бы получить большие выгоды от разблокирования путей сообщения, в том числе по железнодорожной дороге через Абхазию, большие возможности развития взаимовыгодного сотрудничества имеются в энергетике и других отраслях.

Б. Иванишвили сделал ряд демонстративных жестов в сторону России: было прекращено вещание ТВ-канала ПИК, заявлено о намерении Грузии не препятствовать Олимпиаде-2014 в Сочи и даже принять в ней участие, было высказано намерение отказаться от вмешательства в события на Северном Кавказе, в том числе будирования черкесской проблемы и т.п. Б. Иванишвили коренным образом пересмотрел оценку событий августа 2008 года и обвинил М. Саакашвили в развязывании войны в Южной Осетии¹⁸⁹.

Однако позиция нового грузинского руководства по таким проблемам двусторонних отношений, как признание Россией Абхазии и Южной Осетии и вступление Грузии в НАТО остается прежней. Вряд ли имеющиеся между Москвой и Тбилиси разногласия могут быть преодолены в ближайшей исторической перспективе.

¹⁸⁹ <http://inotv.rt.com/2012-10-24/Lider-Gruzinskoj-mechti-nazval-Saakashvili>

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ КОНФЛИКТ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО «РАЗМОРАЖИВАНИЯ»

Год 2012 для Молдавии примечателен юбилейными датами и немаловажными внутривнутриполитическими подвижками. Минувло 200 лет со времени заключения Бухарестского договора, знаменующего окончание русско-турецкой войны, в результате которой в 1812 г. Бессарабия стала частью Российской империи. Двадцать лет назад, в 1992 г., вспыхнул приднестровский конфликт между провозгласившей в 1990 г. независимость Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР), и Республикой Молдовой (РМ). В том же году в Москве было подписано мирное соглашение, ознаменовавшее прекращение вооруженных столкновений, погашенных силами 14-й армии ВС РФ.

Обе части разделенной конфликтом Молдавии практически параллельно прошли через президентские выборы. В декабре 2011 г. ПМР вместо Игоря Смирнова, бессменно возглавлявшего ее с 1992 г., избрала нового президента – Евгения Шевчука. Республика Молдова, переживавшая затяжной политический кризис, в марте 2012 г. получила, наконец, от парламента нового главу государства – Николая Тимофти. Эти события повысили градус международного внимания к региону и способствовали возобновлению прерванных в 2006 г. международных переговоров по урегулированию конфликта.

Наиболее понятной характеристикой приднестровского конфликта может служить прилагательное «постсоветский», поскольку непосредственной причиной его возникновения явился распад СССР. Статус «постсоветского» обусловил международный формат урегулирования конфликта – «5+2», где ПМР и РМ представляют конфликтующие стороны, Россия, Украина и ОБСЕ являются посредниками, а США и ЕС выступают в качестве наблюдателей.¹⁹⁰ Он же создал условия для бурной активизации политики Румынии, направленной на воссоединение с Бессарабией.¹⁹¹ Румынский фактор стал одним из важных элементов, характеризующих расстановку внутривнутриполитических сил в регионе вокруг определения перспектив дальнейшего развития Молдавии.

Население Левобережья не просто не приняло, но неоднократно и категорически отвергло (97% населения на референдуме 2006 г.) попытки румынизации, тем более, что его территория никогда не была под властью Румынии. В самой Республике Молдова тоже не сложилось единых подходов к идеям румыноунионизма. Так, в 2012 г. марши «унионистов» в Кишиневе, Кагуле, Бельцах встретили стихийное сопротивление сторонников сохранения молдавской государственности, а полиции для предотвращения открытых столкновений пришлось эвакуировать участников маршей. Международное соглашение о принципах урегулирования молдавско-приднестровского конфликта (далее – Соглашение) зафиксировало компромиссную расстановку политических сил вокруг этой проблемы, не выделяя, однако, Румынию в качестве особо заинтересованной стороны. Контроль за соблюдением Соглашения осуществляют Совместные миротворческие силы. На август 2012 г. они состояли из 441 российского

¹⁹⁰ Отметим, что пост главы миссии ОБСЕ в Молдавии традиционно принадлежит представителю США.

¹⁹¹ Территория бывшей Бессарабии практически совпадает с территорией Правобережья Молдавии. Относительно молодое румынское государство с 1812 г. владело бессарабскими землями только в 1918-1940 гг. (до подписания пакта Молотова – Риббентропа) и в 1941-1944 гг. — в период фашистской оккупации.

военнослужащего, 490 приднестровских и 453 молдавских миротворцев, а также 10 военных наблюдателей от Украины.¹⁹²

Особую угрозу международной безопасности в случае разрастания конфликта в 90-х годах придавало наличие в Приднестровье одного из крупных в Европе арсеналов боеприпасов и вооружений, накопленных за годы холодной войны. Нейтрализация этой угрозы легла на плечи России и стала одним из факторов, обеспечивающих условия для дальнейшего развития процесса урегулирования. Россия выполнила свои обязательства по Стамбульским соглашениям 1999 г. (не касающиеся третьих стран), и вывела свои войска из Молдавии, а также вывезла тяжелые вооружения и примерно половину боеприпасов. После введения Россией в 2007 г. моратория на Договор об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ) процесс транспортировки затормозился. В немалой степени этому способствовала и позиция тогдашнего президента ПМР И. Смирнова. На станции Колбасна в Приднестровье все еще остается около 22 тыс. тонн стареющих снарядов и вооружений.

Что касается отношений между ПМР и РМ, то за последние двадцать лет они, развиваясь под приглядом посредников и наблюдателей Соглашения, постепенно обросли двусторонними договоренностями (более 80). Они представляют собой нынешний неустойчивый каркас сосуществования РМ и ПМР. При этом он напрямую не связывается сторонами с перспективами политического урегулирования.

Возобновление в 2012 г. переговоров в формате «5+2» не принесло заметных успехов. Молдова по-прежнему осталась на позициях непризнания ПМР в качестве равноправного партнера. ПМР по-прежнему концентрировала усилия на попытках разрешения проблем социально-экономического и правозащитного характера. Так, на очередном раунде переговоров в ноябре 2012 г. ПМР передала Республике Молдове пакет предложений, предполагающих активизацию двусторонних отношений в социально-экономической сфере.¹⁹³ Однако в условиях противостояния сторон любые, в принципе легко удаляемые при наличии доброй воли занозы узорегионального характера в двусторонних отношениях превращаются в непреодолимые препятствия на путях к политическому разрешению конфликта.

В то же время как РМ, так и ПМР, в 2012 г. стремились использовать оживление внимания внешних сил к региону в собственных интересах. Действуя в рамках программы «Восточного партнерства»,¹⁹⁴ РМ приложила немало усилий для прояснения перспектив продвижения к евроинтеграции. Так, следуя примеру ЕС, она пытается образовать собственный еврорегион «Днестр», проект которого подписали Винницкая область Украины и шесть районов Молдовы.¹⁹⁵ На румынском направлении в Яссах было проведено межправительственное заседание представителей двух стран, на котором было принято решение о создании института румынских комиссаров по «еврогармонизации» в министерстве иностранных дел РМ и введении должности румынского советника по обмену опытом в министерстве внутренних дел.

¹⁹² «Красная звезда», 27 июля – 2 августа 2012 г.

¹⁹³ Эти предложения касаются обеспечения свободы передвижения граждан, прекращения административного преследования российских граждан, постоянно проживающих в ПМР, мер по повышению эффективности взаимодействия правоохранительных органов, развития в банковской сфере, организации товарных операций, развития транспортного сектора региона и др.

¹⁹⁴ Проект ЕС «Восточное партнерство» был впервые представлен польским министром иностранных дел в 2008 г. Учредительная встреча участников проекта состоялась в 2009 г. в Чехии. Целью проекта является сближение ЕС с шестью бывшими республиками СССР – Украиной, Молдавией, Азербайджаном, Арменией, Грузией и Белоруссией.

¹⁹⁵ В ответ на это в октябре 2012 г. глава внешнеполитического ведомства ПМР Нина Штански выступила с идеей создания «Евразийского региона «Приднестровье». Посол МИД РФ по особым поручениям, представляющий Россию на переговорах по урегулированию приднестровского конфликта, С. Губарев оценил эту идею как вполне перспективную.

Параллельно нейтральная — по конституции — Республика Молдова начала заигрывать с идеей развития сотрудничества с НАТО. С весны 2012 г., в связи с визитами в регион вице-преьера и специального представителя РФ по Приднестровью Д. Рогозина,¹⁹⁶ а также министра обороны РФ, в СМИ начали циркулировать слухи об открытии военной базы НАТО в Молдове и о намерениях России, в ответ на планы США и НАТО по созданию системы ПРО и военных баз в Румынии, разместить в Приднестровье российскую РЛС, а также оперативно-тактические комплексы «Искандер». Президент РМ Н. Тимофти на официальном уровне опроверг сообщения об открытии в стране военной базы НАТО, заявив, что Республика Молдова намеревается продолжать сотрудничество с НАТО лишь в рамках принятого ранее индивидуального плана партнерских действий (IPAP). Одновременно Молдова получила от США \$1,6 млн. на модернизацию армии.

Особую заинтересованность руководство РМ, учитывая мерцающие перспективы евроинтеграции, проявляет к вопросам либерализации визового режима с ЕС. По разным оценкам, доходы трудовых мигрантов (в основном в Россию и Европу) составляют от 20 до 30 с лишним процентов ВВП страны. ЕС постоянно подогревает надежды РМ на смягчение визового контроля. В ноябре 2012 г. посол ЕС в Молдавии заявил на пресс-конференции в Кишиневе, что решение вопроса о либерализации визового режима к концу 2013 г. является трудноразрешимой, но реальной задачей. В то же время он отметил, что проблема коррупции является одним из серьезных препятствий на этом пути.

Россия, со своей стороны, в лице вице-преьера Д. Рогозина обещала Приднестровью разностороннюю экономическую и гуманитарную поддержку, перевооружение российского миротворческого контингента, проведение инспекции хранилищ боеприпасов на предмет установления возможности продления срока их годности либо утилизации, аудит и разработку стратегии экономического развития ПМР и др. Д. Рогозин провел также переговоры с Кишиневым об открытии генеральных консульств Российской Федерации в Тирасполе и Бельцах, где проживает большая часть российских граждан. Однако Кишинев, согласившись на открытие консульства в Бельцах, отклонил аналогичное предложение в отношении Тирасполя.¹⁹⁷

В итоговом заявлении после встречи с президентом ПМР в ноябре 2012 г. Д. Рогозин подчеркнул, что Приднестровье должно быть полноценным участником переговоров по урегулированию конфликта, а его партнер – Республика Молдова – «должен быть суверенным, без влияния извне». Без решения этого вопроса невозможно говорить о решении наиболее болезненных для Кишинева экономических и транспортных вопросов.

В подписанном в мае 2012 г. Указе Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса РФ» была вновь подтверждена позиция России по проблемам Приднестровья. В документе подчеркивается, что Россия намеревается «продолжать активно участвовать в поиске путей решения приднестровской проблемы на основе уважения суверенитета, территориальной целостности и нейтрального статуса Республики Молдова при определении особого статуса Приднестровья». Актуальные проблемы и перспективы развития Приднестровья в контексте российского стратегического выбора обсуждались на организованном

¹⁹⁶ Д. Рогозин был назначен специальным представителем РФ по Приднестровью указом Президента РФ Д. Медведева в марте 2012 г.

¹⁹⁷ В Молдавии проживает 160 тыс. российских граждан и от 50 до 100 тысяч украинцев. Реалии экономического выживания вынуждают многих жителей Молдавии иметь двойное, а то и тройное гражданство.

Комитетом по делам СНГ ГД РФ Международном круглом столе с участием официальной делегации ПМР во главе с президентом Е. Шевчуком.

В целом ситуация вокруг конфликта в Приднестровье отражает отсутствие у внешних кураторов переговорного процесса согласия по вопросу о конечной модели урегулирования. Россия намеревается оставить Приднестровье в сфере своего влияния и, учитывая геостратегическое положение региона и интересы укоренившегося там российского капитала, в принципе не против продлить состояние замороженности конфликта до более благоприятного момента.

Евросоюз, занятый поисками выхода из затянувшегося кризиса, в свою очередь, также особо не заинтересован в форсировании «евроинтеграции» Молдовы. Однако, не предпринимая решительных шагов к разрушению сложившегося «статус-кво» в регионе, Евросоюз не отвергает надежд политической элиты РМ на вероятное вхождение в орбиту ЕС, поддерживая, в подтверждение своей позиции, международную изоляцию Приднестровья. С ноября 2012 г. ЕС присоединился к объявленной в ранее Соединенными Штатами практике банковской блокады ПМР.

В экономической сфере ЕС оказывает давление на РМ, требуя от нее подписания соглашения по 2-му и 3-му «энергетическим пакетам». Комиссар ЕС по энергетике Гюнтер Эттингер в сентябре 2012 г. заявил, что выход Молдавии из энергетического соглашения будет означать косвенный отказ от партнерства с ЕС.¹⁹⁸ В то же время Глава Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу во время визита в РМ в конце ноября 2012 г. заявил, что ЕС выступает за мирное урегулирование конфликта, не увязывая напрямую эту проблему с перспективами евроинтеграции страны.

Особенный интерес к проблемам региона проявляет Германия. Президенты ПМР и РМ были приглашены в Германию на организованную ОБСЕ конференцию о мерах доверия в урегулировании приднестровского конфликта в июне 2012 г.¹⁹⁹ В августе 2012 г. состоялся внеплановый краткосрочный визит Анжелы Меркель в Кишинев. Председатель бундестага Н. Ламберт уверил руководство РМ, что Германия готова помогать Молдавии в сфере ее сближения с ЕС, в том числе либерализации визового режима.

Что касается Украины, то, страхуясь от вероятных «неожиданностей», она в 2012 г. провела при непротивлении РМ демаркацию границы с Приднестровьем (452 км). Эта инициатива была решительно опротестована руководством ПМР, оценившей ее как односторонние неправомерные действия в отношении независимой ПМР. В конечном итоге Украина установила на границе «нейтральные» белые столбы без обозначения их государственной принадлежности. В 2013 г., используя свое председательство в ОБСЕ, Украина намеревается содействовать активизации переговорного процесса в целях согласования жизнеспособной модели урегулирования приднестровского конфликта. Однако без мощной поддержки извне ей вряд ли по силам сдвинуть эту проблему с мертвой точки.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что приднестровский конфликт является свидетельством и результатом упущенных возможностей, существовавших в 90-х годах, когда бывшая советская Молдавия могла стать дееспособным и единым государством. В итоге Приднестровье уже более 20 лет

¹⁹⁸ Подписанию соглашения Республикой Молдовой препятствует позиция «Газпрома» в отношении энергетических соглашений и проблема газового долга Приднестровья, превысившего в 2012 г. в \$4 млрд., юридическая ответственность за который ложится на РМ.

¹⁹⁹ По сообщениям румынских СМИ, президенты ПМР и РМ обсуждали с немецкими дипломатами план федерализации Молдавии с учетом договоренностей между бундесканцлером А. Меркель и президентом РФ Д. Медведевым, достигнутых в 2010 г. (так называемый «План Козака»).

пребывает в состоянии непризнанного никем государственного образования, а Республика Молдова, оставаясь самой бедной страной в Европе, никак не в силах занять позицию самостоятельного партнера в отношениях как с ЕС, так и с Россией. Но и Румыния, прилагавшая немало усилий на путях «румынизации» Бессарабии, не получила желаемых результатов. Политические итоги 2012 г. в регионе свидетельствуют о продолжении процесса «перетягивания каната» по линии «евразийская» — «европейская» интеграция (в современной конфигурации). В то же время не исключено, что те или иные события на международной арене могут привести и к такой развязке гордиева узла приднестровского конфликта, который отнюдь не связан с перспективами интеграционных процессов.

ЭКОЛОГИЯ

Н.Г.Рогожина

«ЗЕЛЕНое» РАЗВИТИЕ В СТРАНАХ АТР

В общественном мнении сложилось устойчивое представление о том, что в нагнетании экологической напряженности на планете несут ответственность исключительно развитые индустриальные страны. В создании подобного мнения немало преуспели развивающиеся страны. Тем не менее, их воздействие на глобальную экологическую систему растет по мере расширения их экономического производства и увеличения численности населения.

Глобальная экологическая проблематика перестала быть исключительно "северной" тематикой и все более обуславливается функционированием индустриальной модели производства и потребления в странах Юга, в основе которой лежит экстенсивный экономический рост. Однако это вовсе не означает снижения ответственности развитых стран за обострение глобальных экологических проблем, поскольку именно их модель индустриального развития и стала основой для подражания со стороны развивающихся стран и причиной их экологического кризиса, вышедшего за национальные границы и подрывающего основы обеспечения глобальной экологической безопасности.

Это особенно заметно на примере самых динамично развивающихся стран мира – стран АТР. В то время как их доля в мировом ВВП составляет 30%, однако на них приходилось 60% мирового прироста в 2011 г. и эта тенденция продолжилась в 2012 г. Однако их экономический рост в значительной мере обеспечивается за счет переэксплуатации природных ресурсов и деградации окружающей среды. Развивающиеся страны АТР в начале 21 века превратились в крупнейших потребителей природных ресурсов в мире с перспективой увеличения спроса на них²⁰⁰. Некоторые страны этого региона, прежде всего Китай и Индия, достигли предела доступных природных ресурсов на своей территории, превратившись в их нетто импортеров и значительно расширив границы своей экологической экспансии в мире.

Наиболее бурными темпами растет потребление энергоресурсов, необходимых для поддержания высоких темпов экономического роста и удовлетворения энергетических нужд растущего по численности населения, в составе которого сохраняется значительная доля лиц, не имеющих доступа к современным источникам энергии. В период с 2005 г. по 2050 г. рост спроса на

²⁰⁰ О воздействии развивающихся стран АТР на глобальную экосистему можно судить по так называемому показателю "экологического следа". "Экологический след" – это условное понятие, отражающее потребление человечеством ресурсов биосферы. Это площадь (в гектарах) биологически продуктивной территории и акватории, необходимой для производства используемых ресурсов и поглощения и переработки отходов. Так, например, на Китай и Индию к 2015 г. придется 37% прироста мирового "экологического следа". В целом доля стран АТР в потреблении материальных ресурсов в мире возросла с 25% в 1975 г. до 53% к 2005. На них приходилось 85% мирового прироста материального потребления в течение последних трех десятилетий. //RESOURCE EFFICIENCY: ECONOMICS AND OUTLOOK FOR ASIA AND THE PACIFIC KEY MESSAGES AND HIGHLIGHTS. UNEP 2011. P. 2 При этом показатель интенсивности использования природных ресурсов на единицу ВВП в развивающихся странах АТР на 90% выше среднего мирового показателя. //Ecological Footprint and investment in natural capital in Asia and the Pacific. 2012 Asian Development Bank and World Wide Fund for Nature. P. 25.

энергоресурсы в странах АТР прогнозируется в пределах 2,4% в год в сравнении со среднемировым показателем 1,5%.²⁰¹

С этими показателями коррелируется и увеличение производства парниковых газов, что представляет главную опасность для изменения климата на планете. Их объем заметно возрос за последнее десятилетие – с 23 % в 1990 г. до 32% в 2005 г. с перспективой на дальнейшее увеличение до 51,9% к 2030 г.²⁰² Это – наиболее высокий показатель роста в сравнении с другими развивающимися странами. Страны Азии превращаются в главный источник выбросов парниковых газов в мире.

Безусловно, речь в первую очередь идет о таких гигантах, как Китай и Индия, негативный вклад которых в глобальное потепление будет расти при сохранении традиционной индустриальной модели развития, основанной на постулате "рост сейчас, забота о чистоте окружающей среды потом"²⁰³. Экологическое будущее планеты во многом зависит от того, смогут ли развивающиеся страны АТР перейти к новой модели экологически ориентированного развития – модели «зеленого развития». Об этом недвусмысленно заявил Аджай Кхибер (Ajay Chhibber), заместитель генерального секретаря ООН: «Будущее мирового человечества в значительной мере будет определяться от выбора, сделанного странами АТР в отношении низкоуглеродного развития»²⁰⁴. Этим странам уже сейчас необходимо найти баланс между своим растущим процветанием и увеличением нагрузки на экосистему.

Каким образом этих целей можно достичь, говорится в докладе, подготовленном Программой развития ООН по Азиатско-Тихоокеанскому региону в 2012 г. в преддверии конференции по устойчивому развитию, состоявшейся в июне 2012 г. в Рио-де-Жанейро (Рио+20). Само название доклада – «Неразделенная планета. Обеспечение человеческого прогресса в изменяющемся климате»²⁰⁵ – свидетельствует о том, что основное беспокойство мировой общественности вызывает роль стран АТР в поддержании экологической устойчивости в мире.

Перед ними стоит сложная дилемма. С одной стороны, они должны продолжить свой экономический рост, чтобы выволить из нищеты 900 млн. человек, с другой – сократить объем выбросов, чтобы выжить в изменяющемся климате и снять угрозу их социально-политической и экономической стабильности.

Задача – весьма сложная. Она кардинальным образом отличается от той, которая стояла перед развитыми странами в период их индустриализации. В преддверии климатических изменений страны АТР должны изменить технологии производства товаров, выращивания продовольственных культур, развития животноводства и выработки энергии. Это означает движение в сторону выбора более «зеленых», более устойчивых, более экологических возможностей, которые обеспечивают условия не только для поддержания баланса в окружающей среде, но и для решения проблем бедности и занятости.

²⁰¹ Global Climate Change in the Asia-Pacific Region: An Analysis and Road Map for the USAID Regional Development Mission for Asia. Regional Development Mission for Asia. US Agency for International Development. Bangkok, July 2008. P. 20.

²⁰² ADBI Working Paper Series. No. 348. Stephen Howes and Paul Wyrwoll. Asia's Wicked Environmental Problems. February 2012, Tokyo.: Asian Development Bank Institute. P. 12.

²⁰³ На долю Китая в 2009 г. приходилось 25% объема производства парниковых газов (первое место в мире), в то время как на США – 17%. Китай ответственен на 72% прироста выбросов CO₂ в мире в период 2000-2009 гг., в течение которого объем выбросов ежегодно возрастал на 9,4% в сравнении со среднемировым показателем 0,8%. При сохранении традиционной модели экстенсивного экономического роста доля КНР в производстве парниковых газов вырастет до 34% к 2030 г.

²⁰⁴ <http://www.undp.org/content/undp/en/home/presscenter/pressreleases/2012/05/10/asia-pacific-can-no-longer-afford-to-grow-first-and-clean-up-later-says-undp-report/>

²⁰⁵ Asia Pacific Human Development Report. One Planet to Share. Sustaining Human Progress in a Changing Climate. United Nation Development Programme. Bangkok, 2012.

В первую очередь вопрос ставится об изменении модели производства путем повышения ее ресурсоэнергоёмкости на базе использования и развития «зеленых» технологий. Здесь большая роль отводится государству, которое, опираясь на административные и стимулирующие средства, должно поддержать «зеленое» развитие без угрозы для конкурентоспособности страны и занятости населения. Одно из возможных решений видится в увеличении налогообложения на использование ископаемого топлива и производство отходов, а также перераспределении субсидий в пользу экологически ориентированных видов производства, развитии рециклинга и вторичного использования сырья.

Учитывая особую роль крупных городов в производстве парниковых газов и тот факт, что из 20 мегаполисов в мире половина находится в АТР, авторы доклада призывают руководство стран региона уделить особое внимание энергосбережению, развитию энергоэффективного транспорта, возведению зеленых строений и повышению эффективности управления водными ресурсами.

Исходя из того, что страны АТР ответственны за 37% экологического урока, производимого сельским хозяйством в мире, проблема предотвращения изменения климата на планете и адаптации к нему не может быть решена без кардинальных изменений в аграрном секторе и сохранения лесных ресурсов. Задача непростая, если учесть, что для обеспечения своей продовольственной безопасности развивающиеся страны АТР нуждаются в росте сельскохозяйственного производства. Его предыдущий опыт развития свидетельствует об угрозе увеличения выбросов парниковых газов, сократить которые позволят меры по повышению эффективности использования воды при выращивании риса, улучшению практики использования удобрений, переходу к прямой и нулевой обработке почв, производству биологического угля.²⁰⁶

В энергетике главное внимание следует уделить развитию возобновляемой энергии с ориентацией на привлечение частного капитала, использованию фотогальванической технологии в строениях, но главным образом повышению эффективности использования энергии.

Поскольку в рыночной экономике производство напрямую связано с потреблением, то увеличение последнего способствует не только экономическому росту, но и экологической деградации в результате расширения спроса на природные ресурсы и производство отходов. В последние десятилетия в развивающихся странах АТР наблюдается бум материального потребления²⁰⁷, стимулируемый улучшением благосостояния населения и увеличением численности среднего класса²⁰⁸. Только в КНР и Индии проживает 20% так называемого

²⁰⁶ Тип древесного угля, получаемый путём сжигания сельскохозяйственных отходов и отходов биомассы. Он не загрязняет окружающую среду углекислым газом и способствует повышению урожайности в качестве удобрения.

²⁰⁷ С 1975 г. по 2005 г. темпы ежегодного прироста внутреннего материального потребления в развивающихся странах АТР составили 4,9% в то время как для мира в целом этот показатель равнялся 0,5%. //RESOURCE EFFICIENCY: ECONOMICS AND OUTLOOK FOR ASIA AND THE PACIFIC KEY MESSAGES AND HIGHLIGHTS. UNEP 2011. P. 2.

²⁰⁸ Если определять средний класс, как имеющий доход в пределах 2 -20 долл. на человека, то его доля в составе населения региона возросла за период 1990 г. – 2008 г. с 21% до 56%. //Adil Nadjam, David Runnnals and Mark Hall. Environment and Globalization Five Propositions. International Institute for Sustainable Development. 2007. P. 18.

К 2015 г. численность среднего класса в Азии сравняется с суммарным показателем в Европе и Северной Америке и к 2021 г. составит 2 млрд. чел. Только в Китае этот показатель превысит 670 млн. чел, в сравнении со 150 млн. в настоящее время. //http://www.brookings.edu/research/papers/2010/03/china-middle-class-kharas

потребительского класса в мире, или 362 млн. человек, что превышает его численность в Западной Европе.²⁰⁹

В частности, Китай за последние десять лет совершил такой качественный скачок в потреблении, который на Западе занял сто лет²¹⁰. Уже сегодня, по данным Института всемирного наблюдения, Китай обогнал США по потреблению мяса, зерна, стали и угля, уступая только в потреблении нефти. На долю Китая, вклад которого в производство мирового ВВП оценивался в 2007 г. лишь в 6%, приходится 15% мирового потребления энергоресурсов, 15% воды, 28% стали, 25% алюминия, 54% цемента и 30% железной руды.²¹¹

Дилемма, стоящая сегодня перед странами АТР, заключается в том, что с одной стороны, им надо удовлетворить базовые потребности бедного населения (примерно четверть населения региона проживает в исключительной бедности – менее чем на 1,25 долл. по показателю покупательной способности), с другой – сократить избыточное потребление, свойственное богатым и средним слоям населения.²¹² Для развивающихся стран это будет означать одно – производить и потреблять больше, но по-другому, принимая во внимание лимиты ограниченных природных ресурсов и хрупкость экосистем. Одним словом, им необходимо создать более сбалансированную модель потребления, которая является менее энерго и ресурсозатратной.

Одно из возможных решений этой проблемы видится в рамках повышение уровня знания населения об угрозе климатических изменений и о взаимосвязи между их потребительской культурой и производством парниковых газов, что будет достигнуто путем образования, распространения информации, создания системы экомаркировки товаров.

Например, в Южной Корее маркировка продуктов Cool Label, указывающая на низкое содержание CO₂, появилась уже на 220 видах товаров, включая мебель, рис и электронику. В Нью Дели по инициативе экологического департамента действуют экологические клубы, а в Индонезии религиозные организации обучают методам защиты природы и управления рисками стихийных бедствий.

Борьба с изменением климата и «зеленый» рост неразрывно связаны между собой. Поэтому в той же Южной Корее в 2010 г. был принят закон о низкоуглеродном росте, заложивший правовую основу реализации программы «Зеленое видение 21 века». Малайзия признала «зеленый» рост в качестве фундаментального принципа своей перспективной программы экономического развития до 2020 г. Китай, который

²⁰⁹ Ibid. P.18

²¹⁰ За период 1990–99 и 2000–09 гг. расходы домохозяйств в расчете на душу населения в Китае возросли на 92% в сравнении с мировым показателем 18%. По мнению американского эколога Л. Брауна, если темпы роста экономики КНР останутся в пределах 8% в год, то к 2031 г. доход на душу населения в Китае, где будет проживать 1,45 млрд. чел., поднимется до нынешнего уровня в США. Следствием этого станет резкое увеличение спроса на основные потребительские товары. Тогда Китай будет потреблять зерна в объеме, эквивалентном 2/3 от современного мирового уровня. Если спрос на нефть будет расти так же, как сегодня в США, то её потребуется 5 млрд. т ежегодно, в то время как в мире сегодня в год добывается лишь 4,2 млрд. т. Спрос на бумагу может превысить в два раза нынешний объем ее производства в мире. Если динамика роста автотранспортного парка сохранится, то согласно подсчетам Института нефти, спрос Китая на нефть в ближайшие 25 лет возрастет на 500%.//Alexander's Gas & Oil Connections. News & Trends. Vol. 10. No. 21. 10.11.2005.

²¹¹ Qingfeng Zhang and Robert Crooks. Toward an Environmentally Sustainable Future Country Environmental Analysis of the People's Republic of China. 2012 Asian Development Bank. P.5.

²¹² На каждые сто городских домохозяйств в Китае приходится 133 цветных телевизора, 95 стиральных машин и 100 кондиционеров. Этот феноменальный спрос на потребительские товары в отсутствие должного внимания к энергосбережению, привел к тому, что электроэнергопотребление в Китае за период с 1990 г. по 2007 г. выросло в 11 раз. //Lester R. Brown. World on the Edge. How to Prevent Environmental and Economic Collapse. EARTH POLICY INSTITUTE. NEW YORK, LONDON. 2011. P. 102.

провозгласил создание экологической цивилизации, наметил в 12-м пятилетнем плане социально-экономического развития (2011-2015 гг.) обеспечение «зеленого» развития. В мире найдется мало развивающихся стран, которые приняли бы такое множество законов и мер в поддержку низкоуглеродного развития, как КНР, которая поставила перед собой цель сократить выбросы CO₂ на единицу ВВП на 17% к 2015 г. в сравнении с 2010 г.

Тем не менее, вопрос о перспективах «зеленого» развития в развивающихся странах АТР остается открытым. Им требуется совершить поистине экоиנדустриальную революцию, предполагающую возможность обеспечить потребности общества в продовольствии, воде, жилье, энергии, используя при этом только 20% ресурсов и производя 20% выбросов на душу населения по сравнению с современной моделью производства и потребления. Но для того, чтобы реализовать поставленную цель, им необходимо включить в модель догоняющего развития индустриального типа элементы развития постиндустриального общества.

Е.И. Глушенкова

САММИТ РИО+20

20-22 июня 2012 года лидеры государств и правительств мира впервые за последние 20 лет, прошедших после Всемирной Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро 1992 года, собрались, чтобы оценить достигнутый прогресс в сфере преодоления глобальных проблем. Ключевыми темами конференции должны были стать экологизация экономики в контексте устойчивого развития и институциональные рамки устойчивого развития. Особое значение придавалось роли бизнеса в процессе перехода к экологически безопасному будущему. Итоговый документ саммита должен был призвать крупные компании присоединиться к Глобальному договору по содействию устойчивому развитию²¹³.

Саммит Рио+20 стал одним из самых крупномасштабных мероприятий в истории ООН. В Бразилию на него съехались более 45 тыс. человек, в числе которых было более 12 тыс. официальных делегатов из 188 стран, свыше 100 глав государств и правительств, 10 тыс. наблюдателей, представителей общественных организаций и около 4 тыс. журналистов.

В ходе саммита было решено начать работу по подготовке так называемых «целей устойчивого развития», выработать новые индикаторы устойчивого развития (дополняющие ВВП экологической составляющей). Были получены финансовые гарантии на сумму более 500 млрд. американских долларов на программы устойчивого развития в области энергетики, транспорта, зеленой экономики, снижения уровня катастроф, опустынивания, загрязнения водных ресурсов, вырубки ресурсов и истощения почв. Принято решение о создании при Генассамблее ООН нового форума высокого уровня по устойчивому развитию вместо Комиссии ООН по устойчивому развитию, работа которой признана неудовлетворительной.

Вместе с тем участникам саммита не удалось принять запланированное решение по защите экосистем в международных водах. Безрезультатными оказались и попытки ликвидировать субсидии на ископаемое топливо, что дало бы

²¹³ Глобальный договор ООН – добровольное соглашение, открытое для представителей деловых кругов из более чем 100 стран мира, желающих соотносить свою деятельность и стратегии с несколькими фундаментальными гуманитарными принципами, среди которых приоритетным является охрана окружающей среды.

возможность сократить выбросы CO². Итогами саммита остались недовольны бедные и беднейшие страны: не были согласованы механизмы оказания финансовой помощи развивающимся странам, позволяющие им приступить к реализации программ по устойчивому развитию. Как показал саммит, развитые страны продемонстрировали неготовность взять на себя финансирование программ устойчивого развития в бедных регионах мира.

Наша страна подготовила к саммиту специальный доклад о реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации. Правительство России представило собственную позицию, смысл которой состоял, во-первых, в том, что Россия предполагает ориентироваться на выработку сбалансированных подходов в переходе к экологической экономике на основе учета реальных возможностей обеспечения устойчивого развития страны на длительную перспективу; во-вторых, в том, что реализация концепции устойчивого развития не должна превращаться в инструмент торговой и технологической дискриминации бедных и развивающихся стран под предлогом защиты окружающей среды.

В своем выступлении на саммите председатель правительства РФ Д. А. Медведев подчеркнул: «Общество, экономика и природа – неразделимы. Именно поэтому нам нужна и новая парадигма развития, которая способна обеспечить благосостояние общества без избыточного давления на природу... При этом необходим инновационный рост и рост энергоэффективной, так называемой ‘зелёной’ экономики, который, безусловно, выгоден всем странам»²¹⁴. Д. А. Медведев добавил также, что в России успешно справляются с исполнением ключевых экологических обязательств, в частности, по Киотскому протоколу, так что к 2020 году выбросы парниковых газов в России будут на 25% ниже уровня 1990 года.

Рио+20 проходило всего три дня, но ему предшествовали более полутора лет подготовки. Наиболее «прозеленую» позицию заняла группа африканских стран, представители которых планировали даже выход из соглашения в предпоследний день конференции, когда увидели, что итоговое решение получилось весьма далеким от того, на что они надеялись. Итоговая декларация встречи оказалась тем минимальным возможным, что устраивало как развивающиеся, так и развитые страны, озабоченные глобальным экономическим кризисом и неохотно берущие на себя новые международные обязательства. Текст заключительной декларации «Будущее, которое мы хотим» представлял тот минимально возможный и с трудом достигнутый компромисс, попытки нарушить который едва не привели к провалу конференции.

Согласно этому документу, страны подтверждают решимость приложить все усилия для скорейшего достижения поставленных на 2015 год целей в области развития; они обязуются совместно работать над обеспечением устойчивого и инклюзивного экономического роста, социального развития и охраны окружающей среды. Подтверждены были и все принципы декларации по окружающей среде и развитию, принятой в Рио-де-Жанейро в 1992 г., включая и закреплённый в этой декларации принцип общей, но дифференцированной ответственности²¹⁵. Но если страны-участницы саммита Рио+20 заявили о готовности продолжать путь к

²¹⁴ Медведев Д. А. Официальная речь руководителя делегации РФ на саммите РИО+20 // Портал Правительства РФ, электронный ресурс: <http://www.special/docs/19427>.

²¹⁵ На Рио-92 страны договорились о сотрудничестве в духе глобального партнерства для сохранения Земли и согласились, что вследствие разной роли в ухудшении состояния глобальных экосистем, они несут различную ответственность в ликвидации последствий кризиса. Согласие по этому пункту оставляет дорогу к практической реализации глобального экологического партнерства стран Севера и Юга. См. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию 2012 года «Будущее, которого мы хотим» // <http://www.uncsd2012.org/thefuturewewant.html>.

«будущему, которого мы хотим», то представители неправительственных организаций, участвовавшие в саммите, заявили, что будущее, описанное в итоговом документе, населению планеты совершенно не нужно.

Ко дню, когда закончилась последняя официальная подготовительная сессия, проект итогового текста был согласован лишь на 40%, и Бразилия, как страна-хозяйка, организовала интенсивные неформальные консультации на основе своей собственной версии текста, в которую она внесла максимально гибкие, компромиссные формулировки по всем острым вопросам. За сутки до прибытия глав государств и правительств бразильская делегация объявила, что текст удалось согласовать. Увидев итоговый документ, эксперты высказались в том смысле, что саммит, который еще и не начался, уже можно считать провалившимся.

О том, насколько согласованная версия отличалась в худшую сторону от первоначальной, можно было судить по тому, как принималось решение о создании нового форума высокого уровня по устойчивому развитию при Генассамблее ООН и расширении членства в Совете программы ООН по окружающей среде. Между тем главным в проекте было не предложение создать новый орган, а повысить статус программы ООН по окружающей среде до уровня специализированной организации в системе ООН. Этого в итоге не было сделано, хотя и предусматривалось расширить функции программы ООН и увеличить ее финансирование. Аналогичная ситуация сложилась с вопросом по защите биоразнообразия в международных водах. Декларация подчеркивает необходимость действий, направленных на снижение уровня загрязнения океанов. Но из положения Декларации об отказе от субсидий нефтяным компаниям, занятым добычей ископаемого топлива, убрана вся конкретика, а сам этот раздел лишь повторяет текст решения, принятого странами «Большой двадцатки» на саммите в Питтсбурге еще в 2009 году. Никаких серьезных решений по бизнесу и его роли в эко-реформировании конференция вообще не приняла.

Степень неудовлетворенности саммитом со стороны представленного в Рио мирового гражданского сообщества невозможно переоценить. В одном из выступлений еще на первом пленарном заседании прозвучало такое заявление: гражданские организации экологического профиля отказываются признавать текст Декларации и требуют убрать из первого абзаца слова «при активном участии гражданского общества». Следует отметить, что в течение работы форума в Рио шел альтернативный «народный саммит», собравший тысячи экологов, экоэкспертов и экоактивистов со всего мира с целью выработки более активных мер, направленных на изменение существующей в мире экологической ситуации. Разделение этих двух саммитов свидетельствовало о кризисе глобальной политической и экономической системы, где ключевые страны стремятся к сохранению сложившегося положения. Сразу после подписания Декларации на улицы Бразилии вышли экоактивисты под лозунгами «Будущее, которого мы не хотим». Имели место даже акции протеста на территории центра, где проходила конференция.

Абсолютное большинство ученых и экспертов, анализирующих итоги саммита, квалифицируют его как неуспешный и даже провальный. Называют и главную отличительную черту нынешнего форума: на Рио+20 бизнес вел себя на порядок активнее, чем 20 лет назад, на Конференции ООН 1992 года, и в результате минимизации экологических проектов и планов фактически именно корпорации выиграли от итогов саммита. Принятый финальный документ крайне слаб в формулировках и обязательствах почти по всем переговорным пунктам. Особенно это заметно по таким вопросам, как защита Мирового океана и институциональная реформа органов ООН. Финальное соглашение является необязательным

настолько, что ставит под угрозу сам процесс развития «зеленой» экономики в мире. По сути, высокие заявления финальной резолюции не подкреплены никакими конкретными обещаниями и планами, оставляя национальным правительствам фактически самостоятельное поле для игры.

Все обозреватели обратили внимание на позицию ЕС, не готового к жесткой переговорной линии в условиях нынешнего кризиса. США также продемонстрировали отсутствие воли и заинтересованности в экологической политике. Лидеры стран вообще не уделили времени для обсуждения итогового документа саммита, и этим занимались лишь профессиональные переговорщики.

Отмечалось, что для успеха переговоров в Рио нужны были новые лидеры или представители стран, которые имели удачный опыт перехода к устойчивому развитию. Ценным представляется в этой связи опыт привлечения бизнеса к активным действиям в области «зеленой экономики». Таким опытом могли бы поделиться Германия, Коста-Рика, Мексика (реализующие масштабные проекты перехода на возобновляемые источники энергии и в целом на низко углеродный путь развития), Китай (где уже запущены и осуществляются в большинстве провинций программы «зеленого» и безотходного производства) и, конечно, США.

Что касается России, то она даже гипотетически не смогла бы стать кандидатом на лидерство в этой сфере. Хотя в настоящее время удалось добиться определённых результатов в деле экологизации поведения российского бизнеса, эти показатели более чем скромные в сопоставлении с мировым уровнем. Тенденцией последнего десятилетия стала подготовка компаниями и корпорациями комплексных отчетов об устойчивом развитии (их число составляет уже 75% общего количества отчетов в мире). В России также увеличивается число отчетов об устойчивом развитии. По данным РСПП, в 2011 году из 38 отчетов компаний сектора финансов и страхования 5 были отчетами об устойчивом развитии²¹⁶. Но это – сферы неключевые для мировой экосистемы, а в знаковых отраслях изменений что-то не заметно.

Неудачные в целом итоги саммита могут быть отчасти компенсированы подвижками в отдельных вопросах. Обсуждение темы экологической экономики изначально блокировалось обеспокоенностью развивающихся стран, что переход к этой концепции будет сопряжен с ограничениями их возможностей для собственного развития и борьбы с бедностью. Именно в силу этих причин сама тема экологической экономики с трудом сохранилась в итоговом документе, но четкого признания ее как новой парадигмы экономического развития не прозвучало. Зато саммит подтвердил линию на провозглашенный базовый принцип «зеленой» экономики – «декаплинг», то есть рассогласование ранее тесно связанных тенденций развития, экономического роста и потребления природных ресурсов, что предполагает удовлетворение растущих потребностей при минимизации природного капитала²¹⁷. Таким образом, хотя о серьезных реформах по институциональным рамкам устойчивого развития договориться не удалось, все же сделаны определенные шаги в этом направлении.

²¹⁶ Корпоративная социальная ответственность. Новая философия бизнеса. М., Внешэкономбанк, 2011.

²¹⁷ Decoupling natural resource use and environmental impacts from economic growth. UNEP, 2011.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.Б. Крылов

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В АРМЕНИИ.

В октябре 2012 г. в г. Агверан (Армения) состоялась международная конференция «Армения: европейская перспектива и региональные вызовы». Организаторами конференции явились Фонд Эберта (Германия) и Центр политических исследований «Concord» под руководством его председателя Давида Шахназаряна, занимавшего в свое время различные государственные посты в независимой Армении.

В конференции приняли участие немецкий дипломат Дитер Боден (в прошлом специальный представитель Генерального секретаря ООН и руководитель миссии ОБСЕ в Грузии), посол Германии в Армении Рейнер Морел, временный поверенный в делах США в Армении Брюс Донахью, послы и представители посольств нескольких стран ЕС и Украины, а также МИД Армении. Широко были представлены различные неправительственные организации (Saferworld и др.) и аналитические центры, большинство экспертов было из Азербайджана, Армении и Грузии.

Отсутствие на конференции представителей российского посольства объяснялось армянскими организаторам тем, что неоднократно посылаемые туда приглашения были проигнорированы. Вместе с тем, характер мероприятия с его подчеркнутой лояльностью идеям евроатлантической солидарности, вхождения Южного Кавказа (ЮК) в НАТО, ЕС и т.п., позволяет предположить, что присутствие официальных представителей РФ плохо вписывалось бы в контекст конференции.

Все выступавшие на конференции официальные лица подчеркивали, что они не представляют своих правительств, а просто выражают собственное мнение.

Посол Польши в Армении Здислав Рачинский в своем докладе назвал главным достижением политики ЕС на Южном Кавказе политику «восточного партнерства». Но он подчеркнул, что эта политика не является для постсоветских государств способом вступления в ЕС. Очень мало стран-членов ЕС выступают за то, чтобы «восточное партнерство» стало для стран Южного Кавказа подготовительной стадией вступления в ЕС.

По мнению З. Рачинского, в последние годы обстановка в «авторитарных странах» на постсоветской территории включая Украину ухудшается, и только Грузия и Молдова являют собой положительный пример развития демократических институтов. Это, по его словам, дает надежду на дальнейшее развитие «восточного партнерства». З. Рачинский также определил три возможных пути развития ЕС: углубление кризиса и дезинтеграция; преодоление кризиса, продолжение существования ЕС без больших изменений; преодоление кризиса и эволюция ЕС в направлении большей централизации и роста влияния общеевропейских структур, чему препятствует рост сепаратизма в Шотландии, Каталонии, Силезии и других регионах.

Россия, по его мнению, – не демократическая страна, и поэтому она «несовместима» с Европой. Армения имеет тесные отношения с Россией, но по мере демократизации постсоветского пространства, если она сохранит прежнюю политику, она «станет инородным телом» и будет непременно выброшена из Европы в Евразию.

Как подчеркнул польский дипломат, в настоящее время ЕС не может дать зонтик безопасности своим соседям и обеспечить их территориальную целостность, что объясняет слабое влияние ЕС на Южном Кавказе. Во многом это вызвано

отсутствием единой воли и военной слабостью ЕС. Но положение может измениться в случае преодоления нынешней внутренней рыхлости ЕС.

Политолог Ариф Юнусов (Институт мира и демократии, Азербайджан) подчеркнул, что авторитарный режим в Азербайджане постоянно ужесточается, подавляя любую оппозицию (прозападную, пророссийскую, исламскую). Рост авторитаризма в Азербайджане поддерживается большими доходами от энергоносителей, которые «развязывают руки» властям и затрудняют демократические перспективы для Азербайджана.

Азербайджан пытается балансировать между США и Россией и время от времени изображает свой «уход» в ту или другую сторону, который на деле является лишь имитацией. Новый посол США заявил о стабильности в Азербайджане как приоритете американской политики, и даже не упомянул о декларировавшейся ранее в качестве главной цели задаче продвижения демократии. Это свидетельствует о лояльном отношении США к нынешнему лидеру Азербайджана.

Нынешний режим аккумулировал громадные финансовые средства. Согласно данным А. Юнусова, 36 млрд. долл. в нефтяном фонде и 48 млрд. долл., «приватизированы» лично Ильхамом Алиевым и находятся в оффшорных зонах (по другим подсчетам более 60 млрд. долл.). При этом Ильхам Алиев предпочитает получать от жизни все удовольствия и играет приятную для себя роль «царевича», роль же «управляющего хозяйством» по-прежнему отведена главе администрации президента Рамизу Мехтиеву.

Давид Петросян (политический обозреватель армянского информационного агентства "Ноян Тапан"), отметил в своем докладе, что тема возможного участия Армении в Евразийском проекте обсуждается исключительно в политической элите, и по этому поводу там существуют большие разногласия. Однако приоритет пока отдается вступлению в ЕС, а не в Таможенный союз и ЕвразЭС. Надуманный характер причин, призванных объяснить трудности участия Армении в ТС (изолированное положение страны и т.п.) очевиден, так как они никогда не рассматривались как препятствие для интеграции с ЕС. Вместе с тем в настоящее время ЕС не имеет никакого влияния в плане обеспечения безопасности Армении. Поэтому для Армении имеет важное значение членство в ОДКБ, необходимое для обеспечения безопасности. Усилению же европейского вектора армянской политики препятствует то, что ЕС и США стремятся с его помощью обеспечить свои геополитические интересы и вытеснить из региона Россию.

Немецкий дипломат Дитер Боден подчеркнул, что интересы безопасности ЕС требуют его участия в делах Южного Кавказа. Однако ни в одной из стран ЕС в настоящее время не проходит публичных обсуждений ситуации в этом регионе, так как он находится на периферии проблем Северной Африки, Афганистана и Ближнего Востока. Хотя все три страны ЮК видят себя частью Европы, но Грузия сейчас является «более европейской», чем Армения, а Азербайджану принадлежит последнее место. Карабахский конфликт имеет для ЕС второстепенное значение по сравнению с проблемами Грузии.

В ЕС нет единого мнения о значении ЮК для ЕС. Первостепенное значение ЮК в плане безопасности признают страны Прибалтики, Швеция, Восточная Европа. Остальные – Франция, Испания, Италия, Великобритания и др. не считают ЮК важным для ЕС регионом.

По мнению Д. Бодена, главная проблема региона – это Россия. Место ЮК в диалоге ЕС – Россия определяется тем, в какой степени страны ЕС готовы считаться с ролью России на Южном Кавказе и насколько они готовы конфликтовать здесь с Россией. Единого мнения по данной проблеме в ЕС не существует. От того,

как будет развиваться партнерство ЕС с Россией зависит в какой степени ЕС станет участвовать в решении региональных конфликтов на Южном Кавказе.

Главная сложность в отношениях РФ – ЕС состоит в том, что Россия не признает общеевропейского пространства безопасности и считает Кавказ частью не европейской, а российской безопасности. Но, как считает немецкий дипломат, конфликты на Северном Кавказе говорят в пользу концепции единой Кавказской безопасности как части общеевропейского пространства безопасности.

Большое внимание на конференции было уделено в происходящих событиях. Было отмечено, что в Сирии «арабская весна» оборачивается «арабской зимой». Турецкая политика «ноль проблем с соседями» обернулась «нулем дружеских соседей», причем обострение отношений с Россией противоречит интересам Турции.

Хотя «медовый месяц» между Россией и Турцией прошел, это не следует излишне драматизировать: теперь начался «скучный брак» со всеми его плюсами и минусами. Турецкие участники (Соли Озел, Университет Кадыр Хас, Стамбул и др.) выразили надежду, что российское руководство не захочет идти на дальнейшее обострение отношений с Турцией из-за Сирии.

Как подчеркнул Соли Озел, Турция сильно переоценила степень своего влияния на Иран и Сирию после ухода США из Ирака. Согласно данным проведенных в Турции опросов, 80% населения выступает против войны с Сирией, 60% - против нынешней политики по отношению к Сирии, но при этом 53% проголосовали бы за Эрдогана если бы выборы были завтра.

Как было отмечено на конференции, события на Большом Ближнем Востоке поставили под вопрос все границы, причем их новая перекройка может затронуть и Южный Кавказ. Было высказано предположение, что В.В. Путин обсудит на переговорах с турецким руководством будущую судьбу Сирии (согласование состава нового правительства, получение гарантий российских интересов, в том числе сохранения российской морской базы и т.п.).

На конференции высказывалось мнение, что годы правления С. Саргсяна – это годы стагнации Армении «во всем». Принятие парламентом Армении дополнительного протокола ОДКБ, который запрещает размещение на территории страны любой иностранной военной инфраструктуры без согласия членов ОДКБ нарушает суверенитет Армении. По мнению оппозиционно настроенных к нынешнему руководству армянских участников конференции, его принятие противоречит национальным интересам Армении.

На конференции было констатировано, что в настоящее время основными угрозами безопасности Армении являются дестабилизация к югу (Иран, Турция, Ирак, курдская проблема); опасность возобновления войны в Карабахе; возможность лишиться основных коммуникаций в случае дестабилизации ситуации в Грузии.

Единственным представителем России на конференции был автор этих строк, который участвовал в подобных конференциях в третий раз. В его докладе «Южный Кавказ: проблема эффективности политических элит» для обсуждения были предложены следующие тезисы:

1. Современная политическая элита Южного Кавказа имеет свои особенности. В отличие от стран Запада здесь произошло объединение политической и финансовой элиты, что способствовало быстрому расслоению общества и ухудшению экономической и социальной ситуации. Высокий уровень монополизации политической и экономической жизни препятствует развитию демократических институтов, формированию среднего класса и социально-экономическому развитию.

2. Авторитарный характер правящих режимов обеспечивает внутреннюю стабильность, в условиях которой происходит рост разнообразных бизнес-структур

«снизу» (даже вопреки политике властей). Глобализация и развитие информационных технологий способствует появлению большого числа образованной молодежи, делает неэффективной цензуру. Нынешние авторитарные режимы сами выращают собственных «могильщиков» и создают основу для развития демократических институтов в будущем. Поэтому страны Южного Кавказа вполне могут повторить, к примеру, южнокорейский сценарий авторитарной модернизации.

3. Ориентированным на западную демократию социальным силам Южного Кавказа не следует рассчитывать, что демократия для них будет построена кем-то другим (США, ЕС или Россией). Определяющим в данном процессе является не внешний, а внутренний фактор.

4. Обвинения России в проведении имперской политики не имеют под собой достаточного основания. У России, как и у других государств, есть свои политические и экономические интересы на Южном Кавказе, и другим игрокам необходимо их учитывать. Это тем более важно для небольших по своим масштабам государств ЮК, для которых роль России в нейтрализации реальных угроз их существованию может оказаться решающей.

НОВЫЕ КНИГИ

А.В. Акимов, А.И. Яковлев. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М.: Издательство Московского университета, 2012, 248 с.

Книга двух авторов вполне вписывается в растущую серию исследований по прогнозам мирового развития или эволюции, которая началась еще с работ Римского клуба (П. и Д. Медоузы и др.) с их одиннадцатью сценариями будущего человечества. С тех пор список прогностической литературы все увеличивается. Только в последние годы появился «стратегический глобальный прогноз (до 2030 г.) ИМЭМО РАН, «Комплексный системный анализ и математическое моделирование мировой динамики» Института прикладной математики, прогностические разработки В.И. Пантина и В.В. Лапкина на основе изучения циклических колебаний и др. На Западе – труды Г. Кана, Р. Шапиро, П. Кеннеди и т.д.

А.В. Акимов и А.И. Яковлев выбрали свой угол зрения. Во-первых, это прогноз долгосрочный – до 2100 г. Во-вторых, рассматриваются перспективы эволюции существующих на сегодня локальных цивилизаций (Европейской, Индийской, Китайской и др.) и их взаимодействия с учетом демографических, ресурсных и продовольственных факторов. Как определяют сами авторы, они сочетают «цивилизационный, ресурсный и сценарный анализ исторического опыта, современного состояния и возможного развития мировой системы». (с.9).

Авторы исходят из того, что хотя в современном мире существует достаточно широкий спектр возможностей выбора пути и модели развития (и, можно добавить, мир просто нуждается в смене некоторых уже скомпрометировавших себя моделей), этот выбор имеет ограничения – прежде всего существующие демографические, экологические, сырьевые (включая энергетические) проблемы, равно как и социокультурные характеристики, связанные с особенностями тех или иных цивилизаций.

Расчеты, сделанные в работе, показывают, что наиболее значительный рост населения можно ожидать в регионах, принадлежащих Индийской, Исламской и Африканской цивилизациям. Именно здесь будет решаться проблема соотношения «население – природные ресурсы», важная и для всего человечества. Критическим периодом, по мнению авторов, будет вторая половина XXI века. В это время «должно определиться, произойдет ли демографический переход (т.е. остановка роста населения, за которой последует его уменьшение – В.Х.) в крупных развивающихся странах Азии и Африки, хватит ли природных ресурсов Земли для обеспечения экономического роста и социального развития (с. 117, 54, 214 – 215). При этом высказывается мнение, что названным регионам потребуется помощь мирового сообщества, без которой они могут придти к тяжелому кризису с взрывным ростом смертности и массами беженцев.

Рассматривая перспективы мировой энергетики, авторы приходят к выводу, что нефть и газ еще долго останутся главными энергетическими ресурсами на планете. Что же касается таких заменителей, как биоэтанол и биодизельное топливо, то как «вариант технического решения проблемы» они приемлемы, но чреваты «глобальной конфронтацией между странами и цивилизациями», так как их производство пойдет за счет сокращения посевных площадей под продовольственные культуры и приведет к соответствующим диспропорциям.

В работе констатируется неравномерность распределения мировых ресурсов по отдельным цивилизациям. Так, по запасам нефти и газа преимущество на стороне исламского мира, а по объему пахотных земель – у Европы, Африки и Латинской Америки (с.100). Поэтому необходимо взаимодействие между

различными регионами и цивилизациями, те или иные формы глобального управления, тем более, что современные формы хозяйства пока еще ориентированы на ресурсорасточительные модели и нуждаются в переходе на ресурсоэкономные методы.

Все представленные в книге сценарии так или иначе связаны между собой, но проводятся по различным критериям или основаниям. В демографической сфере сценарии роста населения охватывают мир в целом и имеют четырехчастное деление – минимальный, максимальный, средний и реальный, причем реальный сценарий близок к среднему. Сценарии по энергетике представлены по регионам и соответствуют их ресурсным потребностям (что, естественно, коррелируется ростом населения).

Цивилизационные сценарии представлены по каждой цивилизации и исходят из некоторых наблюдаемых уже сегодня трендов или признаков. Например, для Европейской цивилизации (для авторов это страны Запада в целом) выделяются такие возможные сценарии, как «торжество технологий», «торжество рантье», «Европа – русская деревня» (т.е. утрата мирового лидерства и переход на высококонкурентное аграрное производство), «злые соседи» (критический наплыв мигрантов), «Варфоломеевская ночь» (жесткое вытеснение мигрантов), «человек западный – исчезающий вид» (растворение коренных жителей в поколениях мигрантов), «угасание и распад». Эти сценарии, говорится в книге, дают ориентиры для определения контуров будущего, которое может реализоваться в зависимости от тех или иных тенденций демографического развития и ресурсного обеспечения. (с. 131).

Различные сценарии даны и для других цивилизаций. Намечены также сценарии по взаимодействию цивилизаций в рамках мировой системы. Два из этих сценариев – «Запад сохраняет лидерство» и «Лидерство переходит на Восток и Юг» - допускают инерционное продолжение нынешних, хотя и различных тенденций. Два других строятся по принципу желательности («Конвергенция цивилизаций») или нежелательности («Борьба за ресурсы»). (с. 215).

В целом, как представляется, А.В. Акимов и А.И. Яковлев проделали большую и полезную работу по «перебору» различных возможностей эволюции современного мира до конца столетия – как мира в целом, так и его отдельных составляющих. Вместе с тем ряд положений в книге, на мой взгляд, нуждается в уточнении, корректировке или даже вызывает возражения.

Прежде всего это касается цивилизаций и цивилизационного анализа. Хотя авторы считают «несколько обедненным» представление Ю.В. Яковца о религии как системообразующем начале цивилизации, тем не менее через несколько страниц они производят деление существующих сегодня локальных цивилизаций именно по религиозному признаку, повторяя многократно критиковавшийся подход С. Хантингтона. В результате, например, под шапкой «православной цивилизации» объединяются Россия и Греция, хотя последняя в целом гораздо более вписана в Европу. Главное же, цивилизационный «контент», социокультурные характеристики мало связаны с демографическими, ресурсными или продовольственными аспектами (способствуют ли конкретные цивилизационные традиции той или иной динамике населения? регулированию потребления ради сокращения ресурсоемких технологий? и т.д.). В результате фактор собственно цивилизации оказывается не проясненным, а сам термин «цивилизация» легко может быть заменен на «регион».

А.В. Акимов и А.И. Яковлев активно используют уже устаревшее, на мой взгляд, понятие «догоняющего развития». Так, они полагают, что Китайская, а вслед за ней Индийская, Исламская и Африканская цивилизации во второй половине XXI века выйдут на уровень потребления Европы и США, что будет означать сценарий

«успешного догоняющего развития. (с. 79). Вряд ли это случится – для этого просто не хватит имеющихся на Земле ресурсов. Да и надо ли стремиться повторять стандарты, характерные для культа потребительства богатых стран?

Неясна цель раздела о реформах (с. 155 – 175). В ней просто дается описание механизма реформ и конкретных реформ в тех или иных странах, а также говорится о желательности или нежелательности различных последствий реформ. Что это дает для прогнозов?

Есть определенные замечания по главе 5 («Модернизация как реформа системы»). Понятие модернизации (переход от традиционного, доиндустриального общества к индустриальному) не определено, поэтому возникает, к примеру, отнесение проходившей до сих пор модернизации в незападных обществах к «догоняющему типу развития», то-есть к вестернизации (с.177), хотя под это трудно подвести, скажем, процессы модернизации в России – СССР, Японии, Китае и т.п. Говорится о модернизации постиндустриального мира (с 190 – 191), хотя «постиндустриальность» означает именно окончание модернизации (построение индустриального общества). Вызывает сомнение тезис о том, что базовым элементом эпохи Модерна стала «дисквалификация Традиции», уклонение от Традиции или пренебрежение ею» (с.194). Так не было и на Западе, где ряд ценностей и институтов традиционного общества приспособлялся, встраивался в процесс модернизации; а уж тем более использование Традиции было характерно при модернизации незападных обществ. «Дисквалификация Традиции», «пренебрежение ею» на Западе происходит как раз сейчас, в рамках Постмодерна.

Наконец, прогнозируя перспективы России в XXI веке, авторы приходят к тому, что ее «богатые природные ресурсы, как топливные, так и сельскохозяйственные» составляют конкурентные преимущества в мировом хозяйстве, и поэтому «развитие ТЭК и энергоемких производств», а также ставка на экспортоориентированное сельское хозяйство могут стать «эффективной стратегией для России в XXI веке» (с. 216-217). Есть большие сомнения, что России стоит продолжать ориентироваться на стратегию «топливного снабженца» для всего мира, которую она осваивала начиная с «лихих девяностых». Что же касается экспорта продовольствия, то Россия пока еще не вполне кормит саму себя, и объем импорта продовольствия все еще превышает допустимый уровень для национальной безопасности.

В общем, введение в прогностические исследования проблематики цивилизации, модернизации, реформ требует введение дополнительных специальных критериев. Что ж авторы начали эту важную и непростую работу.

В.Г. Хорос

Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Факультет мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. – 593 с.

Рецензируемый коллективный труд – первый в отечественной научной литературе всесторонний анализ сложного и порой противоречивого контекста «Арабской весны», или, иначе, «Арабского пробуждения», сочетающийся с выявлением различных интересов, многочисленных факторов и предпосылок, определивших своеобразие протестной волны на Ближнем Востоке. Книга, кроме того, дает прогноз дальнейшего хода событий и сценариев будущей конфигурации в регионе Арабского Востока, показывает особенности восприятия происходящего в

арабском мире российским научным сообществом и, что особенно ценно, – их значимость для России.

Авторы – видные ученые и дипломаты, исследователи различных специальностей, представляющие ведущие центры академического, университетского и прикладного востоковедения – демонстрируют в своем анализе событий на Арабском Востоке в 2011-2012 гг. широкий спектр взглядов и подходов. По-разному воспринимая сложные процессы «Арабского пробуждения», все они так или иначе склоняются к тому, что «Арабская весна» положила начало новой трансформации арабских обществ. Ей, как указывается в книге, препятствовало многое: архаичная политическая надстройка в ряде стран, где у власти, часто бессменно, находились давно пережившие свою эпоху «сильные личности» (Каддафи) или же генералы (Мубарак); отсутствие гражданских свобод и социальных лифтов; углублявшиеся социальные и имущественные диспропорции; коррупция, ставшая системным фактором; слабость социальной политики, экономическая стагнация. «Арабское пробуждения» рассматривается и как результат недозавершенной деколонизации, и как свидетельство продвижения по миру демократизации, и как своеобразный результат глобального экономического кризиса.

Один из итогов «Арабского пробуждения» российские ученые усматривают в том, что в регионе Ближнего Востока создан «неустойчивый и противоречивый баланс интересов и сил между различными фракциями, которые, так или иначе, являются продуктом эпохи предыдущего правления. Из недр общества вышли на арену и все громче заявляют о себе новые силы, часто позиционирующие себя как исламские, они радикально настроены, требуют перемен и своего места под солнцем» (с. 350). Есть также региональные силы, которые имеют свои интересы в происходящих на Арабском Востоке процессах. Нежелательное следствие «Арабского пробуждения» авторы сборника усматривают в том, что страны региона рискуют вообще отказаться от идеи устойчивого развития и вступить в новый виток замедления роста и опасности утраты стимулов к развитию.

В ряде статей сборника доказывается упрощенность попыток свести всю сложность и пестроту международных отношений в регионе Ближнего Востока лишь к борьбе внешних сил за контроль над ресурсами и геополитический передел мира, первую скрипку в котором играют США, для которых важно лишь установить контроль над ближневосточной нефтью и соответственно ущемить Россию или Китай. Отмечена и положительная роль России и Китая, выступивших в Сирии с идеей посредничества и побуждения сторон к национальному диалогу.

Анализ перипетий внешнего вмешательства в арабские дела позволяет авторам сборника вывести некоторые уроки, касающиеся серьезных изменений международного климата. Речь идет, прежде всего, о возросшем влиянии военной силы в решении международных проблем со стороны ряда стран Запада. Как справедливо отмечает В.В. Наумкин, «масштабное военное противостояние, ставшее результатом борьбы мятежников с режимами в Ливии и Сирии, заострило вопрос о легитимности, допустимости и условиях вмешательства во внутренние конфликты внерегиональных сил, в том числе с декларированной гуманитарной целью защитить гражданское население» (стр. 8).

Обращает на себя при этом внимание трактовка в сборнике ливийских событий. Она выгодно отличается от широко растиражированной в западной и частично российской публицистике упрощенной версии, согласно которой в Ливии имело место противостояние сторонников архаичного и сумасбродного правителя с силами добра и демократии, поддержанными коллективным Западом. Обращение к непростой истории Ливии, выявление роли в ней разных светских идеологий, а также

и течений ислама, позволяет понять специфику развернувшейся в этой стране политической борьбы. Она, по мнению А. Егорина, была обусловлена не только идеологическим фактором – расхождением между сторонниками каддафизма и последователями сенусизма, но и недовольством национального среднего и крупного бизнеса темпами реформирования. Внешнее же вмешательство только усугубило этот сложный внутривнутриполитический разлом.

Точно также – преимущественно сквозь призму сложных внутренних противоречий, подспудно накапливавшихся и прорвавшихся антиправительственными выступлениями конца апреля-начала мая 2011 г. – рассмотрен в сборнике сирийский конфликт. Обращает здесь на себя внимание взгляд на специфическую роль в этом конфликте армии: именно военным, согласно новейшей исторической традиции, принадлежит приоритетное мнение в процессе принятия решений по ключевым вопросам внутренней и внешней политики Сирии. И это, во-первых, отличает сирийский конфликт от ливийского, в котором армия фактически предала Каддафи, а, во-вторых, объясняет причину относительной консолидированности сирийского правящего режима, его способности отражать в течение столь продолжительного времени атаки хорошо вооруженных и поддерживаемых извне отрядов разношерстной оппозиции.

Обращая внимание на уникальность и своеобразие движений «Арабского пробуждения», авторы сборника приходят к выводу, что арабские события, или «весна гнева», по выражению А. Филоника (с. 33), не вписывались – по крайней мере, на начальном своем этапе (до Ливии) – в обычные сценарии бунтов или массовых протестных движений, привычных доселе развивающимся странам. Не были они и аналогом «цветных революций». При желании, как утверждает в сборнике, в событиях «Арабской весны» можно скорее усмотреть сходство с национально-освободительными революциями, прокатившимися по Ближнему Востоку в XX веке. Тогда они принесли арабским странам независимость, привели к структурным сдвигам в экономике, политике, других сферах (с. 32).

Новые реалии на Ближнем Востоке могут поставить Россию перед серьезными вызовами. Они, как отмечается в сборнике, проявятся в дальнейшей дестабилизации Большого Ближнего Востока и его исламизации, что будет сочетаться с проникновением в южное подбрюшье России. В целом же дестабилизация вблизи российских границ в связи с попытками осуществить смену режимов в Сирии или Иране актуализирует угрозы для России со стороны Ближнего Востока, побуждая ее к более активным действиям, нацеленным на противодействие применению военной силы в регионе.

Д.Б. Малышева

John Rapley. Understanding Development. Theory and Practice in the Third World. Boulder (Col.) a. London: Lynne Rienner Publishers, 2007, 263 p.

Хотя первое издание этой книги появилось несколько лет назад, но в качестве одной из немногих попыток обобщающего исследования проблематики развития она оказалась востребованной, и сейчас вышло уже третье ее издание. Автор, ученый из университета Западных Индий (Ямайка) задался целью очертить эволюцию научной мысли по теме развития (development studies) и вместе с тем выяснить, как, в какой мере, почему и кем соответствующие идеи применялись в реальной практике. Первое в общем и целом удалось, второе, на мой взгляд, - в гораздо меньшей степени.

В истории развертывания концепций развития Дж. Рэпли выделяет четыре этапа. Первый из них условно можно назвать кейнсианским. Учение Кейнса с его идеей государственных интервенций и закачивания денег в экономику ради поддержания ее динамики оказало влияние и на штудии, посвященные проблемам стран мировой Периферии. В них также ведущая роль отводилась государству (state-led development). Здесь возникали различные направления, школы мысли. Структуралисты (Р. Пребиш, Х. Зингер, Р. Нурксе, С. Фуртадо и др.) доказывали необходимость изменения структуры отсталой экономики, роста индустриальных отраслей за счет первичного (сырьевого) сектора, допуская при этом инвестиции и технологическое содействие со стороны развитых стран. Сходную позицию занимали теоретики модернизации (начиная с У. Ростоу), обосновывавшие роль модернизаторских (прозападно настроенных) элит. В противовес им возникли теории зависимости (П. Баран, А.Г. Франк), которые исходили из того, что «первый мир» заинтересован в сохранении отсталости «третьего мира», и последнему надо выбираться из отсталости своими силами. Близкие к этому взгляды высказывались сторонниками теории «периферийного капитализма» (С. Амин). Но все эти течения отличала ориентация на индустриализацию и уверенность в том, что государство должно стать организатором процесса (p. 21-34).

«Государственничество» (statism) в странах Азии, Африки и Латинской Америки имело своей параллелью «государство благосостояния», становившееся в послевоенный период на Западе. Специфика государственного дирижизма на Периферии заключалась в стратегии импортозамещения. Его ранние формы были опробованы еще в Турции времен Ататюрка, в Бразилии в годы президентства Ж. Варгаса, в Аргентине в период Х. Перона и др. В послевоенный период эта модель так или иначе имела место во многих освободившихся странах Азии и Африки (Индии, Гане, БСК, Индонезии и др.), включая так называемые государства социалистической ориентации.

Автор признает определенные достижения этой стратегии, особенно в социальной сфере (улучшение условий жизни населения – продовольственного обеспечения, медицинского обслуживания, повышение грамотности и пр.). Основной ее слабостью была недостаточная экономическая эффективность, связанная с недооценкой или подавлением рыночных стимулов. В результате в конце 70-х – начале 80-х годов в developmental studies произошел поворот на 180° – переход к неоклассической теории.

В последней, восходящей еще к идеям Адама Смита, на первый план выдвигается саморегулирующийся рынок, государству же отводится минимальная роль («чем меньше, тем лучше»). Поначалу неоклассический подход обосновывался теоретически (Ф. Хайек, М. Фридман). Но затем, с приходом к власти консервативных правительств М. Тэтчер и Р. Рейгана в Великобритании и США этот подход с акцентом на монетаристские методы был внедрен в международные финансовые организации (прежде всего ВБ и МВФ), которые проводили финансовую политику Запада в отношении развивающихся стран (p. 83).

Впрочем, и в самих развивающихся странах появились рьяные сторонники неоклассических взглядов, которые выдавали рекомендации даже «круче» своих патронов из стран Центра (Дж. Бхагвати, Х. Джонсон, В. Корден, А. Крюгер и др.). Индийский экономист Д. Лал, например, провозглашал, что «ошибка (failure) рынка всегда предпочтительней ошибки государства». Бывшим колониям и зависимым территориям предлагалось «стать богатыми» через продажу сырья развитым странам, как было при колониализме, который вообще-то не сделал ничего плохого странам Периферии и не ответственен за низкий уровень жизни там (p. 70-72). В итоге была разработана «программа структурной адаптации (structural adjustment

programme – SAP), выполнение рекомендаций которой для периферийных стран стало обязательным условием для получения займов и инвестиций извне. «Большинство стран третьего мира стали лабораторией грандиозного эксперимента в духе неоклассической теории» (р. 84).

SAP включала такой жесткий комплекс мер, как резкое сокращение государственных, прежде всего социальных, расходов (политика «затягивания поясов»), устранение любой ценой бюджетного дефицита, пресечение инфляции, девальвация местной валюты (для стимулирования экспорта, в основном сырьевого), приватизация госпредприятий и вообще – дерегуляция всей экономики, включая финансовые рынки и рынки труда. В соединении с провозглашенным позднее так называемым Вашингтонским консенсусом это было то, что позднее получило название «рыночного фундаментализма».

Дж. Рэпли считает, что SAP принесли некоторые плюсы для стран Периферии. Но примеры, которые он приводит в подтверждение этого, выглядят не слишком убедительно. Так, в Мексике после нескольких лет следования предписаниям SAP разразился серьезный финансовый кризис 1995 г. Аналогичная политика в Гане держалась на щедрых финансовых вливаниях извне, которые изрядно увеличили внешний долг страны. В Нигерии результатом SAP был лишь рост сырьевого экспорта (р. 87-91).

Более очевидны были потери. Так, приватизация «мало что дала развивающимся странам» (р. 96). Финансовое дерегулирование привело к массовому оттоку капитала, особенно из латиноамериканских стран. Монетаристские методы обуздания инфляции не создавали условия для последующего роста. Значительно возросла социальная дифференциация, рос сектор беднеющего населения. Неудивительно, что неоклассическая теория подвергалась критике в исследовательской литературе. Даже специалисты из МБ и МВФ были вынуждены смягчить свои установки, хотя, как отмечает автором, неоклассические принципы по-прежнему остаются «мэйнстримом» в экспертном сообществе Запада.

Критика неоклассики способствовала выдвижению теории «государства развития» (developmental-state theory), которая сложилась в группе ученых из Института проблем развития Сассекского университета Великобритании (Ч. Джонсон, Г. Уайт, М. Бинефельд, А. Амсден). Главная идея данной концепции состояла в том, что дирижистские функции государства должны быть направлены на поддержку рыночной экономики. В подтверждение своих взглядов авторы теории ссылались на давние идеи Фридриха Листа о необходимости «выращивания» еще молодой, неокрепшей экономики в условиях доминирования на мировом рынке более развитых хозяйств (infant-industry model), а также на опыт восточно-азиатских «тигров» (Япония, Южная Корея, Тайвань и др.). Хотя здесь имело место определенное противоречие: идеи Ф. Листа были ближе к стратегии импортозамещения, тогда как «тигры» и «драконы» представляли экспортоориентированную модель развития.

Так или иначе, developmental-state theory проповедовала политику модернизаторского авторитаризма. При этом оговаривалось, что глобализация ослабила автономию национальных государств и время «государства развития», возможно ушло (р. 155, 171, 173). К тому же, как говорится в книге, developmental-state theory была поколеблена азиатским кризисом 1997-1998 гг. Поэтому указанная теория уступила место тому, что Дж. Рэпли называет идеями «постразвития» (postdevelopment thought), что образует четвертый, и последний на сегодня этап проблематики развития.

Этот этап характеризуется как весьма неопределенный. В нем смешались различные течения и идеи – критика неоклассических теорий Дж. Штиглицем, антиглобализм, постмодернизм. Последний, как и подобает постмодернизму, отрицает какие-либо универсальные «метанарративы» развития. Высказываются некоторые экстравагантные идеи – вроде того, что развитие не обязательно означает повышение уровня жизни населения, но скорее, включение неформальных экономик в хозяйственную среду (into the network of commodity circulation). Поэтому, как считает автор, литература «постразвития» «больше противостоит чему-то, чем предлагает что-то» (р. 196) и никак не влияет на реальную практику. Высказываются сомнения и по поводу выдвинутой ООН и широко разрекламированной концепции «устойчивого развития» с ее требованиями учитывать экологические факторы. Во-первых, потому, что, с точки зрения многих представителей развивающихся стран, эта теория предназначена для того, чтобы ограничить их развитие; во-вторых, потому, что схема «устойчивого развития» до сих пор во многом остается декларацией, научно не разработанной.

В финале книги автор – подстать очерченному им «четвертому этапу» – меланхолически констатирует, что «успехи и неудачи развития сопутствуют друг другу» (р. 196) и говорит о необходимости «новой парадигмы развития», которую еще только предстоит выработать применительно к условиям глобализации.

Думается, что книга Дж. Рэпли в целом отражает эволюцию теоретической мысли по проблематике развития, равно как и кризис ее на современном этапе. Хуже обстоит дело с пониманием того, как эти идеи соотносились с реальной жизнью, соответствующей практикой развивающихся стран Юга (Востока) и в этом контексте – их отношениями со странами Севера (Запада). Например, неудачи политики SAP автор объясняет просчетами неоклассических теоретиков (р. 109-114). Неужели автор понимает дело таким образом, что профессора пишут книги, а затем управленцы реализуют их идеи в своей политике?

Дж. Рэпли вроде бы различает научные теории и идеологии (скажем, того же «рыночного фундаментализма»). Но тогда надо анализировать ту же политику SAP, проводимую Центром по отношению к Периферии, в терминах идеологии, т.е. под углом определенных vested interests, интересов тех или иных социальных групп или политических сил. Но такой угол зрения в книге напрочь отсутствует.

Так, прослеживая курс SAP в развивающихся странах, казалось бы, трудно пройти мимо проблемы резко возросшего внешнего долга этих стран в начале 80-х годов (или точнее, их «обременения долгом», endebting со стороны развитых стран и международных финансовых организаций). В книге об этом говорится мельком и в таком духе, что, мол, представители этих стран «плохо продумали возможности возврата кредитов» (р. 45-46). Что-таки – все «плохо продумали» и в этом дело? Даже как-то не хочется напоминать общеизвестные факты, что сначала западные кредиторы щедро раздавали периферийным экономикам нефтедоллары, а затем процентная ставка дважды была резко повышена и возврат долгов, равно как их обслуживание, стали для этих стран практически неподъемными.

Аналогичным образом вскользь и чисто описательно освещаются финансовые кризисы в Азии и других странах в конце 90-х гг. (мол, допустили дерегуляцию финансовых рынков, наплыв портфельных инвестиций и т.п.). Между тем, как это установлено в целом ряде исследований, международные финансовые организации в немалой мере приложили руку к возникновению или провоцированию этих кризисов. В книге Дж. Рэпли, правда, признается, что МВФ «усугубил» (exacerbated) Азиатский кризис (р. 146). Но в целом все как бы шло само собой...

Трудно сказать, чем вызван такой обход содержательных объяснений – наивностью (переоценка влияния экономической науки на экономическую политику)

или нежеланием посягать на неоклассический «мэйнстрим». Скорее второе – то, что сейчас называют «политкорректностью», т.е. умением молчать о том, о чем не положено говорить. Но с точки зрения информации об эволюции проблематики развития в мировой литературе книгу можно прочесть не без пользы.

В.Г. Хорос

Sugata Marjit, Saibal Kar. The Outsiders. Economic Reform and Informal Labour in a Developing Economy. Oxford University Press. New Delhi, 2011. – 218 pp.

Несоответствие сохраняющихся высоких темпов роста населения в развивающихся странах и ограниченных возможностей создания новых рабочих мест стало основной причиной существенного увеличения в структуре хозяйства развивающихся стран неформальной занятости. На её долю, по примерным оценкам, приходится две трети мировой рабочей силы. Исследование С. Маржитом и С.Каром (Центр изучения социальных проблем, Калькутта), неформальной занятости на примере Индии представляется весьма своевременным, ибо рынок труда страны переполнен молодой рабочей силой, невостребованной в цензовой экономике. Возможности эмиграции сокращаются из-за усиливающейся защиты национальных рынков труда развитыми государствами.

Авторы анализируют особую социально-экономическую нишу, типичную для большинства стран Юга, в которой заняты сотни миллионов людей, но при этом относительно малоизученную. Её существование признано сравнительно недавно в основном усилиями МОТ. Эксперты этой организации в 70-х годах XX века констатировали в ряде государств Азии, Африки и Латинской Америки наличие обширного слоя населения, прежде всего городского, не имеющего постоянных, официально зарегистрированных рабочих мест и заработной платы или же нерегулярную занятость с крайне низкой оплатой труда, в том числе в натуральной форме. Это в первую очередь обитатели городских окраин, выходцы из деревень и малых городов. Существует также обширная сельская безработица, характеризующаяся как застойная, поскольку многие из тех, кто образует этот слой, никогда не имели устойчивой занятости, перебиваясь случайными подработками. Такое состояние стало для них хроническим, подчас переходящим из поколения в поколение. Авторы также включают сельскохозяйственных рабочих в сегмент неформального труда(с.36). Сельская незанятость, как правило, изучена в наименьшей степени, ибо камуфлируется большой семьей, сетью родственных, клановых, общинных отношений.

По своему социальному и экономическому положению люди в сфере городской и сельской неофициальной занятости, временной или постоянной, могут быть квалифицированы как люмпены, маргиналы, аутсайдеры по отношению к цензовой, официально регистрируемой экономике. Надо признать, что термин «аутсайдеры», вынесенный авторами в заглавие рецензируемой книги, точно отражает суть проблемы. Они подчеркивают также, что изучают положение людей, действующих вне законодательных учета и норм, но не связанных с криминалом.

В силу неопределенности статуса, их роль в развитии не сразу получила категориальное определение. Постепенно в рамках исследовательского направления *development studies* сложились наименования этого явления – невидимый, вторичный, параллельный, неорганизованный, неформальный сектор, составляющий значительную по численности часть теневой экономики. В начале XXI века её доля в ВВП азиатских развивающихся стран составляла в среднем 26%, поднимаясь до 52% в Таиланде, 44% в Шри Ланке, 38% в Непале.

Наибольшее распространение получило наименование этого сектора как неформального (informal), предложенное английским социологом К. Хартом. В развивающихся странах в его рамках активно действуют, наряду с массовыми наёмными работниками, мельчайшие частные предприятия без официальной регистрации. Их численность в Индии, по примерным оценкам, составляет 12 млн. Самая распространенная форма найма – устная договоренность с преобладанием сдельной оплаты. Они составляют основу прежде всего сферы услуг, включая уличную торговлю. Из-за недоступности для них банковского кредитования они тесно связаны с местными ростовщиками (с.114). В Индии с её богатейшими ремесленными традициями широко распространена неформальная занятость кустарей.

Масштабы неформального сектора и шире – теневых отношений в экономике и социуме с обязательным вовлечением бюрократического аппарата – усиливают его воздействие на официальную экономику. Можно говорить о существовании теневой идеологии. Легальные институты осведомлены о существовании неформального сектора, но предпочитают его не замечать. На самом деле неформалы есть часть хозяйственной системы в целом, а не внешний фактор по отношению к ней. Показательна ситуация в ряде стран Африки, в которых доля неформального сектора достигает 60-70% ВВП. Это расширяет понятие теневых отношений до уровня государства в целом (shadow state), когда экономическая система строится не на официальной законодательной основе, а на личных связях, формируемых обычаям, традиционными (клановыми, общинными) правилами (клептократия).

В большинстве исследований социально-экономических проблем Юга рост теневой экономики, рассматривается как негативное явление, свидетельство слабости государства и его институтов. Теоретически такая оценка выглядит логичной. Но когда речь идет об экономиках с неустоявшимися (переходными) рыночными отношениями, высокая доля неформального сектора, как правило, прямо коррелирует с массовой бедностью, становясь одним из реальных механизмов выживания населения. Очевидным доказательством является высокая доля занятости в этом секторе. «В Индии неформальный сектор обеспечивает средства существования более 90% всей рабочей силы» (с.1). В других странах этот показатель достигает 70% (с.100).

Неформальность подразумевает не только отсутствие государственной регистрации, но и несоблюдение законов о труде, а также принятых стандартов качества товаров и услуг. Авторы рецензируемой книги неоднократно подчеркивают, что термины неформальный и неорганизованный сектор используются ими как взаимозаменяемые. Они считают экономическую активность, скрытую от государственного учета, наиболее общей и типичной чертой этой хозяйственной ниши. «Отсутствие регулярной информации является основным критерием для характеристики сектора как неорганизованного» (с.18,163). В тексте приведена его развернутая дефиниция, предложенная национальной комиссией по предприятиям неорганизованного сектора Индии (2007 г). Это – «сектор, состоящий из нерегистрируемых частных предприятий, принадлежащих отдельным лицам или домохозяйствам, вовлеченным в производство и продажу товаров и услуг, действующим на началах собственности или партнерства и использующим до 10 рабочих» (с.3). Такое определение с небольшими изменениями используется в большинстве исследований неформального сектора.

С. Маржит и С. Кар подчеркивают особую важность неформальной занятости для беднейших слоев населения Индии, не имеющих материальных или финансовых резервов. Их положение определяется тем, что у подавляющего

большинства отсутствует выбор на рынке труда, так как предложение со стороны неквалифицированных работников постоянно превышает спрос. Они вынуждены соглашаться на любую работу с самыми невыгодными для них условиями труда и оплаты. К сожалению, авторы не приводят её фактические размеры, видимо, обеспечивающие в лучшем случае лишь минимальные средства существования. Огромные масштабы нищеты в Индии, затрагивающей до трети населения страны, высокий уровень безработицы (официальный показатель при относительно слабом её учете составил в 2011 г. 9,8%), вынуждают признать любую оплачиваемую занятость положительным фактором. Поэтому объективно закономерен вывод: «Расширение неформального сектора не должно обязательно рассматриваться как проклятье» (с.2).

Индийские исследователи ссылаются на решающую роль неформальной занятости и неформального заработка в снижении городской нищеты в Индии. Вместе с тем они акцентируют отсутствие профсоюзов на неформальном рынке труда, где не действуют законы о минимальной оплате, продолжительности рабочего времени, и где рабочие вынуждены трудиться в любых условиях. У них нет официального представительства для отстаивания своих интересов.

Приведенные в книге данные свидетельствуют о высокой доле неформальной занятости и её различиях по штатам Индии – свыше 90% в Ориссе, Уттар-Прадеш, Западном Бенгале, Бихаре и порядка 60% в Хариане, 72% в Махараштре (с.165). Эти показатели не сокращались в 90-е годы XX века (начало кардинальных экономических реформ), а в ряде штатов возрастали. К сожалению, они ограничены 2001 годом, не отражая изменений в период экономического роста страны в первое десятилетие XXI века.

Принципиальная позиция авторов книги состоит в том, что различия между секторами не означают жесткого разделения двух рынков труда. Они справедливо рассматривают их как взаимодействующие структуры, что помогает понять своеобразие рынка труда в Индии в целом. Подчеркивается также постоянное воздействие на неформальный сектор внешних факторов, особенно либерализации торговли – «волны глобализации и связанные с этим влияния размывают границы между формальностью и неформальностью» (с.197). Такой подход определяет неформальный сектор как неотъемлемую часть национального хозяйства, хотя и не попадающую под прямой государственный учет.

Особенность неформального сектора – слабость прав собственности и контрактных обязательств. Но это не мешает государству использовать его в качестве буфера, сдерживающего увеличение незанятости в целом, своего рода «развитие с черного хода» (р.20). Авторы поддерживают распространенное мнение, что рост неформального сектора зависит от качества официального законодательства и системы налогов. Трудности с оформлением бизнеса, запутанность налогообложения прямо влияют на его уход в тень. Жесткость законов о труде, осложняющих увольнение работников на малых предприятиях, также приводит к расширению неформальной занятости. Многоступенчатая структура управления, громоздкий и неповоротливый чиновничий аппарат усиливают деформализацию экономики.

Безусловный интерес представляют case studies – конкретные примеры кластеров неформальных предприятий в Индии. Самый известный из них – Дхарави, крупнейшая в Азии трущоба, скопление в основном неформальных ремесленных, кустарных малых предприятий. «Легионы городской бедноты», порядка 100 тыс. человек, производят разнообразные товары и услуги, общей стоимостью 500 млн. долл. в год, возможно, вдвое больше (с.184). «Дхарави скорее не трущоба, а

неорганизованный, нерегулируемый дистрикт, выставка индийского предпринимательства» (с.184).

В заключительной главе С. Маржит и С. Кар ещё раз подчеркивают, что если в ходе государственного регулирования в экономике не создано достаточно формальной занятости, неизбежным становится рост аутсайдеров.

Е.А.Брагина

Oswaldo de Rivero. The Myth of Development. Non-viable economies and the crisis of civilization. L. a. N.Y.: Zed books, 2010, 163 p.

Несколько десятилетий назад в одной из французских газет велась постоянная рубрика “Mais, dit André Wurmser” (“Но”, говорит Андре Вюрмсер). Знакомясь с этими материалами, я понял, что в них выражена не просто критическая реакция известного писателя на тот или иной конкретный факт, но и определенная жизненная позиция – нон-конформизма, скептицизма, пессимизма, называйте как хотите. Такие “mais” встречаются и в научной литературе. Книга Освальдо де Риверо относится именно к этому ряду.

Автор – перуанский дипломат и экономический эксперт, работавший в свое время в структурах ГАТТ, ВТО и ООН. В своей небольшой книге он рассматривает проблемы развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки (и сам является представителем одной из таких стран). Эти страны сначала назывались «бедными» (poor), затем «отсталыми» (backward), наконец, «слаборазвитыми» (underdeveloped) и «развивающимися» (developing). Так в конце 50-х годов прошлого столетия «был рожден миф о развитии» (р. 98).

Вдохновленный другим мифом («мифом прогресса»), он пробудил надежды на догоняющее развитие бывших колоний и зависимых территорий. Была даже разработана универсальная схема «стадий роста» (У. Ростоу), которая предполагала с какого-то момента ступень «взлета» (take-off). С тех пор, констатирует де Риверо, мы видели немало всяких take-off. Но лишь считанное число стран, ежегодный темп роста которых был выше 5% (Южная Корея, Тайвань, Сингапур и др.) стали развитыми, индустриальными государствами. Из остальных 134 развивающихся стран в 96-ти ежегодный рост за полвека (1960-2008) не превышал 2,6%, а в 37-ми составлял лишь 3%, что не выводит их за границы слаборазвитости. Сегодня в нищете пребывает практически половина населения в Тропической Африке, в Южной Азии – 40%, в Латинской Америке – 38%, и большинство стран в этих регионах являются «нежизнеспособными экономиками» (non-viable national economies) (р. 81, 84). Таковы результаты – не развития, но «мифа о развитии».

Почему так произошло? Отчасти, по мнению де Риверо, в силу объективных исторических трудностей для периферийных стран вписаться в современный виток научно-технической революции (появление высокотехнологичных производств, сокращающих сферу труда; распространение различного рода заменителей, снижающих потребность в натуральном сырье; отсутствие или слабое развитие собственных научно-инженерных традиций и т.п.). Но особый упор автор делает на процессе глобализации, который постепенно определял и видоизменял отношения между странами Центра и мировой Периферии, а также характер современного капитализма.

Последний представляет собой, по словам де Риверо, царство «социального дарвинизма». Однако, если дарвиновский закон «естественного отбора» осуществляется миллионы лет, то через механизм социального дарвинизма многие

тысячи людей могут лишиться работы через считанные месяцы, те или иные компании исчезают за пару лет, а целые общества или государства могут стать «нежизнеспособными» меньше, чем за десятилетие (р. 51). Но все это, как доказывают теоретики социального дарвинизма и неолиберализма, ссылаясь на Адама Смита, есть лишь действие «железных законов» рынка, его «невидимой руки», которая, в конечном счете, устраивает все оптимальным образом и находится вне морали («бизнес, ничего личного»). На самом же деле это, конечно, грубое искажение взглядов английского экономиста-классика, который полагал, что «невидимая рука рынка» срабатывает лишь тогда, когда его субъекты осуществляют моральное, «разумное поведение» (*reasonable conduct*), стремясь к сохранению социального равновесия, и поэтому наряду с «Богатством народов» А. Смит создал «теорию моральных чувств» (*The theory of moral sentiments*).

Средоточие глобализаторского капитализма – в транснациональных корпорациях, число которых за последние четверть века увеличилось с 7 до 380 тысяч. Более двух третей мировой торговли происходит между ними. Вместе с транснациональными банками ТНК являются по сути хозяевами современного мира. Жизнь национальных экономик решается не столько в правительственных офисах или парламентах, сколько на международных финансовых рынках и биржах Нью-Йорка, Чикаго, Лондона, Токио и др. (р. 29).

Власть этого нового Левиафана становится все более анонимной. «Неизвестные персоны решают судьбы миллионов людей и многих наций» (р. 33). Автор выделяет различные уровни мирового управления – собственно экономический и финансовый бизнес (*non-state world aristocracy*), бюрократический (МВФ, ВБ, ВТО, структуры Брюсселя и др.) и идеологический (*missionary supranational high clergy*), обеспечивающий навязчивую и неутомимую пропаганду рыночного фундаментализма на академических мероприятиях, в СМИ и пр. Кроме этого, в национальных государствах существуют «батальоны лоббистов», обслуживающих интересы космополитической власти.

Уровни мирового управления различны и по отношению к тем или иным регионам. Принципы социального дарвинизма и рыночного фундаментализма в меньшей степени применяются к странам Запада, и с гораздо большей жесткостью и последовательностью проводятся по отношению к странам Азии, Латинской Америки и Африки. Так, целью ВТО является не столько помощь этим странам в развитии, сколько «поиск клиентов» на их рынках для сбыта товаров ТНК (р. 32). МВФ и ВБ во многом сформировались и расширили свои полномочия на функциях контроля за выплатой внешнего долга развивающимися странами, которым они же в значительной мере были обременены (*endebted*) извне (р. 36): «Экономическая история так называемых развивающихся стран есть не что иное как история их растущих долгов и неплатежеспособностей (*insolvencies*)» (р. 50).

В периферийных странах особенно остро разворачивается кризис того, что де Риверо называет «калифорнийской моделью», – то-есть рост гигантских городских агломераций, что ведет к обеднению значительных масс населения, растрате ресурсов (энергии, воды, продовольствия), загрязнению среды и негативным климатическим изменениям. Но кризисные явления такого типа характерны и для развитых стран.

Подавляющее большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки (не считая опять-таки немногих уже упомянутых «тигров») де Риверо считает или «нежизнеспособными», или не имеющими прочных перспектив на будущее. С этой точки зрения он выделяет четыре группы стран. Преобладают «нежизнеспособные» африканские и частично азиатские государства (в частности, Бангладеш, Бирма, Камбоджа, Йемен и др.). Вторая группа – страны «с инкубационными симптомами

нежизнеспособности» (Алжир, Боливия, Эквадор, Египет, Гватемала, Пакистан и др.). Третья группа – страны внешне более благополучные, но экспортирующие в основном сырье и низкотехнологичную продукцию (Мексика, Аргентина, Чили, Уругвай и некоторые другие). Наконец, в особую группу выделяются Китай, Индия и Бразилия, достигшие в последнее время немалых экономических успехов, но за счет повышенной эксплуатации трудящегося населения, ценой серьезных социальных и экологических проблем.

Автор оспаривает «варварский», по его выражению, культ ВВП как главный принятый сегодня критерий развития. Он ссылается на нобелевского лауреата Амартия Сена, который считает, что развитие определяется не ростом ВВП, а «убеждением людей в том, что они достигли самоуважения и ведут полноценную и достойную жизнь (are leading full and dignified lives)» (p. 118). Но даже если учитывать и фактор ВВП, нынешние страны мировой Периферии, за редким исключением, не подходят под категорию «развивающиеся». Скорее это – «выживающие» страны, и этот термин имеет смысл ввести в международную практику (p. 145).

Такое вот “mais” Освальдо де Риверо. Картина получилась мрачноватая и в плане негатива несколько преувеличенная. Хотя автор, будучи близок к миру международных организаций, пользовался их статистическими данными, все же он, к примеру, явно недооценил экономический прогресс, достигнутый Китаем, Индией и Бразилией, ежегодный рост которых был значительно выше 5%, каковые он положил разделительным рубежом между группами периферийных стран. Да и не сводится прогресс в этих странах лишь к цифрам экономического роста. Хотя откуда отнюдь не следует, что развитие указанных стран не сопряжено с крупными проблемами и издержками.

Иногда автор противоречит сам себе, когда незаметным образом переходит на критерии догоняющего развития. Так, он утверждает, что для достижения уровня Запада периферийным странам не хватает технологической модернизации и таких же «солидных демократических институтов» (p. 89-90). Но сейчас уже вполне ясно (наверное, и самому де Риверо), что демократические институты на Западе подвергаются эрозии (в том числе под воздействием «социального дарвинизма»), что и хай-тек не спасает от растущего социального неравенства, а также то, что культ потребительства, тон которому задает именно Запад, ведет к растрате мировых ресурсов и экологическим проблемам.

Тем не менее, основные беды современного мира, в том числе и в особенности развивающихся стран, автор фиксирует справедливо и весьма концентрированно. В этом, наверное, и состоит полезность его книги.

В.Г. Хорос

Экологические проблемы стран Азии и Африки. Под ред. Д.В. Стрельцова и Р.А. Алиева. М., Издательство МГИМО, 2012.

В коллективной монографии подготовленной сотрудниками кафедры международных комплексных проблем природопользования и экологии и кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД РФ, исследуется широкий спектр социально-экологических проблем стран Азии и Африки.

В книге рассмотрены ключевые аспекты экологического кризиса, среди которых – нехватка воды и истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, а так же вопросы, связанные с увеличением эмиссии парниковых газов. Отдельно анализируются социальные и экологические проблемы ряда крупных стран Востока - Китая, Индии, Пакистана и других. Раздел,

посвященный межгосударственным отношениям, включает в себя региональные экологические сюжеты, которые затрагивают интересы России. Среди них - проблемы экологического регулирования Каспийского бассейна, различные аспекты водного регулирования в арабском мире, вопросы предотвращения загрязнений трансграничных рек. Рядом авторов отдельно рассматривается тематика глобального изменения климата в применении к данной стране, региону.

Во введении, написанном Н.Г. Рогожиной и Д.В. Стрельцовым, устанавливаются рамки рассмотрения социально-экологических проблем, ставших объектом анализа в исследовании, дается общий обзор данной проблематики в применении к специфике соответствующих цивилизаций. Верно подмечена главная сложность перехода стран указанных регионов к экологически безопасному обществу - стремительное распространение ценностей "общества потребления" и экстенсивный путь экономического развития, взятый на вооружения господствующими элитами. Это путь, выдержанный в рамках порочной логики "прежде чем очищать среду, надо сначала стать грязными". В большинстве своем страны догоняющего развития повторяют сегодня экологические ошибки США и развитых европейских стран. В рассматриваемых регионах, в большинстве своем, густонаселенных, проживает значительное число бедняков, и именно они, как правило, более всего страдают от экологического кризиса. В этих условиях местные элиты часто жертвуют долгосрочными интересами своих народов ради краткосрочных экономических выгод. Поэтому переход на новую модель развития – экологически безопасную, ресурсосберегающую – приобретает особое значение.

В итоге, получилась едва ли не первая в нашей стране монография, где делается попытка не просто описать экологическую ситуацию, но и представить социально-политические аспекты соответствующих проблем двух больших регионов мира, который может быть воспринят и как осмысление процессов природоохраны развивающегося мира в целом. Авторы в большинстве своем постарались дать обзор состояния природоохранной отрасли и характеристику экологической политики в конкретных странах. Думается, работа еще больше бы удалась, если бы монография, предваряемая обширным введением, завершилась бы столь же вдумчивым, грамотным заключением, подводившим итоги работы и расставляющим завершающие акценты.

Монография рекомендуется студентам, в учебную программу которых входят курсы «Региональная экополитология», «Сравнительная экополитология», «Экологическая безопасность» и «Экологическая политика зарубежных стран». Работа так же представляет интерес для учащихся географических и иных факультетов, специализирующихся по разным направлениям экологии. В целом книга может быть полезна востоковедам, экологам, экономистам, политологам-международникам, а также в целом экспертно-аналитическому сообществу.

Е.И. Глушенкова

БИБЛИОГРАФИЯ

Аганбегян А.Г. Экономика России на распутье... . Выбор посткризисного пространства. М.: «АСТ» - «Астрель», 2010.

Азия и Африка в современной мировой политике. М.: ИМЭМО РАН, 2012.

Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития. М.: ИВ РАН, Институт Ближнего Востока, 2012.

Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей. М.: ИВ РАН, 2012.

Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

Видясова М. Ф. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политические наследие Хабиба Бургибы. Том II, Книга 2. М.: ИСАА МГУ, ИВ РАН, 2012.

Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше. Словакии и Чехии. Под ред. д.и.н. Л.Н. Шишелиной. М.: «Весь мир», 2011.

Евразия в поисках идентичности. Отв. ред. СП. Глинкина, Л.З. Зевин. М., С-Пб.: «Нестор-История», 2011, 256 с.

Европейский союз и региональные конфликты. Отв. ред. Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

Звягельская И. Д. История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012.

Иванов И.Д. Российские предприятия в открытой рыночной экономике. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2011.

Инновационная модернизация России. Политологические очерки. Под ред. Ю.А. Красина. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Казахстан – Россия: экономические и политические факторы стратегического партнерства. Шестая казахстанско-российская научно-практическая конференция. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2012.

Клинова М.В. Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах. (Институт мировой экономики и международных отношений РАН) М.: «Магистр», 2011.

Конышев В.Н., Сергунин А.А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? Под ред. И.В. Прокофьева. М.: Российский институт стратегических исследований, 2011.

Кудров В.М. Россия и мир: экономика России в мировом контексте. Изд. 2-е, испр. и доп. С-Пб.: «Алетейя», М.: НИУ ВШЭ, 2010.

Кудров В.М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. М.: Юстицинформ, 2011.

Лебедева М.М. Мировая политика. Учебник для бакалавров. М.: «КноРус», 2011.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы. (Учебное пособие для студентов вузов) А.Д. Богатуров, А.С.Дундич, В.Г. Коргун и др. Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: «Аспект Пресс», 2011.

Петров А.М. Международное экономическое общение в истории Востока. М.: «Ключ-С», 2010.

Примаков Е.М. Мысли вслух. М.: «Российская газета», 2011.

Примаков Е. М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI). М.: «Российская газета», 2012.

Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози. М.: «Международные отношения», 2011.

Стратегический глобальный прогноз - 2030. Под ред. академика А.А. Дынкина. (ИМЭМО РАН) М.: «Магистр», 2011.

Трофимова О.Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

Уразова Е.И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М.: ИВ РАН, 2012.

Экономика Европейского союза. Учебник. Под ред. Р.К. Щенина. М.: «КноРус», 2012.

Экономическая инфраструктура стран Африки. Ответственный редактор Е.В. Морозенская. М.: ИАФР РАН, 2012.

R. Baldwin. R. Furslid. P. Martin. Economic Geography and Public Policy. Princeton University Press.,2011.

Brzezinski Z. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. N.Y.: Basic Group, 2012.

Kupchan Ch. A. No One's World. The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. A CFR Book. Oxford University Press: 2012.

Leyshon A., Sunlev R. Lee, P. The SAGE Handbook of Economic Geography. L.: SAGE Publication, 2011.

Olcott M. B. In the Whirlwind of Jihad. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2012.

Rashid A. Pakistan on the Brink. The Future of America, Pakistan, and Afghanistan. L.: Viking, 2012.

Russia in a Polycentric World/ A. A. Dynkin and N. Ivanova, Eds. Moscow: Ves Mir Publishers, 2012.

The Handbook of Evolutionary Economic Geography. R. Boschma. R. Martin (eds). Cheltenham, "Edward Elgar", 2011.

The Handbook of Regional Innovation and Growth. P. Cooke, B. Asheim, R. Boschma, R. Martin, D. Schwartz and F. Todtling (eds). Cheltenham, "Edward Elgar". 2011.

ХРОНОЛОГИЯ 2012. ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ГОДА

Малийский кризис, начавшийся как очередной мятеж туарегов, но с захватом севера Мали исламистскими группировками приобретший новое качество и масштабы, что угрожает дестабилизацией ситуации в странах сахаро-сахельской зоны; СБ ООН берет под свою эгиду международную миротворческую миссию в Мали (январь 2012 г. по настоящее время).

Седьмая сессия Парламентского союза Организации исламского сотрудничества (на о. Суматра), которая обсуждала вопрос о соблюдении гражданских прав в исламском мире и на которой обозначились претензии Индонезии на место ведущей державы исламского сообщества (январь).

Избрание В.В. Путина в третий раз президентом Российской Федерации (март).

Саммит БРИКС в Дели, принявший совместную Декларацию, в которой выражено убеждение в необходимости существенной реорганизации мировой финансовой архитектуры (март).

Довыборы в парламент Мьянмы, в которых впервые приняла участие лидер оппозиции лауреат Нобелевской премии мира Аун Сан Су Чжи, просидевшая под домашним арестом 15 лет (апрель).

Избрание лидера социалистической партии Ф. Олланда президентом Франции, опередившего бывшего президента Н. Саркози (май).

Саммит G-20, констатирующий, что Европа превращается средоточие мировых рисков (май).

Победа на президентских выборах в Египте Мохаммеда Мурси и «Братьев-мусульман», что, однако, не стало фактором прекращения политического раскола в стране (май-июнь).

Саммит ЕС, предложивший «дорожную карту» укрепления европейской интеграции на среднесрочный период (июнь).

Совещание в Швейцарии «группы действий» по Сирии, в котором участники – генеральные секретари ООН и Лиги арабских государств, члены Совета безопасности ООН, министры иностранных дел соседних с Сирией государств приняли так называемое «Женевское коммюнике», в котором заявлялось о необходимости «прекращения милитаризации конфликта» и урегулировании его политическими средствами (июнь).

Саммит «Рио +20» по мировым проблемам окружающей среды в Рио-де-Жанейро, на котором, несмотря на весьма представительный и широкий состав участников, не удалось заметно продвинуться по решению задач устойчивого развития и Киотского процесса (июнь).

Избрание президентом Индии Пранаба Мукерджи, что, по мнению политических аналитиков, может означать расширение президентских полномочий в системе национальной власти, в частности, в сфере выработки внешнеполитических решений (июль).

Вступление в силу протокола о присоединении России к Всемирной торговой организации (август).

16-й саммит Движения неприсоединения, объединяющего более 120 стран, в Тегеране при участии генсека ООН Пак Ги Муна, ключевыми темами которого стали иранская ядерная программа и урегулирование конфликта в Сирии (август).

Саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) под председательством России во Владивостоке (сентябрь).

Форум в Риме, посвященный перспективам взаимодействия Таможенного союза и шире – Единого экономического союза / Евразийского союза с Евросоюзом, который стоит в ряду переговоров членов Евразийского экономического объединения с Вьетнамом, Новой Зеландией и другими странами, что означает признание состоятельности Таможенного союза на международной арене и создает предпосылки для его полноценного включения в мировую торгово-экономическую среду. Таким образом, евразийская интеграция приобретает не только региональный, но и глобальный характер (сентябрь).

Победа Уго Чавеса на президентских выборах в Венесуэле, которой он, однако, не смог воспользоваться ввиду тяжелой болезни и последовавшего, в конце концов, ухода из жизни (октябрь).

Парламентские выборы в Грузии, приведшие к власти оппозиционную коалицию во главе с Б. Иванишвили и существенно ослабившие позиции президента М. Саакашвили (октябрь).

Парламентские выборы на Украине, на которых выявилось углубление кризиса сложившейся за последнее десятилетие партийно-политической системы в стране (октябрь).

Израильская военная операция «Облачный столп» в секторе Газа, целью которой стало уничтожение военной инфраструктуры правящего в Газе движения ХАМАС и предотвращение ракетных обстрелов территории Израиля (ноябрь).

Предоставление Палестине статуса наблюдателя в ООН и признание Генеральной Ассамблеей ООН Палестины государством-наблюдателем при организации (ноябрь).

Утверждение конституционной комиссией Египта проекта новой конституции, которая расширяет права исламского духовенства, предоставляя ему возможность вмешиваться в процесс принятия законов (ноябрь).

18-й съезд Коммунистической партии Китая, на котором состоялся запланированный приход к власти новых лидеров страны Си Цзиньпина и Ли Кэцзяна и принято решение о коррекции действовавшей до сих пор экономической модели развития,

что связано с необходимостью решения возникших проблем – социальных, экологических, и др. (ноябрь).

Согласие Турции на размещение на своей территории на границе с Сирией ракетных комплексов «Пэтриот», которые могут быть направлены не только против Сирии, но и Ирана (декабрь).

Визит президента РФ В. В. Путина в Турцию, в ходе которого был рассмотрен ряд вопросов торгово-экономического сотрудничества и сделана попытка урегулировать российско-турецкие разногласия из-за сирийского конфликта (декабрь).

Первый раунд всенародного референдума в Египте по новой конституции, которую одобрило 56% населения. Результатом второго раунда явилось принятие конституции, которая вступила в силу после подписания Основного закона страны президентом М. Мурси.

Саммит ЕС с подписанием соглашения о создании общеевропейского банковского союза (декабрь).

Официальный визит президента РФ В. В. Путина в Индию, где по итогам переговоров с Премьер-министром Индии М. Сингхом был подписан пакет документов о российско-индийском сотрудничестве в сфере экономики, науки, технологий и гуманитарных контактов; был также подписан протокол о консультациях между министерствами иностранных дел двух стран на 2013–2014 годы.

Принятие очередного, 12-ого пятилетнего плана национального развития Индии, главной идеей которого объявлено так называемое «включенное развитие» (Inclusive development), то есть борьба с бедностью и вовлечение социальных низов в процесс развития (декабрь).

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Д.Б.	к.полит.н.,	н.с.	(ИМЭМО РАН)
Авилова А.В.	к.э.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Акимов А.В.	д.э.н.,	проф.	(ИБ РАН)
Брагина Е.А.	д.э.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Братерский М.В.	д.полит.н.,	проф.	(НИУ-ВШЭ)
Виноградов А.В.	д.полит.н.,	гл.н.с.	(ИДВ РАН)
Володин А.Г.	д.и.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Володина М.А.	к.и.н.,	м.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Глушенкова Е.И.	к.полит.н.,	ст.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Канаев Е.А.	д.и.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Крылов А.Б.	д.и.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Куклина И.Н.	д.полит.н.	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Лебедева Э. Е.	к.и.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Лунев С.И.	д.и.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Малышева Д.Б.	д.полит.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Мирский Г.И.	д.и.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Попов Э.А.	д.филос.н.,	рук. Центра	(РИСИ) (Ростов-на-Дону).
Прозоровский А.С.	к.полит.н.,	н.с.	(ИМЭМО РАН)
Рогожин А.А.	к.э.н.,	зав. сектором	(ИМЭМО РАН)
Рогожина Н.Г.	д.полит.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Рубинский Ю.И.	д.и.н.,	рук. Центра	(Институт Европы РАН)
Салицкий А.И.	д.э.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Симонова Л.Н.	к.э.н.,	вед.н.с.	(ИЛА РАН)
Скороходова Н.П.	к.и.н.	н.с.	(ИМЭМО РАН)
Суслов Д.В.		ст. преп.	(НИУ-ВШЭ)
Таций В.В.		Вице-президент ОАО «Газпромбанк»	
Умнов А.Ю.	к.и.н.,	ст.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Урляпов В.Ф.	к.и.н.,	ст.н.с.	(ИБ РАН)
Федоровский А.Н.	д.э.н.,	зав. сектором	(ИМЭМО РАН)
Филатов С.Ф.		обозреватель ж-а «Международная жизнь»	
Хорос В.Г.	д.и.н.,	рук. Центра	(ИМЭМО РАН)
Чуфрин Г.И.	д.э.н.,	член-корр. РАН	(ИМЭМО РАН)